

Лоуренс, Томас Эдвард. Семь столпов мудрости

Посвящается С. А.

Я любил тебя и потому взял в руки людские волны
и волю свою написал во все небо среди звезд,
чтобы стать достойным тебя, Свобода,
гордый дом о семи столбах, чтоб глаза могли воссиять,
когда мы придем к тебе.
Смерть, казалось, была мне служанкой в пути,
пока еще не дошли;
ты нас ожидала с улыбкою на устах,
но тогда в черной зависти смерть обогнала меня,
забрав тебя прочь, в тишину.
Любовь, утомившись идти, нашла твое тело на миг,
безысходное это касанье во тьме нам было наградой,
пока нежная длань земли твои черты не узнала;
и вот ты стала поживой безглазым червям.
Люди просили возвысить наш труд, воздвигнуть
памятник нашей любви,
но его я разрушил, едва начав; и теперь
из нор выползают мелкие твари, спеша укрыться
в тени твоего оскверненного дара.

От автора

Мистер Джеффри Доусон убедил колледж Олл-Соулз предоставить мне в 1919—1920 годах отпуск, с тем чтобы я написал об арабском восстании. Сэр Герберт Бейкер позволил мне поселиться и работать у него в Вестминстере.

В 1921 году был отпечатан сигнальный экземпляр этой книги, и ей посчастливилось стать объектом критики со стороны моих друзей. Я особенно благодарен мистеру и миссис Бернард Шоу за многочисленные и разнообразные, неизменно ценные советы и замечания, в частности, касательно употребления точки с запятой.

Эта книга не претендует на беспристрастность. Прошу рассматривать ее как заметки сугубо личного свойства, основанные на отдельных воспоминаниях. Я не имел возможности делать сколько-нибудь систематические записи: если бы я бесстрастно собирал гербарий впечатлений, в то время как арабы сражались, это стало бы изменой моему долгу перед ними. Любой из моих старших начальников, будь то Уилсон, Доуни, Ньюкомб или Дэвенпорт, мог бы сказать то же самое. В равной мере это относится к Стерлингу, Янгу, Ллойд и Мейнард, или к Бакстону и Уин-тертону, или же к Россу, Стенту и Сиддонсу, Пику, Хорн-би, Скотт-Хиггинсу и Гарланду, к Уорди, Беннету и Мак-Индоу, к Бассету, Скотту, Гослетту, Буду и Грею, к Хин-ду, Спенсу и Брайту, к Броуди и Паско, Гилмену и Гри-зентуэйту, Гринхиллу, Доусетту и Уэйду, к Гендерсону, Лисону, Мейкинсу и Нанену.

Было много других офицеров и простых солдат, кому это очень личное повествование могло бы показаться недостаточно объективным. Разумеется, еще менее беспристрастным, как, впрочем, и любые рассказы о войне, его сочтут многочисленные безымянные воины, потерявшие веру, — что неизбежно, покуда они сами не возьмутся описать пережитое.

Крэнзуэлл, 15 августа 1926 года.

Т. Э. Ш.

Предисловие А. У. Лоуренса

Семь столпов мудрости впервые упоминаются в Библии, в книге Притчей Соломоновых (IX, 1): «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его».

Первоначально такое название автор дал своей книге о семи городах. Эту свою первую книгу он решил не издавать, сочтя ее незрелой, но в память о ней сохранил название.

Для тех, кто приобрел или же получил в подарок книгу издания 1926 года, мой брат выпустил брошюру в четыре листа под названием НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ НАПИСАНИЯ «СЕМИ СТОЛПОВ МУДРОСТИ» АВТОРОМ ЭТОЙ КНИГИ Т. Э. ШОУ. Она содержит следующую информацию:

РУКОПИСИ

Текст I

Книги 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 10-ю я написал в Париже в период между февралем и июнем 1919 года. Введение было написано на пути из Парижа в Египет во время моей поездки в Каир через Хэндли-Пэйдж в июле и августе 1919 года. После этого, уже в Англии, я написал книгу 1-ю. А потом при пересадке с одного поезда на другой на железнодорожном вокзале потерял все за исключением введения и планов книги 9-й и 10-й. Это случилось в пред рождественские дни 1919 года.

Объем текста I в законченном виде должен был составить 250 000 слов, несколько меньше напечатанного. Мои заметки военного времени, на которых она и была в основном построена, уничтожились после завершения каждого раздела. До того как я потерял этот текст, большую часть его прочли всего три человека.

Текст II

Месяцем позднее или около того я принялся записывать все, что удавалось вспомнить из первого текста. Разумеется, у меня по-прежнему было первоначальное введение. Другие десять книг я восстановил меньше чем за три месяца, подолгу не вставая из-за стола и выдавая за один прием по несколько тысяч слов. Так, книга 6-я была написана от начала до конца между двумя восходами солнца. Стил, естественно, был достаточно небрежным. Таким образом, текст II (хотя в него и было включено несколько новых эпизодов) достиг объема 400 000 слов. Я правил его в течение всего 1920 года, проверяя изложение событий по подшивкам «Эреб булетин», а также сверяя его с записями в двух дневниках и с некоторыми уцелевшими полевыми заметками. Этот текст, будучи безнадежно скверным по стилю, оказался достаточно полным и точным. Однако он весь, за исключением всего одной страницы, был сожжен мною в 1922 году.

Текст III

Положив перед собою на стол текст II, я приступил в Лондоне к написанию текста III и работал над ним в Джидде и Аммане в 1921 году, затем в Лондоне до февраля 1922 года. Он был составлен предельно тщательно. Рукопись эта существует и поныне. Ее объем составляет почти 330 000 слов.

ТЕКСТЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ

Оксфорд, 1922

Хотя законченный текст III повествования казался мне все еще достаточно сырым и не удовлетворял меня, тем не менее, из соображений безопасности, в первом квартале 1922 года он был напечатан в таком виде в Оксфорде персоналом газеты «Оксфорд тайме». Поскольку требовалось всего восемь экземпляров, а объем книги был очень велик, предпочтение было отдано не машинописному варианту, а типографическому оттиску указанного ограниченного тиража. До настоящего времени (апрель 1927 г.) все еще существуют пять экземпляров (переплетенных в виде книги для удобства тех бывших офицеров Хиджазского экспедиционного корпуса, которые по моей просьбе согласились ее прочесть и высказать свои критические замечания).

Текст I, предназначенный для распространения по подписке

Этот текст, выпущенный для подписчиков в декабре 1926 и январе 1927 годов, представлял собою исправленный вариант оксфордских листов 1922 года. Он был сокращен (в результате чисто литературного упорядочения) в 1923—1924 годах (Королевский танковый корпус) и в 1925—1926 годах (Королевские военно-воздушные силы), чему я урывками посвящал свои свободные вечера. Люди, делающие первые шаги в литературе, склонны оперировать горсткой прилагательных для описания того, что они хотят рассказать читателю, но к 1924 году я уже получил первые уроки писательского ремесла, и мне все чаще удавалось делать из двух или трех своих фраз 1921 года всего одну.

Было всего четыре исключения из этого правила сокращения текста.

Один эпизод, занимавший меньше одной страницы, был исключен, поскольку двое старших коллег сочли его неприятным и необязательным.

II. Изменение коснулось двух действующих лиц-англичан; упоминание об одном из них было снято, поскольку не было смысла в доме повешенного говорить о веревке, а второму по прямой просьбе была дана другая фамилия, так как описанное мною по наивности как недовольство воспринималось как двусмысленность одним авторитетным лицом, имевшим полное право судить об этом.

III. Опущена одна глава введения. Мой лучший критик убедил меня в том, что она написана намного хуже всего остального.

IV. Книга 8-я, задуманная как некая «грань» между относительной «возбужденностью» книги 7-й и книгой 9-й об окончательном наступлении на Дамаск, была сокращена примерно на 10 000 слов. Кое-кто из читавших оксфордский текст жаловался на чрезмерную скуку этой вставки, и по размышлении я согласился с ними.

В результате этого снятия трех процентов объема и сокращения остального оксфордского текста было достигнуто сокращение на 15 процентов, и объем текста для подписчиков сведен всего к 280 000 слов. Он динамичнее и острее «оксфордского» текста и мог бы быть доведен до еще большего совершенства, будь у меня время на его дальнейшую доработку.

«Семь столпов» были напечатаны и сброшюрованы так, что никто, кроме меня, не знал, сколько выпущено экземпляров книги. Я предпочел сохранить эту информацию в тайне. Газеты писали о

тираже в 107 экземпляров, что можно легко опровергнуть, поскольку одних подписчиков было больше 107. Кроме того, я роздал если и не столько экземпляров, сколько у меня было, то сколько смогли выделить мои банкиры тем, кто разделил со мной арабскую кампанию или реально участвовал в создании книги.

ИЗДАНИЕ ТЕКСТОВ

Нью-йоркский текст

Оттиск текста для подписчиков был отправлен в Нью-Йорк и там перепечатан издательской фирмой «Джордж Доурен пубблишинг компани». Это было необходимо для обеспечения авторского права на «Семь столпов» в США. Десять экземпляров были переданы для продажи по цене достаточно высокой, чтобы исключить возможность того, что их когда-нибудь купят. При моей жизни других изданий «Семи столпов» не было.

«Восстание в пустыне»

Объем этого сокращенного издания «Семи столпов» составляет около 130 000 слов. Оно было подготовлено мною в 1926 году с минимальными изменениями (может быть, добавлены всего три новых абзаца), обеспечивавшими преемственность смысла и последовательность изложения. Его части печатались с продолжением в «Дейли телеграф» в декабре 1926 года. Целиком книга была издана в Англии издательством «Джонатан Кейп» и в США «Дореном» – в марте 1927 года.

Введение

Предпосылки арабского восстания

Главы с 1 по 7. Некоторые англичане, чьим лидером был Китченер, верили, что восстание арабов против турок позволит Англии, воевавшей с Германией, одновременно разгромить ее союзницу Турцию.

Имевшиеся сведения о характере, организации власти арабских племен, а также о природных условиях территорий, которые они населяли, позволили считать, что исход такого восстания будет для них счастливым, и определили стратегию и тактику.

И они сделали все необходимое для того, чтобы такое восстание началось, заручившись формальными заверениями о помощи со стороны британского правительства. Тем не менее восстание шерифа Мекки оказалось для большинства полной неожиданностью и застало врасплох неподготовленных союзников. Оно породило смешанные чувства и вызвало четкое разделение на друзей и врагов, чьи взаимные подозрительность и ревность с самого начала стали угрожать провалом операции.

Глава 1

Некоторые досадные огрехи этого повествования я не могу считать ничем иным, как естественным следствием необычных обстоятельств. Мы годами жили как придется, один на один с голой пустыней, под глубоко равнодушным к людским судьбам небосводом. Днем нас прожигало до костей пылающее солнце, соревновавшееся с сухим, раскаленным, пронизывающим ветром. Ночами мы дрожали от холодной росы, остро переживая свою ничтожность, ибо на мысли о ней не мог не наводить бесконечно глубокий, почти черный купол неба с мириадами мерцающих, словно объятых каждая собственным безмолвием, звезд. Мы – это занятая самою собою, словно всеми позабытая армия, без парадов и муштры, жертвенно преданная идее свободы, этого второго символа веры человека, всепоглощающей цели, вобравшей в себя все наши силы. Свободы – и надежды, в чьем божественном сиянии меркли, стирались прежние, казавшиеся такими высокими, а на деле порожденные одним лишь честолюбием стремления.

С течением времени настойчивая потребность бороться за это идеал превращалась в бескомпромиссную одержимость, возобладавшую над всеми нашими сомнениями – подобно тому, как всадник-бедуин уздой и шпорами укрощает дикого коня. И независимо от нас самих он стал верой. Мы продались ему в рабство, сковали себя некоей общей цепью, обрекли на служение его святости всем, что было в нас хорошего и дурного. Дух рабства ужасен, он крадет у человека весь мир. И мы отдались не только телом, но и душой неутолимой жажде победы. Мы добровольно отреклись от морали, от личности, наконец от ответственности, уподобившись сухим листьям, гонимым ветром.

Нескончаемая битва притупила в нас заботу о своей и о чужой жизни. Мы равнодушно терпели петлю на своей шее, а цена, назначенная за наши головы, красноречиво говорила об ожидавших нас страшных пытках, если нас схватят враги, но не производила на нас большого впечатления. Каждый день уносил кого-нибудь, а оставшиеся в живых понимали, что они не больше, чем мыслящие куклы в театре Господа Бога. Действительно, наш Надсмотрщик был жесток, безжалостен, пока израненные ноги могли хоть как-то нести нас вперед. Слабые завидовали тем, чья усталость приговаривала их к смерти, ибо успех виделся таким далеким, а поражение таким близким и неизбежным, таким надежным избавлением от тягот. Мы постоянно жили то в напряжении, то в упадке; то на гребне волны чувств, то накрываемые их пучиной. Нам была горька эта наша беспомощность, оставлявшая

силы жить только для того, чтобы видеть горизонт. Нам, равнодушным ко злу, которое мы навлекали на других или испытывали на себе, казалось зыбким даже ощущение физического бытия; да и само бытие стало эфемерным. Вспышки бессмысленной жестокости, извращения, вожделение – все было настолько поверхностным, что совершенно нас не волновало: законы нравственности, казалось бы, призванные ограждать человека от этих напастей, обернулись невнятными сентенциями. Мы усвоили, что боль может быть нестерпимо остра, печали слишком глубоки, а экстаз слишком возвышен для наших бранных тел, чтобы всерьез обо всем этом думать.

Когда чувства поднимались до этой отметки, ум погружался в ступор, а память затуманивалась в ожидании того, когда рутина наконец преодолеет эти неоправданные отклонения.

Эта экзальтация мысли, оставляя дух плыть по течению и потворствуя каким-то странностям, лишала старого пациента власти над своим телом, была слишком груба, чтобы отзываться на самые возвышенные страдания и радости. Поэтому мы отказывались от своего мыслящего подобия, как от старого хлама: мы оставляли его где-то ниже нас – предоставленное самому себе, лишенное помощи, беззащитное перед влияниями, от которых в иное время замерли бы наши инстинкты. Мы были молоды и здоровы: горячая кровь неуправляемо заявляла о своих правах, терзая низ живота какой-то странной ломотой. Лишения и опасности распяляли этот жар, а невообразимо мучительный климат пустыни лишь подливал масла в огонь. Нигде вокруг не было места, где можно было бы уединиться, как не было и плотных одежд, которые прикрывали бы наше естество. Мужчина открыто жил с женщиной во всех смыслах этого слова.

Араб по природе своей целомудрен, а давний обычай многоженства почти искоренил внебрачные связи в племенах аборигенов. Публичные женщины в редких селениях, встречающихся на нашем пути за долгие месяцы скитаний, были бы каплей в море, даже если бы их изношенная плоть заинтересовала кого-то из массы изголодавшихся здоровых мужчин. В ужасе от перспективы такой омерзительной торговой сделки наши юноши стали бестрепетно удовлетворять незамысловатые взаимные потребности, не подвергая убийственной опасности свои тела. Такой холодный практицизм в сравнении с более нормальной процедурой представлялся лишенным всякой сексуальности, даже чистым. Со временем многие стали если не одобрять, то оправдывать эти стерильные связи, и можно было ручаться, что друзья, трепетавшие вдвоем на податливом песке со сплетенными в экстатическом объятии горячими конечностями, находили в темноте некий чувственный эквивалент придуманной страсти, сплавлявший души и умы в едином воспламеняющем порыве. Другие в жадном стремлении покарать себя за похоть, которую не в силах были обуздать в какой-то дикой гордыне, исступленно предавались любым разрушительным привычкам, сулившим им наслаждение физической болью или вызывающей непристойностью.

Меня, чужестранца, не способного ни мыслить как они, ни разделять их чаяния, но исполненного чувства долга, послали к этим арабам, чтобы вести их вперед, поддерживая и развивая в них все, что было на пользу Англии в войне, которую она вела. Но если мне не было дано постигнуть их нравы и характер, то единственное, что мне оставалось, – скрывать свои собственные, избегая тем самым трений в общении с ними, не вызывая разногласий и не подвергаясь критике, но вместе с тем упорно расширяя свое негласное влияние. Разделяя тяготы их жизни, я стал для них своим, и не мне быть их апологетом или адвокатом. Теперь, сменив экзотические одежды людей песчаной пустыни на свой старый пиджак, я, казалось бы, вполне могу довольствоваться ролью стороннего наблюдателя событий, покорного вкусам театра нашей жизни... но честнее будет письменно засвидетельствовать, что тогдашние идеи и события развивались естественным путем. То, что сейчас представляется бессмыслицей или садизмом, в походе или сражении казалось либо неизбежным, либо не заслуживающим внимания.

Руки у нас постоянно были в крови, и нам дано было право на это. Мы ранили и убивали людей, едва ли испытывая угрызения совести, – столь недолговечна, столь уязвима была наша собственная жизнь. Скорбная реальность такого существования предопределяла безжалостность возмездия. Мы жили одним днем и принимали смерть, не задумываясь о завтрашнем. Когда появились причина и желание карать, мы вписывали в историю свои уроки орудийными залпами или же просто вырезали непокорных, попавших нам под руку. Пустыня не приспособлена для изощренных, медлительных судебных процессов, и там нет тюрем, куда можно было бы посадить по приговору этих судов.

Разумеется, награды и удовольствия обрушивались на нас столь же неожиданно, как неприятности, но по крайней мере для меня они имели меньшее значение. Бедуинские тропы тяжелы даже для тех, кто вырос в пустыне, а для иностранцев просто ужасны: это настоящая смерть заживо. Когда приходил конец какому-либо переходу или работе, у меня не оставалось сил ни для того, чтобы записать свои ощущения, ни для того, чтобы в редкие минуты досуга полюбоваться возвышенным очарованием пустыни, порой нисходившим на нас в наших странствиях. Красоты в моих заметках отступали перед жестокостью. Мы, несомненно, больше радовались редким мирным передышкам и возможности ни о чем не думать, но сейчас мне вспоминаются скорее ярость сражений, смертельный страх и роковые ошибки. Жизнь наша не сводилась к тому, что вы прочли (есть и такое, о чем говорить хладнокровно просто стыдно), но написал я о том, что в ней действительно было, и о ней самой. Дай Бог, чтобы люди, читающие это повествование, не пустились из ложного романтизма и

страсти к неведомому проституировать, на службе другому народу.

Тот, кто отдается в собственность иноземцам, уподобляется иеху из свифтовского «Путешествия Гулливера», продавшему свою душу тирану. Но человек – не бессмысленная тварь. Он может восстать против них, убеждая себя, что на него возложена некая особая миссия; критиковать их, стремясь превратить в нечто, чем без него, руководствуясь собственными желаниями, они никогда не захотели бы стать. Тогда он мобилизует весь свой прежний опыт, чтобы оторвать их от родной среды. Или же, как случилось со мной, подражает им во всем настолько естественно, что они в свою очередь начинают подражать ему. И тогда, претендуя на место в их среде, он отходит от своей собственной, но претензии эти пусты и совершенно несостоятельны. Ни в том, ни в другом случае он не волен сделать ничего стоящего, ничего такого, что можно было бы по праву назвать его собственным поступком (если, конечно, не думать об обращении в иную веру), предоставляя им возможность на основании этого молчаливого примера решать, что делать или как реагировать на происходящее.

В моем случае попытка годами жить в арабском обличье, вжиться в образ мыслей арабов стоила мне моего английского «я» и позволила совершенно иными глазами увидеть Запад и нормы его жизни. Мое представление о нем разрушилось без следа. В то же время я был бы не вполне искренен, если бы стал утверждать, что готов влезть без остатка в шкуру араба. Это была бы чистая аффектация. Человека нетрудно сделать неверующим, обратить же в другую веру куда сложнее. Я утратил одно обличье и не обрел другого, уподобившись гробу Мухаммеда из нашей легенды, обрекшись глубокому одиночеству и чувству презрение – нет, не к людям, – а ко всему тому, что они творят. Такая отстраненность порой настигает человека, опустошенного долгим физическим трудом и продолжительной изоляцией. Его тело продолжает машинально двигаться, а рассудок словно покидает его и критически созерцает из ниоткуда, дивясь тому, что наделало это трухлявое бревно и зачем. Иногда все лучшее, что есть в таких людях, превращается в пустоту, а там недалеко и до умопомешательства, и я верю, что такое может постигнуть человека, попытавшегося смотреть на вещи сквозь призму сразу двух образов жизни, двух систем воспитания, двух сред обитания.

Глава 2

Первой трудностью в понимании сути арабского Движения было определить, кто же все-таки они такие, эти арабы. Название этого «синтезированного» народа год за годом, медленно, но неуклонно меняло свой смысл. Когда-то арабом называли просто аравийца: была страна, которая звалась Аравией. Однако сути проблемы такая связь не раскрыла. Существовал язык, который называли арабским, и именно он в данном случае является критерием оценки. Это был язык, на котором говорили Сирия и Палестина, Месопотамия, а также население большого полуострова, именовавшегося на географических картах Аравийским. До арабских завоеваний эти области населяли разные народы, говорившие на языках арабской семьи. Мы называем их семитскими, но (как бывает с большинством научных терминов) это неправильно. Однако арабский, ассирийский, вавилонский, финикийский, древнееврейский, арамейский и сирийский языки были тесно взаимосвязаны, и сведения об их взаимном влиянии, даже об общем происхождении, подтверждаются нашим знанием. Если облик и обычаи разных арабоязычных народов Азии имеют оттенки, подобные мелким различиям между головками мака, которым засеяно обширное поле, то в основных чертах они очень сходны. Их можно было бы с полным правом назвать братьями, – братьями, осознавшими, порой на горьком опыте, свое родство.

Области Азии с арабоязычным населением занимали территорию, очертания которой приближались к параллелограмму. Его северная сторона простиралась от Александретты на Средиземном море, через Месопотамию, на восток к Тигру. Южной стороной был берег Индийского океана от Адена до Маската. На западе эта территория граничила со Средиземным морем, Суэцким каналом и Красным морем и простиралась до Адена. На востоке ее границей были Тигр и берег Персидского залива до Маската. Эта территория, по площади равная всей Индии, была родиной тех, кого мы называем семитами, и на ней так никогда и не осели никакие другие племена, хотя египтяне, хетты, филистимляне, персы, греки, римляне, турки и франки неоднократно пытались это сделать. Все они в конечном счете оказывались разбиты, а их рассеянные представители-одиночки тонули в массе прочно сцементированной семитской расы. Семиты порой и сами делали набег за пределы этой зоны и, в свою очередь, терялись в чужом для них внешнем мире. Египет, Алжир, Марокко, Мальта, Сицилия, Испания. Сицилия и Франция либо поглощали, либо изгоняли семитских поселенцев. Только в африканском Триполи да в вечном чуде еврейства дальние родственники семитов получили какое-то признание и обрели опору.

Происхождение этих народов остается академической проблемой, но для выяснения истоков их восстания важно понимать сущность тогдашних социальных и политических различий между ними, которые нельзя оценить, не обращаясь к географии. Их массив объединял ряд крупных регионов, большие физико-географические различия между которыми определили различия в образе жизни населявших их народов. На западе этот параллелограмм на пространстве от Александретты до

Адена ограничен гористым поясом, именованным на севере Сирией, который, постепенно опускаясь к югу, последовательно назывался Палестиной, Ми-дианом, Хиджазом и наконец Йеменом. Средняя высота этого пояса над уровнем моря составляет, вероятно, тысячи три футов, с пиками – от десяти до двенадцати тысяч. Он обращен на запад – обильно орошается дождями, обволакивается туманом с моря и плотно заселен.

Южный край параллелограмма образует другая гряда гор, в противоположность первой – необитаемых. Граница его начиналась на наносной равнине, именуемой Месопотамией, южнее Басры переходившей в прибрежное плоскогорье Кувейта и Хасы, до Катара. Большая часть этой равнины заселена. Необитаемые горы и равнины окаймляют безводную пустыню, в сердце которой лежит архипелаг богатых водой густонаселенных оазисов Касема и Арида. Эта группа оазисов была истинным центром Аравии, колыбелью ее самобытного духа и наиболее ярко выраженной индивидуальностью. Пустыня охватывает базисы со всех сторон, делая их абсолютно недоступными для контактов. Сама пустыня, выполнявшая эту важную охранную функцию вокруг оазисов и тем самым определявшая характер всей Аравии, однородна. К югу от оазисов это море непроходимого песка, простирающееся почти до густонаселенного обрывистого побережья Индийского океана, отгораживавшего его от истории арабов и от всякого влияния арабской морали и политики. Хадрамаут, как тогда называли это северное побережье, был объектом истории Голландской Ост-Индии и тяготел скорее к Яве, нежели к Аравии. К западу от оазисов, между ними и горами Хиджаза лежит пустыня Неджд – царство гравия и вулканической лавы, кое-где смешанных с песком. К востоку от этих оазисов, между ними и Кувейтом, расстилается так же усыпанное гравием пространство, но с довольно протяженными участками мягкого песка, делавшего труднопроходимыми проложенные здесь дороги. К северу от оазисов лежал пояс песков, а за ним – гигантская равнина из гравия и лавы, заполнявшая все пространство между восточной частью Сирии и отмелями Евфрата, с которых начиналась Месопотамия. Проходимость этой северной пустыни для людей и автомобильной техники позволила арабскому восстанию добиться легкого успеха.

Горы запада и равнины востока всегда были самыми густонаселенными и деятельными частями Аравии. В частности, на западе горы Сирии и Палестины, Хиджаза и Йемена то и дело оказывались втянуты в орбиту европейской жизни и политики. Этнически эти плодородные, процветающие горы тяготели к Европе, а не к Азии, совершенно так же, как арабы всегда смотрели в сторону Средиземного моря, а не Индийского океана, руководствуясь как своими культурными предпочтениями, так и предпринимательскими интересами, а в особенности экспансионистскими устремлениями, поскольку проблема миграции была в Аравии самой крупной и самой сложной движущей силой, имеющей для нее всеобщее значение. Однако в разных арабских регионах она могла проявляться по-разному.

На севере (Сирия) рождаемость в городах была низкой, а смертность высокой из-за антисанитарии и беспокойной жизни, которую вело большинство населения. Вследствие этого чрезмерные массы крестьян устремлялись в города и поглощались ими. В Ливане, где санитарные условия жизни находились на более высоком уровне, имел место еще больший ежегодный отток молодежи в Америку, что грозило (впервые после эллинской эпохи) изменить облик всей области.

В Йемене дело обстояло иначе. Там не было внешней торговли и отсутствовала изобиловавшая рабочими местами промышленность, которая могла бы создавать скопления населения во вредных для здоровья местах. Таким образом, города оставались исключительно торговыми и по уровню экологии и простоте уклада жизни были сравнимы с обычными деревнями. Поэтому численность населения там медленно, но неуклонно увеличивалась; уровень жизни опустился очень низко, и повсеместно давала о себе знать перенаселенность. Йеменцы не могли эмигрировать за моря. Судан был еще хуже, чем Аравия, и немногочисленным родам, отважившимся отправиться туда, чтобы получить право на существование, пришлось радикально менять образ жизни и отказываться от своей культуры. Они не могли двигаться на север, вдоль горной гряды: этот путь преграждали священный город Мекка и ее порт Джид-да; пояс чужестранцев постоянно подпитывался переселенцами из Индии, с Явы, из Бухары и из Африки, весьма жизнеспособными, крайне враждебными семитскому национальному самосознанию и поддерживаемыми вопреки экономическим, географическим и климатическим соображениям искусственным фактором мировой религии. Поэтому перенаселенность Йемена становилась экстремальной, и единственный выход виделся на востоке, в виде захвата силой более слабых общин на его границе, все ниже и ниже по горным склонам вдоль Видиана, полупустынного района крупных водоносных долин Виши, Дауасири, Раньи и Тарабы, текущих в пустыни Неджда. Этим слабым кланам постоянно приходилось уходить от полноводных источников и изобильных пальмовых рощ к скудным родникам и чахлым деревьям, пока они в конце концов не оказывались в зоне, где занятия сколько-нибудь рентабельным земледелием оказывались практически невозможными. Тогда они принимались восполнять убытки от своего бесприбыльного хозяйства разведением овец и верблюдов, и с течением времени само их существование все больше попадало в зависимость от стад этих животных.

Наконец, под очередным нажимом дышавшего им в спину потока чужестранцев население пограничного района (теперь почти полностью скотоводческого) оказалось выброшено из последнего

оазиса в девственную пустыню, чтобы превратиться в кочевников. Этот процесс, который следует рассматривать сегодня через призму отдельных семейств и родов, отметив миграцию каждого конкретными фамилией и датой, неминуемо должен был начаться с первого же дня полного заселения Йемена. Видиан к югу от Мекки и Таиф полны памятных свидетельств и названий населенных пунктов, оставленных пятью десятками родов, ушедших отсюда, чьих потомков можно сегодня найти в Неджде, в Джебель Шаммаре, в Хамаде и даже на границах с Сирией и Месопотамией. Здесь был отправной пункт миграции, фабрика кочевников, исток Гольфстрима пустынных бродяг.

Однако образ жизни людей пустыни отличался такой же подвижностью, как у обитателей холмов. Основной экономики было обеспечение питания верблюдов, которые лучше всего размножались в суровом климате нагорных пастбищ с их сочными и питательными колочками. Бедуины жили этим занятием, а оно в свою очередь формировало образ их жизни, определяло распределение земель между племенами и перемещения кланов, вынуждая их переходить соответственно на весенние, летние и зимние пастбища по мере того, как стада поочередно поедали скудную растительность на каждом из них. Рынок верблюдов в Сирии, Месопотамии и Египте не только определял численность населения, которое могла прокормить пустыня, но и строго регулировал стандарт его жизни. Бывало, что и пустыня оказывалась перенаселенной; тогда происходило вытеснение разросшихся родов, и люди, расталкивая друг друга локтями, устремлялись по единственному свободному пути на восход. Они не могли идти на юг, к негостеприимным пескам и морю. Не могли и повернуть на запад, потому что там ступенчатые склоны Хиджаза кишели горцами, извлекавшими все возможные преимущества из своей защищенности. Иногда они направлялись к центральным оазисам Арида и Касема, и тогда, если племена, искавшие себе новый дом, были сильны и энергичны, им удавалось занять часть удобных земель. В противном случае, если сил не доставало, жителей пустыни постепенно вытесняли на север, вплоть до хиджазской Медины и недждского Касема, пока они в конце концов не оказывались на развилке двух путей. Они могли направиться на восток, в сторону Вади Рум-ма или Джебель Шаммара, или же по Батну к Шамие, где могли бы стать прибрежными арабами Нижнего Евфрата, или постепенно подняться по отлогим уступам под Тадмором в северной пустыне – лестнице, ведущей к западным оазисам Хенакии, Хейбару, Тейме, Джау-фу и Сирхану, пока судьба не приведет к Джебель Друзу в Сирии, или же напоить свои стада близ Тадмора в северной пустыне по пути в Алеппо или Ассирию.

Но и тогда давление не прекращалось: продолжала неуклонно действовать тенденция вытеснения к северу.

Племена оказывались у самой границы земледелия в Сирии или Месопотамии. Благоприятная возможность и голос желудка убедили их в выгоде разведения коз, затем овец, а впоследствии они стали засеивать землю в надежде добыть хоть немного ячменя для животных. Теперь они уже не были бедуинами и подобно всем крестьянам начали страдать от опустошительных набегов кочевников. Они стали незаметно приобщаться и к крестьянскому делу и скоро обнаружили, что превратились в землепашцев. Таким образом, мы видим, что целые кланы, родившиеся в высокогорьях Йемена и вытеснявшиеся более сильными кланами в пустыню, невольно превращались в кочевников, стремясь просто выжить. Мы видим, как они бродяжничали, с каждым годом продвигаясь чуть севернее или чуть восточнее, когда судьба посылала им одно из двух – либо хорошую дорогу, либо девственную пустыню, пока в конце концов это не приводило их из пустыни снова к лукошку сеятеля, за которое они брались с такой же неохотой, с какой начинали свой робкий опыт кочевой жизни. Это был круговорот, укрепивший сообщество семитов. На севере вряд ли нашелся бы хоть один семит, чьи предки в какие-то мрачные времена не прошли через пустыню. Каждый из них в той или иной степени отмечен печатью номадизма, этой глубочайшей и жесточайшей социальной дисциплины.

Глава 3

Поскольку кочевые и оседлые арабы Азии – не две различные расы, а просто разные ступени социального и экономического развития, то резонно ожидать общих черт сходства в их мышлении, и еще естественнее – в любых плодах их деятельности. С самого начала, при первой же встрече с ними обнаруживалась всеобщая чистота и твердость веры при почти математически строгом соблюдении налагаемых ею ограничений, даже порой отталкивающей своими неприемлемыми для европейца особенностями. У семитов не было полутонов в регистре зрительного восприятия. Для этого народа существовали лишь основные цвета, точнее даже только черный и белый, и они всегда воспринимали мир только в его внешних очертаниях. Это был догматический народ, презиравший сомнения, наши современные лавры и тернии. Они не понимали наших метафизических неопределенностей, нашего самокопания. Им были понятны только истина и ложь, вера и неверие и чужды сдерживающие нас колебания или более тонкие нюансы нашего поведения.

У этого народа черно-белые не только одежды, но и души до самых глубин: не просто в своей прямолинейной ясности восприятия и выражения, но и в оценках. Мысли семитов были свободны

только в чрезвычайных обстоятельствах. Превосходной степенью они пользовались очень избирательно. Порой казалось, что они непоследовательны в своих суждениях, но они никогда не шли на компромисс: вплоть до абсурдного финала они следовали логике сразу нескольких несовместимых мнений, не ощущая этой несовместимости. С холодной головой, уравновешенные в суждениях, невозмутимо чуждые порыву, они качались от одной асимптоты к другой.

Это был ограниченный, узко мыслящий народ, чей инертный ум являл собою неспаханное поле покорного смирения. Его воображение было пылким, но не творческим. В Азии было так мало собственно арабского искусства, что практически можно было бы сказать, что искусства у арабов не было вообще, хотя среди имущих классов встречались достаточно либеральные покровители искусств, которые поддерживали таланты в области архитектуры, керамики или различных ремесел, проявившиеся у соседей или среди рабов. Не занимались они и сколько-нибудь заметной промышленной деятельностью. К этому не были приспособлены ни ум их, ни тело. Они не изобретали философских систем и не создавали сколько-нибудь сложной мифологии. Они следовали своему курсу между идолами племени и пещеры. Будучи из всех других народов наименее подвержены болезням, они принимали дар жизни, не задаваясь никакими вопросами, как аксиому. Для них она была неизбежностью, заповеданной человеку, неким узурфом, не подлежащим критике. Самоубийство было невозможно, обычная же смерть не несла горя.

Эта метафора – «качание от одной асимптоты к другой» – родилась в разговоре с другом, рассказавшим, что он по ошибке применил термин «асимптота» к ветвям гиперболы. (Примеч. авт.)

Это был народ эмоциональный, импульсивный, идейный, раса индивидуальной одаренности. Действия этих людей были потрясающи на фоне повседневного покоя, их великие выглядели еще величественнее в сравнении с общим уровнем толпы. Их убеждения были инстинктивными, действия интуитивными. Главным для них были вопросы веры: почти все они монополисты богооткровенных религий. Среди последних выжили три: две из них были экспортированы к несемитским народам. Христианство, переведенное на греческий, латинский и прагерманский языки и проникшееся их далеко не одинаковым духом, завоевало Европу и Америку. Ислам в его по-разному трансформированных вариантах подчинял себе Африку и некоторые части Азии. Все это были семитские успехи. А их неудачи оставались с ними. Уделом окраин их пустынь были остатки ослабленной веры.

Многозначителен тот факт, что полное разрушение павших религий происходило там, где пустыня встречалась с возделанными землями. Это внушалось последователям всех вероисповеданий. Впрочем, то были лишь констатации, лишённые веских доводов; для их авторитетного подтверждения нужен был пророк. Арабы называли число пророков – сорок тысяч, мы записали в свой реестр не меньше нескольких сотен. Среди них не было ни одного из девственной пустыни. Жизнь их подчинялась определенному шаблону. По рождению они принадлежали к густонаселенным городам, однако непонятное страстное стремление тянуло их обратно в пустыню. Там они жили в течение более или менее продолжительного времени в размышлениях и физическом воздержании, а потом возвращались с отчеканенными в фантазиях посланиями, дабы проповедовать их своим прежним, но уже усомнившимся адептам. Основатели трех крупных вероисповеданий в своей деятельности подчинились именно этому циклу; возможное совпадение воспринималось как закон, подтвержденный параллельными жизнеописаниями бесчисленного множества других – несчастных неудачников, чье истинное призвание мы могли бы оценить не меньше, но время и крах иллюзий не помогли им иссушить души до готовности взойти на костер. Для городских философов стремление уйти в глушь всегда было непреодолимым, и, вероятно, не потому, что там они находили вездесущего Бога, а потому, что в своем уединении отчетливее слышали живое слово, которое затем несли людям.

Общей основой всех семитских верований, победивших или проигравших, была вездесущая идея ничтожности мира. Непримиимое отвержение материи привело их к проповеди наготы, самоотречения, нищеты; атмосфера этой новации беспощадно душила умы пустыни. Первое знакомство с их самоочищением бедностью состоялось у меня в то время, когда мы были уже далеко от холмистых равнин Северной Сирии, у руин романского периода, которые, как верили арабы, были остатками дворца, построенного каким-то принцем для своей королевы. Говорили, что глина для этой постройки ради пущего богатства сооружения замешивалась не на воде, а на драгоценных цветочных маслах. Мои проводники, обладавшие поистине собачьим чутьем, водили меня из одной комнаты с обвалившимися стенами в другую, замечая: «Здесь жасмин, вот это фиалка, а это роза».

В конце концов меня позвал Дахум: «Идите-ка сюда, понюхайте сладчайший аромат из всех». Войдя в главные покои, мы подошли к зияющим оконным проемам в восточной стене и стали глотать широко открытыми ртами трепетавший за ними легкий, нематериальный, спокойный ветер пустыни. Его слабое дыхание рождалось где-то за далеким Евфратом и много дней и ночей медленно струилось над выжженной травой к первому рукотворному препятствию на своем пути – стенам нашего разрушенного дворца. Казалось, что, встретившись с ними, ветерок заволновался, замешкался, залепетав что-то совсем по-детски. «Это, – сказали мне мои спутники, – лучше всего: у него нет запаха». Мои арабы повернули спинами к ароматам и прочей роскоши, выбирая то, чего с

ними не могло разделить все человечество.

Бедуин здешней пустыни, родившийся и выросший в ней, всей душой слился с этой обнаженностью природы, слишком суровой, чтобы связать с ней судьбу по доброй воле, – по той очевидной, но невысказанной причине, что здесь он оказался бесспорно и очевидно свободным. Он расстался с материальными связями, комфортом, всякими излишествами, избавился от вещей, осложняющих жизнь, чтобы обрести личную свободу, чреватую голодом и смертью. В голоде как таковом он не видел добродетели; с ним остались маленькие пороки, и даже кое-какая роскошь – кофе, пресная вода, женщины – все, что ему удалось сохранить. В его жизни были воздух и ветры, солнечный и лунный свет, открытые просторы и великая пустота в желудке. Не было ни обычных людских трудов, ни изобильной Природы; лишь небо над головой да земля под ногами, по которой до него не ступал ни один человек. Здесь он неосознанно приближался к Аллаху. Аллах не был для него ни божеством в человеческом образе, ни осязаемым, ни нравственным, ни всеблагим, ни природным: то есть непостижимым, но всепоглощающим Существом, истоком всего происходящего, а природа и материя были лишь отражающим Его зеркалом.

Бедуин не мог почувствовать Аллаха в себе: он слишком верил в то, что это он сам пребывает внутри Аллаха. Он не мог представить себе ничего, что было бы или не было Аллахом, единственным в своем величии; и все же такое не исключало простоты, будничности, неприязнательности этого всецело здешнего Бога, который был для арабов сутью их пищи, смыслом их походов и страстей, их самых обычных помыслов, духовной опорой и спутником, что было совершенно невыносимо для тех, чей Бог с такой печалью отгораживался от них безысходностью их плотской недостойности и декорумом официального поклонения. Арабы не считали неуместным втягивать Аллаха в свои слабости и вожделения, совершая неблагоприятные поступки. Слово «Аллах» было у них самым употребительным; наше красноречие много теряет от того, что мы называем своего Бога самым коротким и самым неблагозвучным из наших односложных слов.

Эта вера пустыни представляется невыразимой словами, да и мыслью тоже. Она скорее ощущается как некое влияние, и те, кто пришел в пустыню достаточно давно, чтобы не думать об ее огромных пространствах и пустоте, неизбежно приходили к Богу как к единственному прибежищу и генератору ритма существования. Бедуин мог бы быть номинальным суннитом или же номинальным вахабитом, или чем угодно еще в семитских границах, и принял бы это с легкостью, на манер стражника у врат Сиона, потягивающего пиво и посмеивающегося среди сионистов. У каждого отдельного кочевника была своя богооткровенная религия, не устная, не традиционная, не выраженная, а порожденная в нем инстинктом; и поэтому мы воспринимали все семитские религии (их характер и сущность) как постулирующие пустоту мира и полноту Аллаха; соответственно их выражением были способности и возможности верующего.

Житель пустыни не мог не считаться со своей верой. Он не был ни евангелистом, ни прозелитом. Он пришел к этой глубокой самососредоточенности в Боге, закрывая глаза на мир и на все многообразные возможности, реализацию которых может обеспечить только доступ к деньгам и соблазнам. Он обретал истинную веру, могучую веру, но в каких узких пределах! Бесплодный опыт обкрадывал его, лишая способности сострадать, извращал его человеческое добросердечие, навязывая образ пустоты, в котором он и прятался. Соответственно он мешал не только просто стать свободным, но и быть довольным собой. За этим следовало наслаждение от причинения страданий, жестокость, которая значила больше, чем трофеи. Араб пустыни не знал радости, подобной радости от добровольного сдерживания страстей. Ему приносили наслаждение самопожертвование, самоотречение, самоограничение. Он придавал обнаженности мысли такую же чувственную окраску, как наготы тела. Он спасал свою душу, возможно, и в отсутствие опасности, но в рамках жесткого эгоизма. Его пустыня была превращена в духовный ледник, в котором хранилось в неприкосновенности, но и не совершенствуясь во все времена, его видение единственности Аллаха. От случая к случаю в пустыню являлись охотники из внешнего мира в надежде отнять у природы поколение, которое можно было бы обратить в свою веру.

В городах этой веры пустыни невозможно было себе представить. Она была одновременно слишком странной, слишком простой, слишком неосязаемой для экспорта и общего употребления. Эта идея, основа веры всех семитских религий, ожидала востребования в городах, но ей предстояло быть сильно разбавленной, чтобы стать нам понятной. Вопли избиваемых были слишком пронзительны для многих ушей: дух пустыни прорывался сквозь нашу грубую оболочку. Пророки возвращались из пустыни со своими отрывочными представлениями о Боге и, словно через закопченное стекло, демонстрировали нам отдельные свидетельства

Его величия и блеска, которые в полном объеме ослепили и оглушили бы нас, погрузили в молчание, сделали бы из нас то, что они сделали с бедуинами, превратив в диких, оторванных от действительности людей.

Апостолы в попытках избавить себя и ближних от всего земного согласно слову Господа потерпели неудачу, столкнувшись с человеческими слабостями. Чтобы жить, любой селянин или горожанин должен заполнять каждый свой день радостями приобретения и накопления и, избегая неприятностей, стремиться к вершинам преуспевания. Блестящее презрение к жизни, доводящее иных

до голого аскетизма, приводит человека в отчаяние. Он беззаботно проматывает все что имеет, в том числе и родовое наследство, в неудержимом стремлении к концу. Еврей в брайтонском «Метрополе», скряга, поклонник Адониса, развратник из злочных мест Дамаска, – все это свидетельства семитской способности наслаждаться и одновременно проявления нервозности, которые на другом полюсе приводили к самоотречению ессеев или ранних христиан, или же первых калифов, находивших пути в рай, бесконечно далекие от нищенства духом. Семиты балансировали между вожделием и самоотречением.

Арабы способны влезть в свою идею как в петлю, потому что не связанная обязательствами лояльность их мышления превратила их в покорных слуг. Ни один из них не выйдет из игры, пока не придет успех, а с ним и ответственность, и чувство долга, и обязательства. Затем идея уходит, и все заканчивается руинами. Без веры их могли принять в любом месте на свете (но не на небе) благодаря их земным богатствам и удовольствиям, которые те доставляют. Но если на этом пути им встречался проповедник какой-либо идеи, которому негде приклонить голову и который кормится подаяниями подобно птицам небесным, они расставались со всем своим богатством ради его вдохновения. Они были неисправимыми детьми идеи, бездумными и лишенными расовых предрассудков; и у них с неизбежностью тело противостояло душе. Разум их был странным и темным, полным депрессии и экзальтации, не знавшим правил, но более пылким и плодовитым в вопросах веры, нежели любой другой на свете. Это был народ начал, для которого абстракция была сильнейшим побудительным мотивом, процесс – бесконечным мужеством и многообразием, а конечный результат – ничем. Они были неустойчивы как вода и подобно воде могли в конечном счете возобладать надо всем. На заре времен они волнами обрушивались на берега жизни. Каждая волна разбивалась, но подобно морскому прибою уносила хоть крупицу гранита, на который падала, и в один прекрасный день очередная волна получала возможность беспрепятственно прокатиться по тому месту, где когда-то был материальный мир, и Аллах мог появиться на поверхности этих вод. Одну такую волну (и не последнюю) поднял я, раньше, чем это сделало дыхание идеи, и она обрушилась на Дамаск. Откат этой волны, разбившейся о законные обстоятельства, со временем породит новый прилив.

Глава 4

Первое же крупное продвижение на Средиземноморское побережье показало миру способность любого захваченного идеей араба к краткому выплеску бурной физической активности. Но когда запал выгорел, столь же очевидными оказались отсутствие у арабов терпеливости и рутина семитского мышления. Они игнорировали нужды захваченных ими провинций, проявляя нескрываемое отвращение к любой системе, и им пришлось искать помощи побежденных или же еще более враждебных к ним иностранцев в управлении своими рыхлыми зарождавшимися империями. Так в начале Средних веков в арабских государствах стали обосновываться турки, поначалу в качестве слуг, затем помощников, быстро превращаясь в злокачественную опухоль, душившую прежнюю политику. Последней фазой этого процесса стала неприкрытая, злобная враждебность, с которой Хулагида или Тимурида, удовлетворяя свою кровавую похоть, сжигали и разрушали все, что раздражало их малейшей претензией на превосходство.

Арабская цивилизация по своему характеру была скорее абстрактной, нравственной и интеллектуальной, нежели прагматичной, но отсутствие общественного сознания делало эти превосходные личные качества арабов бесполезными. Они чувствовали себя счастливыми на том историческом этапе: Европа стала варварской, в умах людей стиралась память о греческой и римской цивилизациях. Напротив, свойственная арабам тенденция подражания свидетельствовала о стремлении к культуре и образованию, их умственная деятельность прогрессировала, а государства процветали. Их реальной заслугой было сохранение некоторых достижений античного прошлого для средневекового будущего.

С приходом турок это счастье превратилось в несбыточную мечту. Азиатские семиты постепенно подпали под турецкое ярмо и оказались в состоянии медленного умирания. У них отняли все их достояние. Их умы увядали под леденящим дыханием военного режима. Турецкое правление было полицейским, а турецкая политическая теория такой же жестокой, как и практика. Турки прививали арабам мысль, что интересы любой секты выше патриотизма, что даже самые мелкие заботы провинции превыше нации. Искусно разжигая разногласия между арабами, они сеяли среди них недоверие друг к другу. Арабский язык был изгнан из судов и учреждений, в том числе правительственных, и из высшей школы. Арабы могли служить только государству, жертвуя своими национальными особенностями. Эти меры подспудно отвергались. Семитский протест заявлял о себе многочисленными восстаниями в Сирии, Месопотамии и Аравии против самых грубых форм турецкого внедрения, проявлялось также и сопротивление наиболее коварным попыткам абсорбции. Арабы не желали поступаться своим богатым, гибким языком в пользу грубого турецкого: наоборот, они привносили в турецкий язык множество арабских слов и хранили сокровища своей литературы.

Они утратили свою географическую принадлежность, национальную, политическую и

историческую память, но тем сильнее держались своего языка, утвердив его почти на всей территории отечества. Первейшей обязанностью каждого мусульманина было изучение Корана, священной книги ислама и одновременно крупнейшего памятника арабской литературы. Сознание того, что эта религия принадлежит ему, и только ему дано понять и применять ее на практике, определяло для каждого араба оценку деятельности турок.

Потом произошла турецкая революция, падение Аб-деля Хамида и утвердилось верховенство младотурок. Для арабов горизонт на короткое время расширился. Движение младотурок было мятежом против иерархической концепции ислама и панисламистских теорий старого султана, который, добиваясь положения духовного вождя всего мусульманского мира, надеялся стать и его светским правителем. Молодые политики восстали и бросили его в тюрьму, побуждаемые всплеском конституционалистских теорий суверенного государства. Таким образом, в то время как Западная Европа только начинала подниматься от национализма к интернациональной идее и ввязываться в войны, далекие от расовых проблем, в Западной Азии начинался переход от религиозной соборности к националистической политике и к мечте о войнах уже не за веру или догмат, но за самоуправление и независимость. Эта тенденция проявилась раньше всего и сильнее всего на периферии Ближнего Востока, в небольших Балканских государствах, и поддерживала беспримерную жертвенность в борьбе, целью которой было отделение от Турции. Позднее националистические движения прокатились по Египту, Индии, Персии и наконец охватили Константинополь, где эта тенденция оказалась подкрепленной и конкретизированной американскими идеями в области образования. Эти идеи, вброшенные в исконную духовную атмосферу Востока, образовали взрывчатую смесь. Американские школы с их исследовательской методикой обучения способствовали развитию независимости суждений и свободному обмену взглядами. Без всякой специальной заданности они обучали революции, поскольку в Турции ни один человек не мог стать современным, оставаясь при этом лояльным к режиму, если он по рождению относился к покоренным народам – грекам, арабам, курдам, армянам или албанцам, которых туркам удавалось так долго держать под своим гнетом.

Младотурки, ободренные первыми успехами, увлеклись логикой своих принципов и в знак протеста против панисламистской идеи проповедовали османское братство. Легковерные из числа подвластных им народов – гораздо более многочисленных, чем сами турки – поверили, что их призывают к сотрудничеству во имя строительства нового Востока. Устремившись к этой цели (и начитавшись Герберта Спенсера и Александра Гамильтона), они выдвинули идейные платформы радикальных перемен и провозгласили турок своими партнерами. Турки, напуганные силами, которым невольно позволили заявить о себе, задавили эти очаги так же внезапно, как дали им разгореться. Они провозгласили лозунг Уепг Тигап – «Турция для турок»^{***}. Впоследствии эта политика обратит их усилия на освобождение тюркского населения, находившегося под властью России в Средней Азии, однако прежде всего они должны были очистить свою империю от подвластных им народов, которые сопротивлялись режиму. Прежде всего следовало разделаться с арабами, крупнейшим чуждым компонентом Турции. Соответственно были разогнаны арабские депутаты, объявлена вне закона арабская знать. Арабские выступления и арабский язык подавлялись Энвер-пашой более жестоко, чем это делал до него Абдель Хамид.

Однако арабы уже вкусили свободы. Они не могли сменить свои идеи столь же быстро, как поведение, и сломить их крепкий дух было нелегко. Читая турецкие газеты, они в патриотическом экстазе заменяли слово «турок» словом «араб». Подавление вызывало в них болезненную жестокость. Лишенные легального выхода своих чувств, они становились революционерами. Арабские общества ушли в подполье, превратившись из либеральных клубов в очаги заговоров. Старейшее арабское общество Ахуа было официально распущено. В Месопотамии его заменил опасный Ахад, глубоко засекреченное братство, состоявшее почти исключительно из арабских офицеров, служивших в турецкой армии, которые поклялись овладеть военными знаниями своих хозяев и обратить эти знания против них же во имя служения арабскому народу, когда пробьет час восстания.

Это было крупное общество с надежной базой в Южном Ираке, где власть находилась в руках бесчестного Сейеда Талеба, этого нового Джона Уилкса арабского движения^{****}. В него входили семеро из каждых десяти офицеров, родившихся в Месопотамии, и совет этого общества был связан такой железной дисциплиной, что его члены до самого конца занимали высокие командные посты в Турции. Когда наступил крах, Ал-ленби устроил Армагеддон и Турция пала, один из вице-председателей этого общества командовал разбитыми частями отступавших палестинских армий, а другой вел турецкие силы через Иордан в зону Аммана. Позднее, после перемирия, крупные посты на турецкой службе все еще занимали люди, готовые сменить хозяев по первому слову своих арабских вождей. Большинство из них этого слова так и не услышало. Эти общества были исключительно проарабскими, не желали сражаться ни за что другое, кроме независимости арабов, и не желали видеть преимуществ оказания поддержки союзникам, а не туркам, поскольку сомневались в наших заверениях в том, что мы не посягнем на их свободу. На самом деле многие из них предпочитали Аравию, объединенную с Турцией на условиях полного подчинения, пассивной Аравии под более мягким контролем нескольких европейских держав, разделенную на сферы влияния.

Еще более значительным, чем Ахад, был Фетах – общество свободы в Сирии. Землевладельцы, писатели, врачи, крупные общественные деятели объединялись в это общество с общей присягой на верность, паролями, символикой, прессой и центральной кассой для разрушения Турецкой империи. Пользуясь проворством сирийцев – шумного, словно обезьяны, народа, по ловкости сравнимого с японцами, но весьма недалекого, – они быстро создали громадную организацию. Они искали помощи извне и надеялись, что свободы можно будет добиться путем уговоров и убеждения, без жертв. В постоянных поисках сильного союзника они налаживали связи с Египтом, с Ахадом (члены которого со свойственной месопотамцам суровостью скорее их презирали), с шерифом Мекки и с Великобританией. Деятельность этой организации была глубоко законспирирована, и хотя правительство подозревало о ее существовании, оно не располагало надежными сведениями ни о ее лидерах, ни о членах. Режиму приходилось воздерживаться от преследования Фетаха до момента, когда можно было бы нанести меткий удар, не раздражая сверх меры английских и французских дипломатов, формировавших в Турции современное общественное мнение. С началом войны 1914 года эти агенты покинули Турцию, предоставив турецкому правительству полную свободу для репрессий.

С объявлением мобилизации вся власть оказалась в руках Энвера, Талаата и Джемала – самых безжалостных, умных и тщеславных из младотурок. Они поставили перед собой задачу полного искоренения нетурецких движений в государстве, в особенности арабского и армянского национализма. Прежде всего они обнаружили весьма привлекательное и удобное оружие в виде секретных документов, оставшихся в здании французского консульства в Сирии. Это были копии переписки по вопросам свободы арабов между консульством и одним из арабских клубов, не связанным с Фетахом. Членами этого клуба были представители более болтливой, но менее опасной интеллигенции сирийского побережья. Турки, разумеется, были в восторге: «колониальная» агрессия в Северной Африке создала Франции черную репутацию у арабоязычных мусульман. Это помогло Джемалу показать единоверцам, что арабские националисты оказались неверными, предпочтя Францию Турции.

Разумеется, для Сирии подобные разоблачения не были новостью, но среди членов общества были известные и уважаемые люди, в том числе университетские профессора; их арест и осуждение, ссылки и казни глубоко потрясли страну, и арабы Фетаха поняли, что, если они не воспользуются этим уроком, их судьба будет точно такой же. Армяне были хорошо вооружены и организованы, но руководители предали их. Они были разоружены и постепенно истреблены: мужчинам устроили резню, женщины и дети, которых грабил каждый прохожий, гибли на зимних дорогах при выселении в пустыню, лишённые одежды и пищи. Младотурки истребили армян не потому, что те были христианами, а потому, что были армянами. По этой же причине они загоняли арабов-мусульман и арабов-христиан в одни тюрьмы и вешали их вместе на одной виселице. Джемаль-паша подвергал все без разбора классы, состояния и конфессии в Сирии одинаковым притеснениям и опасностям, создавая тем самым предпосылки для всеобщего восстания.

Турки подозревали арабов, служивших в армии, и надеялись использовать против них тактику расселения, как против армян. С самого начала возникли транспортные затруднения, и в 1915 году в Северной Сирии произошла опасная концентрация арабских дивизий (около трети солдат турецкой армии и были арабоязычны). При первой возможности их расформировывали, направляя маршевыми колоннами в Европу, на Дарданеллы, на Кавказ или на Канал, куда угодно, лишь бы они оказались поскорее на передовой, или же отводили подальше от соотечественников, чтобы те не могли ни видеть их, ни оказывать им помощь. Была объявлена «священная война», дабы придать младотурецкому лозунгу «Единство и прогресс» подобие некоей традиционной легитимации – вроде боевых порядков арабского халифа – в глазах клерикалов. И шерифу Мекки было предложено – или скорее приказано – откликнуться на этот лозунг.

Глава 5

Положение шерифа Мекки в течение длительного времени было ненормальным. Титул «шериф» предполагал происхождение от пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы и ее старшего сына Хасана. Чистокровные шерифы были включены в родословную – громадный свиток, находящийся в Мекке под охраной эмира, выборного шерифа шерифов, благороднейшего и старшего над всеми. Семья пророка, насчитывавшая две тысячи человек, последние девять столетий осуществляла в Мекке светское правление.

Старые османские правительства относились к этому клану пэров со смесью почитания и подозрительности. Поскольку они были слишком сильны, чтобы их уничтожить, султан спасал свое достоинство тем, что торжественно утверждал эмира. Это формальное утверждение спасало лишь на определенный срок, пока турки не сочли, что Хиджаз им нужен как непреложная собственность, как часть обустройства сцены для нового панисламистского подхода. Успешное открытие Суэцкого канала позволило им поставить гарнизоны в священных городах. Они проектировали Хиджазскую железную дорогу и усиливали свое влияние на племена с помощью денег, интриг и военных

экспедиций.

По мере того как власть султанов укреплялась, они старались все больше самоутвердиться рядом с шерифом, даже и в самой Мекке, и не упускали случая сменить шерифа, окружившего себя слишком большой пышностью, и назначить преемником представителя соперничающего семейства в надежде извлечь обычные выгоды из этого соперничества. В конце концов Абдель Хамид отправил кое-кого из этого семейства в Константинополь, в почетный плен. В их числе оказался будущий правитель Хусейн ион Али, которого держали в тюрьме почти восемнадцать лет. Он воспользовался этим, чтобы дать своим сыновьям – Али, Абдул-ле, Фейсалу и Зейду – современное образование и возможность накопить необходимый опыт, который впоследствии помог им привести арабские армии к успеху.

Когда пал Абдель Хамид, менее изощренные младотурки пересмотрели его политику и вернули шерифа Хусейна в Мекку в качестве эмира. Он сразу же взялся за беспрепятственное восстановление власти эмирата и упрочение своей позиции на прежней основе, поддерживая тесный контакт с Константинополем через своих сыновей – вице-председателя турецкого парламента Абдуллу и гласного от Джидды Фейсала. Они держали его в курсе политической атмосферы в столице до самого начала войны, когда поспешно вернулись в Мекку.

Развязывание войны вызвало трудности в Хиджа-зе. Прекратилось паломничество, а с ним – доходы и бизнес священных городов. Были все основания бояться, что в порты перестанут приходить индийские суда с продовольствием (ведь номинально шериф был подданным врага). А поскольку провинция почти не производила собственного продовольствия, она неминуемо должна была оказаться в опасной зависимости от доброй воли турок, которые могли уморить ее голодом, закрыв Хиджаскую железную дорогу. Ранее Хусейн никогда не бывал в положении отданного на милость турок; в данном же, весьма несчастливом случае они особенно нуждались в том, чтобы он примкнул к их джихаду, священной войне всех мусульман против христианства.

Для того чтобы эта война стала действительно популярной, она должна была получить поддержку со стороны Мекки и в этом случае могла утопить Восток в крови. Хусейн был почитаем, практичен, упрям и глубоко набожен. Он чувствовал, что священная война док-тринально несовместима с агрессией и абсурдна в союзе с христианской Германией. Поэтому он отказался от турецкого предложения и одновременно обратился с полным достоинства призывом к союзникам – не дать провинции умереть от голода, поскольку его народ совершенно не виноват в сложившемся положении. В от- вет турки немедленно установили частичную блокаду Хиджаза, введя контроль движения на железной дороге, перевозившей паломников. Британия оставила свое побережье открытым для судов с продовольствием, движение которых подпадало под специальное регулирование.

Однако требование турок было не единственным из полученных шерифом. В январе 1915 года Йисин, возглавлявший месопотамских офицеров, Али Реза, глава офицеров Дамаска, и Абдель Гани эль-Арейси, действовавший от имени гражданского населения Сирии, направили ему конкретное предложение о подготовке военного мятежа в Сирии против турок. Угнетенный народ Месопотамии и Сирии, комитеты Ахада и Фетаха звали к нему как в отца арабов, мусульманину из мусульман, величайшему из князей, старейшему и знатнейшему о спасении от зловещих козней Талаата и Джемала.

Хусейн, как политик, как правитель, как мусульманин, как реформатор, а также как националист, был вынужден прислушаться к их призыву. Он послал своего третьего сына Фейсала в Дамаск для обсуждения планов этих людей и для подготовки доклада. Старшего сына, Али, он отправил в Медину с приказами о тайном формировании любой ценой отрядов из деревенских жителей и из мужчин хиджасских племен и о поддержании их в состоянии готовности к действиям по зову Фейсала. Политику Абдулле, второму сыну, он поручил вступить в переписку с Британией для выяснения ее позиции в отношении возможного восстания арабов против Турции.

В январе 1915 года Фейсал сообщил, что местные условия благоприятны, но что общий ход подготовки войны складывается вопреки их надеждам. В Дамаске находились три дивизии арабских войск, готовые к восстанию. Две другие дивизии в Алеппо, проникнутые идеей арабского национализма, наверняка должны были присоединиться, если начнут другие. И по эту сторону Тауруса была только одна турецкая дивизия, так что имелась полная уверенность в том, что восставшие завладеют Сирией с первого же удара. С другой стороны, общественное мнение не было готово к крайним мерам, а военные не сомневались, что войну выиграет Германия, и выиграет быстро. Если же, однако, союзники высадят свой Австралийский экспедиционный корпус (готовившийся в Египте) в Александrette и таким образом прикроют сирийский фланг, тогда было бы мудро и безопасно заключить сепаратный мир с турками.

Последовала задержка, поскольку союзники двигались на Дарданеллы, а не на Александретту. Фейсал следовал за ними, чтобы получить из первых рук информацию о положении в Галлиполи, поскольку крушение Турции должно было стать сигналом для арабов. Затем последовала приостановка на несколько месяцев дарданельской кампании. В этой бойне была уничтожена османская армия первой линии. Урон, причиненный Турции последовательными действиями

Фейсала, был настолько значителен, что он вернулся в Сирию, считая, что скоро наступит момент для возможного удара. Однако за последнее время внутренняя ситуация изменилась.

Сирийские сторонники Фейсала были либо арестованы, либо скрывались, а их друзей вешали по политическим обвинениям. Благоприятно настроенные арабские дивизии были либо переброшены на дальние фронты, либо переданы по частям в турецкие соединения. Арабское крестьянство задыхалось в когтях турецкой воинской повинности, и Сирия оказалась распростертой перед беспощадным Джемалем-пашой. Возможности испарились.

Фейсал писал отцу о необходимости дальнейшей отсрочки выступления до полной готовности Англии и до максимального ухудшения положения Турции. К сожалению, Англия находилась в плачевном состоянии. Ее разгромленные силы отступали от Дарданелл. Затянувшаяся агония Кута была на последней стадии, а мятеж сенусситов, совпавший по времени с вступлением в войну Болгарии, создавал англичанам угрозу с новых флангов.

Положение Фейсала было крайне опасным. Фактически он оказался отданным на милость членов тайного общества, чьим председателем был до войны. Ему не оставалось ничего другого, как жить в качестве гостя Джемалю-паши в Дамаске, освежая свои военные знания, а его брат Али поднимал войска в Хиджазе под тем предлогом, что он и Фейсал поведут их на Суэцкий канал, в помощь туркам. Так Фейсалу как хорошему офицеру на турецкой службе пришлось жить при штабах и молча сносить оскорбления, которым подвергал его род грубый Джемаль.

Джемаль посылал за Фейсалом и брал его с собой смотреть, как вешают его сирийских друзей. Эти жертвы «правосудия» находили в себе силы не показывать на суде, что знали действительные намерения Фейсала, как и он сам не выказывал их ни словом, ни взглядом: в противном случае его семейство, а может быть, и весь род постигла бы та же судьба. Только однажды он вспылал, заявив, что эти казни будут стоить Джемалю всего того, чего он пытался избежать. И пришлось ему прибегнуть к заступничеству константинопольских друзей – людей, занимавших в Турции руководящие посты, чтобы спастись от расплаты за свои опрометчивые слова.

Переписка Фейсала с отцом была сама по себе рискованной. Она шла через старых слуг семьи, людей, которые были вне подозрений, разъезжавших взад и вперед по Хиджазской железной дороге с письмами, спрятанными в эфесах сабель, в лепешках, в подошвах сандалий или же написанными симпатическими чернилами на обертке безобидных пакетов. Во всех этих письмах Фейсал сообщал о неблагоприятности и просил отца отложить выступление до лучших времен.

Однако Хусейна ни в малой степени не настораживали предупреждения Фейсала. В его глазах младотурки были безбожными грешниками, отступниками от своей веры и человеческого долга, предателями духа и высших интересов ислама. В свои шестьдесят пять лет этот человек был решительно настроен на войну, веря, что справедливость окупит ее цену. Хусейн настолько верил в Бога, что не уделял должного внимания чисто военной стороне дела, будучи уверен в том, что Хиджаз способен покончить с Турцией в честном бою. И он послал к Фейсалу Абдель Кадера эль-Абду с письмом, что теперь все готово для смотра в Медине перед отправкой отрядов на фронт. Фейсал проинформировал Джемалю и попросил отпустить его, но, к ужасу Фейсала, Джемаль ответил, что в провинцию едет генералиссимус Энвер-паша и что на смотр войск они отправятся в Медину вместе. Фейсал намеревался сразу же по приезде в Медину поднять знамя своего отца и таким образом захватить турок врасплох, теперь же на него сваливались два незваных гостя, которым он по законам арабского гостеприимства не должен был наносить вреда и которые, вероятно, отложат его акцию настолько, что сама тайна восстания окажется под угрозой!

В конце концов все обошлось хорошо, хотя ирония судьбы была потрясающей. Энвер, Джемаль и Фейсал смотрели, как отряды ездил взад и вперед и маршировали по пыльной равнине за городскими воротами, имитируя схватки на верблюдах, или же прищипывали коней в инсценировке боя на копьях в духе древних арабских традиций. «И все это добровольцы, готовые сражаться в священной войне?» – спросил наконец Энвер, обернувшись к Фейсалу. «Да», – ответил Фейсал. «Сражаться до последнего вздоха с врагами правоверных?» – «Да», – повторил Фейсал. Когда арабские командиры подошли, чтобы представиться, шериф Мод-хига Али ибн эль-Хусейн отвел его в сторону и прошептал: «Господин, может, нам убить их сразу?», на что Фейсал ответил: «Нет, они наши гости».

Шейхи продолжали протестовать. Они верили, что покончат с войной двумя ударами. Они были полны решимости заставить Фейсала раскрыть свои планы, и тому пришлось пойти с ними туда, где турецкие диктаторы не могли расслышать его слов, а он держал их в поле зрения и мог в любой момент защитить жизнь людей, посылавших его лучших друзей на виселицу. Под конец он принес извинения гостям, быстро увез их обратно в Медину, выставил охрану банкетного зала из собственных рабов и назначил эскорт до Дамаска, чтобы спасти Энвера и Джемалю от смерти в пути. Он объяснил эту необычную любезность арабской готовностью делать для гостей все возможное. Но Энвер и Джемаль, охваченные глубокими подозрениями, отдали приказ о жестокой блокаде Хиджаза и подтянули крупные турецкие силы для его окружения. Они хотели удержать Фейсала в Дамаске, но из Медины пришла телеграмма с требованием его немедленного возвращения для предотвращения беспорядков, и Джемаль весьма неохотно отпустил Фейсала с условием, что его свита останется в

Дамаске в заложниках.

Фейсал нашел Медину полной турецких войск, включая штаб и командование Двенадцатого армейского корпуса Фахри-паши, отважного старого головореза, прославившегося кровавой «очисткой» Зейтуна и Ур-фы от армян. Совершенно ясно, что турки были оповещены, и о внезапном нападении, сулившем успех почти без единого выстрела, не могло быть и речи. Однако проявлять осторожность было слишком поздно. Четырьмя днями позднее свита Фейсала оседлала коней и вырвалась из Дамаска на восток, в пустыню, чтобы укрыться у вождя бедуинов Нури Шаалана. В тот же день Фейсал поднял арабское знамя. Панисламистское наднациональное государство, ради которого Абдул Хамид убивал, трудился и умер, а равно и надежды немцев на помощь ислама в осуществлении мировых планов кайзера отошли в область мечты. Самим фактом восстания шериф закрыл эти фантастические главы истории.

Любое восстание – это серьезнейший шаг, на какой только могут решиться политики, и было бы слишком большой смелостью заранее предвещать ему как успех, так и провал. Все же на этот раз фортуна благоприятствовала смелому игроку. Это был справедливый конец авантюры, замахнувшейся на очень многое, но после победы наступило время постепенной утраты иллюзий, а за ним и ночь, во тьме которой сражавшиеся поняли, что обмануты все их надежды. И теперь к ним может прийти белый покой конца, сознание бессмертного свершения, озаряющего светлым вдохновением сынов их народа.

Глава 6

До войны я много лет скитался по семитскому Востоку, вникая в жизнь крестьян, разбросанных по пустыне племен и городских жителей Сирии и Месопотамии. Я не был богат, и это ограничивало мои связи общения с беднотой, с которой редко доводилось встречаться европейским путешественникам, что и определило тот довольно необычный угол зрения, который позволил мне понять и осмыслить не столько происходящее на моих глазах, сколько возможные перспективы этого, в большинстве своем невежественного народа, с тонким слоем просвещенных людей, чьи редко высказываемые мнения заслуживали того, чтобы с ними считаться. Кроме того, я видел, как некоторые политические силы влияют на умонастроения Ближнего Востока, и, в частности, повсюду встречал явные признаки упадка имперской Турции.

Турция умирала от перенапряжения сил и оскудения ресурсов в попытках держаться всего того, что осталось ей в наследство от империи. Единственным аргументом детей Османа была сабля, но сабли вышли из моды, отступив перед более смертоносным и изощренным оружием. Жизнь становилась слишком сложной для наивного народа, чья сила была в простоте и терпении и в способности на жертву. В Передней Азии не было более медлительного народа, хуже подготовленного к усвоению новых способов правления и еще меньше к созданию для себя чего-то нового. Администрация превратилась в контору по пересылке писем и телеграмм, в бухгалтерию по сборам налогов. Старым людям, правившим силой руки или характера, неграмотным, непосредственным и выделявшимся личными качествами, предстоял неизбежный отход от дел. Управление перешло в руки новых – достаточно ловких и гибких, чтобы пользоваться в своих интересах механизмами власти. В состав бездарного, состоявшего из недоучек комитета младотурок входили потомки греков, албанцев, черкесов, болгар, армян, евреев – кто угодно, только не сельджуки или османы. Массы утрачивали чувство единства со своими правителями, воспитанными в духе культуры Леванта и французских политических теорий. Турция разлагалась, и вылечить ее можно было только хирургическим путем.

Стойко приверженный старым порядкам анатолиец оставался выючным животным в своей деревне и безропотным солдатом вне ее пределов, тогда как народы, подчиненные Империи и составляющие почти семьдесят процентов ее населения, изо дня в день наращивали свою силу и знания; отсутствие у них традиций и ответственности, а также более живой и быстрый ум позволяли активнее осваивать новые идеи. Былой благоговейный страх и превосходство турка решительно во всем постепенно начинали стираться в сознании людей. Изменение привычного равновесия между Турцией и подчиненными ей провинциями требовало усиления гарнизонов для удержания покоренных территорий. Все они – Триполи, Албания, Фракия, Йемен, Хиджаз, Сирия, Месопотамия, Курдистан, Армения – требовали значительных расходов, с каждым годом ложившихся все более тяжелым бременем на анатолийских крестьян; в результате и без того бедные деревни год от года беднели все больше.

По традиции турецкого крестьянства новобранцы безропотно принимали свою судьбу, как безучастные ко всему овцы, чуждые как добродетели, так и порока. Будучи предоставлены самим себе, они решительно ничего не делали и просто садились на землю в тупом оцепенении. Подчиняясь приказу быть доброжелательными и осмотрительными, они в зависимости от обстоятельств могли вести себя и как добрые друзья, и как благородные враги. По приказу они могли убивать собственных отцов и вспарывать животы матерям с тем же спокойствием, с каким до этого предавались безделью или делали что-нибудь путное. Безнадежная, какая-то даже болезненная

безынициативность делала их самыми послушными, самыми выносливыми и самыми хладнокровными солдатами в мире.

Эти солдаты неизбежно становились жертвами своих откровенно порочных офицеров-левантинцев, которые посылали их на смерть либо пренебрежительно выбрасывали, не рассчитавшись за службу, а то и использовали в качестве объектов своей отвратительной похоти. Они настолько не считали солдат людьми, что, вступая с ними в связь, даже не принимали обычных мер предосторожности. Медицинское обследование турецких военнопленных показало, что чуть ли не половина из них заражены венерическими болезнями, приобретенными противоестественным путем. Диагностика сифилиса и подобных ему болезней в стране отсутствовала, и зараза передавалась от одного к другому, поражая целые батальоны. Служба продолжалась шесть или семь лет, после чего выжившие, происходившие из добропорядочных семей, стыдились возвращаться домой и уходили в жандармы, или же, опустившись вконец, становились чернорабочими в городах. В стране падала рождаемость. Воинская служба обрекала турецкое крестьянство Анатолии на вымирание.

Нам было ясно, что Востоку нужен какой-то новый фактор, какая-то сила, какой-то народ, который не только обеспечил бы численный перевес над турками, но и превзошел бы их как по производительности в сфере экономики, так и по уровню мышления. Исторический опыт не позволял рассчитывать на то, что эти качества можно в готовом виде экспортировать из Европы. Результаты разнообразных усилий европейских держав утвердиться в Леванте оказались одинаково катастрофическими, и ни одному народу Запада мы не желали зла настолько, чтобы пытаться втянуть его в дальнейшие эксперименты в этом направлении. Нашим преемником на Востоке должна была быть какая-то местная, внутренняя сила, и, к счастью, эффективность такого подхода также определялась местными условиями. Предстояло соперничество с теперь уже насквозь прогнившей Турцией.

Кое-кто из нас считал, что достаточно мощная скрытая сила сосредоточена в массе арабских народов (являвших собою самый крупный компонент старой Турецкой империи), в этой обширнейшей семитской агломерации с ее великим религиозным началом, достаточно трудолюбивой, меркантильной и политической, но скорее податливой по своему характеру, чем способной доминировать. Прожив пять столетий под турецким ярмом, они стали мечтать о свободе; когда Англия наконец порвала с Турцией и одновременно разразилась война на Западе и на Востоке, мы, посчитав, что в наших руках знамение будущего, решили обратить усилия Англии на строительство нового арабского мира в Передней Азии.

Нас было немного, и большинство объединилось вокруг Клейтона, руководителя разведки, как гражданской, так и военной. Клейтон был идеальным лидером для такой компании необузданных энтузиастов, какую мы собою представляли. Он был спокоен, независим, прозорлив, беззаветно храбр, когда речь шла о принятии на себя ответственности. Своим подчиненным он предоставлял полную самостоятельность. Его взгляды были широки, как обширны и его познания, и действовал он скорее как авторитет для умов, нежели как суровый начальник. Обнаружить признаки его влияния было нелегко. Он был подобен растекающейся воде или просачивающемуся маслу, тихо, упорно проникающему через все преграды. Трудно было сказать, где он заочно присутствует в данный момент и сколько у него реальных приверженцев. Он никогда не навязывал своей руководящей роли, но идеи его были близки тем, кто их воплощал. На людей производили впечатление трезвость его суждений и спокойная, величавая умеренность ожиданий. В практических делах он был довольно беспорядочен и неаккуратен, оттого с ним легко находили общий язык независимые люди.

Первым среди нас был Рональд Сторрс, секретарь по восточным делам нашей миссии, самый блестящий из англичан на Ближнем Востоке, утонченно энергичный, хотя значительную часть своей энергии он расходовал на увлечения музыкой и литературой, скульптурой и живописью, на любовь ко всему прекрасному в мире. Как бы то ни было, Сторрс сеял то, что все мы пожинали, и всегда был для нас самым значительным человеком. Если бы он смог отойти от мира и заняться тренировкой своего ума и тела с упорством атлета перед решающим соревнованием, то одна лишь его тень, словно мантией, накрыла бы все сделанное нами и всю британскую политику на Востоке.

В наших рядах был и Джордж Ллойд. Он относился к нам с доверием, а его познания в области финансов делали его надежным проводником по лабиринтам торговли и политики, предсказателем будущих магистральных путей развития Среднего Востока. Без его участия мы никогда не сделали бы так много за столь короткое время, но это была беспокойная душа, жаждавшая скорее отведать нового, нежели исчерпать открытое до дна. Большому кораблю было суждено большое плавание, и он не задержался у нас. И, наверное, так и не узнал, как мы его любили.

Был и Марк Сайке, пылкий защитник малоубедительных всемирных движений. И не только их, но целого букета предрассудков, интуитивных постулатов и полунаучных гипотез. Идеи приходили к нему извне, и у него не хватало терпения испытать материал, прежде чем выбрать стиль конструкции, которую он намеревался выстроить. Он хватывался за какой-либо аспект истины, отделял его от окружающих обстоятельств, выворачивал, раздувал и моделировал по-своему, пока соединение прежнего подобия и новой непохожести не вызывали смех окружающих. Минуты такого

смеха были минутами его триумфа. Его инстинкты жили своей жизнью, близкой к пародийному началу. По призванию он был скорее карикатуристом, нежели живописцем, даже когда речь шла о государственных делах. Решительно во всем он отыскивал необычное и игнорировал рутинное. Ему было достаточно нескольких штрихов, чтобы нарисовать картину нового мира, лишённую масштаба, но живо отражающую цели, к которым мы стремились. Он приносил нам и пользу, и вред. В последнюю неделю пребывания в Париже он пытался смягчить этот вред. Вернувшись из поездки в Сирию с политической миссией, где с ужасом осознал истинное содержание своих мечтаний, Сайке благородно признался: «Я ошибался: истина вот здесь». Прежние друзья не оценили его новой убежденности, обвиняя его в непостоянстве и заблуждении; а вскоре он умер. Смерть его стала величайшей трагедией из трагедий для арабского дела.

Нашим общим исповедником-ментором и советчиком был Хогарт с его уроками истории и историческими параллелями, выдержкой и отвагой. В глазах стороннего наблюдателя он был миротворцем (я же весь состоял из когтей и клыков, во мне сидел настоящий дьявол); благодаря его авторитету с нами считались и прислушивались к нашему мнению. Он был наделен тонким ощущением истинных ценностей и учил нас видеть силы, скрытые под завшивленными лохмотьями и изъязвленной кожей той массы людей, какой предстали перед нами арабы. Хогарт был нашим арбитром и несравненным историком, передавал свои знания и делился осторожной мудростью при каждом удобном случае, потому что верил в наше дело. За ним стоял Кор-нваллис, человек отталкивающей внешности, но явно выкованный из тех таинственных металлов, что плавятся при немыслимой температуре в тысячи градусов. Он мог месяцами гореть жарче других, доведенных до белого каления, и выглядел при этом холодным и твердым. А там – Ньюкомб, Паркер, Герберт, Грейвс, убежденные люди, упорно делавшие свою работу так, как они ее понимали.

Мы называли себя «Группой вторжения», поскольку намеревались ворваться в затхлые коридоры английской внешней политики и создать на Востоке новый народ, не оглядываясь на рельсы, проложенные предшественниками. Поэтому мы, опираясь на свое эклектичное разведывательное бюро в Каире (неспокойное место, которое за бесконечные телефонные звонки и суету, за непрестанную беготню Обри Герберт называл вокзалом Восточной железной дороги), принялись за работу с руководителями всех рангов, близкими и далекими. Разумеется, первым объектом наших усилий стал сэр Генри Макмагон, верховный комиссар в Египте. Со свойственными ему пронизательностью и искусственным умом он сразу же понял наш замысел и одобрил его. Другие, например Уэмисс, Нейл Малколм, Уингейт, с готовностью нас поддержали, поняв, что война послужит созиданию. Их аргументация укрепила благоприятное впечатление, создавшееся у лорда Китченера за несколько лет до того, когда шериф Аб-дулла обратился к нему в Египте с просьбой о помощи.

Таким образом, Макмагон достиг того, что имело для нас решающее значение: взаимопонимания с шерифом Мекки.

Но до этого мы возлагали надежды на Месопотамию. Именно там энергичными действиями фатально неразборчивого в средствах Сейеда Талеба было положено начало арабскому движению за независимость; за этим последовали выступления Ясина эль-Хашими и военной лиги. Предметом слепого поклонения арабских офицеров был соперник Энвера, кругом обязанный нам Азиз эль-Масри, живший в Египте. В первые дни войны его обхаживал лорд Китченер, надеявшийся склонить на нашу сторону турецкие силы в Месопотамии. К сожалению, Британия тогда упивалась собственной уверенностью в быстрой и легкой победе: ожидавшийся сокрушительный разгром Турции заранее называли увеселительной прогулкой. Но индийские власти были решительно против каких-либо авансов арабским националистам, которые могли бы ограничить амбициозные планы заставить будущую месопотамскую колонию пойти на самопожертвование ради общего блага, как это было с Бирмой. Генерал-губернатор прервал переговоры, оттолкнул Азиза и интернировал Сейеда Талеба, отдавшего себя в наши руки.

Затем он грубым натиском ввел войска в Басру. Вражеские силы в Ираке состояли почти полностью из арабов, обреченных сражаться на стороне своих многовековых угнетателей против народа, долгое время считавшегося их освободителем, но упрямо отказывавшегося играть эту роль. Нетрудно понять, что сражались они очень плохо. Наши силы выигрывали одно сражение за другим, и тогда мы поняли, что индийская армия лучше турецкой. Затем последовал стремительный бросок к Ктесифону, где нас встретили чисто турецкие войска, сражавшиеся не за страх, а за совесть и оказавшие нам решительный отпор. Мы в замешательстве отступили. И начались долгие мучения Кута.

Между тем наше правительство раскаялось и по причинам, совершенно не связанным с падением Эрзе-рума, послало меня в Месопотамию, чтобы оценить возможности освобождения осажденного гарнизона каким-нибудь косвенным способом. Местные британцы категорически возражали против моего приезда. Два генерала из их числа даже оказались настолько добры, что объяснили мне, что моя миссия (о действительной цели которой они ничего не знали) позорна для солдата (которым я не был). В действительности же что-то предпринимать было уже поздно, так что агония Куга заканчивалась, и, таким образом, я не сделал ничего из того, что был намерен и имел полномочия сделать.

Условия для арабского движения были идеальными. В глубоком тылу армии Халила-паши бушевало восставшее население Неджефа и Кербелы. Уцелевшие в армии Халила арабы, по их собственному признанию, были открытыми противниками Турции. Племена Хая и Евфрата могли бы перейти на нашу сторону, прояви британцы хоть какие-то признаки благосклонности к ним. Если бы мы обнародовали обещания, данные нами шерифу, или хотя бы прокламацию, впоследствии посланную в захваченный Багдад, и приступили к соответствующим действиям, к нам присоединилось бы достаточно много местных вооруженных жителей, чтобы перекрыть турецкие коммуникации между Багдадом и Кутом. Несколько недель таких действий, и противник либо оказался бы вынужден снять осаду и отступить, либо сам попал бы в блокаду Кута, по своей суровости сравнимую с блокадой запертого внутри Тауншенда. Выиграть время для проведения такой операции было бы нетрудно. Если бы британские штабы в Месопотамии получили от Военного министерства еще восемь самолетов для увеличения ежедневных поставок продовольствия гарнизону Кута, сопротивление Тауншенда могло бы быть продолжено на неопределенное время. Его оборона была для турок неприступна, и только грубые просчеты внутри и вовне кольца вынудили его сдать.

Однако, поскольку тамошние деятели не воспользовались этими возможностями, я сразу же вернулся в Египет. И до самого конца войны англичане в Месопотамии оставались по существу просто иноземной силой, занимавшей вражескую территорию с пассивно нейтральным или же подспудно враждебным населением, что лишило их той свободы передвижения, какая была у Алленби в Сирии. Он вступил как друг в страну, активные симпатии населения были на его стороне. Факторы численности, климата и коммуникаций были для нас в Месопотамии более благоприятны, чем в Сирии, а высшее командование было с самого начала не менее энергичным и опытным. Однако списки потерь в сравнении с документами Алленби, тактика «лес рубят, щепки летят» в сравнении с его фехтовальными приемами ясно показали, как катастрофически неблагоприятная политическая ситуация способна связать по рукам чисто военную операцию.

Глава 7

В Месопотамии мы потерпели разочарование, но Макмагон продолжал переговоры с Меккой и в конце концов добился успешного их завершения, несмотря на эвакуацию Галлиполи, сдачу Кута и в целом неблагоприятную ситуацию на фронтах. Лишь немногие, в том числе и те, кто знал все о ходе переговоров, действительно верили, что шериф включится в войну, и поэтому факт, что он в конце концов поднял восстание и открыл свое побережье для наших судов, стал и для нас, и для них полной неожиданностью.

Мы скоро поняли, что наши трудности только начинаются. Поскольку возникновением этого нового фактора мы целиком были обязаны усилиям Макмагона и Клейтона, их начальников обуяла профессиональная ревность. Совершенно естественно, что сэру Арчибальду Мюррею, генералу, находившемуся в Египте, были не нужны конкуренты в сфере его компетенции. Он недолюбливал гражданскую власть, которая так долго поддерживала мир между ним и генералом Максвеллом. Ему не могло быть вверено руководство аравийским делом: ни он сам, ни его штаб не были достаточно компетентны в этнологии, что совершенно необходимо, если имеешь дело с такой тонкой проблемой. С другой стороны, у него была полная возможность сделать достаточно смешным зрелище главы дипломатического представительства в стране Содружества, ведущего свою частную войну. Он был нервным, капризным и крайне честолюбивым человеком.

Он встретил поддержку со стороны начальника своего штаба генерала Линдена Белла, кровожадного солдафона, отличавшегося сочетанием инстинктивного отвращения к политикам и хорошо рассчитанной сердечности. Двое из офицеров Генерального штаба горячо одобрили позицию своих начальников, и несчастный Макмагон оказался лишен помощи армии и унижен обязанностью вести войну в Аравии под присмотром прикомандированных к нему атташе Министерства иностранных дел. Кое-кто высказался против войны, позволявшей чужакам вмешиваться в их дела. К тому же в них так глубоко укоренились навыки подавления, достаточные, чтобы придать повседневной тривиальности дипломатической рутине видимость настоящей мужской работы, что когда пришло время заняться более важными вещами, они превращали их в те же самые тривиальности. Их расхлябанность, мелкие пакости, которые они устраивали друг другу, не могли не вызывать у военных отвращения, да и мы не питали к ним симпатии: слишком уж откровенно эти гавнюки унижали Макмагона, хотя сами были недостойны даже, чтобы чистить ему сапоги.

Уингейт, совершенно уверенный в том, что полностью владеет ситуацией на Среднем Востоке, предвидел, что арабское движение станет популярным в этом регионе и принесет ему большую пользу, но под влиянием нарастающей критики Макмагона стал и сам от него отмежевываться. Да и Лондон уже намекал, что столь тонкое и запутанное дело лучше передать в более опытные руки.

Однако в Хиджазе дела шли все хуже. Полевые арабские войска не были обеспечены надежной связью, шерифы лишены военной информации, отсутствовали хоть какие-то рекомендации тактического и стратегического порядка, не делалось никаких попыток изучения местных условий и

использования материальных ресурсов союзников для удовлетворения актуальных потребностей арабов. Французская военная миссия (которую дальновидный Клейтон предложил направить в Хиджаз, чтобы улажить крайне подозрительных союзников, предоставив им место за кулисами событий и поставив перед ними какую-нибудь задачу) беспрепятственно плела хитроумную интригу против шерифа Хусейна в его же городах Джидде и Мекке и рекомендовала ему, а также британским властям меры, которые должны были подорвать его авторитет в глазах всех мусульман. Уингейта, который теперь обеспечивал наше военное взаимодействие с шерифом, убедили в необходимости высадить отряды иностранных войск в Рабеге, на полпути между Мединой и Меккой, для защиты Мекки и сдерживания дальнейшего продвижения от Медины получивших второе дыхание турок. Окруженный толпой советников, Макмагон растерялся, что послужило для Мюррея поводом обвинить его в несостоятельности. Арабское восстание было дискредитировано, и штабные офицеры в Египте радостно пророчили его скорый провал и смерть шерифа Хусейна на турецкой виселице.

Мое положение нельзя было назвать простым. Как офицеру штаба Клейтона в разведывательном отделе сэра Арчибалда Мюррея, мне были вменены в обязанность сбор информации о расположении турецких войск и подготовка карт. В силу своей естественной склонности я прибавил к этому выпуск Арабского бюллетеня – секретного еженедельного отчета по средневосточной политике. Клейтон все больше убеждался в необходимости моего присутствия в военном отделе Арабского бюро – крохотного разведывательного и военного штаба, занимавшегося иностранными делами, который он в то время организовывал для Макмагона. В конечном счете Клейтона вывели из Генерального штаба, и его место занял, став нашим начальником, полковник Холдич, офицер разведки Мюррея в Исмаилии. Его первым намерением было оставить меня в своем штабе, а поскольку было совершенно ясно, что я ему не нужен, я не без некоторой дружеской помощи истолковал это как способ держать меня в стороне от арабского дела. И решил, что надо бежать – теперь или никогда. Мой прямой рапорт был отклонен, и я прибегнул к хитрости. Содержание моих телефонных разговоров (общевойсковой штаб находился в Исмаилии, а я в Каире) стало совершенно неприемлемым для штаба на Канале. Я использовал любую возможность пожаловаться на невежество и непрофессионализм офицеров разведотдела (что было правдой), а еще больше раздражал их, исправляя соперничавшие с самим Шоу речевые периоды и тавтологии в их донесениях.

Не прошло и нескольких дней, как это стало приводить их в ярость, и наконец они решили, что не станут больше терпеть мое присутствие. Я использовал эту стратегическую возможность для рапорта о десятидневном отпуске, сославшись на то, что Сторрс отправлялся по делам в Джидду, к Великому шерифу, и что мне хотелось бы отдохнуть в поездке вместе с ним на Красное море. Сторрса они не любили и были рады избавиться от меня хоть ненадолго. Согласие было немедленно получено, и они принялись готовить к моему возвращению повод для официального отстранения меня от дел. Разумеется, я не собирался предоставлять им такого шанса, потому что, будучи всегда готов пожертвовать своим телом ради любого дела, требующего исполнения воинского долга, я вовсе не собирался легкомысленно расставаться со своей душой. Я отправился к Клейтону и исповедался ему во всем. Он договорился в миссии об официальном запросе по телеграфу в Министерство иностранных дел в отношении моего перевода в Арабское бюро. Форин офис связался непосредственно с Военным министерством, и египетское командование узнало обо всем только после того, как дело было решено.

Мы со Сторрсом благополучно отправились в путь. На Востоке говорят, что лучший способ перейти площадь – это двигаться вдоль трех ее сторон, и в этом смысле мой маневр вполне соответствовал духу Востока. Но я оправдывал себя верой в конечный успех арабского восстания при условии правильного руководства. Я был одним из его инициаторов с самого начала, все мои надежды были связаны с ним. Фаталистическая приверженность профессионального солдата субординации (британской армии неведома интрига) должна была заставить порядочного офицера сидеть и смотреть на то, как разработанный им план кампании губят люди, ничего в нем не смыслящие и не испытывавшие зова души. Ылоп поЫз, Вотте*****.

Прибытие в Джидду

Когда мы наконец стали на якорь во внешней гавани Джидды **Error! Hyperlink reference not valid.**, над нами под пламенеющим небом повис белый город, отражения которого пробежали и скользили миражем по обширной лагуне. Зной Аравии словно обнажил свой меч и лишил нас, обессиленных, дара речи. Был октябрьский полдень 1916 года. Полуденное солнце, подобно лунному свету, обесцветило все краски. Мы видели лишь свет и тени, белые дома и черные провалы улиц. Впереди, над внутренней гаванью, расстилался бледный, мерцающий блеск тумана, а дальше на многие мили лежала ослепительная яркость безбрежных песков, бегущих к гряде низких гор, слабо намечающихся в далеком мареве зноя.

Как раз на север от Джидды была расположена вторая группа черно-белых зданий. Они дрожали в пекле, словно от толчков поршня, когда судно качается на якоре, а перемежающийся ветер

поднимает горячие волны.

Полковник Вильсон, британский представитель при новом арабском государстве, выслал за нами свой баркас, и мы отправились на берег. По дороге в консульство мы прошли мимо белокаменной кладбище еще строящегося шлюза через тесные ряды рынка. В воздухе роились мухи, перелетая от людей к финикам, от фиников к мясу. Они плясали, точно частицы пыли в полосах солнечного света, пронизывающих самые темные закоулки хижин через скважины в настиле, в холщовых занавесах. Воздух был горяч, как в бане.

Мы добрались до консульства. В затененной комнате, с открытой позади него решеткой, сидел Вильсон, готовый приветствовать морской бриз, запаздывавший вот уже несколько дней. Он сообщил нам, что шериф Абдулла, второй сын Гуссейна, великого шерифа Мекки **Error! Hyperlink reference not valid.**, только что вступил в город.

И я, и Рональд Сторрс **Error! Hyperlink reference not valid.** пересекли Красное море, чтобы встретиться с Абдуллой. Наше одновременное прибытие было большой удачей, казалось благоприятным предзнаменованием: Мекка, столица шерифа, все еще была недоступна для христиан, а трудную задачу Сторрса не мог разрешить телефонный разговор.

Мою поездку следовало рассматривать как увеселительную. Но Сторрс, секретарь по восточным делам резиденции в Каире, являлся доверенным лицом сэра Генри Мак-Магона **Error! Hyperlink reference not valid.** производило такое впечатление на шерифа, что этот крайне недоверчивый человек принимал их сдержанное вмешательство как достаточную гарантию для того, чтобы начать восстание против Турции. Он сохранял веру в британский авторитет в течение всей войны, которая изобиловала сомнительными и рискованными положениями. Сэр Генри являлся правой рукой Англии на Среднем Востоке до тех пор, пока восстание арабов не стало фактом. И если Министерство иностранных дел поддерживало бы взаимный обмен информацией со своими доверенными лицами, то наша честная репутация не пострадала бы так, как это случилось.

Абдулла, верхом на белой кобыле, окруженный стражей из великолепно вооруженных пеших рабов, медленно подъехал к нам при безмолвных, почтительных приветствиях всего населения города. Он был упоен и счастлив своим успехом при Тайфе **Error! Hyperlink reference not valid.** Я видел его впервые, меж тем как Сторрс, его старый друг, был с арабским вождем в наилучших отношениях.

Едва они заговорили друг с другом, я понял, что Абдулле была свойственна постоянная веселость. В его глазах таилось лукавство, и, несмотря на свои тридцать пять лет, он уже толстел. Полнота, возможно, произошла от того, что он много смеялся, самым непринужденным образом шутя со своими спутниками.

Однако, когда мы приступили к серьезной беседе, с него как бы спала маска веселости; шериф тщательно подбирал слова и приводил веские доводы. Разумеется, он спорил со Сторрсом, который предъявлял своему оппоненту очень высокие требования.

Мятеж шерифа в течение нескольких последних месяцев шел вяло (он стоял на мертвой точке, что при иррегулярной войне является прелюдией к поражению). Я подозревал, что причиной этого было отсутствие руководства – не в смысле ума, осмотрительности или политической мудрости. Дело было в отсутствии энтузиазма, которым могли бы воспламенить пустыню. Целью моего приезда был поиск неизвестной пока главной пружины всего дела, а также определение способности Абдуллы довести восстание до той цели, которую я наметил.

Чем дольше продолжалась наша беседа, тем больше я убеждался, что Абдулла слишком уравновешен, холоден и современен, чтобы быть пророком, в особенности же вооруженным пророком, которые, если верить истории, преуспевают во время революций. Его роль в мирное время была бы куда большей.

Сторрс втянул меня в разговор, спросив у Абдуллы его мнение о ведении кампании. Тот сразу стал серьезным и сказал, что считает необходимым настаивать на немедленном и действенном участии Британии в борьбе. Он следующим образом кратко изложил состояние дел.

Благодаря тому что мы не позаботились перерезать Хиджазскую железную дорогу, турки оказались в состоянии наладить транспорт и посылку снабжения для подкрепления Медины **Error! Hyperlink reference not valid.** Арабы, жившие в горах, которые пересекали путь, были вследствие нашей нерадивости слишком слабо снабжены припасами, пулеметами и артиллерией, чтобы обороняться достаточно долго. Гуссейн Мабеириг, старшина рабегского племени гарб, примкнул к туркам. Если мединская колонна двинется вперед, гарб присоединится к ней. Отцу Абдуллы останется лишь стать самому во главе своего народа в Мекке и умереть, сражаясь перед Святым городом.

В эту минуту зазвонил телефон: великий шериф хотел говорить с Абдуллой. Тот рассказал отцу о сути нашей беседы, и последний немедленно подтвердил, что в крайнем случае он поступит именно таким образом: турки вступят в Мекку лишь через его труп.

Закончив телефонный разговор, Абдулла, чуть улыбаясь, попросил, чтобы британская бригада – если возможно, из мусульманских войск – была наготове в Суэце, откуда можно было бы стремительно перебросить ее в Рабег, как только турки ринутся из Медины в атаку. Что мы думаем о

его предложении?

Я заявил, что передам в Египте его мнение, но что британское командование с величайшей неохотой снимает военные силы, жизненно необходимые для обороны Египта (хотя Абдулла и не должен был знать, что Суэцкому каналу угрожала какая-либо опасность со стороны турок)**Error! Hyperlink reference not valid.**, тем более что христиан надо послать на защиту населения от врага Святого города (в данном случае – Иерусалима).

Я добавил, что некоторые мусульманские круги в Индии, считавшие, что турецкое правительство имеет неотъемлемые права на святые места, ложно истолковали бы наши побуждения и поступки**Error! Hyperlink reference not valid.** Быть может, я мог бы поддержать его предложение более активно, если бы был в состоянии осветить вопрос о Рабеге, лично ознакомившись с положением дел и местными настроениями. Мне хотелось бы встретиться также с эмиром Фейсалом и обсудить его нужды и перспективы более длительной защиты гор населением, если мы усилим материальную помощь. Мне хотелось бы проехать дорогой султанов от Рабега к Медине вплоть до лагеря Фейсала.

В разговор вступил Сторрс и горячо поддержал меня, настаивая на жизненной важности для британского командования в Египте иметь исчерпывающую и своевременную информацию от опытного наблюдателя.

Абдулла подошел к телефону и попытался получить от своего отца согласие на мою поездку по стране. Шериф отнесся к его просьбе с большим недоверием. Абдулла приводил доводы в пользу своего предложения. Добившись не многого, он передал трубку Сторрсу, который пустил в ход все свои дипломатические таланты. Слушать Сторрса было наслаждением, а также уроком для любого англичанина, как надо вести себя с недоверчивыми или нерасположенными к чему-либо туземцами восточных стран. Почти невозможно было противиться ему дольше двух-трех минут, и в данном случае он также добился полного успеха.

Шериф опять попросил к телефону Абдулла и уполномочил его написать эмиру Али**Error! Hyperlink reference not valid.**, предложив тому, если он сочтет удобным и возможным, разрешить мне посетить Фейсала.

Под влиянием Сторрса Абдулла превратил это осторожное поручение в точную письменную инструкцию для Али: отправить меня со всевозможной быстротой и под надежным конвоем в лагерь Фейсала. Это было все, чего я добивался, но лишь часть того, чего добивался Сторрс. Мы прервали наш разговор, чтобы позавтракать. После завтрака, когда жара немного спала и солнце стояло не так высоко, мы отправились побродить и полюбоваться достопримечательностями Джидды под руководством полковника Юнга, помощника Вильсона, человека, который одобрительно относился ко всем старинным вещам и не слишком одобрительно к современным.

Джидда в самом деле оказалась замечательным городом. Улицы представляли собой узкие аллеи с деревянным перекрытием над главным базаром. Там, где не было перекрытия, небо глядело в узкую щель между крышами величавых белых домов. Это были четырех или пятиэтажные здания, сложенные из коралловых и сланцевых плит, скрепленных четырехугольными балками, и украшенные от самой земли до верха широкими овальными окнами с серыми деревянными рамами. Оконных стекол не было, их заменяли изящные решетки. Двери представляли собой тяжелые двустворчатые плиты из тикового дерева с глубокой резьбой и пробитыми в них калитками. Они висели на великолепных петлях и были снабжены кольцами из кованого железа.

Город казался вымершим. Его закоулки и улицы были усыпаны сырым, затвердевшим от времени песком, заглушавшим шаги, как ковер. Решетки и изгибы стен притупляли звуки голоса. На улицах не встречалось экипажей, да улицы и не были достаточно широки для них. Не слышно было стука подков, всюду стояла тишина. Двери домов плавно закрывались, когда мы проходили мимо.

На улицах оказалось мало прохожих, и те немногие, кого мы встречали, – все худые, словно истощенные болезнью, с изрубцованными лицами, лишенными растительности, с прищуренными глазами, – быстро и осторожно проскальзывали мимо, не глядя на нас. Их бедные белые одежды, капюшоны на бритых головах, красные хлопчатобумажные шали на плечах и босые ноги у всех были так одинаковы, что казались почти присвоенной им формой. На базаре мы не нашли ничего, что стоило бы купить.

Вечером зазвонил телефон. Шериф позвал к аппарату Сторрса. Он спросил, не угодно ли тому будет послушать его оркестр. Сторрс с удивлением переспросил: «Какой оркестр?» – и поздравил его святейшеством с успехами в светской жизни. Шериф объяснил, что в Главном штабе в Хиджазе при турках имелся духовой оркестр, который играл каждый вечер у генерал-губернатора; когда же генерал-губернатор был взят в плен Абдуллой, вместе с ним оказался захвачен и оркестр. Остальных пленных интернировали в Египет, но музыканты оставались в Мекке ради увеселения победителей.

Шериф Гуссейн положил трубку на стол в своей приемной, и мы, поочередно, торжественно приглашаемые к телефону, слушали игру оркестра во дворце в Мекке, на расстоянии сорока пяти миль. И когда Сторрс выразил шерифу общую благодарность, тот с величайшей любезностью ответил, что оркестр будет отправлен форсированным маршем в Джидду, с тем чтобы играть при нашем дворе.

– А вы доставите мне удовольствие и позвоните от себя по телефону, – сказал он, – чтобы и я мог принять участие в вашем развлечении.

На следующий день Сторрс посетил Абдулла в его ставке возле гробницы Евы **Error! Hyperlink reference not valid.**, они вместе осмотрели госпиталь, бараки, учреждения города, а также оценили гостеприимство городского головы и губернатора. В промежутках беседовали о деньгах, о титуле шерифа, о его взаимоотношениях с остальными эмирами Аравии, об общем ходе войны и обо всех тех общих местах, которые должны обсуждать посланцы двух правительств. Беседа была скучной, и по большей части я держался в стороне, так как уже пришел к выводу, что Абдулла не может быть тем вождем, который нам нужен.

Общество шерифа Шакира, двоюродного брата Абдуллы и его лучшего друга, показалось более интересным. Шакир, вельможа из Тайфа, с детства был товарищем сыновей шерифа. Никогда еще я не встречал такого переменчивого человека, мгновенно переходящего от ледяного величия к вихрю радостного оживления, – резкого, сильного, могучего, великолепного. Его лицо, рябое и безволосое от оспы, отражало все его переживания, как зеркало.

В этот же вечер Абдулла пришел к обеду с полковником Вильсоном. Мы встретили его во дворце, на ступеньках лестницы. Его сопровождала блестящая свита слуг и рабов, а за ними толпились бледные, худые бородатые люди с изнуренными лицами, в истрепанной военной форме, с музыкальными инструментами из тусклой меди. Махнув рукой в их направлении, Абдулла восхищенно сказал:

– Это мой оркестр.

Музыкантов усадили на скамейки переднего двора, и Вильсон выслал им папирос; мы же направились в столовую, где дверь на балкон была широко открыта, и жадно ловили дуновение морского бриза. Когда мы уселись, оркестр под охраной ружей и сабель свиты Абдуллы начал – кто в лес, кто по дрова – наигрывать надрывающие душу турецкие мелодии. Мы испытывали боль в ушах от невыносимой музыки, но Абдулла сиял. Наконец мы устали от турецкой музыки и попросили немецкой. Один из адъютантов вышел на балкон и крикнул оркестрантам по-турецки, чтобы они сыграли что-нибудь иностранное. Оркестр грянул «Германия превыше всего» как раз в ту минуту, когда шериф в Мекке подошел к телефону, чтобы послушать нашу музыку. Мы попросили подбавить еще чего-нибудь немецкого, и они сыграли «Праздничный город», но в середине мелодия перешла в нестройные звуки барабана. Кожа на барабанах в сыром воздухе Джидды обмякла. Музыканты попросили огня. Слуги Вильсона с телохранителем Абдуллы принесли им несколько охапок соломы и упаковочных ящиков. Они стали согревать барабаны, поворачивая их перед огнем, а потом грянули то, что они называли «Гимном ненависти», хотя никто не смог бы признать в нем ничего европейского. Кто-то сказал, обращаясь к Абдулле:

– Это марш смерти.

Абдулла широко открыл глаза, но Сторрс, поспешивший прийти на выручку, обратил все это в шутку. Мы послали вознаграждение вместе с остатками нашего ужина несчастным музыкантам, которые возвращение домой предпочли бы нашим похвалам.

Поездка к Фейсалу

На следующее утро я уехал на судне из Джидды в Рабег, где находилась главная квартира шерифа Али, старшего брата Абдуллы. Когда Али прочел приказ своего отца немедленно препроводить меня к Фейсалу, он пришел в замешательство, но не мог ничего поделать. Итак, Али предоставил мне своего великолепного верхового верблюда, оседлав его своим собственным седлом и покрыв роскошным чепраком и подушками из недждской **Error! Hyperlink reference not valid.** разноцветной кожи, украшенными заплетенной бахромой и сеткой из вышитой парчи.

В качестве верного человека, который проводил бы меня в лагерь Фейсала, он выбрал Тафаса из племени хавазим-гарб, с которым шел его сын.

Али не позволил мне двинуться в путь до захода солнца, дабы никто из свиты не увидел, что я покидаю лагерь. Он сохранял мое путешествие в тайне даже от своих рабов и дал мне арабский плащ и головное покрывало (сомаду), чтобы я, закутавшись в них и скрыв свой мундир, казался во мраке арабом на верблюде.

Я не взял с собою ничего съестного. Али велел Тафасу накормить меня в бир (колодце) Эль-Шейх, ближайшем селении, в шестидесяти милях от Рабега, и самым строгим образом велел ему ограждать меня в пути от вопросов любопытных, избегая всяких лагерей и случайных встреч.

Мы миновали пальмовые рощи, которые опоясывали разбросанные дома селения Рабег, и поехали вдоль Техамы, песчаной и лишенной четких очертаний полосы пустыни, окаймляющей западный берег Аравии на сотни уныло-однообразных миль, между морским побережьем и прибрежными холмами.

Днем равнина нестерпимо раскалилась, после чего вечерняя прохлада казалась приятной. Тафас молча вел нас вперед. Верблюды беззвучно шагали по мягким, ровным пескам. Мы ехали по дороге, которая была дорогой паломников. По ней шли бесчисленные поколения народов Севера,

чтобы посетить Святой город, неся с собой дары. И мне казалось, что восстание рабов **Error! Hyperlink reference not valid.**, может быть, является в известном смысле обратным паломничеством, возвращением на север, к Сирии, заменой одного идеала другим – прошлой веры в Откровение верой в свободу. Около полуночи мы сделали привал. Я плотно закутался в свой плащ, нашел в песке впадину, соответствующую моему росту, и прекрасно проспал в ней почти до зари.

Как только Тафас почувствовал, что воздух похолодел, он поднялся, и две минуты спустя мы, раскачиваясь, опять двинулись вперед. Через час уже совсем рассвело, когда мы стали взбираться на низкую гряду лавы, которую ветер почти занес песком.

За гребнем дорога спускалась к широкой, открытой местности равнины Мастур.

Мой верблюд был отрадой для меня: я еще никогда не ездил на подобном животном. В Египте не было хороших верблюдов, а выносливые и сильные верблюды Синайской пустыни не имеют прямой, мягкой и быстрой поступи великолепных верховых животных арабских эмиров.

У самого северного края Мастура мы нашли колодец. Возле него высились обветшавшие стены когда-то стоявшей здесь хижины, а напротив них имелось небольшое укрытие из пальмовых листьев и ветвей, под которым сидело несколько бедуинов. Мы не поздоровались с ними. Тафас повернул к разрушенным стенам, и мы спешили. Я сел в их тени, пока он со своим сыном поил животных водой из колодца.

Колодец имел около двадцати футов в глубину, а для удобства путешественников, у кого не было веревки, как у нас, в колодце устроили спуск с выступами в углах для рук и ног, чтобы можно было добираться к воде и наполнять мехи.

Ленивые руки набросали столько камней в колодец, что его дно оказалось наполовину завалено, и воды было немного. Абдулла закинул свои развевающиеся рукава за плечи, подоткнул платье за пояс для патронов и начал проворно лазать вверх и вниз, принося каждый раз четыре-пять галлонов воды, которые выливал для наших верблюдов в каменное корыто, находившееся позади колодца. Верблюды выпили каждый около пяти галлонов воды, так как только накануне их поили в Рабеге. Затем мы пустили их немного попастись, пока отдыхали сами, наслаждаясь легким ветерком с моря. Абдулла курил папиросу, полученную в награду за свои труды. К колодцу подошли люди племени гарб, гоня перед собой большое стадо молодых верблюдов, и начали их поить, послав одного из своих слуг вниз в колодец с большим кожаным ведром, которое другие принимали, передавали из рук в руки под ритм громкого, отрывистого пения.

Пока мы наблюдали за ними, с севера быстро, легкой рысью к нам подъехали два всадника на чистокровных верблюдах. Оба были молоды. Один из них вырядился в пышное кашемировое платье, на голове у него была чалма, богато расшитая шелками. Другой был одет скромнее – в белое бумажное платье, с красным бумажным головным покрывалом. Они спешили за колодцем. Одетый более богато легко спрыгнул на землю, не заставив верблюда опуститься на колени, и, протянув своему спутнику веревку, сказал небрежно:

– Напои их, а я пройду наверх, чтобы отдохнуть.

Он сел под нашей стеной, покосившись на нас с напускным равнодушием, затем предложил нам папиросу, которую только что свернул, лизнув языком, и спросил:

– Вы едете из Сирии?

В свою очередь я деликатно осведомился, не из Мекки ли он, на что он также не дал прямого ответа. Мы поговорили немного о войне и о худобе арабских верблюдиц.

Между тем другой всадник стоял около нас, держа веревку и, вероятно, ожидая, пока гарб закончат поить свое стадо, чтобы занять свою очередь. Но тут наш молодой собеседник крикнул:

– В чем дело, Мустафа? Напои их сейчас же.

Слуга подошел и сказал угрюмо:

– Они меня не пустят.

– Черт подери, – закричал в раздражении хозяин, вскочив на ноги, и три или четыре раза ударил несчастного Мустафу хлыстом по голове и по плечам. – Пойди попроси их!

Мустафа взглянул на него с обидой, удивлением и таким гневом, как будто готов был ударить в ответ, но сдержался и побежал к колодцу. Гарб, пораженные этой сценой, уступили ему место и позволили поить верблюдов из наполненного ими корыта. Затем они стали перешептываться:

– Кто это?

Мустафа ответил:

– Двоюродный брат нашего господина из Мекки.

Тотчас же два гарба побежали, развязали тук у одного из своих седел и, вынув оттуда корм, разложили перед обоими верблюдами господина из Мекки зеленые листья и почки терна.

Молодой шериф с удовлетворением смотрел на них. Когда его верблюд насытился, он медленно, но ловко сел в седло, устроился поудобнее и на прощание приветствовал нас, призывая милости неба на арабов. Мы пожелали ему доброго пути, и он направился к югу, в то время как Абдулла вывел наших верблюдов и мы двинулись к северу. Через десять минут я услышал кряхтение старого Тафаса и увидел насмешливые морщинки на его лице.

– Что с вами, Тафас? – спросил я.

– Господин, вы видели этих двух всадников у колодца?

– Шерифа и его слугу?

– Да, но это был шериф Али Ибн эль-Гуссейн из Модига и его двоюродный брат, шериф Мохсин, вожди клана харита, кровные враги рода масрух. Они боялись задержаться или совсем не получить воды, если их узнают арабы. Поэтому они выдавали себя за хозяина и слугу из Мекки. Видели ли вы, в какую ярость пришел Мохсин, когда Али ударил его? Али – дьявол. Еще одиннадцати лет он бежал из родительского дома к своему дяде, обкрадывавшему богомольцев на продуктах. Он прожил у дяди подручным в течение многих месяцев, пока отец не нашел его. Он участвовал вместе с нашим шерифом Фейсалом с первых же дней в сражении под Мединой и вел клан атейба на равнины, окружающие Аар и бир Дервиш. Это было сражение на верблюдах **Error! Hyperlink reference not valid.** Али не взял бы с собой человека, который не умел бы делать того, что умел делать он, – бежать за верблюдом, держась одной рукой за седло, а в другой неся ружье. Дети харита – дети войны.

Впервые старик был так многоречив.

Мы ехали до захода солнца, когда перед нами открылся вид на поселок бир Эль-Шейх. Мы въехали на его широкую, просторную улицу и сделали привал.

После нескольких сказанных шепотом слов и длительного молчания Тафас купил муку, из которой он замесил тесто и сделал лепешку. Он закопал ее в горячую золу, которую раздобыл у женщины, по-видимому его знакомой. Когда лепешка испеклась, он вынул ее из огня и похлопал, чтобы стряхнуть золу. Потом мы разделили ее между собой, тогда как Абдулла пошел промышлять для себя табак.

Мне сказали, что у подножия южного откоса имелось два обложенных камнем колодца, но я не был расположен пойти взглянуть на них, так как длительная езда в течение целого дня утомила меня, а зной равнины измучил. Моя кожа покрылась волдырями, а глаза болели от ослепительного блеска серебряных песков и сияющих булыжников пустыни.

Последние два года я провел в Каире, сидя целые дни за конторкой, с трудом сосредоточиваясь в маленькой, переполненной народом комнате, отвечая на сотни вопросов, и был лишен всякого физического упражнения, кроме ежедневной прогулки от конторы до гостиницы. Поэтому новизна положения была для меня очень тяжела, так как я не имел возможности постепенно привыкнуть к палящему зною арабского солнца и к монотонному шагу верблюдов. А ведь предстоял еще переход в этот вечер и долгий путь на следующий день, чтобы достигнуть лагеря Фейсала. Поэтому я почувствовал сожаление, когда наш двухчасовой отдых закончился и мы, снова сев на верблюдов, поехали в кромешной тьме, спускаясь в долины и вновь поднимаясь из них.

В замкнутых ложбинах воздух был знойный, но на открытых местах свежий и возбуждающий. Под нами, должно быть, расстилалась ровная песчаная почва, так как мы беззвучно продвигались вперед, и я все время впадал в дрему, чтобы через несколько секунд внезапно и тревожно просыпаться и инстинктивно хвататься за седло, восстанавливая равновесие, нарушенное каким-нибудь неверным шагом верблюда.

Стоял густой мрак, и глаз не мог уловить неясных очертаний местности. Наконец, спустя много времени после полуночи, мы остановились для отдыха. Я завернулся в свой плащ и заснул в очень уютном песчаном ложе, перед которым Тафас привязал моего верблюда, поставив его на колени.

А через три часа мы опять двинулись в путь, освещаемый светом заходящего месяца. Когда мы вышли из теснин на широкий простор, над которым кружился резкий ветер, начало светать.

В окрестностях бир Ибн Гасани у нас была замечательная встреча.

Мы переехали обширную равнину. Из-за каких-то строений вышел старик, оказавшийся болтливым погонщиком верблюдов, и тяжелым шагом приблизился к нам. Он назвал себя Халлафом и был преувеличенно любезен. Его приветствие выразилось в потоках надоедливой болтовни; после нашего ответа на приветствие он попытался вовлечь нас в разговор. Однако Тафас старался от него отделаться и ограничивался короткими ответами. Халлаф не унимался и в конце концов, желая выглядеть в наших глазах лучше, нагнулся, порылся в своей седельной сумке и вытащил маленький эмалированный горшочек, который занимал добрую половину его багажа, и достал оттуда нечто. Это была старая пресная лепешка, пропитанная маслом, когда она была еще теплой. Разломить ее можно было только с большим трудом. Перед едой лепешка посыпается кристаллическим сахаром и разминается пальцами. Я чуть дотронулся до нее. Тафас и Абдулла уделили хлебу больше внимания.

Теперь мы были друзьями, и болтовня началась снова. Халлаф рассказал нам о последней битве и про несчастье, случившееся с Фейсалом накануне. По-видимому, он был выбит из верхнего участка вади **Error! Hyperlink reference not valid.** как Сафра и сейчас находился в Хамре, недалеко от нас; по крайней мере, Халлаф считал, что он там. Мы могли узнать об этом с достоверностью в ближайшей деревушке по нашей дороге. Сражение не было кровопролитным, но все несчастные случаи прились на соплеменников Тафаса и Халлафа: он назвал нам все имена и рассказал о ранении каждого.

Впоследствии выяснилось, что Халлаф был на жалованье у турок и часто им доносил о том, что

происходило за бир Ибн Гасани.

В усилившемся дневном свете мы увидели как раз справа от нас селение. Маленькие домишки, коричневые и белые, теснящиеся ради безопасности друг возле друга, казались кукольными. Они выглядели еще более одинокими, чем сама пустыня. Пока мы созерцали их, надеясь увидеть там хоть какое-нибудь проявление жизни, солнце быстро взошло.

Повернув направо, мы спускались на протяжении нескольких миль с горы к высоким утесам. Мы объехали их и внезапно очутились в долине вади Сафра, у цели нашей поездки, в середине Васты – ее самой крупной деревни. Дома Васты казались гнездами, лепящимися к склонам гор.

Наконец мы добрались до долины. Посредине ее, между двумя пальмовыми рощами, протекал прозрачный ручей, окруженный густой травой и цветами. Мы задержались здесь на минуту, чтобы дать верблюдам напиться. Вид травы принес быстрое облегчение нашим глазам после того, как они целый день созерцали лишь резкий блеск булыжников. Я даже невольно взглянул вверх, чтобы посмотреть, не закрыли ли облака солнечного лика.

Мы проехали через поток к саду, из которого тот, искрясь, выбегал в каменистое ложе, а затем свернули вдоль обмазанной глиной стены сада под сень его пальм, направляясь к другим, стоящим отдельно хижинам.

Мы поехали по небольшой улочке. Дома были такие низкие, что мы из седла видели сверху их глиняные крыши. Тафас остановился у дома побольше и постучал в ворота его неогороженного двора. Нам открыл раб, и мы спешили в молчании. Тафас привязал верблюдов, распустил им подпруги и насыпал перед ними свежего сена, набрав его из душистого стога позади ворот. Затем он повел меня в парадную комнату дома, темную и чистую, с глиняными стенами. Мы уселись на циновку из пальмовых листьев, лежавшую под балдахинном. Дневной зной в душной долине все усиливался. Мы легли. Жужжание пчел в садах и мух, носящихся возле наших защищенных покрывалами лиц, усыпило нас.

Когда мы проснулись, обитатели дома уже приготовили для нас хлеб и финики. Закусив, мы опять сели на верблюдов и поехали вдоль прозрачной, тихой речки, пока она не скрылась в пальмовых садах, за их низкими стенами, сложенными из иссушенной солнцем глины.

Между корнями деревьев были проложены небольшие каналы в один-два фута глубиной, расположенные таким образом, чтобы вода, направляемая из каменного русла, могла орошать каждое дерево по очереди. Источник воды находился в общинном владении и распределялся между владельцами по минутам или часам, по дням или неделям, смотря по обычаю. Вода была немного солоновата, что и требовалось для лучших сортов пальм, но в то же время она была достаточно пресной в колодцах частных владельцев в небольших рощах. Эти колодцы попадались очень часто, и вода в них была на расстоянии трех-четырех футов от поверхности земли. Дорога привела нас к центру деревни и базару. Лавки были убоги, и все кругом казалось пришедшим в упадок. В прошлом Васта была многолюдна и, говорят, состояла из тысячи домов, но однажды огромная стена воды, обрушившаяся на деревню из вади Сафра, смыла насыпи вокруг многих садов и унесла пальмы. Некоторые из островков, на которых веками стояли дома, были затоплены; стены домов, размякнув, обратились в глину и погребли под собой несчастных рабов. Все могло бы быть восстановлено, если бы осталась почва. Но сады стояли на земле, оставляемой ежегодным разливом реки, а эта волна воды – высотой восемь футов, не ослабевавшая в своем натиске в течение трех дней – превратила все пространство в голые камни.

Сейчас мы уже видели отряды солдат Фейсала и пасущиеся табуны их верховых верблюдов. К тому моменту когда мы достигли Хамры, каждый закоулок в скалах или заросли деревьев представляли собой бивуак.

Хамра, открывшаяся нашим глазам слева, состояла приблизительно из сотни домов, скрытых садами, разбитыми между насыпями земли высотой до двадцати футов. Мы перешли вброд небольшой ручей и поднялись по обнесенной стенами дороге между деревьями на вершину одной из этих насыпей, где оставили наших опустившихся на колени верблюдов возле ворот двора у длинного низкого дома.

Тафас сказал что-то арабу, который стоял там, держа в руке меч с серебряным эфесом. Тот ввел меня во внутренний двор, в дальнем углу которого, выделяясь в черном просвете дверей, находилась белая фигура человека, напряженно ожидавшего меня. При первом же взгляде я почувствовал, что это был тот, ради кого я приехал в Аравию, – вождь, который доведет восстание арабов до полной победы. Эмир Фейсал казался очень высоким и стройным в своей длинной белой шелковой одежде, с коричневым головным покрывалом, завязанным блестящим ало-золотым шнурком. Его веки были опущены и бледное лицо с черной бородой походило на маску. Он стоял, скрестив руки на кинжале.

Я обратился к нему с приветствием. Эмир ввел меня в комнату и сел на ковер возле дверей. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что в маленькой комнате находилось много безмолвных фигур, в упор смотревших на меня и на Фейсала. Он сидел неподвижно, опустив глаза; его пальцы медленно играли кинжалом. Наконец он тихо спросил, как я перенес путешествие. Я заговорил о зное, и он, узнав, когда я выехал из Рабега, заметил, что для этого времени года мы

ехали быстро.

– А нравится ли вам здесь, в вади Сафра?

– Конечно. Но ведь отсюда далеко до Дамаска.

Мои слова упали подобно мечу, и среди присутствовавших прошел легкий трепет. А затем все застыли на своих местах и на минуту затаили дыхание. Наступило молчание. Фейсал наконец поднял глаза, улыбнулся мне и сказал:

– Хвала Богу, но ведь турки к нам ближе, чем Дамаск.

Мы улыбнулись.

Я встал, и наше первое свидание на этом окончилось.

Фейсал и его отряды

На мягком лугу, под высокими сводами пальм с переплетенными ветвями, я нашел содержащийся в опрятности лагерь солдат египетской армии (под начальством египетского майора Нафи-бея), недавно присланных из Судана сэром Реджинальдом Вингейтом **Error! Hyperlink reference not valid.** в помощь арабскому восстанию. Они имели при себе батарею горной артиллерии и несколько пулеметов. Сам Нафи был гостеприимным и любезным человеком.

Возвестили о приходе Фейсала и Мавлюда эль-Мухлюса, арабского фанатика из Текрита, который благодаря своему неукротимому национализму уже дважды был разжалован в турецкой армии и провел в Неджде два года, будучи секретарем эмира Ибн Рашида. Он командовал турецкой кавалерией при Шайбе и там был захвачен в плен **Error! Hyperlink reference not valid.** Как только эль-Мухлюс услышал о восстании шерифа, он добровольно поступил к тому на службу и был первым кадровым офицером, присоединившимся к Фейсалу. Сейчас он номинально являлся его адъютантом.

Мавлюд эль-Мухлюс с горечью жаловался, что восставшие во всех отношениях скверно экипированы. Это и являлось главной причиной их настоящего опасного положения. Они получали от шерифа ежемесячно тридцать тысяч фунтов стерлингов, но мало муки и риса, мало ячменя, мало винтовок, недостаточно боевых припасов и совершенно не получали ни пулеметов, ни горных орудий, ни технической помощи, ни информации.

Тут я остановил Мавлюда и сказал ему, что мой приезд именно и должен выяснить, в чем они испытывают недостаток, чтобы составить доклад об этом, и что я смогу работать с ними лишь в том случае, если они объяснят мне свое общее положение. Фейсал согласился со мной и рассказал мне историю своего восстания с самого его начала.

Первый натиск на Медину, 10 июня 1916 года, оказался безнадежным делом. Арабы были плохо вооружены и нуждались в боевых припасах, турки же были снабжены великолепно. В самый критический момент клан бен-али дрогнул, и арабы были отброшены от стен. Затем турки открыли по ним огонь из орудий, чем устроили арабов, непривычных к артиллерийской пальбе. Племена аджейль и атейба отступили на безопасное место и отказались вновь идти на штурм.

Часть соплеменников бен-али объявила турецкому командованию, что они сдадутся, если их деревни будут оставлены в покое. Фахри-паша, с 17 июня командовавший четырнадцатитысячным гарнизоном Медины, заигрывал с ними и, усыпив их бдительность, обложил своими войсками занятое повстанцами предместье Ауали, приказав штурмовать его и перебить всех, кого найдут в его стенах. Сотни жителей были ограблены и заколоты, а дома их сожжены. В огонь одинаково бросали и оставшихся в живых, и трупы. Фахри и его люди учились искусству убивать, уничтожая на севере армян **Error! Hyperlink reference not valid.**

Это печальное знакомство с турецкой манерой войны потрясло и возмутило всю Аравию, ибо первым правилом войны у арабов является неприкосновенность женщин, вторым – пощада жизни и чести детей, еще неспособных сражаться с мужчинами, и третьим – имущество, которое невозможно унести с собой, должно быть оставлено нетронутым.

Арабы и Фейсал поняли, что они наткнулись на нечто невиданное, и отступили, дабы выиграть время и привести в порядок свои ряды. Не могло быть и речи о сдаче: разграбление Ауали посеяло неискоренимую вражду к туркам и возложило на арабов долг сражаться до последней капли крови. Но им стало ясно, что борьба будет длительной и едва ли они могут ожидать победы, имея единственным оружием старинные, заряжающиеся с дула ружья.

Поэтому они отступили от равнин вокруг Медины в горы и отдыхали, пока Али и Фейсал слали гонца за гонцом в Рабег, где находилась их морская база, чтобы узнать, когда можно ждать прибытия свежих войск, припасов и новых денег.

Восстание началось в свое время внезапно, согласно точному приказу их отца. Но старик, слишком независимый, чтобы посвящать во все своих сыновей, не разработал с ними никаких планов на случай, если борьба затянется. Поэтому пока что они получили лишь немного провианта. Позднее им доставили несколько японских винтовок – в большинстве испорченных. Те стволы, которые все же казались целыми, были настолько непрочны, что разрывались при первом испытании. Денег совершенно не было прислано, но взамен их Фейсал наполнил камнями ящик изрядных размеров, запер его, заботливо обвязал веревкой и, поручив охрану во время дневных переходов собственным

рабам, каждый вечер при всех вносил его в свой шатер. Подобными театральными эффектами братья пытались удержать тающие отряды.

Наконец Али отправился в Рабег, чтобы разузнать, что там случилось. Он выяснил, что шейх Гуссейн Мабеириг, старшина местного племени, пришел к твердому выводу, что победу одержат турки (он уже дважды пытался вступить с ними в переговоры, но оба раза терпел полную неудачу), и в соответствии с этим решил, что лучше всего примкнуть к ним. Так как англичане выгрузили на берег для шерифа различные припасы, то он решил присвоить их и тайком перенес на свои склады. Али устроил демонстрацию, послав настоятельное требование своему сводному брату Зейду **Error! Hyperlink reference not valid.**, чтобы тот присоединился к нему с подкреплениями из Джидды. Гуссейн в страхе улизнул в горы и был объявлен вне закона. Оба шерифа овладели его деревнями. Они нашли там запасы оружия и провианта для своих войск на целый месяц. Однако соблазн отдыха оказался для них слишком силен – они обосновались в Рабеге.

Тем самым Фейсал остался в одиночестве и вскоре оказался изолированным, в ложном положении, в полной зависимости от местных запасов. Он терпел это в течение некоторого времени, но в августе воспользовался приездом полковника Вильсона в недавно покоренный Янбу **Error! Hyperlink reference not valid.**, явился к нему и полностью изложил свои неотложные нужды. Он и его рассказ произвели большое впечатление на Вильсона, и тот тут же пообещал батарею горных орудий и несколько «максимов», причем ими должны были управлять солдаты и офицеры из гарнизона египетской армии, стоящего в Судане. Этим и объяснялось присутствие Нафи-бея и его военных частей в лагере Фейсала.

По их прибытии арабы ободрились и решили, что они стали равны по силе туркам. Но четыре присланные пушки оказались двадцатилетней давности и крупновского производства, с дальностью лишь три тысячи ярдов, а прислуга при них не была достаточно увлечена и воодушевлена для нерегулярной войны. Тем не менее повстанцы двинулись вперед всей массой и оттеснили турецкие аванпосты, а вслед за ними и первые резервы боевой линии, пока Фахри не встревожился. Он сам отправился для осмотра фронта и немедленно прислал к бир Аббасу, близ которого грозила опасность прорыва, подкрепление в три тысячи человек. У турок были полевые орудия и гаубицы, их преимуществом являлось расположение на высокой местности, что способствовало наблюдению за врагом. Они начали тревожить арабов беглой стрельбой, и один снаряд чуть не угодил в палатку Фейсала, когда в ней собрались все старшины. От египетских артиллеристов потребовали, чтобы они открыли ответный огонь и сбили вражеские пушки. Но те вынуждены были заявить, что их орудия бесполезны, так как они не могут бить на десять тысяч ярдов. Египтян подняли на смех, и арабы вернулись обратно в ущелья.

Фейсал был сильно обескуражен. Его люди устали. Он понес большие потери. Его единственная действенная тактика против неприятеля заключалась во внезапных стремительных нападениях на тылы турок, но при этих атаках множество верблюдов было убито, ранено и изувечено. Он не решался взять на себя ведение всей войны в то время, как Абдулла задерживался в Мекке, а Али и Зейд – в Рабеге. Наконец он отступил со своими главными силами, оставив племена гарб поддерживать натиск на турецкий обоз и службу связи путем ряда набегов, подобных тем, которые он сам признавал невозможным продолжать.

И все же он не боялся, что турки опять внезапно бросятся на него. Его неудача в попытках хоть как-нибудь воздействовать на турок не внушала ему ни малейшего уважения к ним. Его последнее отступление к Хамре не было вынужденным: оно являлось жестом отвращения к своему явному бессилию, из-за чего он и решил хотя бы на короткое время вернуть себе достоинство в отдыхе.

Я спросил Фейсала, каковы сейчас его планы. Он ответил, что до падения Медины они неизбежно связаны с Хиджазом и арабы должны плясать под дудку Фахри. По его мнению, турки стремятся вернуть себе Мекку. Их главная сила сейчас заключается в легкой колонне, которую они могут двинуть на Рабег, избрав любую дорогу, что держит арабов в постоянной тревоге. Пассивная оборона гор Джебель-Субха **Error! Hyperlink reference not valid.** уже показала, что арабы не способны к этому роду ведения войны. Когда враг приходит в движение, они должны быть нападающей стороной.

Мавлюд, который во время нашей продолжительной беседы беспокойно ерзал на своем месте, не смог дольше сдерживаться и крикнул:

– Не пишите о нас историй. Единственное, что необходимо, это сражаться и еще раз сражаться, убивая турок. Дайте мне батарею шнейдеровских горных орудий и пулеметов, и я все закончу мигом. Мы все болтаем да болтаем, но ничего не делаем.

Я с жаром возразил ему, и Мавлюд, великолепный боец, считавший выигранную победу поражением, если он не мог показать хоть одной раны в доказательство своего участия в бою, вступил со мной в горячий спор. Мы спорили, а Фейсал сидел рядом и довольно улыбался, глядя на нас.

Для него подобный разговор являлся праздником. Его воодушевила даже такая безделица, как мой приезд, так как он был человек настроений, колеблющийся между воодушевлением и отчаянием, а сейчас вдобавок еще смертельно уставший. Он выглядел намного старше своего тридцати одного

года. Его темные, привлекательные глаза, слегка раскосые, были налиты кровью, а впалые щеки изборождены глубокими складками. Его природа противилась размышлениям, так как они нарушали быстроту его действий. Он был высок, грациозен и силен, с величественной поступью и царственной посадкой головы. Движения его были порывисты. Он обнаруживал большой темперамент, порой даже безрассудство, и был резок в переходах. Его личное обаяние, храбрость и некоторая хрупкость – единственная слабость этого гордого характера – делали Фейсала кумиром его сторонников. Позднее он доказал, что может платить доверием за доверие, подозрением за подозрение. В нем было больше сарказма, чем юмора.

Пройденная им школа в качестве одного из приближенных Абдул Гамида **Error! Hyperlink reference not valid.** сделала из него большого дипломата. Военная служба у турок дала ему знание тактики. Жизнь в Константинополе и знакомство с турецким парламентом приблизили Фейсала к пониманию европейской жизни и манер.

Он был наблюдателен и умел оценивать людей. Если бы у него хватило сил осуществить свои мечты, он пошел бы очень далеко, ибо всецело погружался в свою работу и жил только ею. Но следовало опасаться, что он может истощить себя, пытаясь сделать что-либо чрезмерное, всегда ставя цель, превышающую реальные возможности, либо умереть от переутомления. Его люди рассказали мне, как после долгого сражения, в котором нужно было и защищаться самому, и руководить нападением, и воодушевлять войска, он физически изнемог и его в бессознательном состоянии унесли с поля боя с выступившей пеной у рта.

Между тем казалось, что в лице Шейсала, если только хватит сил, чтобы удержать его, мы имели пророка, который мог воплотить в жизнь идею восстания арабов. Это было больше того, на что мы раньше надеялись, гораздо больше, чем заслуживало наше нерешительное поведение. Цель моей поездки казалась достигнутой.

Я должен был тотчас кратчайшим путем направиться с известиями в Египет.

Сумерки сгустились в ночь. Вереница рабов с лампами пробралась к нам по извилистым тропам между пальмовыми стволами, и мы с Фейсалом и Мавлюдом вернулись через сад обратно к домику, еще полному ожидающих нас людей. Мы вошли в душную комнату, где собрались ближайшие друзья Фейсала, и все вместе сели за дымящиеся чаши с рисом и мясом, поставленные рабами на ковры.

На следующее утро я встал рано и бродил между войсками Фейсала со стороны Хейфа, пытаясь в течение одной минуты определить их настроение. Я всемерно стремился беречь время, так как за десять дней необходимо было собрать впечатления, которые в обычных условиях стали бы при моей черепашей медлительности плодом многонедельных наблюдений.

Действительно, здесь требовалось личное донесение. В этой бескрайней, технической войне малейшая экзотика вызывала всеобщее ликование, и сильнейшим приемом Мак-Магона являлось использование еще не проснувшегося воображения Генерального штаба.

Я верил в арабское движение и всегда был уверен, что оно стремится расчленив Турцию. Но командованию в Египте не хватало веры, и там привыкли к мысли, что на поле битвы от арабов не приходится ждать ничего путного. Подчеркнув, как сильно стремление этих романтиков гор к их святыням, я мог бы привлечь к ним симпатии в Каире для оказания повстанцам необходимой помощи.

Люди радостно встречали меня. Под каждой большой скалой или кустом они валялись, как ленивые скорпионы, отдыхая от зноя и освежая свои смуглые тела прикосновениями к прохладным под утренней сенью камням. Сначала из-за моего хаки они принимали меня за турецкого офицера, дезертировавшего к ним, и высказывали добродушные, но жуткие предположения о том, как они со мной расправятся.

Они были в диком возбуждении, крича, что война может продолжаться хоть десять лет. Сейчас было самое сытое время, какое когда-либо знавали здесь, в горах. Шериф кормил не только воинов, но и их семьи и платил каждому пешему по два фунта в месяц и по четыре за верблюда. Не что иное не стало бы причиной такого чуда, как сохранение под ружьем в течение пяти месяцев армии, состоящей из различных племен.

Действующий состав ее рядов постоянно менялся, подчиняясь велениям плоти. Семья владела одной винтовкой, и сыновья служили по очереди, каждый в течение нескольких дней. Женатые мужчины делили время между лагерем и женой, а иногда целый клан, устав от скучных обязанностей, предавался отдыху. Из восьми тысяч людей Фейсала одна тысяча составляла десять верблюжьих корпусов, а остальные были горцы. Они служили лишь под началом шейхов своего племени, сами налаживая для себя питание и средства передвижения.

Кровавые распри были улажены и действительно в районе влияния шерифа прекратились: племена билли и джухейна, атейба и аджейль жили и сражались рука об руку в армии Фейсала. Но в то же время одно племя подозрительно относилось к другому и в пределах каждого племени никто вполне не доверял своему соседу. Каждый мог всем сердцем ненавидеть турок и обычно ненавидел их, но в то же время не отказывался от мысли свести счеты на поле брани с семейным врагом.

Свойственная арабам беспечность делала их падкими на добычу, отнятую у неприятеля, и подстрекала разбирать железнодорожное полотно, грабить караваны и красть верблюдов. Но они

были слишком свободолюбивы, чтобы повиноваться приказам или сражаться в строю. Человек, который прекрасно сражается в одиночку, по большей части оказывается скверным солдатом, и эти бойцы казались мне неподходящим материалом для военной муштровки. Но если бы мы вооружили их легкими автоматическими ружьями типа «люйса», чтобы они сами с ними справлялись, повстанцы могли бы удержать свои горы.

Хиджазская война была борьбой скалистой, гористой, бесплодной страны, дикой орды горцев против врага, настолько избалованного, благодаря помощи немцев, снаряжением, что он почти потерял способность к ведению войны в диких условиях. Холмистая местность была раем для лазутчиков. Долины, служившие единственными удобопроходимыми дорогами, на целые мили являлись не столько долинами, сколько безднами и ущельями, шириной иногда двести ярдов, а иногда лишь двадцать, с частыми поворотами и изгибами, глубиной от одной до четырех тысяч футов, лишённые всякого прикрытия, защищенные с обеих сторон гранитом, базальтом и порфиром. Это не были гладкие скаты, но зазубренные, раздробленные глыбы, громоздящиеся тысячами зубчатых обломков, твердых как металл и почти столь же острых.

Мне, как свежему человеку, казалось невозможным, чтобы турки могли рискнуть пробиваться здесь, если только они не используют предательство каких-либо горных племен.

Единственным тревожным фактором казался успех турок в у страшении арабов артиллерией. Звук пушечного выстрела заставлял повстанцев искать укрытия на всем расстоянии, куда он долетал. Арабы соизмеряли разрушительную силу оружия с производимым им шумом. Они не боялись пуль и в действительности чересчур пренебрегали смертью: лишь смерть от пушечного снаряда была для них невыносимой. Мне казалось, что их уверенное настроение восстановится лишь в том случае, если они получат пушки, безразлично в каком состоянии, но производящие грохот. Начиная от великолепного Фейсала и заканчивая последним оборванным юнцом, единственной темой разговоров в армии была артиллерия, артиллерия и артиллерия.

При ближайшем знакомстве меня поразила сила восстания. Эта густонаселенная область внезапно изменила свой характер, превратившись из случайного сборища бродячих воришек в войска повстанцев против Турции, сражавшиеся, разумеется, не нашими способами, но по-своему достаточно ожесточенно – вопреки религии, которая должна была бы объединить Восток в священной войне против нас **Error! Hyperlink reference not valid.** В военной зоне среди племен наблюдался нервный подъем, свойственный, по моему мнению, национальным восстаниям, но поражающий уроженца страны, так давно завоевавшей свою свободу, что она, подобно воде, утратила для него всякий вкус.

Позднее я вновь встретился с Фейсалом и обещал ему сделать все, что окажется в моих силах: мое начальство устроит базу в Янбу, где исключительно для него сложат на берегу в складах разнообразнейшие припасы, в которых он нуждается. Мы попытаемся доставить ему офицеров-добровольцев из среды военнопленных, захваченных в Месопотамии или во время попытки турок переправиться через Суэцкий канал. Мы сформируем артиллерийские и пулеметные команды из солдат, содержащихся в концентрационных лагерях, и снабдим их горными орудиями и легкими пулеметами, какие только можно будет добыть в Египте. Наконец, я посоветую, чтобы сюда послали в качестве советников офицеров британской армии, специалистов и с ними офицеров для связи во время походов.

В этот раз наша беседа носила приятнейший характер и закончилась изъявлениями Фейсалом горячей благодарности и пожеланием моего возвращения, как только это окажется возможным. Я объяснил, что мои служебные обязанности в Каире (руководство Арабским бюро **Error! Hyperlink reference not valid.**) исключают походную работу, но, быть может, мое начальство разрешит мне позднее посетить его вторично, когда его нынешние нужды будут удовлетворены и продвижение войск восставших вперед будет успешно развиваться. Пока же я прошу его облегчить мне возвращение на берег, чтобы отправиться в Египет.

Благодаря Фейсалу я получил эскорт из местных шерифов, который доставил меня в Янбу через многие мили высоких бесплодных холмов, рассеченных, словно волосы пробором, орошенными долинами. Янбу, незначительное поселение, гостеприимно встретило нас. Его правитель приютил меня на время, пока «Сува» под командой капитана Бойля не вошла в гавань и не приняла меня милостиво к себе на борт. «Милостиво», так как после многих дней верховой езды я пребывал в ужасном виде. Голова моя была повязана туземным покрывалом, а на Королевском флоте всех туземцев считали просто пьяницами.

Бойль, как старший морской офицер на Красном море, должен был бы служить образцом для остальных, но он восседал на тенистой стороне своего мостика, настолько поглощенный чтением «Американской конституции» Брайса, что в течение дня говорил мне не больше десятка слов.

В Джидде я застал «Евриалус» с адмиралом сэром Росслином Вэмиссом на борту, направлявшимся в Порт-Судан, откуда он собирался навестить в Хартуме **Error! Hyperlink reference not valid.** египетской армии и генерал-губернатор Судана, был назначен начальником британских военных сил, участвовавших в арабском движении. Мне было необходимо сообщить ему свои впечатления. Поэтому я попросил адмирала перевезти меня через море и предоставить мне место в

его поезде при поездке в Хартум. После перекрестного вопроса он с готовностью на это согласился.

Активный ум и интеллигентность Вэмисса способствовали тому, что он заинтересовался арабским восстанием с момента его возникновения. На своем флагманском судне он неоднократно подоспевал в критические минуты, чтобы протянуть руку помощи, и много раз изменял свой маршрут, дабы оказать поддержку береговым операциям, что, собственно, являлось делом не флота, а армии. Он давал арабам пушки и пулеметы, высаживал на берег десанты и оказывал техническую помощь безграничными транспортными средствами и содействием флота. Он получал истинное удовольствие, удовлетворяя просьбы и выполняя их даже в большей мере, чем от него ждали.

В Хартуме к Аравии относились равнодушно, что особенно побудило меня ознакомить сэра Реджинальда Вингейта с длинными отчетами, в которых я указывал, насколько многообещающим является положение. Главная нужда заключалась в умелой поддержке, и кампания, безусловно, развернулась бы успешно, если бы к арабским вождям прикомандировали в качестве технических советников нескольких кадровых британских офицеров, компетентных в своем деле и говорящих по-арабски.

Вингейт был рад услышать такую положительную оценку вещей, поскольку уже многие годы мечтал об арабском восстании.

По прошествии двух или трех дней, проведенных мной в Хартуме, я выехал в Каир, зная, что одно ответственное лицо уже согласилось со мной во всем. После Аравии и Судана поездка по Нилу показалась мне праздником.

Неудачи у Янбу

Пробыв несколько дней в Каире, я получил от своего начальника генерала Клейтона приказ вернуться в Аравию к Фейсалу. Так как мне это было совершенно не по нутру, я настаивал на своей полной непригодности для подобного поручения. Я заявлял, что ненавижу ответственность (ясно, что при добросовестной работе пост советника являлся ответственным) и что в течение всей жизни я с большим удовольствием имел дело с предметами, чем с людьми, и с отвлеченными мыслями, чем с предметами. Я не похож на солдата и ненавижу солдатчину, а между тем сердар мог бы телеграфировать в Лондон о присылке нескольких кадровых офицеров, достаточно компетентных, чтобы руководить войной арабов.

Клейтон ответил мне, что до их приезда могут пройти месяцы, в то время как Фейсалу следует быть связанным с нами и Египет должен быстро узнавать его нужды. Я был вынужден уехать – бросить «Арабский бюллетень» **Error! Hyperlink reference not valid.**, основанный мной, географические карты, которые я хотел составить, всю свою работу, деятельность, которую я так любил, в которой мне помогало полученное мной образование, и взять на себя роль, к которой я не чувствовал никакой склонности!

Мой путь лежал через Янбу, ныне базу армии Фейсала. Когда я отправился оттуда в глубь страны, чтобы попасть к последнему, пришли известия о поражении турок. Разведывательный отряд их кавалерии и верблюдов продвинулся слишком далеко в горы, арабы настигли и рассеяли его.

Итак, начало моего пути прошло при счастливых предзнаменованиях. Ответственность за путешествие была возложена на шерифа Абд эль-Керима, вождя племени джухейна в районе Янбу. Шерифа сопровождало трое или четверо его людей, все верхом. Наше передвижение совершалось очень быстро, так как Абд эль-Керим славился как великолепный ездок, гордящийся тем, что он ездит втрое быстрее среднего верхового. Верблюд был не мой; погода была холодная и облачная, поэтому я не возражал. Мы ехали легкой рысью, без перерыва, в течение трех часов.

После отдыха мы снова тронулись в путь и, после часовой бешеной скачки, в темноте достигли подножия невысокой цепи гор. Мы пересекли ее по узкой песчаной долине, в которой дул сильный ветер. Так как за несколько дней перед тем здесь несся поток, к счастью для наших выбившихся из сил верблюдов, почва стала твердой, но подъем был крут, и нам пришлось брать его шагом. Мне это было приятно, но Абд эль-Керим так разгневался на это, что, когда мы по прошествии часа достигли вершины, он пустил своего верблюда вскачь, проделав спуск со стремительной быстротой за каких-нибудь полчаса. Затем равнина снова развернулась перед нами, и мы достигли расположенных за нею плантаций Нахль-Мобарека с обширными финиковыми садами.

Приблизившись, мы увидели меж стволами пальм дым и пламя многих костров, услышали рев тысяч возбужденных верблюдов, выстрелы из винтовок и крики отставших во мраке людей, разыскивавших в толпе своих друзей. Так как в Янбу мы слышали, что Нахль покинут, подобная сумятица обозначала нечто странное, быть может даже враждебное.

Мы тихо подкрались к краю роши, пробираясь вдоль узкой улицы между глиняными стенами высотой в человеческий рост к группе молчаливых домов. Абд эль-Керим силой открыл ворота одного из дворов, ввел туда верблюдов и стреножил их у стены так, что они оставались невидимыми. Затем он зарядил винтовку и пополз по улице по направлению к шуму, чтобы выяснить, что случилось. Мы ждали его в холодном мраке. Наша пропотевшая одежда медленно просыхала.

Он вернулся через полчаса и рассказал, что это уже прибыл Фейсал со своими отрядами и мы

должны присоединиться к нему. Мы вывели верблюдов, сели на них и поехали по другому переулку. В конце его стояла плотная толпа громко кричавших арабов и верблюдов, перемешанных в диком беспорядке. Мы пробились сквозь них и, спустившись по склону, внезапно оказались в ложбине – вادي Янбу, которая представляла собой широкое, открытое пространство.

Мы успели лишь заметить массу солдат Фейсала, заполнявших всю долину. Горели сотни костров, и вокруг них расположились арабы, которые ели, готовили кофе или спали, закутанные, как мертвецы, в свои плащи и лежа вповалку между верблюдами. Вокруг расхаживали патрули.

Мы с трудом проложили себе путь через это столпотворение и на островке спокойствия, в самом центре ложбины, нашли шерифа Фейсала. Мы остановили верблюдов. Фейсал сидел на ковре, разложенном на голых камнях, между своим двоюродным братом шерифом Шарафом, губернатором Имарета и Тайфа, и Мавлюдом – этим суровым, покрытым шрамами, старым месопотамским патриотом, сейчас выполнявшим обязанности его адъютанта. Перед ним на коленях стоял секретарь, составляя приказ, а позади – второй, читающий вслух донесения при свете посеребренной лампы, которую держал раб.

Фейсал, спокойный, как всегда, приветствовал меня улыбкой. Затем он извинился, что принимает меня в подобной сумятице, и сделал знак рабам, чтобы они оставили нас вдвоем. Когда они удалились, он объяснил мне, какие неожиданные события случились на фронте за последние двадцать четыре часа.

Турки незаметно обошли по боковой дороге в горах передовые заставы арабских отрядов в вادي Сафра и отрезали им отступление. Люди племени гарб в панике разбежались по оврагам и едва спаслись, разбившись на группы по двое и по трое. Турецкая конница устремилась в опустевшую долину и через ущелье Дифран пробралась к бир Сайду, где эмир Зейд, юный сводный брат Фейсала, расположился лагерем со своими войсками из племени гарб. Турки застигли Зейда врасплох и привели его в замешательство. Его отряд превратился в беспорядочное скопище беглецов, дико кинувшихся во мраке ночи к Янбу.

Вследствие этого дорога на Янбу оказалась открытой для турок, и Фейсал лишь за час до нашего приезда примчался сюда с пятью тысячами людей, чтобы защитить свою базу, пока не удастся наладить надлежащую оборону. Положение было серьезным, но присутствие Фейсала здесь могло привлечь неприятелей и заставить их потерять несколько дней на попытки захватить его, а мы тем временем укрепили бы Янбу.

До половины пятого утра Фейсал выслушивал свежие известия, просьбы и жалобы. Мы очень продрогли, так как сырость просочилась через ковер и пропитала одежду. Лагерь постепенно затих, усталые люди один за другим укладывались спать. Над лагерем мягко спустился белый туман, посреди которого от костров подымались колонны ленивого дыма.

Фейсал наконец закончил всю неотложную работу. Мы съели полдюжины фиников и свернулись в клубок на влажном ковре.

Через час, при начинающемся рассвете, мы поднялись ооченелыми, и рабы развели огонь из пальмовых поленьев, чтобы обогреть нас. Гонцы все еще прибывали со всех сторон, передавая зловещие слухи об атаке, и в лагере почти царил паника. Поэтому Фейсал решил передвинуться на другую позицию, отчасти потому, что, если бы где-нибудь в горах прошел дождь, нас могло бы затопить, а отчасти – чтобы занять чем-нибудь людей.

Когда забили барабаны, верблюдов стали поспешно нагружать. После второго сигнала все вскочили в седла и тронулись за Фейсалом, ехавшим на своей кобыле. На шаг позади него ехал Шараф, а дальше как попало все сборище шерифов, шейхов и рабов и я между ними. В это утро личная охрана Фейсала состояла из восьмисот человек.

Следующие два дня я провел в обществе Фейсала и ближе узнал методы его командования, что было особенно интересно, потому что его люди оказались морально подавлены поражением племени северных гарб. Фейсал, желая поддержать их энтузиазм, достигал этого, ободряя и выслушивая каждого, кого мог. Он был доступен всем, кто толпился возле его палатки, ожидая внимания. Он никогда резко не обрывал просителей и неизменно выслушивал каждого, а если сам не мог разобраться дела, то звал Шарафа или Фаиза эль-Гуссейна. Его бесконечная терпеливость показала мне воочию, что значит в Аравии верховная власть.

Его самообладание казалось огромным. Когда Мирзук эль-Тихейми, его доверенное лицо по приему гостей, приехал от имени Зейда, чтобы разъяснить постыдную историю их поражения, Фейсал лишь посмеялся над ним при всех и отослал его в сторону, чтобы тот обождал, пока он переговорит с шейхами племен гарб и аджейль, чья беззаботность была главной причиной несчастья. Он мягко подшучивал над ними, насмехаясь над теми или иными их поступками, вызвавшими такие тяжелые потери. Затем он позвал обратно Мирзука и опустил занавес у входа в палатку, подчеркивая, что их разговор являлся частным делом. Я вспомнил смысл имени Фейсала («меч, сверкнувший при взмахе») и боялся тяжелой сцены, но он освободил на своем ковре место для Мирзука и сказал:

– Садись! Расскажи нам еще о том, как вы проводили ночи, и о чудесах битвы. Позабавь нас!

Голос Фейсала был очень музыкален, и он умел им пользоваться в отношениях со своими людьми. С ними он говорил на языке своего племени, но говорил он как-то странно, задумчиво,

мучительно запинаясь и как бы подыскивая нужное слово. Его мысли, вероятно, забежали вперед, так как эти с трудом подобранные фразы были просты и трогали своей искренностью. Завеса слов была так тонка, что через нее, казалось, светилась честная и прямая душа.

Наша жизнь в лагере отличалась простотой. Перед самым рассветом наш имам обыкновенно выкрикивал свой призыв к молитве. У него был настолько повелительный голос, что ему подчинялись все, чем бы в этот момент ни были заняты.

Как только он завершал, начинал мягко и мелодично выкрикивать позади палатки имам Фейсала. Сейчас же один из его пяти рабов являлся со сладким кофе. Приятна была сладость этой первой чашки в холодном рассвете.

Приблизительно час спустя занавес спальной палатки Фейсала откидывался назад – это было знаком для приближенных. Их бывало обычно четверо или пятеро. После обмена утренними новостями вносился поднос с завтраком. Он состоял обыкновенно из фиников, но иногда телохранитель Хеджрис давал нам затейливые бисквиты и хлеб собственного производства. После завтрака мы попеременно пили горький кофе и сладкий чай, пока Фейсал занимался корреспонденцией, диктуя секретарям. Один из них был отважный Фаиз, другой – Имам, человек с печальным лицом, известный в армии тем, что у его седельной луки висел полотняный зонтик.

Иногда в это время давалась аудиенция частным лицам, но случалось это редко: спальная палатка предназначалась исключительно для личного пользования шерифа. Это была обычного типа палатка с походной кроватью, хорошим курдским одеялом, плохоньким ширазским и чудесным старым белуджским ковром, на котором Фейсал совершал свои молитвы. Приблизительно в 8 часов утра Фейсал опоясывался своим праздничным кинжалом и следовал в палатку, предназначенную для приемов. Он садился лицом ко входу в нее, а мы, спиной к стене, располагались полукругом вокруг. Рабы составляли арьергард и группировались вокруг открытой стороны палатки, чтобы не терять из виду осаждающих просителей, которые лежали на песке у входа или позади нее, ожидая своей очереди. По возможности работа заканчивалась к полудню.

Тогда мы, домашние и несколько человек гостей, собирались в жилой палатке: Хеджрис и Салем вносили поднос с завтраком, на котором было столько блюд, сколько допускали обстоятельства. Фейсал был необыкновенный курильщик, но весьма посредственный едок, и он обычно лишь слегка притрагивался пальцами или ложкой к бобам, чечевице, шпинату, рису и сладостям. Когда он считал, что с нас довольно, по его знаку поднос исчезал, и другие рабы вносили воду для омовения рук. Тучные люди вроде Мухаммеда Ибн Шефия приходили в комичную ярость от легкого и быстрого угощения эмира и вознаграждали себя дома собственной пищей. После завтрака мы еще немного беседовали за чашкой кофе и наслаждались двумя стаканами сиропообразного зеленого чая. Затем до двух часов полудни полог жилой палатки опускался. Это доказывало, что Фейсал отдыхает, или читает, или вообще занят личными делами. Затем мы опять сидели в приемной палатке, пока он не заканчивал беседу со всеми, кто имел к нему дело. Я никогда не видел араба, который ушел бы от него неудовлетворенным или обиженным, что объяснялось его тактом и памятью: он никогда не забывал ни одного факта и ни одного знакомства.

Если оставалось свободное время после второй аудиенции, он совершал прогулку со своими друзьями. Между шестью и семью часами вносился ужин, к которому рабы приглашали всех находящихся в Главном штабе. Ужин походил на завтрак.

Фейсал очень поздно ложился спать и никогда не обнаруживал желания ускорить наш уход из его палатки. По вечерам он развлекался как только мог и избегал работы, которой можно было безболезненно избежать. В шахматы он играл очень редко, но когда играл, то с безрассудной прямолинейностью бойца и блестяще... Иногда – может быть, в моих интересах – он рассказывал о том, что видел в Сирии, кое-что из тайн турецкой истории и о семейных делах. Из его уст я многое узнал о людях и партиях Хиджаза.

Однажды Фейсал внезапно спросил меня, не хочу ли я носить арабскую одежду, такую же, как у него, пока нахожусь в лагере. Я сам должен был признать это более удобным при том арабском образе жизни, который мы должны были вести. Кроме того, туземцы знали бы тогда, за кого меня принимать. Для них единственными людьми, носившими хаки, являлись турецкие офицеры, которых они инстинктивно сторонились. Если бы я носил арабскую одежду, они вели бы себя по отношению ко мне так, как если бы я действительно был одним из их вождей, и я мог бы входить и выходить из палатки Фейсала, не производя сенсации.

Я немедленно и с радостью согласился. Переодевшись, я пошел побродить по пальмовым садам, чтобы приучить себя к новой одежде.

Стоянка Фейсала в Нахль-Мобареке могла быть по неизбежному ходу вещей лишь передышкой, и я чувствовал, что мне было бы лучше вернуться в Янбу, чтобы серьезно обсудить совместную оборону этого порта, пользуясь всемерно обещанной помощью флота. Мы решили, что мне следует посоветоваться с Зейдом и действовать, как мы найдем нужным.

Мы пошли новой дорогой – вади Мессарих через холмы Аджид из опасения встретиться с турецкими патрулями на прямом пути. Бедр Ибн Шефия был со мной, и мы спокойно проделали путь за шесть часов, приехав в Янбу до сумерек. Чувствуя себя усталым после утомительных дней и

бессонных ночей, полных тревоги и волнений, я направился прямо к пустому дому Гарланда (он жил на борту корабля в гавани) и заснул на скамейке. Немного погодя меня опять вызвали, сообщив, что приехал шериф Зейд, и я направился к укреплениям, желая увидеть въезд побежденных войск.

Их было около восьмисот человек, они казались спокойными и равнодушными к своему позору. Зейд сам казался совершенно безучастным.

Я телеграфировал капитану Бойлю (британскому старшему морскому офицеру на Красном море), что Янбу подвергается серьезной угрозе, и Бойль немедленно ответил, что флот своевременно прибудет сюда. Эта готовность была весьма кстати: весь следующий день приходили все худшие и худшие вести. Турки, бросив сильный отряд вперед от бир Сайда против Нахль-Мобарека, напали на войска Фейсала, пока те еще не успели оправиться. После короткого боя Фейсал в беспорядке отступил, сдал позиции и укрылся в Янбу. Наступал, казалось, последний акт войны. С Фейсалом было около двух тысяч человек, но ни одного из племени джухейна. Последнее обстоятельство походило на предательство и подлинное отступничество племен, то есть на то, что мы оба считали совершенно невозможным.

Я немедленно зашел к Фейсалу, и он рассказал мне о случившемся.

Турки подошли с тремя батальонами пехоты, посаженной на мулов и верблюдов. При первом же приступе они пересекли вади Янбу, угрожая сообщению арабов с портом. Они также смогли свободно обстрелять Нахль-Мобарек из своих семи пушек. Однако Фейсал нисколько не испугался и бросил племя джухейна на левый фланг, чтобы оно действовало в долине. Центр и правый фланг он сосредоточил у Нахль-Мобарека и послал египетскую артиллерию отрезать туркам дорогу на Янбу. Затем он открыл огонь из двух собственных пятнадцатифунтовых орудий.

Расим, сирийский офицер, в прошлом командир батареи в турецкой армии, управлял этими пушками и превратил их выстрелы во внушительную демонстрацию. Пушки прислали в подарок из Египта, где полагали, что для диких арабов пригодна всякая старая дрянь. У Расима не было ни прицельных приспособлений, ни дальномеров, ни таблиц стрельбы, ни разрывных снарядов. Он мог бы брать прицел до шести тысяч ярдов, но взрывные трубки его шрапнелей являлись древностями еще времен бурской войны, совершенно заплесневевшими, и если они даже взрывались, то иногда еще в воздухе, а часто просто когда их касались. Однако он достигал успеха быстротой и натиском, покатываясь от смеха над таким способом ведения войны, а арабы, видя веселость командира, воодушевлялись сами.

– Слава Богу, – сказал один из них, – это настоящие пушки. Важно, чтобы они шумели!

Расим клялся, что турки гибнут кучами, и, ободренные его словами, арабы с жаром бросились в атаку.

Дела шли хорошо, и у Фейсала появилась надежда на решительный успех, когда внезапно левый фланг заколебался и остановился в нерешительности. Под конец он показал спину неприятелю и беспорядочно отступил к лагерю. Фейсал, находившийся в центре, галопом примчался к Расиму и крикнул тому, что племя джухейна разбито и что он должен спасти пушки. Расим запряг их и пустился рысью прочь. За ним устремились войска. Фейсал и его челядь составляли тыл, они осмотрительно двинулись к Янбу, оставив на поле битвы племя джухейна под начальством его вождя, шерифа Абд эль-Керима, моего прежнего проводника.

Когда я дослушивал печальный конец истории и вместе с Фейсалом проклинал измену братьев Бейдави, у дверей поднялась суматоха и Абд эль-Керим пробился сквозь толпу рабов, кинулся к балдахину, поцеловал в знак приветствия шнуры головного покрывала Фейсала и сел возле нас. Фейсал затаив дыхание взглянул на него и спросил:

– Ну как?

Абд эль-Керим рассказал про смущение, возникшее при внезапном бегстве Фейсала, и про то, как они с братом и доблестными соплеменниками всю ночь сражались с турками, одни, без артиллерии, пока не стало невозможным удерживать пальмовую рощу и им также пришлось отступить. Его брат с половиной всех мужчин племени как раз входят сейчас в ворота города. Остальные рассеялись вверх по вади Янбу в поисках воды.

– А зачем ты отступил к лагерю в тылу нас во время битвы? – спросил Фейсал.

– Только для того, чтобы приготовить себе чашку кофе, – сказал Абд эль-Керим. – Мы сражались от восхода солнца до сумерек, очень устали и очень хотели пить.

Мы с Фейсалом покатались со смеху. Затем мы пошли посмотреть, что можно было предпринять для спасения города.

Янбу, стоявший на вершине гладкого кораллового рифа, возвышался приблизительно на двадцать футов над морем и с двух сторон омывался водой. Другие две стороны города смотрели на ровные пространства песков, лишенные на многие мили всякого прикрытия и совершенно безводные. При дневном свете это место, защищаемое артиллерийским и пулеметным огнем, должно было стать неприступным.

Морская артиллерия прибывала каждую минуту. Бойль, как и обычно, сделал больше, чем обещал, и менее чем в двадцать четыре часа сосредоточил возле нас пять военных судов.

Арабы шумно радовались, видя в гавани большое количество боевых кораблей. Они

обнадежили нас, что в дальнейшем паника не повторится, но, чтобы быть вполне спокойными, им нужно возвести для защиты нечто вроде валов средневекового образца. Поэтому мы воздвигли возле рассыпающейся городской стены вторую, промежуток между ними заполнили землей и стали их укреплять, пока наши бастионы XVI века не стали неуязвимы для ружейных пуль и, возможно, для турецких горных орудий. Перед бастионами мы протянули колючую проволоку.

Впоследствии мы слышали, что турки упали духом при виде корабельных огней, заполнявших всю гавань, и сверкающих прожекторов, шаривших по местности, которую туркам предстояло пересечь. Они повернули назад, и в ту ночь, я считаю, они проиграли войну **Error! Hyperlink reference not valid.**

Фейсал устремляется на север

Полковник Вильсон приехал в Ямбу, чтобы убедить нас в необходимости немедленно напасть на Ваджх, ближайший от Ямбу порт на севере, откуда турки угрожали тылу Фейсала. Если бы мы внезапно повернули туда, инициатива перешла бы к нам.

Фейсал, если он с чем-нибудь соглашался, брался за осуществление плана со всем свойственным ему пылом. Он поклялся, что выступит немедленно, и в день Нового года мы с ним совместно обсудили значение предстоящего передвижения для нас и для турок.

Фейсал намеревался взять с собой почти всех людей племени джухейна, а также достаточное количество людей племен гарб, билли, атейба и аджейль, чтобы придать войску разноплеменный характер. Нам нужен был этот поход как своего рода заключительный акт войны в Северном Хиджазе, чтобы о нем пошел слух по всей Западной Аравии.

Фейсал нервничал из-за того, что ему приходилось покинуть Ямбу, необходимый до сих пор как база и второй морской порт Хиджаза. Когда мы обдумывали дальнейшие способы его защиты от турок, мы вдруг вспомнили об эмире Абдулле. У него было около пяти тысяч нерегулярных войск и несколько пушек и пулеметов. Фейсал предложил, чтобы тот двинулся к вадии Аис, исторической долине источников, лежавшей лишь на сто километров севернее Медины и представлявшей собой непосредственную угрозу железнодорожной связи войск Фахри с Дамаском.

Предложение являлось плодом вдохновения, и мы немедленно послали гонца к Абдулле. Мы были настолько уверены в его согласии, что настояли, чтобы Фейсал отправился в путь, не дожидаясь ответа. Он согласился, и 5 января 1917 года мы выступили по верхней широкой дороге через вадии Мессарих к Оваису – группе колодцев приблизительно в пятнадцати милях к северу от Ямбу.

Раздавшийся сигнал к отправлению относился только к Фейсалу и племени аджейль. Остальные племена, стоя возле растянувшихся рядов верблюдов, молчаливо приветствовали эмира, когда он проезжал мимо. Он весело крикнул: «Мир вам!» – и каждый из шейхов ответил ему теми же словами. Когда мы миновали их, они все сели на верблюдов, следуя знаку своих начальников, и вскоре за нами на всем пути по сухому руслу в направлении горного хребта, насколько мог охватить глаз, вытянулись, подобно текущему ручью, колонны верховых.

Приветствия Фейсала были единственными звуками, пока мы добрались до вершины подъема, откуда открывалась долина и начинался отлогий спуск по песчаной дороге, вымощенной кремнем и булыжником. Здесь Ибн Дахиль, храбрый шейх из Русс, который два года тому назад сформировал по просьбе Турции отряды аджейль и передал их шерифу в полной сохранности в начале восстания, сделал шага два назад, построил наших спутников в широкую колонну правильными рядами и приказал бить в барабаны. Все громко запели песнь в честь эмира Фейсала и его семейства.

Наше шествие было варварски великолепно. Впереди ехал Фейсал в белом, справа от него следовал Шараф в красном головном покрывале и окрашенных хной тунике и бурнусе, а я – по левую сторону, в белом и красном. За нами следовали три знамени из пунцового шелка с золочеными древками; сзади них барабанщики, играющие марш, а за ними опять дикая орда из тысячи двухсот качающихся верблюдов телохранителей, навьюченных так, что они еле-еле двигались. Телохранители были в самых разнообразных одеждах; не менее великолепно выглядели верблюды в своих пышных уборах. Наш сверкающий поток заполнил всю долину. Опасность для Ямбу, пока мы стремились в Ваджх, была велика, и было бы благоразумнее вывезти оттуда склады. Бойль дал мне эту возможность, сообщив, что «Гардинг» будет приспособлен для перевозки. Это было индийское военное судно, и в его нижней палубе имелись большие четырехугольные трюмы, ровень с поверхностью воды. Капитан Линберри открыл их для нас, и мы спрятали там восемь тысяч ружей, три миллиона комплектов амуниции, тысячи снарядов, большие запасы риса и муки, две тонны взрывчатых веществ и весь наш керосин, все вперемешку, как письма в почтовом ящике. Никогда еще это судно не имело на борту и тысячи тонн груза.

Бойль явился, горя нетерпением узнать новости. Он обещал, что «Гардинг» будет служить во все время военных действий, чтобы сгружать воду и продовольствие в случае надобности; это разрешало наше главное затруднение. Флот уже стягивался, налицо была половина кораблей Красного моря. Ждали прибытия адмирала, и на каждом судне шла подготовка к его встрече.

Но я втайне надеялся, что сражение не состоится. У Фейсала было приблизительно десять тысяч человек – достаточное количество, чтобы заполнить всю область билли вооруженными отрядами. Можно было с уверенностью сказать, что мы возьмем Ваджх; опасались только, чтобы отставшие от войска не умерли от голода или жажды в пути.

Абдулла приветствовал план о продвижении к Аису. В тот же день пришли известия, принесшие мне успокоение. Нькомб, полковник регулярных войск, назначенный в Хиджаз в качестве начальника нашей военной миссии, прибыл уже в Египет, а двое его штабных офицеров – майоры Кокс и Виккери – уже находились в пути через Красное море, чтобы присоединиться к экспедиции.

Бойль взял меня с собой на «Сува», чтобы ехать в Ум-Ледж, и мы сошли на берег узнать новости. Шейх сказал нам, что Фейсал должен приехать в тот же день в бир Эль-Вахейди в четырех милях от моря, где имелась вода. Мы послали ему известие и прошли к крепости, которую бомбардировали с «Фокса» несколько месяцев тому назад. Ныне она являла собой грудку щебня, и Бойль, посмотрев на развалины, сказал:

– Мне прямо-таки стыдно, что я снес с лица земли эту гончарню.

Это был настоящий офицер, деловитый, работающий и исполнительный, иногда несколько нетерпимый к неудачникам.

Пока мы стояли около развалин, четверо седых, оборванных деревенских старшин подошли к нам и попросили разрешения говорить. Они сказали, что несколько месяцев тому назад неожиданно подошло двухтрубное судно и разрушило их форт. От них теперь требовали отстроить его заново для полиции арабского правительства. Не смогут ли они попросить у великодушного капитана этого мирного однотрубного судна немного бревен или какого-нибудь другого материала для постройки? Бойль нетерпеливо слушал их длинную речь и огрызнулся на меня:

– В чем дело, чего им надо?

Я сказал:

– Ничего, они описывают ужасные результаты бомбардировки с «Фокса».

Бойль посмотрел вокруг себя и мрачно усмехнулся:

– Это было хорошее дело.

На следующий день прибыл Виккери. Он был артиллеристом и в течение своей десятилетней службы в Судане настолько хорошо изучил арабский язык – как литературный, так и разговорный, – что избавил нас от всякой нужды в переводчике.

Мы уговорились отправиться вместе с Бойлем в лагерь Фейсала, чтобы составить план наступления, и после завтрака англичане и арабы приступили к работе, обсуждая остающуюся часть похода к Ваджху.

Мы решили разбить армию на отряды, которые независимо друг от друга должны были продвинуться к месту нашего сосредоточения у Абу-Зерейбата в Гамде, последнем пункте перед Ваджхом, где можно было найти воду.

Бойль согласился, чтобы «Гардинг» на одну ночь сделал остановку в Шерм-Хаббане и выгрузил для нас на берег двадцать бочек воды.

Для атаки на Ваджх мы предложили Бойлю высадить десант из нескольких сот людей племен гарб и джухейна к северу от города. Во-первых, здесь у турок не было постов, во-вторых же, оттуда лучше всего было обойти гавань.

У Бойля было по крайней мере шесть судов с пятьюдесятью орудиями, чтобы отвлечь внимание турок, и один гидроаэроплан, чтобы управлять артиллерией. Мы предполагали прибыть к Абу-Зерейбату 20 января, к Хаббану, чтобы запастись водой, доставленной туда «Гардингом», 22-го, а на рассвете 23-го десант должен был быть высажен на берег, и к этому же времени наши кавалерийские отряды отрезали бы все пути к бегству из города.

Известия из Рабега были утешительны, а турки не делали никаких попыток воспользоваться незащищенностью Янбу. Там были наши уязвимые места, и, когда радио Бойля успокоило нас относительно них, мы воспряли духом. Абдулла уж почти достиг Аиса, мы были на полпути к Ваджху – инициатива перешла к арабам. Я настолько обрадовался, что на минуту потерял самообладание, с торжеством заявив, что через год мы будем стучаться в ворота Дамаска. Но собеседники умили мои восторги, и моя вера угасла – хотя это не оказалось несбыточной мечтой. Пять месяцев спустя я побывал в Дамаске, а через год де-факто являлся его правителем.

Армия в бир Эль-Вахейди насчитывала пять тысяч сто верховых на верблюдах и пять тысяч триста пехотинцев, с четырьмя крупновскими горными пушками и десятью пулеметами, а для транспорта у нас было триста восемьдесят вьючных верблюдов.

Наше выступление было назначено на 18 января после полудня, и в этот час подготовительная работа Фейсала была закончена. После завтрака палатка была сложена. Литавщик ударил несколько раз в литавры, и все замерло. Мы наблюдали за Фейсалом.

Он поднялся с ковра, на котором давал последние указания Абд эль-Кериму, взялся за седло и громко сказал:

– Уповайте на Бога!

Затем он сел на своего верблюда. Когда он двинулся вперед, мы последовали его примеру, и

вся масса одновременно пришла в движение.

Наш путь в этот день был легок, так как он шел через крепкие песчаные скаты и длинные, отлого поднимающиеся валы дюн. Когда мы выехали на широкую равнину, слева легким галопом подъехали двое всадников, чтобы приветствовать Фейсала. Я узнал одного. Это был грязный, старый, с гноющимися глазами шериф Мухаммед Али эль-Бейдави, эмир племени джухейна. Второй казался мне незнакомым. Когда он приблизился, я заметил, что на нем мундир цвета хаки, поверх которого накинут плащ, чтобы скрыть его. Он поднял голову, и я увидел красное шелушащееся лицо Ньюкомба, с зоркими глазами и энергичным ртом **Error! Hyperlink reference not valid.** Он прибыл в тот же день утром и, услышав, что мы только что выступили в путь, захватил лучшего коня и поскакал за нами. Я предложил ему своего запасного верблюда и поспешил представить его Фейсалу, с которым он поздоровался, как со старым школьным товарищем, и они тут же занялись оживленным разговором о происходящем.

Утром мы двинулись к Абу-Зерейбату по обширному покатоному полю обнаженного, темного гравия. Около двух часов пополудни, пересекая базальтовую жилу, мы увидели вдали русло вади Гамд, выбегающее из гор. Для наших глаз, пресыщенных однообразием местности, этот исход в песках настоящей реки казался прекрасным зрелищем. Он представлял собой самую большую долину Аравии.

Прежде чем мы достигли ее отдаленных склонов, почва внезапно перешла в глиняную впадину, в которой находился глубокий темный пруд. Это и были источники Абу-Зерейбата – цель нашей поездки, которые Фейсал назначил местом для лагеря. Там мы остановили верблюдов; рабы разгрузили их и разбили палатки.

Без всякого предупреждения и пышности в палатку Фейсала вошел шериф Медины Насир. Фейсал вскочил, обнял его и повел к нам. Насир производил великолепное впечатление. Он являлся предвестником дела Фейсала, человеком, чей выстрел в Медине прозвучал первым и чей выстрел у Муслимие возле Алеппо оказался последним в тот день, когда турки попросили перемирия, – и за все это время о нем нельзя было сказать ни единого дурного слова. Тогда ему было около двадцати семи лет.

На следующий день мы встали поздно, желая отдохнуть как следует перед необходимым долгим разговором. Фейсал вынес его на своих плечах. Насир поддержал Фейсала, как второй по чину, а братья Бейдави сели рядом, чтобы помочь советом.

Мы запаздывали уже на два дня против срока, обещанного флоту, и Ньюкомб решил этой ночью выступить вперед к Хаббану. Там он должен будет встретиться с Бойлем и объяснить ему, что мы не успеем к назначенной встрече с «Гардингом», но хотели бы, чтобы последний вернулся туда же к 24 января, когда и мы должны прибыть и будем испытывать острую нужду в воде. В его задачу входило также решить на месте, не следует ли отложить морскую атаку до 25 января, дабы сохранить выработанный план.

Ранним утром мы выступили в путь к вади Гамд. Был холодный день, суровый северный ветер дул нам в лицо. Во время нашего пути мы слышали перемежающуюся тяжелую стрельбу со стороны Ваджха и боялись, что флот, потеряв терпение, открыл действия без нас.

Прибыв к Хаббану, мы, к нашей радости, нашли там, как было условлено, «Гардинг», выгружавший воду на берег.

Я отправился на борт и узнал, что морская атака была выполнена, как если бы уже прибыли сухопутные войска, так как Бойль опасался, что в случае его дальнейшего ожидания турки могут скрыться.

Несомненным фактом являлось, что в тот день, когда мы достигли Абу-Зерейбата, турецкий губернатор Ахмед Тефик-бей привел в готовность гарнизон, заявив, что он станет защищать Ваджх до последней капли крови. В сумерках же он сел на своего верблюда и ускакал к железной дороге с немногими своими людьми, подготовившими его бегство. Оставшиеся двести человек пехоты решили продолжать брошенные им действия против десанта, но на каждого из них приходилось по три противника, а морская канонада была слишком сильна, чтобы они могли использовать свои удобные позиции. По имевшимся на «Гардинге» сведениям, сражение еще не закончилось, но город Ваджх уже был занят моряками и арабами.

Эти благоприятные слухи воодушевили армию, устремившуюся вскоре после полуночи к северу. К рассвету мы привели ряды в порядок, встречая разбитые отряды турок, один из которых оказал некоторое сопротивление.

Было приятно смотреть на наших ловких смуглых людей в залитой солнцем песчаной долине, с бирюзовыми пятнами соленой воды посередине в виде фона, на котором выделялись малиновые знамена в руках двух знаменосцев. Они шли впереди в мертвом молчании упругим, широким шагом, делая в час почти по шесть миль, и без единого выстрела достигли горного кряжа и взобрались на него. И мы узнали, что все уже закончено до нас силами флота и высаженных им десантов.

В Каире разгоряченные власти обещали нам золото, винтовки, мулов, много пулеметов и горных орудий, но последних, разумеется, нам так никогда и не послали. Вопрос об орудиях являлся вечным мучением, так как турецкая артиллерия намного превосходила нас.

Мы получили большое подкрепление в лице Джафар-паши, багдадского офицера из турецкой армии. Прослужив с отличиями в германской и турецкой армиях, он был послан Энвером **Error! Hyperlink reference not valid.**, чтобы организовать войска шейха Сенусси. Он прибыл туда на подводной лодке, превратил диких людей во внушительную силу и проявил тактические способности в двух битвах против англичан. Затем его взяли в плен и заключили в Каирскую цитадель с прочими пленными офицерами.

Однажды ночью он бежал оттуда, пользуясь веревкой, сделанной из разорванного на полосы одеяла, но веревка оборвалась под тяжестью его тела, и при падении он повредил себе лодыжку. Его вновь захватили в беспомощном состоянии. В больнице он дал честное слово, что не убежит, и был выпущен на свободу после того, как заплатил за изодранное одеяло.

Но однажды он прочел в какой-то арабской газете о восстании шерифа и о казни турками многих выдающихся арабских националистов, являвшихся его друзьями, и понял, что сочувствовал неправому делу. Фейсал, разумеется, уже слышал о нем и решил назначить его главнокомандующим своими регулярными войсками, переформирование которых являлось сейчас нашей главной задачей.

В Каире находились Хогарт, Джордж Ллойд **Error! Hyperlink reference not valid.** внезапно понял, что против арабов сражается больше турецких войск, чем с ним самим, и начал припоминать, что он всегда относился благосклонно к восстанию арабов. Адмирал Вэмисс был исполнен такой же готовности оказать помощь, как в наши тяжелые дни возле Рабега. Сэр Реджинальд Вингейт, верховный комиссар в Египте, был счастлив успехом дела, которое он поддерживал уже в течение многих лет.

Я вернулся в Ваджх в интересное время. Мы приводили наш лагерь в порядок. Так как согласно обычаю лагерь раскидывался на большом пространстве, моя жизнь протекала в постоянном движении взад и вперед: в палатку Фейсала, в английские палатки, к палаткам египтян, в город, в порт, на радиостанцию. Я целый день без усталости ходил по этим тропинкам в сандалиях или босиком, закаляя свои ноги, медленно привыкая ходить без особого труда по острому и горячему грунту и готовя свое тело к более трудным испытаниям.

Арабы недоумевали, почему у меня не было лошади, и я заставлял их ломать головы непонятными рассказами о закалке тела или убеждал их, что я охотнее хожу пешком, чем езжу верхом, из сострадания к животным: и то и другое соответствовало истине. Что-то оскорбительное, неприятное для моей гордости поднималось во мне при виде этих низших форм жизни. Их существование набрасывало тень рабства на человеческий род, даже на отношении Бога к нам, и пользоваться этим казалось мне позорным. То же испытывал я при виде негров, которые игрой на тамтаме доводили себя до иступления. Их лица, сильно отличаясь от наших, были еще терпимы, но непереносимо было то, что они совершенно походили на нас своим телосложением.

Между тем Фейсал день и ночь был занят политикой – область, в которой никто из нас не мог ему помочь. С другой стороны, население развлекало нас парадами, состязаниями в стрельбе и триумфальными шествиями. При этом бывали приключения. Одна партия, играя за нашей палаткой, однажды наткнулась на бомбу, брошенную с гидроплана, – память о взятии города Бойлем. Взрыв разорвал арабов, разбросав их члены по лагерю, покрыв парусину багровыми брызгами, которые скоро стали буро-коричневыми, затем совсем выцвели. Фейсал приказал заменить палатки новыми, а окровавленные уничтожить, – бережливые рабы выстирали их. В другой раз загорелась палатка и трое из наших гостей получили ожоги. Весь лагерь сбежался и со смехом смотрел на потухающий огонь, а затем мы со стыдом стали лечить их ожоги. Еще через день шальной пулей была ранена лошадь и многие палатки оказались пробитыми насквозь.

Однажды вечером племя аджейль взбунтовалось против своего командира Ибн Дахилья за то, что он часто штрафовал их и слишком сурово сек. С воем и выстрелами они напали на его палатку, вытащили из нее вещи и избили слуг. Но это не успокоило их ярости. Они вспомнили Янбу и пошли резать клан атейба. С нашего холма Фейсал увидел их факелы, побежал туда босиком и уложил палашом четырех человек. Его гнев задержал их, а в это время рабы и всадники, взывая о помощи, скатывались вниз с холма с проклятиями, стреляя и нанося удары кинжалами. Один из них дал Фейсалу лошадь, с которой тот уложил нескольких зачинщиков, а мы стрельбой разогнали остальное скопище. Всего было убито двое и ранено тридцать человек. Ибн Дахилья на следующий день подал в отставку.

Фахри-паша своими операциями все еще играл нам на руку. Он занимал укрепленную линию вокруг Медины лишь на таком расстоянии, чтобы сделать для арабов невозможным обстреливать город (подобная попытка никогда не предпринималась и даже не замышлялась). Остальные турецкие войска были расположены вдоль железной дороги сильными гарнизонами, занимая все станции между Мединой и Тебуком, на которых имелась вода. К тому же часть сил находилась в промежутках между этими гарнизонами, чтобы ежедневные патрули могли обеспечить безопасность пути. Короче говоря, он прибегал к самым глупым способам обороны железнодорожной линии, какие только можно

себе представить. Гарланд уж выступил на юго-восток от Ваджха, а Ньюкомб – на северо-восток, чтобы взрывчатыми веществами пробить в ней бреши. Они разбирали рельсы и мосты и подкладывали автоматические мины под проходящие поезда.

Арабы уже перешли от сомнений к неистовому оптимизму и обещали образцово справляться со своим делом. Фейсал завербовал большую часть племени билли, что сделало его владыкой Аравии от железной дороги до моря. Людей племени джухейна он послал к Абдулле в вади Аис. Уже сейчас он мог бы расправиться с Хиджазской железной дорогой, но я попросил его сперва задержаться в Ваджхе и вызвать движение между остальными племенами, чтобы в будущем наше восстание могло расширяться и угрожать железной дороге от Тебука (нынешней границы нашего влияния) к северу до Маана.

Со своими северными соседями, племенем ховеитат, обитавшим у побережья, в свое время он уже начинал переговоры. Сейчас же мы послали гонца к племени бени-атийе, сильному народу, живущему на северо-востоке. Глава его, шейх Аси Ибн Атийе, прибыл к нам и присягнул в верности. Он предоставил нам свободу в передвижении по территории, занятой его племенем.

Дальше жили различные племена, покорные великому эмиру клана руалла Нури Шаалану, который после шерифов Ибн Сауда и Ибн Рашида являлся четвертым из непрочных князей пустыни **Error! Hyperlink reference not valid.**

Нури был стариком и уже в течение тридцати лет управлял своим племенем анейзе. Его линия являлась старшей из руалла, но у Нури не было никакого превосходства перед другими сородичами ни по рождению, ни по любви к нему племени. Отважным бойцом он также не был.

Свое главенство он приобрел только силой характера. Чтобы добиться его, Нури убил двух своих братьев. Позднее он присоединил к своим сторонникам племя шерари и ряд других, и для всех их его слово являлось абсолютным законом. Он совершенно не применял льстивой дипломатии рядовых шейхов: его слово прекращало всякое несогласие с ним. Все боялись его и безропотно ему подчинялись. Чтобы использовать дороги, идущие через владения Нури, мы должны были добиться его благоволения.

К счастью, это было не трудно. Фейсал обеспечил себе его согласие много лет назад и упрочил его непрерывными дарами из Медины и Янбу. Сейчас Фаиз эль-Гуссейн поехал из Ваджха к Нури и по пути столкнулся с Ибн Дагми, одним из старшин руалла, направлявшимся к нам с приятным даром из нескольких сотен хороших вьючных верблюдов.

Нури, конечно, еще поддерживал дружеские отношения с турками. Он зависел от рынков Дамаска и Багдада, и, если бы против него возникло подозрение, турки могли в течение трех месяцев уморить с голоду его племя. Мы знали, что, когда наступит нужный момент, он окажет нам вооруженную помощь, но до тех пор он был готов на все, исключая разрыв с турками.

Его благосклонность открывала для нас Сирхан, знаменитую столбовую дорогу, места для стоянок и цепь водных скважин, которые простирались от оазиса Джофа, столицы Нури на юго-востоке, на север к Азраку и вплоть до гор Джебель-Друз в Сирии. Нам необходима была свобода передвижения по Сирхану, чтобы достигнуть палаток племен восточного ховеитата, знаменитого клана абу-тайи, главой которого был шейх Ауда, величайший боец в Северной Аравии. Только при посредстве Ауды могли бы мы склонить племена от Маана до Акабы **Error! Hyperlink reference not valid.** в нашу пользу настолько, чтобы они помогли нам захватить у турецких гарнизонов Акабу и ее горы. Только при его активной поддержке мы могли рискнуть выступить из Ваджха в долгий путь к Маану. После дней, проведенных нами в Янбу, мы пламенно желали и пытались привлечь его к нашему делу.

В Ваджхе мы сделали большой шаг вперед: Ибн Заал, двоюродный брат Ауды и военный руководитель клана абу-тайи, прибыл туда 17 февраля, которое во всех отношениях оказалось для нас счастливым днем.

На рассвете приехали пять старшин племени шерари из пустыни на восток от Тебука и привезли в подарок яйца аравийских страусов. За ними рабы ввели Даиф-Аллаха из клана абу-тайи, двоюродного брата Хамда Ибн Джази, верховного властелина племени центральный ховеитат плоскогорья Маана. Центральный ховеитат были многочисленным и мощным племенем великолепных бойцов. Однако на почве старинных споров между Аудой и Хамдом они являлись кровными врагами своих родичей, кочевого племени абу-тайи. Мы с гордостью внимали их приветствиям, отмечая про себя недовольство ховеитат тем, что они снаряжены для нашего намеченного наступления на Акабу хуже, чем племя абу-тайи.

Следом за ними прибыл родич Наввафа, старшего сына Нури Шаалана, с кобылой, присланной в дар Наввафом Фейсалу. Люди племен шаалан и джази, находясь во вражде, смотрели друг на друга злыми глазами. Поэтому мы разделили их и наспех устроили для гостей особый лагерь. После руалла возвестили о прибытии старшины племени абу-тагейт, оседлого клана ховеитат с побережья. Он передал изъявления покорности от имени своего племени и привел военную добычу из Дабы и Мовейлле, двух последних турецких постов на Красном море. Ему освободили место на ковре Фейсала и выразили горячую благодарность за деятельность его племени.

В полдень прибыл Ибн Заал с десятью другими главными последователями Ауды. Он дважды

поцеловал руку Фейсала, один раз за Ауду, другой раз за самого себя, и, сев позади, объявил, что он послан от Ауды, чтобы приветствовать Фейсала и получить от него новые приказы. Фейсал политично сдержал внешние проявления радости и степенно представил Ибн Заала его кровным врагам из племени джази-ховеитат. Ибн Заал сухо поздоровался с ними.

Позднее мы долго беседовали с ним наедине и отпустили Ибн Заала с богатыми дарами, еще более богатыми обещаниями и личным посланием Фейсала к Ауде, где тот говорил, что его душа не успокоится, пока он не увидится с Аудой лицом к лицу в Ваджхе. У Ауды была большая военная слава, но для нас он являлся неизвестной величиной, а в таком жизненно важном вопросе, как Акаба, мы не могли позволить себе допустить промаха. Он должен был приехать, чтобы мы могли оценить его и построить планы на будущее обязательно в его присутствии и при его помощи.

Когда солнце опускалось за море и повеяла вечерняя прохлада, от горных хребтов, скрывающих Абу-Зерейбат, отделилась большая кавалькада и направилась к нам. Впереди нее ехал шериф Шакир, столь поразивший меня в Джидде, приехавший из лагеря шерифа Абдуллы в вади Аис, вблизи Медины, чтобы навестить Фейсала.

Шакир был принцем крови в глазах многочисленного племени, у которого его езда верхом (он был подобен кентавру, когда сидел на лошади), его стрельба, смелость, легкомыслие, богатство – все в одинаковой мере вызывало удивление.

В свою очередь, Шакир разыгрывал из себя бедуина. Его простая одежда, простой образ жизни, его манеры – все в нем было как у кочевника, даже его внешность: от мозолистых ног до заплетенных волос. Его волосы были настоящими волосами бедуина – с густым и разнообразным населением.

– Только скряга может претендовать на всю свою голову, – шутил Шакир.

За исключением столь счастливых событий, в остальном этот день не отличался существенно от обычного дня. Мой дневник распух от потока новостей. Дороги к Ваджху кишели гонцами, добровольцами и великими шейхами, направлявшимися сюда, чтобы присягнуть в верности.

Фейсал торжественно приводил новых приверженцев к присяге на Коране:

«Ждать, если он ждет, идти вперед, если он идет вперед, не проявлять покорности ни одному турку, быть благожелательными ко всем, кто говорит по-арабски, и ставить независимость выше жизни, семьи и всего имущества».

Он также начал сзывать их одновременно и в своем присутствии улаживать распри между родовыми врагами. В течение двух лет Фейсал стремился собрать воедино бесчисленные крошечные единицы, составлявшие арабский народ, втягивая их в свой единственный замысел – начать войну против турок. Всюду, где бы он ни проезжал, он не оставлял ни одной кровавой распри неулаженной и постепенно стал высшей судебной инстанцией, окончательной и бесповоротной для западных арабов.

Он выказал себя достойным этой миссии. Он никогда не проявлял излишней уступчивости, точно так же как не принимал шагов, которые могли бы вызвать замешательство. Никогда ни один араб не оспаривал его мнения, но все прибегали к его мудрости и компетенции в делах племен. Благодаря умению терпеливо разбираться в том, кто прав, кто виноват, благодаря своему такту и замечательной памяти, он пользовался авторитетом у всех кочевников от Медины до Дамаска и даже за их пределами. Он был признан силой, выходящей за пределы своего племени, стоящей выше племенных вождей и всякого соперничества. Арабское движение стало национальным в лучшем значении этого слова, так как оно сплотило всех арабов и отвлекло их от узких частных интересов.

Бедуины – странный народ. Англичанин может жить с ними только в том случае, если обладает безграничным и бездонным, как море, терпением. Это были настоящие рабы своих привычек, без всяких устоев, запоем пьющие кофе, молоко и воду, любители тушеного мяса и бесстыдные попрошайки табака. Они неделями мечтали о половых наслаждениях, а следующие за ними дни проводили, возбуждая себя и своих слушателей эротическими рассказами. При благоприятствующих условиях они жили бы исключительно чувственной жизнью. Их сила была силой мужчин, огражденных от искушений в силу географических условий: бедность Аравии сделала их простыми, воздержанными и выносливыми. В условиях цивилизованной жизни они, как дикари, не устояли бы перед ее темными сторонами: скупостью, развратом, жестокостью, хитростью и обманом; и, как дикари, они сугубо страдали бы от этого, так как не имели бы противоядия.

Как только они догадывались, что мы хотим управлять ими, они становились упрямыми или уходили прочь. Если же мы понимали их и предоставляли им возможность делать то, что им хотелось, они готовы были идти за нас в огонь и в воду. Трудно было бы сказать, окупались ли достигнутыми результатами положенные на них труды. Англичане, привыкшие к более крупным достижениям, не могли и, конечно, не стали бы тратить время и силы, которые каждый день расточали шейхи и эмиры на такое пустое дело. Однако понять арабов было легко, ум их был подчинен тем же законам логики, что и наш, и не было ни основания, ни оправдания, кроме нашей лени и невежества, считать их непонятными и трудно разгадываемыми и оставлять их неисследованными.

Между тем мы крепко укрепились в Ваджхе. Алленби **Error! Hyperlink reference not valid..**

Янбу был очищен от последних солдат и складов. Рабег также оставался покинутым. Оттуда

прилетели аэропланы, которые были введены в состав нашей армии. Вслед за ними на судах прибыли египетские войска с полковником Джойсом, капитаном Гослетгом и штабом из Рабега.

Полковник Ньюкомб и капитан Горнби находились впереди, разрушая круглые сутки железнодорожный путь почти собственными руками. Все, казалось, шло к лучшему, когда однажды в полдень Сулейман, доверенное лицо по приему гостей, вбежал в палатку и пошептался с Фейсалом, который повернулся ко мне с сияющими глазами, пытаясь сохранять спокойствие, и произнес:

– Ауда здесь.

– Ауда Абу-тайи? – воскликнул я, и в этот момент полог палатки поднялся, раздался глубокий голос, певуче произносивший приветствия нашему владыке, повелителю правоверных, и вошел высокий, сильный человек с жестоким лицом – страстным и трагическим. Это был Ауда, а за ним следовал его сын Мухаммед, одиннадцати лет от роду, на вид еще ребенок.

Фейсал вскочил с ковра. Ауда схватил его руку и поцеловал ее. Глядя друг на друга, они отошли на шаг или на два в сторону – совершенно непохожие друг на друга, типичные для всего, что было лучшего в Аравии: Фейсал – пророк и Ауда – воин, являвшиеся совершенством в своей области и сразу понявшие и понравившиеся друг другу.

Они сели. Фейсал представил нас одного за другим, и Ауда краткими словами, казалось, характеризовал каждого.

Мы уже многое слышали об Ауде и твердо рассчитывали занять с его помощью Акабу. И через минуту, увидав силу и прямолинейность этого человека, я знал, что мы достигнем нашей цели.

У нас собралась веселая компания: Несиб, Фаиз, Мухаммед эль-Дейлан, хитрый родич Ауды, его племянник Заал и шериф Насир, отдохавший в Ваджхе в течение нескольких дней между двумя походами. Я рассказывал Фейсалу необыкновенные истории о лагере Абдуллы. Внезапно Ауда вскочил на ноги с громким восклицанием: «Да сохранит меня Бог!» – и бросился прочь из палатки. Мы уставились друг на друга. Снаружи раздался громкий стук. Я выбежал, чтобы узнать, что он означает, и нашел Ауду прислонившимся к скале и камнем разбивающим в куски свои искусственные зубы.

– Я забыл, – объяснил он, – что мне их дал Джемаль-паша **Error! Hyperlink reference not valid.** Я ел хлеб своего господина турецкими зубами.

К несчастью, своих зубов у него было мало, и есть с этих пор мясо, которое он очень любил, стало для него мучением. Он почти голодал, пока мы не взяли Акабу и сэр Реджинальд Вингейт не прислал ему дантиста из Египта, чтобы тот сделал тому зубы из материала его союзников.

Ауда был одет очень просто и носил красное мосульское головное покрывало. Ему можно было дать свыше пятидесяти лет, и его черные волосы серебрились, но он все еще был силен и статен, гибок и сухощав и деятелен, как молодой человек. Очертания его лица были великолепны. На этом лице лежала печать искреннего горя, омрачившего всю его жизнь и вызванного смертью в бою его любимого сына Аннада, разбившей его мечту передать будущим поколениям величие имени абу-тайи. У него были большие, выразительные, бархатные глаза.

Благодаря своему великодушию он никогда не мог разбогатеть, несмотря на добычу от сотен набегов. Он был женат двадцать восемь раз, был ранен тринадцать раз. Он собственноручно убил в бою семьдесят пять арабов, но ни одного вне поля сражения. О числе убитых им турок он не мог дать отчета: они не входили в его счет. Люди его племени стали при нем первыми бойцами пустыни, полными отчаянной отваги и чувства превосходства над другими, но благодаря его воинственности число этих бойцов уменьшилось: в течение тридцати лет из тысячи двухсот человек осталось около пятисот.

Ауда предпринимал набеги при каждом удобном случае и совершенно не считался с расстоянием.

После своих разбойничьих подвигов он был настолько хладнокровен, насколько перед тем был горяч, и в самых безумных своих поступках он мог холодно взвешивать все возможности. В своей деятельности он проявлял чрезвычайное терпение и неизменно выслушивал советы, критику и оскорбления с очаровательной улыбкой. Когда он приходил в ярость, его лицо конвульсивно подергивалось, и бешенство его стихало только тогда, когда он убивал кого-либо: в такие минуты это был бешеный зверь, и люди старались избегать его. Ничто в мире не могло заставить его изменить своим убеждениям, подчиниться приказу или сделать что-нибудь, чего он не одобрял.

Его память хранила поэтические повествования о старых набегеах и эпические рассказы о сражениях, и он расточал их перед любым слушателем. Если ему недоставало слушателей, он пел эти предания самому себе оглушительным голосом, низким и звучным. Он не мог обуздать свой язык и постоянно вредил им своим же собственным интересам, а также задевал своих друзей. Он говорил о себе в третьем лице и настолько был уверен в своей славе, что любил рассказывать истории, направленные против себя самого. И все же при всем том он был скромнен, прост, как дитя, прямолинеен, честен, добросердечен и горячо любим теми, кого чаще всего приводил в замешательство, – своими друзьями.

Долгая передышка после падения Ваджха имела для меня важное значение, так как я мог в одиночестве обдумать и рассмотреть нашу деятельность как бы со стороны. Наши усилия все еще были направлены против железной дороги. Ньюкомб и Гарланд с шерифом Шарафом и Мавлюдом

находились вблизи Муаддама. С ними было много людей племени билли, пехоты, посаженной на мулов, орудий и пулеметов. Они надеялись захватить там крепость и железнодорожный вокзал. Затем Ньюкомб намеревался двинуть вперед всех людей Фейсала к самому Медайн-Салиху **Error! Hyperlink reference not valid.** и, захватив и удерживая часть железнодорожной линии, отрезать Медину и вынудить ее к быстрой сдаче. Вильсон собирался приехать, чтобы помочь им в этой операции, а полковник Дэвенпорт должен был доставить столько солдат египетской армии, сколько он мог перевезти, чтобы подкрепить атаку арабов.

До того как мы взяли Ваджх, я считал всю эту программу необходимой для дальнейшего развития арабского восстания. Часть ее я составил и разработал сам. Но сейчас мне казалось, что не только в деталях, но и по существу план был неправилен. Таким образом, моей задачей стало разъяснив перемены в планах.

Арабская война являлась географической войной, а турецкая армия была скверно организована. Наша задача заключалась в том, чтобы найти слабое место неприятеля и упираться лишь в него, пока время не поколеблет врагов на всем их протяжении. Самые крупные наши силы, бедуины, не привыкли к правильным операциям, но их преимуществами были подвижность, гибкость, самоуверенность, знание местности и разумная отвага. Благодаря им раздробленность становилась нашей силой. Следовательно, мы должны до максимума расширить фронт и вынудить турок к длительнейшей пассивной обороне, так как она была самым дорогим видом войны, что являлось для нас в высшей степени важным.

Наш долг заключался в том, чтобы достигнуть цели с величайшей экономией жизни людей, так как жизнь для нас была более драгоценна, чем деньги или время. К счастью, мы были богаче турок транспортными средствами, пулеметами, автомобилями, взрывчатыми веществами. Мы могли бы составить очень подвижный, хорошо снаряженный ударный отряд самой незначительной численности и последовательно использовать его против различных участков турецкого фронта, чтобы заставить турок усилить посты выше оборонительного минимума в двадцать человек. Это было бы кратчайшим путем к успеху.

Мы не должны брать Медину. Там турки были безвредны. Если бы мы их захватили в плен и отвезли в Египет, прокорм и охрана стоили бы нам немалых средств. Нам же нужно, чтобы их главные силы оставались в Медине и во всех других отдаленных местах. Нашим идеалом была ситуация когда железная дорога работает еле-еле, но только еле-еле, с максимумом потерь и неудобства. Вопрос о провианте заставит врага держаться железной дороги. Если бы турки стремились к слишком быстрой эвакуации, чтобы сконцентрироваться на небольшой площади, над которой их отряды действительно могли бы господствовать, – тогда мы оказались бы вынуждены ослабить против них военные действия и вернуть тем врагу уверенность в собственной безопасности. Их глупость была нашим союзником, так как им хотелось сохранить, или считать, что они сохранили, сколь возможно больше из своих старых провинций. Эта гордость своим наследием от прежней империи удерживала турок на их нынешних нелепых позициях – когда у них множество флангов и нет фронта.

Я обстоятельно критиковал принятый прежде план. Удержание средней части железной дороги обошлось бы нам дорого, так как нам угрожали бы с обеих сторон. Смешение египетских войск с арабскими племенами морально нас ослабило бы.

Однако ни мои общие доказательства, ни частные возражения не приняли во внимание. План уже разработан, и приготовления зашли слишком далеко. Все были заняты своим собственным делом, и у меня не хватило влияния привлечь их к моему предложению. Я достиг лишь того, что меня выслушали и условно признали полезность моих рассуждений. Тогда я выработал вместе с Аудой Абу-тайи проект похода с племенем ховеитат на их весенние пастбища в Сирийской пустыне. Оттуда мы могли бы двинуть летучие отряды с верблюдами и ринуться на Акабу с востока без всяких пушек и пулеметов.

Восточная сторона являлась незащищенной, линией наименьшего сопротивления, самой доступной для нас. Наш поход был исключительным примером обходного движения, так как требовал передвижения по пустыне на протяжении шестисот миль, чтобы овладеть окопом, находящимся в сфере влияния огня с наших судов.

Ауда считал, что всего можно достичь динамитом и деньгами и что незначительные племена около Акабы присоединятся к нам. Фейсал, который уже встречался с ними, также верил, что они окажут нам помощь в случае, если мы предварительно добьемся успеха у Маана, а затем действительно двинемся на порт. Пока мы размышляли, флот совершил набег на Акабу, и захваченные при этом турки дали нам такие полезные сведения, что я сгорал от нетерпения немедленно направиться туда.

Поход в Сирию

9 мая 1917 года все было готово, и в ослепительном сиянии дневного солнца мы покинули палатку Фейсала, провожаемые его наилучшими пожеланиями.

Нас сопровождали Ауда и его сородичи, а также шериф Насир, который был проводником, и Несиб эль-Бекри, дамасский политик, являвшийся представителем Фейсала перед сирийскими поселянами. Несиб выбрал себе в товарищи сирийского офицера Зеки.

Нас эскортировали тридцать пять человек племени аджейль под начальством Абдуллы Ибн Дегитира, замкнутого, рассеянного, самодовольного человека.

Фейсал дал нам на руки двадцать тысяч фунтов золотом – все, чем он был в силах поделиться, и больше того, что мы просили, – для выплат новым людям, которых мы надеялись завербовать, что побудило бы племя ховеитат к быстроте.

К моим телохранителям – Мухеймеру, Мерджану и Али – прибавились еще Мухаммед, загорелый, покорный крестьянский мальчик из какой-то деревни в Хаурани, и Гасим из Маана, с крупными зубами на коричневом лице, преступник, объявленный вне закона, который убежал в пустыню к племени ховеитат после того, как убил турецкое должностное лицо в споре из-за налога на скот. Преступления против сборщиков податей вызывали в нас симпатию, и это окружало Гасима некоторым ореолом, на который он на самом деле не имел никакого права.

Наш проводник Насир знал местность так же хорошо, как свою страну. Когда наступила лунная и звездная ночь, его охватили воспоминания о родине. Он рассказал мне о выложенных камнями домах со сводчатыми крышами, об обильных фруктовых садах, по тенистым тропам которых можно было разгуливать, не боясь солнца.

Насир, несмотря на веселый нрав, легко поддавался перемене настроений, и в этот вечер он сам удивлялся, как это он, эмир Медины, богатый и могущественный, спокойно живший во дворце, покинул все для того, чтобы стать бессильным вождем отчаянной авантюры в пустыне. Уже второй год он был изгнанником, ведя войну перед фронтом армии Фейсала. То и дело его направляли в рискованные рейсы, в то время как турки хозяйничали в его доме, уничтожали его плодовые деревья и срубали пальмы. Он говорил, что смолк даже его глубокий колодезь, скрип колеса которого неустанно раздавался в течение шестисот лет, а сад, сожженный жарой, опустел, как те холмы, по которым мы ехали.

После четырехчасовой езды мы проспали два часа, но встали с солнцем. Вьючные верблюды, ослабевшие от проклятой чесотки, двигались медленно. Так мы плелись шесть часов, изнемогая от зноя. В одиннадцать часов утра, против желания Ауды, мы сделали привал, растянувшись под деревьями.

После трехчасового перерыва вновь двинулись в путь. Через несколько часов мы достигли зеленых садов Эль-Курра. Белые палатки выглядывали из-за пальм. Пока мы спешили, к нам подошли с приветствиями Расим, Абдулла, врач Махмуд и даже старый кавалерист Мавлюд.

Они рассказали, что шериф Шараф, с которым мы хотели встретиться в Абу-Рага, месте нашей следующей остановки, уехал на несколько дней для набега на неприятеля. Таким образом, спешка становилась излишней, и мы устроили себе праздник, проведя две ночи в Эль-Курре.

Правда, мы сократили вторую ночь отдыха в этом зеленом раю и в два часа выехали в долину. Стоял густой мрак, который, не могло рассеять слабое мерцание звезд.

Ауда был проводником, и, чтобы внушить доверие к себе, он стал упражнять голос в бесконечных «хо, хо, хо», напеве ховеитат, построенном на трех басовых нотах, высоких и низких, так однообразно повторявшихся, что нельзя было разобрать слов. Спустя некоторое время мы поблагодарили его за пение, когда тропинка свернула влево и наша длинная цепь последовала за эхом его голоса, разливавшегося в лунном свете по поросшим терновником холмам.

Прибыв в Абу-Раг, мы не нашли там Шарафа. Его ждали на следующий день, но он не приехал. Шараф прибыл лишь на третий день утром. Он захватил пленных на фронте и взорвал рельсовый путь и подземный сток для воды. Одна из его новостей заключалась в том, что в вади Дераа на нашем пути недавно прошел дождь, после которого остались лужи свежей дождевой воды. Таким образом, наш безводный путь до Феджра сокращался на пятьдесят миль.

На следующий день мы покинули Абу-Рага. Ауда ввел нас в смежную долину, вскоре расширившуюся в песчаную равнину Шегга.

Не было видно никаких следов, так как каждый порыв ветра, словно огромная щетка, подметал поверхность пустыни с выгравированными на ней отпечатками ног последних путешественников, пока к песку вновь не возвращалась его девственная волнистость. На нем валялись лишь комья верблюжьего навоза, круглого, как грецкие орехи, и светлее песка; свистящий ветер сносил их в кучи.

В середине пути мы заметили пять или шесть всадников, ехавших со стороны железной дороги. Я был впереди вместе с Аудой, и мы спрашивали себя: друзья это или враги? Лишь когда они приблизились, мы увидели, что всадники принадлежали к арабским силам.

Передний, нетвердо сидевший на неуклюжем верблюде, в нелепом деревянном седле, принятом в британских верблюжьих отрядах, был белокурый англичанин с щетинистой бородой и в изодранном мундире. Мы догадались, что это, должно быть, капитан Горнби, ученик Ньюкомба, свирепый инженер, соперничавший с ним в разорении железнодорожных путей. После обмена приветствиями он рассказал мне, что Ньюкомб недавно отправился в Ваджх, чтобы обсудить с Фейсалом свои затруднения и разработать новые планы.

К заходу солнца мы достигли северной границы разоренной каменистой местности, а к ночи – тихой долины с серым мягким песчаным ложем, полным колючего кустарника, к несчастью непригодного в пищу для верблюдов.

Ночью некоторые из наших верблюдов разбрелись, и нашим людям пришлось так долго разыскивать их, что было уже около восьми часов, когда мы, перекусив, снова двинулись в путь. Дорога лежала через обширное поле лавы. Мы безостановочно ехали до полудня, а затем расположились отдохнуть до трех часов прямо на голой почве. Мы считали необходимым сделать на этом неудобном месте привал, опасаясь, что приунывшие верблюды, привыкшие к песчаным путям прибрежной равнины, могли обжечь свои мягкие ноги о раскаленные солнцем камни и захромать.

Когда мы опять сели на верблюдов, дорога ухудшилась, и нам пришлось беспрестанно объезжать огромные пространства, заваленные глыбами базальта, или глубокие желтые водостоки. И вновь мы восхищались уверенностью, с которой Ауда вел нас по извилистым тропам меж скал.

Истинная пустыня

На заре сели в седло и вскоре добрались до Дераа, о котором Шараф рассказал нам, что там мы найдем воду. Мы оставались здесь до полудня, так как находились очень близко от железной дороги и должны были напиться воды и наполнить ею наши мехи, готовясь к долгому переходу до Феджра.

Во время привала Ауда позаботился, чтобы двое из наших людей натерли моего верблюда маслом для устранения нестерпимого зуда от коросты, недавно покрывшей его морду. Сухие пастбища страны билли и зараженная почва Ваджха произвели опустошение среди наших животных. В отрядах Фейсала не было ни одного здорового верхового верблюда. В нашем небольшом отряде верблюды слабели с каждым днем. Насир беспокоился, что во время предстоящего форсированного похода многие из них падут, оставив своих всадников в пустыне на произвол судьбы.

Без четверти четыре мы уже сидели в седлах, спускаясь по вади Дераа меж отвесными и высокими склонами изменчивых песков. Немного погодя трое или четверо из наших людей, опередив весь отряд, ползком вскарабкались на песчаную вершину, чтобы высмотреть железную дорогу. Она казалась безлюдной.

Наши понурые верблюды смогли спокойно пересечь долину, железнодорожное полотно и следовавшую дальше равнину и затем укрылись в песках и утесах, лежавших на другой стороне.

Между тем некоторые из наших людей подложили пироксилин под рельсы и начали поджигать запалы, наполняя пустую долину отзвуками многократных взрывов. Ауда впервые видел динамит и с ребяческим удовольствием разразился наспех придуманными стихами о его мощи и великолепии.

Мы перерезали три телеграфных провода и привязали их концы к седлам шести верховых верблюдов. Удивленные животные отбивались от звенящей, путающейся проволоки, волочащейся за ними. Наконец мы освободили их от нее и, смеясь, двинулись дальше в наступивших сумерках.

Утром, около четырех часов, мы уже подымались в гору, пока наконец не вскарабкались на плоскогорье, с которого открывался беспредельный вид на восток. Поднимающееся солнце затопило все ярким светом и отбрасывало длинные тени. Совсем рассвело: потоки солнечного света, падавшего прямо в лицо двигающимся фигурам, пронизывали каждый камень в пустыне.

Бедуины Феджра, любящие давать прозвища, назвали свою равнину Эль-Хаиль (то есть Странная) по причине ее запустения; в этот день мы двигались вперед, не встречая на своем пути признаков жизни – ни следа газели, ни ящериц, ни крыс, ни даже птиц. Мы сами чувствовали себя покинутыми в этой пустыне, и наша быстрота в сравнении с ее бесконечностью казалась бесплодным усилием. Единственными звуками являлись глухое эхо, как будто каменный ковер, по которому шли наши верблюды, был выстлан над пустым пространством, да тихий, но резкий шелест песка, медленно подгоняемого к западу по каменистой почве горячим ветром, обтачивающим песчаник так, что камни своими острыми гранями напоминали изъеденную кору.

Дул ветер, как из огненной печи. Днем он был настолько сух, что наши пересохшие губы и кожа на лицах потрескались; гноящиеся веки, казалось, не могли защищать наших щурившихся глаз. Арабы надвинули свои головные покрывала на лицо, оставив в них лишь узкую щель. Весь день мы брели вперед, изнемогая от резкого ветра, пока не наступил спокойный, темный и звездный вечер. Покрыв около пятидесяти миль, мы сделали привал.

На следующий день мы пустились в путь еще до рассвета и как раз к полудню достигли колодца, к которому стремились. Он был около тридцати футов глубиной, обложен камнем и, по-видимому, создан еще в древности. Вода была слегка солоновата, но не противна на вкус. Здесь мы устроили ночевку.

Как обычно, мы встали до рассвета и после утомительной езды через угрюмую равнину как раз перед заходом солнца достигли Хабр-Аджаджа. Там мы нашли воду, годную для верблюдов, но почти непереносимую для человека. Раньше мы думали, что застанем здесь племя ховеитат, но вся трава была объедена, вода загажена их верблюдами, а сами они уже уехали дальше. Ауда пытался разыскать их следы, но не смог найти ни одного: порывы ветра совершенно замели их. Однако, если

бы мы повернули на север, мы могли бы их догнать.

Наступил следующий день. Несмотря на то что, казалось, прошло бесконечно много времени, был лишь четырнадцатый день, как мы покинули Ваджх, и взошедшее солнце опять застигло нас в пути через известняковые и песчаные равнины к отдаленному краю великой пустыни Северной Аравии – Нефуд, знаменитые цепи песчаных дюн которой отрезали Джебель-Шаммар **Error! Hyperlink reference not valid.** от Сирийской пустыни.

Некоторые знаменитые путешественники пересекли ее, и я попросил Ауду немного отклониться от нашего пути, чтобы вступить в пустыню, но он проворчал, что в Нефуд идут лишь в случае необходимости, во время набегов, и что сын его отца не может ехать на шатающемся чесоточном верблюде. Нашей же задачей было достигнуть Арфаджи живыми.

Поэтому мы благоразумно двинулись дальше через однообразные блестящие пески. Они ослепительно, как зеркало, отражали солнечные лучи, и наши слабые веки не могли защитить глаз от острых стрел света, пронизывавших их. Мы почти не разговаривали друг с другом, по временам едва не лишаясь чувств, но к шести часам почувствовали облегчение, сделав привал для ужина.

Мы тащились еще три часа в темноте и достигли вершины песчаной гряды. Там мы сладко заснули после тяжелого дня жгучих ветров, ураганов пыли и песчаных заносов, терзавших наши воспаленные лица, а по временам, при сильных порывах, застилавших дорогу и бросавших в разные стороны наших измученных верблюдов. Но Ауда беспокоился о завтрашнем дне, так как противный ветер задержал бы нас в пустыне, между тем в мехах уже не оставалось воды. Он разбудил нас, и, прежде чем наступил день, мы вступили на равнину Бисайта **Error! Hyperlink reference not valid.**, названную так в насмешку над ее огромными размерами и унылым видом. Ее поверхность, покрытая потемневшими от солнца гольшами, оставалась темной и после восхода солнца, успокаивая наши усталые глаза, но нашим верблюдам, у многих из которых ноги были уже изранены, было трудно ступать по ней. Я и Ауда ехали впереди, выбирая удобный путь.

По дороге мы заметили вздымающуюся против ветра пыль. Ауда сказал, что там страусы. Один из его людей побежал и принес два огромных яйца цвета слоновой кости. Мы расположились позавтракать этим щедрым даром пустыни.

Насир и Несиб, заинтересованные восторгом европейцев, спешили, посмеиваясь над нами. Ауда вытащил свой кинжал с серебряной рукояткой и отбил верхушку одного из яиц, которые мы предварительно испекли. Мы почувствовали резкую вонь, словно от чумной заразы, и спаслись бегством на новое место, осторожными толчками перекатывая перед собой другое яйцо. Оно оказалось довольно свежим, но твердым как камень. Мы выковыряли кинжалом его содержимое на гладкие камни, служившие нам тарелками, и съели его кусками, убедив даже Насира взять себе долю, хотя он никогда еще в своей жизни не падал так низко, чтобы есть яйца. Общий приговор гласил: жесткое и слишком крутое, но приемлемое для Бисайты.

Один из наших спутников заметил антилопу, подкрался к ней и убил ее. Впоследствии алчные люди ховеитат, замечая в отдалении множество антилоп, пускались в погоню за ними. Последних выдавало их белое сверкающее брюхо, делавшее заметным каждое движение животного даже на большом расстоянии.

Среди людей племени аджейль я не видел одного из них – Гасима. Я поехал вперед, желая отыскать его верблюда, и наконец нашел, но без всадника. Его вел один из людей ховеитат. Седельные сумки, винтовка и провиант были на верблюде, но сам Гасим исчез. Нам стало ясно, что несчастный отстал. Это было ужасно, так как в туманном мареве караван не был виден далее двух миль, а на земле, твердой как железо, не оставалось никаких следов. Гасим никогда не смог бы нагнать нас пешком.

Все начали искать его, надеясь, что он затерялся где-нибудь в нашем растянувшемся караване, но безуспешно. Уже наступал полдень; было очевидно, что Гасим остался сзади, на расстоянии многих миль от нас. Его навьюченный верблюд служил доказательством, что мы не забыли его спящим на ночном привале.

Товарищи Гасима рискнули предположить, что он задремал в седле и свалился, оглушенный или убитый при падении, или кто-либо свел с ним старинные счеты. Во всяком случае, они ничего не знали. Он был злонравным чужаком, и они не слишком волновались.

Я нерешительно смотрел на них и на минуту задумался, могу ли я послать кого-либо из этих людей назад на моем верблюде, чтобы спасти Гасима. Если бы я уклонился от своего долга, это оправдали бы тем, что я иностранец. Но такое оправдание было слабым доводом для человека, который намеревался помогать арабам в их восстании.

Во всяком случае, иностранцу было очень тяжело оказывать влияние на национальное движение другого народа, а особенно тяжело для христианина и оседлого человека управлять кочевниками-мусульманами. Я исключил бы для себя эту возможность, пытаясь пользоваться одновременно привилегиями тех и других.

Вот почему, не сказав ни слова, я повернул моего упирившегося верблюда и поехал обратно в пустыню. Настроение мое было далеко не героическим, так как меня взбесила нерешительность остальных людей и необходимость изображать из себя бедуина. Больше всего, меня бесил сам

Гасим, ворчливый парень с редкими зубами, скверного нрава, подозрительный, грубый человек, от которого я дал себе слово избавиться при первой возможности. Казалось нелепым, что я должен был подвергнуть опасности свое участие в арабском восстании ради одного нестоящего человека. Мой верблюд глухим ворчанием, казалось, выражал те же чувства.

В течение всех последних дней я замечал направление по своему компасу и надеялся с его помощью вернуться к месту нашей прошлой стоянки в семнадцати милях позади. Я скакал в течение полутора часов, когда внезапно заметил впереди себя нечто похожее на какую-то фигуру или большой куст, во всяком случае что-то черное. Изменчивое марево искажало размеры и расстояние, но этот предмет, казалось, двигался. Я наудачу повернул туда своего верблюда и через несколько минут разглядел, что это был Гасим. Когда я окликнул его, он нерешительно остановился. Я подъехал и увидел, что он почти ослеп и стоит с глупым видом, открыв рот и протягивая руки ко мне. Наши люди налили в мои мехи нашу последнюю воду, и он судорожно расплескал ее по лицу и груди, спеша напиться. Затем он залепетал, изливая свои горести. Я посадил его на круп верблюда и повернул обратно.

Гасим трогательно сетовал на муку и ужас жажды. Я велел ему замолчать, но он продолжал, все время съезжая с седла. При каждом шаге верблюда он шумно падал на его круп, пришпоривая его этим так же, как своим плачем. Мы легко могли надорвать животное. Я опять велел ему перестать и, как только он визгнул погромче, ударил его, поклявшись, что при первом же звуке сброшу несчастного. Угроза подействовала – Гасим замолчал и судорожно вцепился в седло.

Я не проехал и четырех миль, как опять увидел темную тень, покачивавшуюся в мареве и двигавшуюся навстречу нам. Она раскололась на трое и увеличилась. Я подумал, что это враг. Минутой позднее туман рассеялся с внезапностью призрака и я узнал Ауду с двумя из людей Насира, вернувшихся назад, чтобы отыскать меня. Я начал подтрунивать над ними, говоря, что они покинули друга в пустыне. В ответ Ауда дернул себя за бороду и проворчал, что, если бы он присутствовал при этом, я никогда не поехал бы обратно.

Гасима с бранью перенесли на седельную подушку лучшего ездока, и мы медленно двинулись вперед.

Через час мы присоединились к Насиру и Несибу. Несиб сердился на меня за то, что я из прихоти подверг опасности жизнь Ауды и свою собственную. Ему был ясен мой расчет на то, что они вернутся за мной. Насир же чувствовал стыд за свою недостаточную осторожность, над которой в дальнейшем Ауда подтрунивал, противопоставляя солидарность людей пустыни эгоизму горожанина.

Это маленькое приключение отняло у нас много времени, и остальная часть дня казалась не такой длинной, хотя зной и усилился. Мы ехали плоской и ровной дорогой до пяти часов, пока не увидели впереди низкие валы, и немного погодя очутились в сравнительно спокойном убежище меж песчаных холмов, заросших скудным тамариском. Это были сирханские холмы Касима.

Кусты и дюны задерживали ветер, солнце заходило, и мягкий вечер опускался на нас, окрасив все в красный цвет. Поэтому я записал в своем дневнике, что Сирхан – прекрасное место.

Не имея ни глотка воды, мы, разумеется, ничего не ели – нам предстояла ночь воздержания. Но уверенность в том, что завтра мы напьемся досыта, дала возможность легко уснуть, лежа на животе, чтобы его не пучило от голода.

На следующее утро мы пустились в путь по откосам через целый ряд вершин, отстоящих в трех милях друг от друга. В восемь часов отряд наконец спешил у колодцев Арфаджи. Повсюду вокруг нас сладко благоухали кусты. Колодцы без ограды имели глубину восемнадцать футов. Вода из них была солоновата на вкус и с сильным душистым запахом. Мы нашли ее превосходной, и, так как повсюду росла зелень, пригодная в пищу для верблюдов, мы решили остаться здесь на день.

Пиршества арабских племен

На следующее утро мы совершили быстрый пятичасовой переход (наши верблюды были полны сил после вчерашнего отдыха) к оазису из хилых пальм с разбросанной вокруг зеленью тамариска. Вода, имевшаяся в изобилии, мнилась вкуснее, чем в Арфаджи. Впрочем, и она оказалась «сирханской водой», которая вначале была сносной, но после двухдневного пребывания в закрытом сосуде приобретала отвратительный запах и вкус, делавшие ее непригодной для употребления.

Нам действительно надоел вади Сирхан, хотя Несиб и Зеки все еще обдумывали планы улучшения и культивирования здешних мест для арабского правительства, когда последнее будет образовано. Подобное неумеренное воображение типично для сирийцев, легко убеждавших себя в осуществлении проектов и так же легко и охотно сваливавших ответственность за их невыполнение на других.

– Зеки, – сказал я однажды, – твой верблюд весь в чесотке.

– Да, – печально согласился он, – вечером, когда солнце сядет, мы смажем его кожу мазью.

В следующий наш переезд я опять упомянул про чесотку.

– Ага, – сказал Зеки, – вы подаете мне хорошую мысль. Представьте себе, что мы учредим в Сирии государственное министерство ветеринарии, когда Дамаск станет нашим. У нас будет целый

штаб искусных ветеринаров и центральный госпиталь или даже сеть госпиталей для верблюдов и лошадей, для ослов и рогатого скота и даже (почему бы и нет?) для овец и козлов. При них должны быть научные и бактериологические отделы, чтобы производить изыскания универсальных средств против болезней животных. А что вы скажете о библиотеке иностранных книг?.. И о разъездных инструкторах?

И при пылком участии Несиба он разделил Сирию на четыре инспектората и множество субинспекторатов.

Назавтра вновь зашла речь о чесотке. Они отложили работу и занялись дальнейшим развитием своего плана.

– Да, дорогой мой, он еще не совершенен, но нам не свойственно останавливаться на пути к совершенству. Нам грустно видеть, что вы готовы оппортунистически довольствоваться синицей в руках. Но таков уж недостаток англичан.

Я ответил им в тон.

– О Несиб, – сказал я, – о Зеки... Разве совершенство помешает этому миру прийти к концу? Разве мы созрели для этого? Когда я сержусь, я молю Бога, чтобы земной шар упал на огненное солнце и наши потомки больше не страдали, но, когда я доволен, мне хочется лишь вечно отдыхать в тени, пока я сам не стану тенью.

Сирийцы неловко перевели разговор на верблюдов, а на третий день несчастный верблюд издох. «Весьма вероятно, оттого, – как разъяснил Зеки, – что мы не смазали его».

Ауда, Насир и остальные бедуины поддерживали хорошее состояние животных постоянной заботой о них.

С наветренной стороны к нам подъехал какой-то всадник. На мгновение все насторожились, но затем люди ховеитат окликнули его. Он оказался одним из их пастухов, и они степенно обменялись приветствиями, как это было принято в пустыне.

Он рассказал нам, что племя ховеитат расположилось лагерем впереди, от Исавии до Небка, нетерпеливо дожидаясь вестей от нас. У них все обстояло благополучно. Беспокойство Ауды прошло, и его рвение опять возгорелось. В течение часа мы быстро проскакали до Исавии и палаток Али Абу Фитна, начальника одного из кланов Ауды.

Старый Али, с рыжими длинными волосами и слезящимися глазами, горячо приветствовал нас и настаивал, чтобы мы воспользовались гостеприимством в его палатке. Мы с извинениями отклонили его предложение, так как нас было слишком много, и расположились поблизости под низким кустарником, меж тем как он с остальными хозяевами палаток готовили для нас пиршество.

Приготовление пищи отняло несколько часов, и уже давно наступила темнота, когда они позвали нас. Я проснулся, спотыкаясь добрался до стола, поел, вернулся к нашим растянувшимся верблюдам и опять заснул.

Наш поход успешно закончился. Мы отыскивали племя ховеитат, наши люди были в полном порядке, а наше золото и взрывчатые вещества остались нетронутыми. Поэтому утром мы собрались вместе на торжественный совет по поводу дальнейших действий. Все сошлись на том, что прежде всего должны подарить шесть тысяч фунтов Нури Шаалану, благодаря снисхождению которого мы достигли Сирхана. Нам нужно было его позволение оставаться здесь, пока мы не закончим вербовку и подготовку наших бойцов, и мы хотели, чтобы он заботился об их семьях, палатках и стадах, когда мы уйдем.

Решили также, что послом к Нури должен отправиться сам Ауда, ибо они были друзьями. Тем временем мы, оставшись с Али Абу Фитном, собирались медленно подвигаться на север, к Небку, куда Ауда приказал собраться всему племени абу-тайи. Он собирался вернуться от Нури раньше, чем мы присоединимся к ним.

Мы погрузили шесть мешков с золотом в седельные сумки Ауды, и он уехал. Затем к нам явились старшины племени и заявили, что почтут за честь угощать нас дважды в день – утром и после захода солнца, – пока мы остаемся с ними. Гостеприимство ховеитат не знало границ.

Каждое утро между восемью и десятью нам подавали нескольких чистокровных кобыл. Насир, Несиб, Зеки и я садились на них верхом и в сопровождении дюжины наших пеших людей торжественно пересекали долину по песчаным тропам меж кустарников. Так мы достигали палатки, которая должна была служить на этот раз залом для пиршества. Все семьи по очереди помогали нашего посещения и жестоко оскорблялись, если наш руководитель Заал отдавал предпочтение одной из них, нарушая порядок.

Когда мы прибывали к избранной палатке, вокруг нее всегда собиралась толпа, и мы проходили на половину для гостей, расширенную ради данного случая и заботливо убранную стенными занавесами на солнечной стороне, чтобы мы могли сидеть в тени. Застенчивый хозяин бормотал что-то и опять исчезал из виду. Для нас готовили красные ковры из Бейрута, и мы садились на них.

Хозяин вновь появлялся, стоя у входа. Наши местные сотрапезники – Мухаммед эль-Дейлан, Заал и остальные шейхи позволяли усадить себя на коврах между нами, разделяя с нами вьючные седла, обложенные толстыми войлочными коврами, на которые мы опирались.

Передняя часть палатки была очищена, и шумная ватага детей отгоняла собак, бегая по

пустому пространству, таща за собой еще меньших детей. Сообразно их возрасту упрощался и их туалет, и были пухлее их тела. Самые маленькие дети своими черными глазами в упор смотрели на собравшихся, важно качаясь на расставленных ногах. Совершенно голые, они сосали большой палец, выставя напоказ свои животы.

Затем следовала неловкая пауза, которую наши друзья пытались нарушить, показывая нам ручного сокола на жердочке, дворового петуха или борзую собаку. Однажды, на удивление нам, в палатку втащили прирученного каменного козла, а в другой раз – антилопу. Когда эти развлечения иссякали, наши хозяева заводили пустую болтовню, чтобы отвлечь нас от домашней суматохи и отдаваемых настойчивым шепотом кухонных распоряжений, доносившихся через занавеску вместе с сильным ароматом кипящего сала и клубами вкусного пара от мяса.

Помолчав, хозяин выступал вперед и спрашивал шепотом: «Черного или белого?» – приглашая нас выбрать кофе или чай. Насир всегда отвечал: «Черного». И раб, следуя знаку, приносил в одной руке кофейник, а в другой три или четыре звенящие белые чашки. Он плескал несколько капель кофе в верхнюю чашку и предлагал ее Насиру, вторую передавал мне, а третью Несибу. Следовала пауза, пока мы поворачивали чашки в руках и с видом знатоков осторожно втягивали кофе, чтобы не оставить ни единой драгоценной капли.

Как только они опорожнялись, он протягивал руку, с шумом вставляя чашки одну в другую, и ловким движением перебрасывал их следующим по порядку гостям; так продолжалось, пока не напивались все. Тогда опять очередь доходила до Насира. Вторая чашка бывала вкуснее первой, отчасти оттого, что напиток настоялся, а отчасти оттого, что в нее вливали остатки из недопитых стаканов прежних гостей, а третья и четвертая чашки, если не сразу подавалось мясное блюдо, отличались удивительным ароматом.

Наконец двое людей приносили рис и мясо на луженом медном подносе пяти футов в поперечнике. У всего племени был лишь один поднос такого размера. По его краям шла вырезанная надпись цветистым арабским слогом: «Во славу Бога и с упованием на милость Его к Его бедному слуге Ауде Абу-тайи». Затем хозяин приглашал нас приступить к еде.

Мы прикидывались, что не слышим его приглашений, как того требовали арабские обычаи. Затем мы удивленно глядели друг на друга, причем каждый подталкивал своего соседа, чтобы тот подошел первым, наконец Насир скромно подымался, а за ним и все мы подходили и опускались на одно колено вокруг подноса. Мы засучивали до локтя правый рукав и со словами: «Во имя всемогущего Бога!» – одновременно окунали руки в варево.

В первый момент, я погружал пальцы с большими предосторожностями, так как расплавленный жир обжигал мою непривычную кожу, и вот, пока я перебрасывал в руках остывающий ломоть мяса, остальные опустошали все блюдо.

Наш хозяин стоял возле кольца гостей, поощряя их аппетит благочестивыми восклицаниями.

Когда все наедались досыта, Насир многозначительно прочищал себе горло и мы все вместе поспешно подымались, шумно восклицая: «Бог воздаст тебе за угощение, хозяин», – и покидали стол.

Затем нас еще раз потчевали кофе или чаем, похожим на сироп. Наконец нам приводили лошадей, мы садились на них и уезжали, призывая благословения на хозяина.

В первый день мы пировали один раз, а во второй и третий по два. Затем 30 мая мы оседлали наших верблюдов и легко сделали трехчасовой переход, достигнув долины, где нашли колодцы обычной солоноватой воды. Люди абу-тайи разбили лагерь вокруг нас.

Змеи, ставшие нашим бичом уже с первой минуты вступления в Сирхан, сделали тот день памятным. Арабы говорили, что в обычное время змей здесь было немногим больше, чем повсюду, где в пустыне имелаась вода. Но в этом году долина, казалось, кишела рогатыми ехиднами, кобрами и множеством других видов змей. Ночью двигаться было опасно и, когда мы осторожно шагали босиком между кустов, приходилось бить по камням палками.

У змей была странная повадка заползать ночью к нам под одеяло – вероятно, в поисках тепла. Узнав это, мы вставляли с бесконечными предосторожностями, и первый поднявшийся шарил палкой по земле вокруг своих соседей.

Мы убивали ежедневно, может быть, по двадцать штук, и под конец наши нервы оказались так напряжены, что даже самые смелые боялись прикоснуться к земле. Я лично чувствовал трепетный ужас перед всеми пресмыкающимися и страстно желал, чтобы наше пребывание в Сирхане закончилось как можно скорее.

Сирхан нам опротивел. Его пейзаж казался гораздо безнадежнее и печальнее, чем вид всей пустыни, которую мы пересекли. Пески, камни и голые утесы иногда возбуждали воображение и с известной точки зрения обладали угрюмой красотой бесплодной враждебности, но было нечто зловещее в этом облюбованном змеями Сирхане, порождающем лишь соленую воду, тощие пальмы и кусты, которые не были пригодны ни для костров, ни для прокорма верблюдов.

Мы ехали так два дня, миновав Гатти с его почти пресным колодцем. Когда мы приблизились к Аджейле, то увидели вокруг нее множество палаток, и навстречу нам немедленно вышел отряд. Мы узнали Ауду Абу-тайи, невредимо вернувшегося от Нури Шаалана, и одноглазого Дарзи Ибн Дагми, нашего старого гостя в Ваджхе. Его присутствие доказывало расположение Нури, так же как и

сопровождая их сильный эскорт из верховых людей племени руалла – все с непокрытыми головами. Они с приветственными криками сопровождали нас до пустого дома Нури, размахивая пиками и беспорядочно стреляя из винтовок и револьверов.

Дела, казалось, шли благоприятно, и нам пришлось назначить трех слуг готовить кофе для посетителей, которые начали стекаться к Насиру, принося присягу Фейсалу и арабскому восстанию и обещая повиноваться Насиру и следовать за ним со всеми их отрядами. Кроме настоящих подарков, каждый из них ронял на наш ковер неприметный побочный дар в виде вшей, и задолго до захода солнца мы с Насиром были в лихорадке от укусов этих паразитов. У Ауды одна рука не сгибалась, что являлось следствием старой раны в локтевом суставе, и поэтому он не мог свободно почесываться. Но печальный опыт научил его засовывать за спину палку, и, скребя ею ребра, он, казалось, успокаивал зуд быстрее, чем мы достигали того же своими ногтями.

Кочевые племена и кочевая жизнь

Прошло уже пять недель со дня нашего отъезда из Ваджха. Мы истратили почти все деньги, которые захватили с собой, дали возможность верблюдам отдохнуть или заменили их новыми. Отъезду ничто не препятствовало. Новизна ощущений заранее вознаграждала нас за все, а Ауда накануне нашего выступления дал прощальный пир в своей огромной палатке, на котором присутствовали сотни людей. Этот пир превосходил все предыдущие.

Во время пира Ауда, указывая на Мухаммеда, спросил нас:

– Не хотите ли вы, чтобы я рассказал вам, как в течение пятнадцати дней Мухаммед не спал в своей палатке?

Все захихикали от восторга, и Ауда рассказал, как Мухаммед купил нитку жемчуга в Ваджхе и не отдал его ни одной из своих жен. Все они перессорились из-за украшения, но сошлись на том, чтобы отвергнуть его.

Этот рассказ был, конечно, чистым вымыслом: лукавый юмор Ауды обострился вследствие восстания, и злополучный Мухаммед, который уже две недели гостил то у одного, то у другого соплеменника, призывал Бога и меня в свидетели, что Ауда лжет. Я торжественно откашлялся. Ауда призвал к спокойствию и просил меня подтвердить его слова. Я начал с традиционной фразы каждого рассказа:

– Во имя милосердного и человеколюбивого Бога. Нас было шестеро в Ваджхе. Это были: Ауда, Мухаммед и Заал, Гасим эль-Шимт, Муфадди и бедный человек (я сам); однажды ночью, перед самым рассветом, Ауда сказал: «Пойдемте побродить по базару». И мы сказали: «В добрый час» – и пошли; Ауда в белой одежде и красном головном покрывале, Гасим в заплатах сандалиях, Мухаммед в шелковой тунике «семи королей» и босиком, Заал... я забыл, как был одет Заал. Гасим был в бумажном платье, а Муфадди в голубом полосатом шелке с вышитым головным покрывалом. Ваш покорный слуга был одет, как теперь.

Я сделал паузу среди всеобщего изумления. Это была пародия на эпический стиль Ауды. Я подражал его жестуляции, его голосу и тем модуляциям, которые подчеркивали остроты или то, что он считал остротами в своих неостроумных рассказах. Арабы ховейтат сидели тихо и молчали как убитые, жадно впиваясь глазами в Ауду; все они узнавали оригинал, а пародия была неведомым доселе ни ему, ни им искусством. Слуга по имени Муфадди, убежавший некогда из Шаммара из-за убийства, сам характерный тип, забыл подбрасывать ветки терновника в костер – так внимательно он слушал рассказ.

Дальше я рассказал, как мы вышли из палаток и пошли по направлению к деревне, причем описывал каждого верблюда и каждую лошадь, которую мы встречали, каждого прохожего и горы, лишенные пастбищ, так как эта страна была бесплодной.

– Иногда мы останавливались, чтобы выкурить папироску, и при малейшем шуме Ауда останавливался и говорил: «Друзья, я слышу что-то...» А Заал прибавлял: «Ей-богу, вы правы». И мы останавливались послушать, но ничего не слышали, и я говорил: «Ей-богу, я ничего не слышу». И Заал повторял: «Ей-богу, я ничего не слышу». И Мухаммед сказал: «Ей-богу, я ничего не слышу». И Ауда: «Ей-богу, вы правы».

И мы шли и шли, и страна была бесплодна, и мы ничего не слышали. Направо от нас появился негр, верхом на осле. Осел был серый, с черными ушами и одной черной ногой, а на его плече было клеймо, и его хвост двигался, и его ноги также. Ауда увидел это и сказал: «Клянусь Богом, вот осел и раб». И Мухаммед сказал: «Праведный Боже, это осел и раб». И мы пошли дальше. Дальше была гора, небольшая гора. И мы пошли к горе, и она была голая. Эта страна бесплодна, бесплодна, бесплодна. И, мы шли дальше. Потянулись опять горы, и мы подошли к тем горам и поднялись на них, и там ничего не было, и вся страна выгорела, и мы поднялись на те горы и пошли до самого верха. Клянусь Богом, клянусь моим Богом, клянусь истинным Богом – над нами вставало солнце.

Так я закончил рассказ. Каждый из присутствовавших двадцать раз слышал рассказ Ауды о восходе солнца, с его бесподобным пафосом. Ауда часами тянул его. Тривиальность конца была подчеркнута мной, что делало рассказ похожим на рассказ Ауды. Все катались по полу от смеха.

Ауда смеялся больше и громче всех, так как он любил, когда над ним подшучивали, а бессмысленность моего повествования показала ему его собственное мастерство описания. Он обнял Мухаммеда и признался, что выдумал историю с ожерельем. В знак благодарности Мухаммед пригласил весь лагерь к завтраку. Нас угостили верблюжонком, сваренным женами Мухаммеда в кислом молоке.

Мы выступили 19 июня 1917 года за час до полудня. Нас вел Насир верхом на своей Газале, великолепной верблюдице, похожей на античный корабль и возвышавшейся на добрый фут над остальными животными, но тем не менее восхитительно пропорциональной.

За Насиром следовали Ауда и я. Наш отряд, включивший представителей северных племен, сейчас насчитывал в целом более пятисот человек, и зрелище этой веселой толпы бесстрашных, самоуверенных северян, дико гонящихся по пустыне за серной, мгновенно развеяло опасения о печальном исходе всего нашего дела.

Все старшины племени абу-тайи пришли поужинать с нами. Мы сели на коврах вокруг горячей золы костров, дававших приятный жар в прохладе этой нагорной северной страны, и начали болтать, перескакивая с одного предмета на другой.

Насир улегся на спину с моим телескопом в руках и начал изучать звезды, громко называя одно созвездие за другим, он громко кричал от неожиданности, когда открывал маленькие светила, невидимые невооруженным глазом.

Ауда подсел к нам, чтобы побеседовать о больших телескопах, о том, как люди за триста лет так далеко ушли вперед от первых попыток, что теперь открыли тысячи неизвестных звезд. А звезды – что это такое? Мы перешли на тему о солнцах, превосходящих наше, о величинах и пространствах, непостижимых нашему разуму.

– Что будет теперь с этой наукой? – спросил Мухаммед.

– А мы возьмемся за нее, и ученые и умные люди, собравшись вместе, соорудят настолько более мощные телескопы, чем наши, насколько наши сильнее галилеевских. Сотни астрономов будут распознавать и вычислять тысячи доселе невиданных звезд, отмечать их на карте и давать каждой из них название. Когда мы их все увидим, не будет более ночи на небесах.

– Почему люди Запада всегда хотят захватить все? – лукаво спросил Ауда. – За нашими немногими звездами мы видим Бога, которого нет за вашими миллионами.

– Мы хотим знать, где кончается мир, Ауда.

– Но мир – создание Бога, – жалобно сказал Заал, начиная сердиться.

Мухаммед не хотел упускать интересовавшую его мысль.

– Живут ли люди в этих больших мирах? – спросил он.

– Бог знает.

– А имеет ли каждый из них пророка, небо и ад?

Ауда набросился на него:

– Друзья, мы знаем наши округа, наших верблюдов и наших жен; бесконечность и слава принадлежит Богу. Если верх мудрости состоит в том, чтобы открывать новые звезды, то наша тупость нам приятна.

Потом он заговорил о деньгах и направил их мысль в другом направлении, так что они заговорили все разом. Немного погодя он прошептал мне на ухо, что, если он захватит Акабу, я должен достать ему богатый подарок от Фейсала.

Мы выступили на заре, и Ауда тут же заявил мне, что едет вперед к Баиру, и спросил, не хочу ли я его сопровождать. Мы помчались и через два часа прибыли на место. Баир лежал у вершины холма. Ауда спешил вперед, чтобы посетить гробницу своего сына Аннада, которого убили из засады пятеро из его родичей в отмщение за Абтана, их лучшего бойца, убитого Аннадом на поединке. Ауда рассказал мне, как Аннад дрался с ними один против пятерых и умер славной смертью.

Однако, когда мы спускались к могилам, нас встревожили клубы дыма, стелившегося по земле возле колодцев. Мы круто изменили направление и осторожно приблизились к развалинам. Казалось, там царило полное безлюдье, но всюду густо лежал навоз, а верхушка колодца была разбита вдребезги. Почва была разрыхлена и почернела, словно от взрыва, а когда мы заглянули в скважину колодца, то увидели, что его подпоры сброшены и расколоты, а сам он наполовину завален грудой брошенных туда глыб. Я потянул носом воздух и почувствовал запах динамита.

Ауда подбежал к следующему колодцу, находившемуся под могилами в ложбине долины, но и тот был разрушен и завален камнями.

– Эта работа племени джази, – сказал он.

Мы пересекли долину, направляясь к третьему колодцу племени бени-сахр, – от него оставалось лишь отверстие. К нам подъехал Заал, ставший серьезным при виде случившегося бедствия. Мы исследовали разрушенный караван-сарай и нашли оставшиеся от прошлой ночи следы не менее сотни лошадей.

К северу от развалин, на открытой равнине, находился четвертый колодец, и мы в отчаянии направились туда, думая о том, что будет с нами, если весь Баир окажется уничтоженным. К нашей радости, он остался невредимым.

Четвертый колодец принадлежал племени джази, и то, что его не тронули, подкрепляло предположение Ауды.

Беспокоило, что турки уже успели подготовиться к нашему походу. Мы начали опасаться, что они, быть может, уже совершили набег на лежащий к востоку от Маана Эль-Джефер, вокруг колодцев которого мы рассчитывали сосредоточить все наши силы перед началом наступления. Их блокада действительно затруднила бы выполнение нашего плана.

Несмотря на это, положение, хотя и тяжелое, не являлось опасным: четвертый колодец оставался цел. Но поскольку содержащихся в нем запасов воды не могло хватить для пятисот верблюдов, нужно было открыть наименее поврежденный из остальных колодцев.

Один из людей племени аджейль принес нам пустую гильзу, очевидно, от того взрывчатого вещества, которым воспользовались турки. Мы быстро расчис тили второй колодец и решили остаться на неделю в Баире. К нашим заботам о пище и о настроениях племен между Мааном и Акабой прибавилась третья – необходимость узнать, в каком состоянии находятся колодцы Эль-Джефера.

С этой целью туда был послан особый человек. Мы приготовили небольшой караван из вьючных верблюдов и в сопровождении трех или четырех людей племени ховеитат, которых никогда не могли бы заподозрить в союзе с нами, отправили его за линию железной дороги в Тафиле. Эти люди должны были скупить всю муку, какая там имелась, и привезти ее через пять или шесть дней.

Что же касается племен, обитавших вокруг дороги на Акабу, то мы нуждались в их активной помощи против турок, чтобы осуществить план, разработанный нами еще в Ваджхе. Он сводился к тому, что мы внезапно выступаем из Эль-Джефера, пересекаем линию железной дороги и углубляемся в великое ущелье Нагб-эль-Штар, ниже которого дорога опускалась с плоскогорья Маан к красной равнине Гувейра.

Чтобы удержать это ущелье, нам следовало захватить мощный источник у его истока на расстоянии около шестнадцати миль от Маана. Гарнизон там был очень велик, но мы надеялись обратить его в бегство при первом же натиске. Затем мы обложили бы дорогу; сторожевым постам, стоявшим вдоль нее, к концу недели пришлось бы сдать из-за угрозы голода. Однако вероятнее всего, что еще раньше горные племена, прослышав об успешном начале наступления, присоединились бы к нам, чтобы очистить ущелье от врага.

Самым сложным моментом в нашем плане являлось не дать времени вооруженным силам, находившимся в Маане, совершить вылазку, чтобы оказать помощь запертым в ущелье соратникам и прогнать нас из входа в Нагб-эль-Штар. Если, как и сейчас, у них будет лишь один батальон, они вряд ли рискнут выступить, а если они допустят падение Аба-эль-Лиссана в ожидании прибытия помощи, Акаба также сдастся нам, и мы укрепимся у моря, владея удобным ущельем, отделяющим нас от врага.

Итак, чтобы обеспечить себе успех, нам следовало не нарушать спокойствия Маана, не подозревавшего о присутствии арабов.

Нам всегда было трудно сохранять в тайне наши передвижения, так как мы беспрестанно агитировали туземцев за восстание и несогласные с нами доносили об этом туркам. Неприятель знал о нашем долгом походе через вади Сирхан, и даже самый тупоумный человек, далекий от военных дел, не мог бы не понять, что единственной нашей целью являлась Акаба. Разрушение Баира (а также и Джефера, ибо нам сообщили, что семь колодцев Джефера подверглись уничтожению) показывало, что турки настороже.

Даиф-Аллах, вождь племени джази-ховеитат, приехавший в Ваджх и принесший там присягу, находился в Джефере, когда Королевский колодец был взорван заложенным под него динамитом. Он тайно известил нас об этом из Маана. Он был убежден, что скважина колодца осталась нетронутой и очистить ее – дело нескольких часов. Мы надеялись, что так оно и окажется, и для выяснения вопроса выступили из Баира 28 июня.

Мы быстро пересекли чарующую равнину Джефер. На следующий день около полудня добрались до колодцев. Они оказались совершенно разрушенными, и это породило опасение, что перед нами первое препятствие к исполнению оперативного плана.

Тем не менее мы отправились к колодцу, являвшемуся семейной собственностью Ауды, и работали над его расчисткой двадцать четыре часа не покладая рук. Зато к рассвету следующего дня он был восстановлен.

Но воды в нем оказалось не слишком много, и нам удалось напоить только часть наших верблюдов.

В Джефере мы приступили к активным действиям. Несколько всадников поехало вперед к палаткам клана даманийе, чтобы руководить нападением на блокауз Фувейла, прикрывавший вход в ущелье Аба-эль-Лиссан. Атака предполагалась за два дня до прибытия каравана из Маана, еженедельно пополнявшего запасы местных гарнизонов. Голод облегчил бы покорение этой отдаленной местности.

Мы оставались в Джефере, поджидая известий о счастливом исходе нападения. От его успеха или неудачи зависело направление нашего следующего похода. Наш отдых не был неприятным, ибо

положение имело свою комическую сторону. Нас можно было видеть из Маана в те минуты, когда горизонт не застилался дневным маревом, однако мы беспрепятственно слонялись тут, восхищаясь нашим восстановленным колодцем. Турки же считали, что здесь и в Баире воды невозможно раздобыть, и лелеяли приятную мысль, что повстанцы сейчас отчаянно сражаются с их кавалерией в Сирхане.

На заре следующего дня в наш лагерь приехал всадник с известием, что клан даманийе открыл стрельбу по посту Фувейла вчера днем, как только к ним прибыли наши люди. Однако нападение не застигло турок врасплох, и они, бросив людей на свои каменные брустверы, отогнали врага. Упавшие духом арабы отступили, и неприятель, считая, что происходит лишь обычная стычка с каким-либо племенем, совершил кавалерийскую вылазку на лагерь туземцев.

Там находились лишь один старик, шесть женщин и семеро детей. Не найдя действительного врага, турецкие кавалеристы в своем гневе разнесли лагерь и перерезали его беспомощных обитателей. Люди даманийе с вершин холмов услышали крики, когда было уже слишком поздно. Они бросились к дороге, по которой возвращались убийцы, и в своей ярости перебили их почти до последнего человека.

Чтобы завершить свою месть, они штурмовали уже ослабленный форт и захватили его при первом же своем свирепом натиске, причем пленных не брали.

Мы поспешно оседлали наших верблюдов, и не прошло и десяти минут, как выступили к Гадир-эль-Хаджу, первой железнодорожной станции на юге от Маана, на нашем прямом пути к Аба-эль-Лиссану.

Одновременно мы выделили небольшой отряд, чтобы он пересек железную дорогу как раз выше Маана и тем отвлек бы внимание неприятеля в другую сторону.

Нашей задачей было создание угрозы крупным стадам больных верблюдов, пригнанных с Палестинского фронта **Error! Hyperlink reference not valid.**, которых турки пасли на выгонах равнин Шобека до тех пор, пока они вновь не станут работоспособными.

Мы высчитали, что известие о поражении при Фувейле достигнет Маана не раньше утра и они не смогут до наступления ночи пригнать этих верблюдов (если даже предположить, что нашему северному отряду не удастся захватить их), а также снарядить вспомогательную экспедицию. И если бы мы тогда атаковали железнодорожное полотно у Гадир-эль-Хаджа, турки, вероятно, произвели бы диверсию в направлении последнего. Таким образом, мы могли спокойно продолжать наш путь на Акабу.

С надеждой на такое развитие событий мы безостановочно ехали сквозь марево до полудня, когда спустились к железнодорожному полотну и, освободив его на большом протяжении от вражеских дозоров и патрулей, занялись мостами захваченного участка. Маленький гарнизон Гадир-эль-Хаджа совершил вылазку против нас с мужеством неведения, но зной ослепил врага, и мы прогнали его с немалым уроном.

Турки бросились к телеграфу и известили об атаке Маан, в котором не могли не слышать гула от многократных взрывов. Наша цель заключалась в том, чтобы выманить противника ночью сюда, где он не нашел бы ни одного человека, но зато увидел бы множество уничтоженных мостов, так как мы действовали быстро и причинили большой ущерб. В течение шести минут нам удалось взорвать десять мостов и полотно на большом протяжении.

После наступления сумерек, когда наше передвижение не могло быть видно, мы проехали на пять миль к западу от железной дороги. Тут к нам галопом подскочило трое всадников с донесением, что длинная колонна новых войск – пехоты и артиллерии – из Маана появилась у Аба-эль-Лиссана. Людям даманийе, потерявшим боевую готовность после победы, пришлось покинуть свои позиции без боя. Сейчас они находились в Батре, поджидая нас.

Без единого выстрела мы потеряли Аба-эль-Лиссан, блокауз, ущелье и господство над дорогой к Акабе.

Мы пробиваемся к морю

Это известие побудило нас к немедленным действиям. Мы нагрузили наших верблюдов и пустились в путь через волнистые возвышенности этой части Сирийского плоскогорья.

Ехали всю ночь. Когда наступил рассвет, мы спускались к гребню холмов между Батрой и Аба-эль-Лиссаном. На западе перед нами открывался чудесный вид на зелено-золотую равнину Гувейра, а дальше – на красноватые горы, скрывающиеся от взоров Акабу и море.

Гасим Абу Дамейк, глава клана даманийе, беспокойно поджидал нас, окруженный своими отважными соплеменниками. Кровавые следы вчерашнего сражения еще были видны на их серых напряженных лицах. Они с глубокой радостью встретили Ауду и Насира.

Мы наспех выработали план и приступили к его осуществлению, сознавая, что не сможем двинуться вперед к Акабе, пока ущелье занято врагом. Если мы не выйдем его оттуда, наши двухмесячные усилия и риск окажутся напрасными, не принеся даже первых плодов.

К счастью, непредусмотрительность неприятеля дала нам неожиданное преимущество. Турки

встали лагерем и погрузились в сон в долине, тогда как мы, оставшись незамеченными, заняли горы и окружили их широким кольцом. Вскоре мы начали обстреливать турецкие позиции под склонами утесов, надеясь выманить их оттуда и спровоцировать нападение на нас. Между тем Заал с несколькими верховыми перерезал на равнине телеграфные и телефонные провода, ведущие в Маан.

Такое положение сохранялось весь день. Стояла ужасная жара, более сильная, чем я когда-либо испытывал в Аравии, а наше беспокойство и постоянное передвижение делали ее еще более непереносимой. Даже некоторые из крепких арабов валились с ног от беспощадных лучей солнца и либо отползали, либо их оттаскивали под утесы, чтобы они пришли в себя в тени.

Мы перебежали с места на место, заменяя подвижностью нашу малочисленность. Отвесные склоны гор были так круты, что легкие болели и мы задыхались, взбираясь на них, а травы во время бега обвивались, словно руки, вокруг наших коленей и мешали нам. Острые камни известняка изранили ноги, и еще задолго до вечера при каждом шаге мы оставляли на земле кровавые следы.

Наши винтовки так раскалились от солнца и стрельбы, что обжигали ладони, и каждый залп доставлял тяжелые страдания. Утесы, на которые мы бросались для прицела, обжигали грудь и руки, и вскоре кожа с них сползала лохмотьями. Жгучая боль вызывала жажду, но воды было мало. У нас не оставалось людей, чтобы доставлять ее в достаточном количестве из Батры.

Мы утешали себя сознанием, что в замкнутой долине неприятелю было еще жарче, нежели нам в открытых горах. Мы все время беспокоили турок, не давая им возможности ни двинуться, ни собраться в отряды, чтобы совершить вылазку против нас. Быстро передвигаясь с места на место, мы не могли служить мишенями для их винтовок. Мы лишь смеялись над их маленькими горными орудиями, из которых они вели огонь. Снаряды пролетали над нашими головами, разрываясь в воздухе далеко позади.

Как раз после полудня меня хватил солнечный удар, или, вернее, я притворился, что он меня хватил, ибо смертельно устал от всего и перестал обо всем заботиться. Я заполз в какую-то впадину, где стояла мутная лужица грязной воды, и намочил в ней свое платье. Ко мне присоединился Насир, задыхающийся, как загнанное животное. Его губы потрескались и кровоточили. За ним стремительным шагом появился и старый Ауда. Глаза арабского вождя были налиты кровью и вытаращены, а на скулах играли желваки.

Он саркастически усмехнулся, увидав нас лежащими, растянулся в поисках прохлады под насыпью и грубо буркнул мне хриплым голосом:

– Ну а что с племенем ховеитат? Все болтают, а никто ничего не делает?

– В самом деле, – грубо кинул я в ответ, так как был сердит на весь мир и на самого себя, – они часто стреляют, но редко попадают в цель.

Ауда, позеленев и задрожав от ярости, сорвал с себя головную повязку и швырнул ее на землю подле меня. Затем он помчался, как помешанный, обратно на гору, сзывая своих людей громоподобным голосом.

Они сбежались к нему и через минуту рассеялись по склону горы. Я боялся, что дело приняло дурной оборот, и добрался до того места, где Ауда одиноко стоял на вершине горы, глядя на неприятеля. Но все, что он мне сказал, сводилось к нескольким словам:

– Садись на верблюда, если хочешь увидеть, как действуют старики.

Насир потребовал верблюдов, и мы сели в седло. Арабы промчались перед нами в неглубокую впадину, переходящую в низкую гряду. Мы знали, что находящаяся дальше гора спускалась удобными склонами к главной долине Аба-эль-Лиссана, несколько ниже источников. Все четыреста человек с верблюдами теснились здесь, недоступные для глаз врага. Мы подъехали и спросили у Шимта, что это означает и куда делись всадники с лошадьми.

Он указал через гряду на соседнюю долину и сказал: «Там, с Аудой», – и, когда он произносил эти слова, оттуда внезапным потоком хлынули крики и выстрелы.

Мы неистово погнали наших верблюдов к ребру скалы и увидели пятьдесят всадников, стрелявших и полным галопом мчавшихся на закусивших удила лошадях по последнему склону в главную долину. Двое или трое из них упали, но остальные неслись вперед с удивительной быстротой. Турецкая пехота, столпившаяся под отлогим утесом и приготовившаяся с ранними сумерками отчаянно пробиться к Маану, заколебалась и, наконец не устояв перед стремительным натиском Ауды, обратилась в бегство, смешавшись с его отрядом.

Насир визгливо крикнул мне окровавленным ртом: «Вперед!» – и мы как сумасшедшие погнали наших верблюдов через гору наперерез бегущему врагу. Склоны горы были не слишком отвесны, чтобы сделать невозможной езду по ним галопом, но достаточно круты, чтобы эта езда оказалась ужасной. Однако арабы сумели окружить врага, стреляя туркам в лоб. Яростное нападение Ауды с тыла вызвало в неприятеле ужас, благодаря чему они не заметили нас, пересекавших восточный склон горы. Таким образом, мы также застигли их врасплох, и атака с фланга на верблюдах, несущихся со скоростью около тридцати миль в час, оказалась для турок неожиданна.

Люди ховеитат были ожесточены избиением своих женщин, внезапно открывшим перед ними день тому назад новую и ужасную сторону способов ведения войны. Они взяли лишь сто шестьдесят

пленников, многие из которых были ранены, а триста турок валялись в долинах мертвыми или умирающими.

Немного врагов избегнули той же участи, в их числе были артиллеристы и несколько верховых и офицеров с их проводниками из племени джази. Шейх Мухаммед эль-Дейлан гнался за ними на протяжении трех миль, посылая вдогонку проклятия. Распри Ауды со своими родичами никогда не затягивали в себя хитроумного Мухаммеда, проявлявшего дружбу ко всем людям своего племени, когда он оставался с ними наедине. Среди беглецов находился Даиф-Аллах, оказавший нам большую услугу сообщением о Королевском колодце в Джефере.

Покачиваясь, Ауда подошел к нам. Его глаза сверкали от упоения битвой, и он быстро бормотал бессвязные слова:

– Действуй, действуй, когда все говорят. Действуй. Пули! Абу-тайи...

Руками он придерживал свой разбитый вдребезги полевой бинокль, изодранную револьверную кобуру и кожаные ножны от сабли, изрезанные в клочья. Во время боя в него было сделано несколько залпов, один из которых убил под ним кобылу, но он остался невредим, хотя шесть пуль и пробили его одежду.

Позднее он рассказал мне под строгим секретом, что тринадцать лет тому назад он купил в качестве амулета Коран за сто двадцать фунтов и с тех пор ни разу не был ранен. В самом деле, смерть словно щадила его и, кружась вокруг, убивала его братьев, сыновей и последователей. Святая книга меж тем была напечатана в Глазго и стоила не более восемнадцати пенсов, но постоянная невредимость Ауды не позволяла смеяться над его суеверием.

Он свирепо радовался происшедшему сражению, главным образом потому, что пристыдил меня и показал, на что способен его племя. Мы потеряли лишь двух человек убитыми. Разумеется, жаль было терять каждого из наших людей, но момент являлся настолько важным и настолько насущна была необходимость господствовать над Мааном, чтобы заставить сдать небольшие турецкие гарнизоны, преграждавшие нам доступ к морю, что я охотно согласился бы даже на гораздо большие потери, чем два человека. В подобных случаях смерть оправдывает себя.

Тем временем наши арабы уже ограбили турок, их обозы и лагерь, и вскоре после восхода луны Ауда заявил, что мы должны двинуться в путь. Мы рассердились. Дул влажный западный ветер, и после зноя и жгучих страданий минувшего дня его сырая прохлада едко бредила наши раны и ушибы. Нас охватила эйфория после победы и желание отдыха.

Но Ауда настаивал на выступлении. Отчасти его побуждало к тому суеверие: он боялся оставаться на месте, где многие недавно нашли смерть, отчасти – нежелание, чтобы люди других кланов ховеитат видели нас обессиленными и спящими. Некоторые являлись его кровными врагами, и они могли, ссылаясь на то, что во мраке приняли нас за турок, наудачу открыть по нам стрельбу. Итак, мы поднялись и двинулись вперед, подталкивая несчастных пленников.

Большинству пришлось идти пешком. Около двадцати верблюдов пало или находилось на последнем издыхании от ран, полученных в бою, а другие слишком ослабели, чтобы вынести двойной груз. На остальных сели по двое: араб и турок. Но некоторые из турецких раненых находились в таком тяжелом состоянии, что не могли сами держаться в седле.

В конце концов нам пришлось оставить около двадцати раненых на густой траве возле ручья, где, по крайней мере, они не умерли бы от жажды, хотя было мало надежды на то, что они выживут.

Насир отправился сам собирать одеяла для этих покинутых, полураздетых людей, и, пока арабы упаковывались, я спустился в долину, где происходило сражение, чтобы посмотреть, нет ли на мертвых какой-нибудь одежды, которую можно было бы использовать. Но бедуины предупредили меня и раздели убитых донага. Для них это был вопрос чести.

В значительной части триумф победы сводился для арабов к тому, что они надевали на себя одежду неприятеля, и на следующий день наш отряд почти целиком превратился в турецкий. Разбитый нами батальон был отлично экипирован.

Наконец наша небольшая армия была готова и медленно повернула вниз в укрытую от ветра ложбину. Пока усталые люди спали там, мы продиктовали письма к шейхам прибрежных племен ховеитат, извещая их о победе и о том, чтобы они окружили ближайшие отряды турок и удерживали их, пока мы не подоспеем.

Мы ласково обошлись с одним из пленных офицеров, которого его товарищи презирали за то, что он являлся полицейским, и убедили его стать нашим турецким переводчиком и написать начальникам трех постов, лежавших между нами и Акабой, – Гувейры, Кесиры и Хадры, – что, если нас не доведут до ожесточения, мы берем пленных и что быстрая сдача обеспечила бы им хорошее обращение и безопасную доставку в Египет.

Когда наступил рассвет, Ауда построил нас, готовых пуститься в путь, и вывел из долины. Горные склоны Штарского ущелья расстилались перед нами на сотни и сотни футов. Их изгибы походили на бастионы, о которые разбивались облака летнего утра, а от подножия начиналась новая земля равнины Гувейра. Круглые песчаники Аба-эль-Аиссана покрывал зеленый вереск. А Гувейра предстала перед нами, как географическая карта из розовых песков, испещренная голубыми полосами ручьев и наряженная зелеными покровами зарослей.

После долгих дней скитаний по плоскогорью в замкнутых долинах вид этого свободного края вознаградил нас.

Мы спустились по всем зигзагам ущелья Штар и сделали внизу привал. Расположившись на мягком ложе из песка, мы тотчас же заснули.

Нас разбудил Ауда. Мы защищали наше право на отдых, оправдываясь состраданием к измученным пленным. Он возразил, что если мы пустимся в путь, то умрут от истощения только пленные, но если мы станем мешкать по пустыкам, тогда можем умереть и мы, и они; действительно, у нас почти не было воды и совершенно не имелось провианта. Однако мы не смогли удержаться, чтобы, пройдя лишь пятнадцать миль, не остановиться ночью для отдыха вблизи Гувейры.

В Гувейре находился шейх Ибн Джад, выжидающий и рассчитывающий примкнуть к сильнейшей стороне. Сегодня таковой являлись мы, и старая лиса оказался с нами.

Он встретил нас медоточивыми речами. Сто двадцать человек турецкого гарнизона являлись его пленниками. Мы сговорились с ним, что он переправит их в удобный момент в Акабу.

Было уже 4 июня. Положение не терпело отлагательств, ибо мы голодали, а Акаба все еще лежала далеко впереди за двумя крепостями. Ближайший пост Кесиры упорно отказывался вступить в переговоры с нашими парламентарями. Его утесы господствовали над долиной, и захват его мог стоить больших потерь. Мы умышленно предоставили эту честь Ибн Джаду и его свежим людям, советуя предпринять попытку с наступлением сумерек. Он отказывался, придумывая затруднения, ссылаясь на полнолуние, но мы сурово отвергли его возражения и оправдания, обещая, что этой ночью месяц некоторое время не должен быть виден. Согласно моим записям, предстояло лунное затмение. Оно исправно произошло, и арабы без всяких потерь захватили пост, пока суеверные турецкие солдаты стреляли из винтовок и колотили в медные горшки, сиюсья выручить луну из беды.

Успокоенные, мы пересекли равнину, пустившись в дальнейший путь. Ниази-бей, командир турецкого батальона, являлся гостем Насира, что избавляло его от унижения подвергнуться оскорблениям со стороны бедуинов. Сейчас он ехал бок о бок со мной. Он начал жаловаться, что один из арабов оскорбил его грубым турецким словом. Я принес ему извинения, пояснив, что тот, должно быть, выучился этому от кого-либо из его турецких собратьев губернаторов. Но офицер казался неудовлетворенным.

По мере того как мы углублялись в вади Итм, дорога становилась все уже и запутанней. За Кесирой мы находили турецкие посты покинутыми. Солдаты отступили оттуда к Хадре, укрепленной позиции у входа в Итм, надежно прикрывавшей Акабу против десанта со стороны моря. К несчастью для себя, неприятель никогда не думал о возможности нападения с суши, и из всех его огромных укреплений ни одна траншея или пост не преграждали доступа из внутренней части страны. Неожиданное направление нашего продвижения повергло турок в панику.

После полудня мы добрались до главной турецкой позиции. От местных арабов стало известно, что добавочные посты около Акабы были уже сняты либо уменьшены в численности. Таким образом, лишь триста человек преграждали нам путь к морю.

Мы спешили, чтобы посоветоваться, и узнали, что неприятель упорно сопротивляется, скрываясь в недоступных для бомб окопах с новым артезианским колодцем. Был слух, что у него мало провианта.

Но не больше провианта было и у нас. Мы зашли в тупик. Наш военный совет обсудил способы улучшить положение. Благоразумие спорило с отвагой. Всякое хладнокровие исчезало в этом раскаленном добела узком проходе, гранитные вершины которого отражали солнце мириадами мерцающих вспышек света, в то время как в глубины его извилистого ложа не мог проникнуть даже слабый ветерок, чтобы развеять медленно нагнетавшийся зной.

Наша численность уже удвоилась. Люди так теснились в узком пространстве и сгрудились вокруг нас, что мы два или три раза прерывали наш совет, – отчасти чтобы они не подслушали наших шумных споров, а отчасти оттого, что задыхались от жары в этом заточении, а запах немых тел одурманивал нас. Кровь билась в висках, как колокол.

Мы дважды послали туркам требования сдачи, в первый раз – парламентаря с белым флагом, а во второй – нескольких турецких пленных, но неприятель оба раза открывал по ним стрельбу. Бедуины вспылили, и, пока мы все еще совещались, они ринулись внезапной волной на утес, извергая на врага град пуль. Насир босиком выбежал, чтобы остановить их, но, сделав несколько шагов по раскаленной земле, визгливо закричал, чтобы ему принесли сандалии.

Мы сделали третью попытку связаться с турками при посредстве какого-то юного новобранца, заявившего, что он знает, как этого достичь. Мы спустились с ним к самым окопам и велели позвать какого-нибудь офицера, чтобы переговорить с ним. После некоторого колебания турок нам удалось добиться своего и разъяснить, как обстоят дела, указав на наши подавляющие силы и невозможность сдерживать нрав арабов. Результатом переговоров явилось обещание турок сдать после восхода солнца. Таким образом, мы могли еще раз поспать (событие достаточно редкое и поэтому достойное того, чтобы быть занесенным в летопись), несмотря на мучившую нас жажду.

На рассвете сражение возобновилось по всей линии, так как ночью прибыло несколько сот новых горных арабов, опять удвоивших нашу численность, и они, не зная о достигнутом соглашении,

открыли стрельбу по туркам, которые начали защищаться. Насир выступил с Абдуллой и его телохранителями, выстроенными по четыре в ряд, и спустился в долину.

Наши люди прекратили стрельбу, а вслед за ними замолкли и турки, так как их солдаты не решались больше сражаться, считая, что мы отлично снабжены всем необходимым. И так, в конце концов сдача врага произошла спокойно.

Когда арабы кинулись на турок, чтобы их ограбить, я заметил инженера в сером мундире, с рыжей бородой и растерянными голубыми глазами. Я заговорил с ним по-немецки. Он был специалистом по бурению колодцев и не владел турецким языком. Только что случившееся поразило его, и он попросил меня объяснить, кто мы такие. Я рассказал ему, что перед ним арабы, восставшие против турок. Он не сразу понял меня. Он хотел знать, кто являлся нашим вождем. Я ответил, что шериф Мекки. Он предположил, что его отошлют именно туда, но я возразил, что скорее его местопребыванием станет Египет.

Потерю своих технических принадлежностей он принял философски, но очень сожалел о почти законченном колодце, который послужил бы ему памятником. Он показал мне, где тот находится, и продемонстрировал недостроенный насос. Мы набрали оттуда прекрасной прозрачной воды и утолили жажду.

Затем мы взапуски устремились к Акабе, лежавшей в четырех милях дальше, и, пробившись сквозь песчаную бурю, 6 июля, ровно через два месяца после нашего выступления из Ваджха, подошли к морю.

Акаба, Суэц, Алленби

Мы сидели, наблюдая, как ряды наших людей потоком проходили мимо нас. Их разгоряченные лица казались безразличными и ничего не выражающими.

В течение месяцев Акаба являлась нашей желанной целью. У нас не было никаких иных помыслов, мы отвергли всякие мысли о чем-либо ином. Сейчас, захватив ее, мы были немного разочарованы.

Голод вывел нас из транса. У нас имелось семьсот пленных вдобавок к нашим собственным пятистам людям и двум тысячам ожидающих нас союзников. У нас совершенно не было денег, а ели мы последний раз два дня назад. Наши верховые верблюды представляли собой запасы мяса, достаточные на шесть недель, но, используя их, мы оказались бы на жалкой и одновременно дорогой диете и были бы обречены в будущем на неподвижность, расплачиваясь за проявленную слабость характера.

Ужин доказал нам настоятельную необходимость послать британским властям в Суэц, то есть через полтора миль пустыни, просьбу о присылке судна. Я решил отправиться сам с отрядом из восьми человек, по преимуществу из людей ховеитат, на лучших наших верблюдах. Одним из них был знаменитый Джедах, семилетний верблюд, за обладание которым в свое время воевали два племени. Обезжая залив, мы обсуждали, как совершить путешествие. Если мы поедем не спеша, щадя животных, они могут погибнуть от голода. Если мы поедем быстро, они могут в центре пустыни пасть от истощения или изранив ноги. При этом нужно было помнить, что человек, и в особенности европеец, в таких случаях изнемогает раньше верблюда.

Наконец мы договорились проводить в пути лишь столько часов в сутки, сколько нам позволяла наша выносливость, ни в коем случае не прельщаясь быстротой. В этом случае мы должны были достигнуть Суэца за пятьдесят походных часов, а чтобы сократить задержки в пути на приготовление пищи, мы захватили с собой вареного верблюжьего мяса и вареных же фиников.

Около полуночи мы добрались до Темеда, где находились единственные колодцы на нашем пути, расположенные в изгибе долины возле покинутой караульни синайской полиции. Мы разнуздали наших верблюдов, напоили их и напились сами. Затем мы вновь двинулись вперед, с трудом пробираясь в ночном мраке.

Когда начало рассветать, мы все еще ехали. При восходе солнца мы уже были далеко на равнине и остановились, чтобы дать нашим верблюдам поспать несколько минут. Затем опять в седле до полудня и после полудня, когда из марева возникли одинокие развалины Нехля. Мы миновали их и при заходе солнца сделали привал на час.

Верблюды стояли сонные, и сами мы бесконечно устали, но Мотлог, одноглазый владелец моего верблюда, приглашал нас двигаться дальше. Мы вновь сели верхом и, двигаясь машинально, взобрались на горы Митла. Взошел месяц, и их снежные вершины засияли, словно хрусталь. На заре мы проехали мимо поля, которое какой-то отважный араб засеял дынями в этой безлюдной области, расположенной между несколькими армиями. Мы сделали привал, теряя еще один из наших драгоценных часов, раскололи несколько незрелых дынь и освежились их сочной мякотью. И вновь мы двинулись вперед в зное нового дня, хотя он беспрестанно смягчался ветрами, проникавшими сюда с Суэцкого залива.

К полудню мы пробрались через гряду дюн и выехали на гладкую равнину. Уже угадывалась близость Суэца.

Мы достигли длинных линий окопов, укрепленных и обвитых колючей проволокой, и разрушающегося полотна железной дороги. Нашей целью являлся пост Шатт, лежавший против Суэца на азиатском берегу канала, и мы добрались наконец до него около трех часов дня после сорокадевятисючасового перехода.

Шатт находился в необычайном смятении, ни один часовой не остановил нас. Два или три дня назад здесь появилась чума. Войска поспешно очистили старые лагеря, оставив их на произвол судьбы, и стали бивуаком в открытой пустыне. Разумеется, мы ничего не знали об этом и расхаживали по опустевшим канцеляриям, пока не нашли телефон. Я позвонил в Суэц, в главную квартиру армии, и заявил, что мне нужно переехать через канал.

Мне выразили сожаление, что это не входит в круг их обязанностей. Переправой через канал управлял отдел внутреннего водного транспорта, притом следуя своим собственным методам. Чувствовалось, что они не соответствовали методам Главного штаба.

Тогда я бесстрашно позвонил в контору водного управления и объяснил, что только что прибыл в Шатт из пустыни с безотлагательными известиями для главного командования. В водном управлении очень сожалели, но как раз сейчас у них не было свободных лодок. Они наверняка утром пошлют за мной первую же, чтобы она доставила меня в карантинное управление. Затем там дали отбой.

Я провел четыре месяца в Аравии, безостановочно передвигаясь с места на место. За последние четыре Недели я сделал на верблюде тысячу четыреста миль, совершенно не щадя себя ради успешного хода войны. Но я отказывался провести даже одну лишнюю ночь с заедавшими меня насекомыми. Я жаждал ванны и какого-нибудь прохладительного напитка, я жаждал перемены своего платья, от грязи прилипавшего к моим натертым седлом ссадинам, какого-нибудь блюда потоньше, чем зеленые финики и верблюжьи сухожилия.

Я опять сунулся в управление внутреннего водного транспорта и на этот раз говорил как Златоуст. Не добившись никакого эффекта, я пришел в бешенство. Но тут они вторично дали отбой.

Моя ярость все увеличивалась, когда до меня донесся из трубки дружеский голос с северным акцентом, говоривший с военной центральной телефонной станции:

– Не стоит портить кровь, сэр, ради разговора с этими глупыми водяными крысами.

Его слова выражали бесспорную истину, и телефонист соединил меня с управлением военных посадок на суда. Тут майор Литлтон, как он ни был занят, прибавил к своим бесчисленным обязанностям еще одну. Как только он услышал, кто я и где нахожусь, – все помехи сразу оказались устраненными. Его баркас готов, будет в Шатте через полчаса. Я могу прямо направиться в его учреждение, не объясняя причин, почему обыкновенный портовый баркас въехал в священный канал, не имея на то разрешения водного директората.

Все случилось, как он и обещал. Своих людей и верблюдов я временно отослал на север, к Кубри, где им дали пищу и приют.

Литлтон увидел, как я измучен, и немедленно отправил меня в гостиницу. Некогда она казалась мне жалкой, но сейчас я нашел ее великолепной.

После того как первая враждебность, вызванная моим видом, была побеждена, я получил все, о чем мечтал: ванну, прохладительные напитки (целых шесть сортов), обед и постель. Услужливейший офицер Интеллидженс **ServiceError! Hyperlink reference not valid.**, предупрежденный шпионами о переодетом европейце в «Синай-отеле», сам принял на себя заботы о моих людях в Кубри, а на следующий день снабдил меня билетами и пропусками в Каир.

В Измаилии пассажирам на Каир приходилось пересаживаться в другой поезд, приходивший из Порт-Саида. В составе второго поезда сиял роскошный салон-вагон, из которого вылезли адмирал Вэмисс, капитан Бурместер, Невилл и какой-то очень толстый и важный генерал. Все замерло на перроне, когда они, серьезно беседуя, расхаживали по нему взад и вперед. Офицеры отдали им честь один раз, другой, а они все еще расхаживали. Отдавать честь в третий раз было неудобно, и офицеры спаслись бегством.

Взгляд Бурместера упал на меня. Он пожелал узнать, кто я, так как я сильно загорел и после своих скитаний имел дикий вид. Я рассказал ему историю нашего набега на Акабу. Он взволновался. Я попросил его, чтобы адмирал немедленно выслал туда транспортное судно. Бурместер ответил, что судно «Дафферин», прибывающее сегодня, нагрузится провиантом в Суэце, направится прямо в Акабу и привезет пленных. (Великолепно!) Он сам отдаст приказ об этом, чтобы не прерывать беседы адмирала с Алленби.

– Алленби! Что он здесь делает? – воскликнул я.

– Ого, ведь он сейчас главнокомандующий.

– А Мюррей?

– Вернулся на родину.

Это были серьезнейшие новости, в значительной мере касающиеся меня. Я вошел обратно в вагон и предался размышлениям: походит ли этот грузный краснолицый мужчина на прочих генералов и не придется ли нам мучиться шесть месяцев, поучая его? В свое время генералы Мюррей и Беллинг**Error! Hyperlink reference not valid.** так надоели нам, что в первые дни мы не столь

стремились победить врага, сколь обуздать наших начальников. Лишь с течением времени мы уломали сэра Арчибальда и его начальника штаба, и в последние месяцы они в своих донесениях военному министерству восхваляли удачу арабов и в особенности заслуги Фейсала. Их великодушие являлось нашим тайным триумфом, так как они были странной парой в одной упряжке.

В Каире я направил свои стопы вдоль мирных коридоров отеля «Савой» к генералу Клейтону. Когда я вошел, он взглянул на меня и буркнул: «Муш фади» (англо-египетское выражение, означающее «я занят»).

Но когда я заговорил, он с удивлением приветствовал меня. Прошлой ночью в Суэце я нацарапал краткий доклад, и, таким образом, нам пришлось говорить лишь о том, что надлежит делать дальше.

Менее чем через час по телефону позвонил адмирал и сказал, что «Дафферин» грузит муку для своего неожиданного рейса. Клейтон вытащил шестнадцать тысяч фунтов золотом и вызвал конвой, чтобы доставить их в Суэц трехчасовым поездом. Это было крайне необходимо для того, чтобы Насир мог уплатить свои долги.

В Баире, Джефере и Гувейре мы выпустили денежные знаки, написанные карандашом на военных телеграфных бланках, с обещанием оплатить их стоимость подателю в Акабе. Это был прекрасный выход, но до сих пор еще никто не решался выпускать бумажные деньги, так как у бедуинов нет ни карманов в рубашках, ни несгораемых шкафов в палатках, куда они могли бы их прятать. Вследствие этого против таких денег существовало непреодолимое предубеждение, и наше доброе имя обязывало нас как можно скорее выкупить их.

Позже в гостинице я пытался найти для себя одежду, которая привлекала бы всеобщее внимание в меньшей степени, чем мой арабский маскарад. Но моль изъела весь прежний гардероб, и понадобилось три дня, прежде чем я был нормально одет, притом, как всегда, скверно.

Незадолго до этого главнокомандующий из любопытства прислал за мной. В своем отчете я подчеркнул, вспоминая опыт Саладина **Error! Hyperlink reference not valid.**, стратегическое значение восточных племен Сирии и необходимость правильного их использования как угрозу путям сообщения Иерусалима. Эта точка зрения соответствовала честолюбию Алленби, и он выразил желание обсудить ее со мной.

Он сидел в кресле и глядел на меня, но не прямо, по своей обычной привычке, а искоса, бросая в мою сторону озадаченные взгляды. Он лишь недавно покинул Францию, где в течение нескольких лет являлся одним из важнейших зубцов великой машины, перемалывающей врага **Error! Hyperlink reference not valid.** Его переполняли западные понятия о мощи и значении пушек – наихудшего средства для нашей войны. Но как кавалерист он уже почти склонялся к тому, чтобы отбросить новые приемы в несходном с Европой мире, в Азии, и вступить на старый путь тактических передвижений. На этом новом театре военных действий, более открытом и менее оснащенном техникой, он нашел поле для применения своих способностей. Его не нужно было долго убеждать в необходимости немедленных действий.

Однако едва ли он ожидал встретить такую странную личность, как я: полубосого человека в шелковом наряде, предлагающего покорить врага словом и проповедью, если только дадут продовольствие, орудия и двести тысяч соверенов, чтобы убедить и удержать новообращенных. Алленби не мог решить, в какой мере я был искусным актером, а в какой шарлатаном. Он не задавал много вопросов и мало говорил, но изучал карту, слушая мои разъяснения о Восточной Сирии и ее жителях.

Под конец он поднял голову и сказал прямо:

– Ладно, я сделаю для вас все, что могу.

Беседа закончилась.

Я не был уверен, что он достаточно увлечен моим планом, но впоследствии мы узнали, что Алленби говорит то, что думает. А то, что генерал Алленби мог сделать, удовлетворило бы самого требовательного из его подчиненных.

Мы перестраиваем наши ряды

Я без утайки доверился Клейтону. Мне удалось добиться одобрения моего плана об Акабе, но я порядком намучился и изнервничался. Это превосходило мои способности и мои силы. По его мнению, я заслуживал права располагать самим собой.

Клейтон предложил назначить командующим в Акабу полковника Джойса – намерение, которое меня вполне устраивало. Джойс был человеком, на которого можно было целиком положиться: искренним, стойким и покладистым.

Подобрать остальных не представило труда. Аэропланы еще не могли двинуться в путь, но бронированные автомобили были уже в полной готовности. Предоставление нам брандвахтенного судна зависело от великодушия адмирала. Мы позвонили по телефону сэру Рослину Вэмиссу, проявившему большое понимание: его флагманское судно «Евриалус» могло отправиться в Акабу по крайней мере на несколько первых недель.

Что же касается арабов, то я попросил, чтобы неудобный и требующий больших расходов порт Ваджх был закрыт и Фейсал перешел со всей своей армией в Акабу. Я указал, что Акаба является правым флангом Алленби, будучи расположена лишь в ста милях от его центра и в восьмистах от Мекки. Поскольку арабы преуспевают, надлежит усилить работу в Палестине. Логика требовала, чтобы Фейсала перевели из района короля Гуссейна и назначили командующим одной из армий египетской союзной экспедиции, руководимой Алленби. Мое предложение встретило возражения:

– Согласится ли Фейсал?

Но ведь я уже несколько месяцев назад обсудил этот вопрос с ним в Ваджхе.

– А верховный комиссар?

Армия Фейсала является самой многочисленной и самой отличившейся из всех военных частей Хиджаза, и ее будущее обещает быть блестящим. Генерал Вингейт в свое время принял на себя, рискуя своей репутацией, полную ответственность за восстание арабов в самый его безнадежный момент. Смей ли мы требовать от него, чтобы он отказался от авангарда арабов сейчас, на самом пороге успеха?

Клейтон, знавший очень хорошо Вингейта, не побоялся ознакомить его с этим планом, и Вингейт охотно заявил, что если Алленби сможет непосредственно и в достаточной мере использовать Фейсала, то для него, Вингейта, является приятным долгом уступить последнего ради пользы дела.

Третьей помехой переброске мог явиться король Гуссейн, упрямый, тупоумный, подозрительный человек. Было маловероятно, чтобы он пожертвовал своим тщеславием ради единства руководства. Его противодействие грозило бы всему плану.

Я предложил съездить к королю Хиджаза, чтобы убедить его, посетив по дороге Фейсала и получив от того такую аргументацию о необходимости переезда в Акабу, которая усилила бы впечатление от достаточно энергичных писем Вингейта.

Мое предложение приняли.

«Дафферин» по возвращении из Акабы должен был отвезти меня в Джидду с новой миссией. Король прибыл туда из Мекки и побеседовал со мной. Благодаря Вильсону он сразу согласился на переброску Фейсала в распоряжение Алленби, воспользовавшись удобным случаем, чтобы подчеркнуть свою полную верность нашему союзу.

Пока мы вели наши занимательные переговоры, две неожиданные телеграммы из Египта разнесли наше мирное настроение вдребезги. Первая сообщала, что племя ховеитат предательски вступило в сношения с Мааном. Вторая присоединяла к числу заговорщиков Ауду.

Мы пришли в уныние. В свое время Вильсон странствовал с Аудой и пришел к твердому убеждению в его полной искренности. Но Мухаммед эль-Дейлан казался способным на двойную игру, а Ибн Джад и его друзья внушали некоторое сомнение.

Мы приготовились немедленно отправиться в Акабу: предательство не принималось в расчет, когда я с Насиром вырабатывал наш план обороны города. К счастью, в гавани нас поджидал «Гардинг». На третий день мы были у цели нашего путешествия.

Насир не имел представления о том, что случилось нечто неладное. Я заявил ему лишь о своем желании встретиться с Аудой. Он доставил мне быстроходного верблюда и проводника, и на заре следующего дня мы застали в Гувейре Ауду, Мухаммеда и Заала в одной палатке. Они смутились, когда я явился, свалившись словно снег на голову, но во всеуслышание заявили, что все идет гладко. Мы вместе пообедали, как друзья. Вошли и другие люди ховеитат, и завязалась живая беседа относительно войны.

Я роздал подарки короля и сообщил, к общему удовольствию, что Насир проведет свой месячный отпуск в Мекке. Мы сотни раз шутили над тем, что по взятии Акабы Насир получит отпуск, но он не верил этому до тех пор, пока я за день до этого не принес ему письма от Гуссейна. В порыве благодарности он продал мне Газалу, королевскую верблюдицу, которую получил от племени ховеитат. В качестве ее собственника я приобрел новый интерес для абу-тайи.

После завтрака, под предлогом сна, я избавился от посетителей и внезапно попросил Ауду и Мухаммеда пройтись со мной, чтобы осмотреть разрушенную крепость и водохранилище. Когда мы остались наедине, я коснулся их переписки с турками. Ауда начал смеяться, Мухаммед же обиделся. Наконец они подробно объяснили, что Мухаммед взял печать Ауды и написал губернатору Маана, предлагая ему перейти на его сторону. Турки с радостью приняли его предложение, суля большую награду. Мухаммед потренировал в счет ее различных даров. Но тут об этом прослышал Ауда, он подстерег посланца с подарками, захватил его и обобрал до нитки, причем отказался поделиться добычей с Мухаммедом.

Забавная история! Мы посмеялись над ней вдосталь, но лучшее было еще впереди.

Ауда и Мухаммед высказали недовольство, что до сих пор не прибыло ни пушек, ни войск в поддержку Акабы и что им не дали никакой награды за взятие этого порта. Они жаждали узнать, откуда я проведал про их тайные сношения и знаю ли я еще что-нибудь. Желая их напугать, я с притворной веселостью и беззаботным смехом процитировал им действительные фразы из отосланных ими писем, что возымело желаемое действие.

Мимоходом я рассказал, что сюда прибывает армия Фейсала, а Алленби присылает в Акабу винтовки, пушки, взрывчатые вещества, провиант и деньги. Наконец, я намекнул, что Ауде много стоит его гостеприимство, но не облегчит ли его, если я предложу ему авансом кое-что из богатых даров, которые Фейсал по своему прибытию лично принесет ему. Ауда увидел, что в настоящий момент он находится в невыгодном положении, что из Фейсала он сможет извлечь большую пользу, а турки всегда будут в его распоряжении, когда иссякнут прочие источники. Поэтому он с большой охотой согласился принять от меня задаток.

Приближался заход солнца. Заал заколол овцу, и мы дружелюбно поужинали. Затем я вновь сел на верблюда, и мы провели ночь в пути, направляясь в Акабу. Когда первые блики рассвета поползли по горным вершинам, я на покинутой лодке подплыл с берега к «Гардингу».

Прибыв в Каир, мы объявили, что положение в Гувейре обстоит прекрасно и не приходится говорить о предательстве. Едва ли это было правдой, но, так как

Египет поддерживал нас, урезая себя во многом, мы должны были превратить жестокую правду в анекдот, чтобы сохранить поддержку и нашу собственную уверенность. Ведь толпа всегда требует выдуманных героев. Толпа жаждала трафаретных храбрецов и не понимала, насколько человечен был старый Ауда, который после сражений и убийств скорбел о потерпевшем поражении противнике, убить или помиловать которого было теперь в его власти. Этим он был особенно привлекателен.

Мы тревожим врага

Дым от судов застилал залив Акабы. Фейсал высадился на берег, а с ним его штаб, Джафар и Джойс. Далее последовали бронированные автомобили, капитан Гослетт, египетские рабочие и тысячи солдат.

В свою очередь турки сосредоточили в Маане шесть тысяч пехоты и полк кавалерии, устроили в нем огромные склады снаряжения и обнесли местность окопами, укрепляя их, пока они не стали неприступными с точки зрения тактической войны. Ежедневно над ними летали аэропланы.

К настоящему времени приготовления турок уж закончились и они приступили к военным действиям. Целью их являлась Гувейра, лучший путь к Акабе. Две тысячи турецких пехотинцев прорвались в Аба-эль-Лиссан и укрепились в нем. Кавалерия заняла окрестности, чтобы сдерживать возможный контрудар арабов со стороны вади Муса.

Играя на нервности турок, мы решили заманить их в вади Муса, где неприятеля встретили бы непреодолимые естественные препятствия. Чтобы поймать их на удочку, действия начали племена прилегающей Делаги. Турки, полные пыла, перешли в контратаку и понесли большие потери.

Еще раз мы повергли турок в смятение, когда генерал Салмонд **Error! Hyperlink reference not valid.** осуществил обещанный им воздушный набег на Маан. Так как последний представлял трудности, Салмонд избрал капитана Стента и нескольких испытанных летчиков. Они пролетали низко над Мааном и сбросили тридцать две бомбы. Две попали в бараки, убив тридцать пять человек и ранив пятьдесят. Восемь попали в паровозные мастерские, сильно повредив их. Одна бомба взорвала кухню турецкого генерала, положив конец его обеду. Четыре упали на аэродроме. Несмотря на неприятельскую шрапнель, все самолеты благополучно вернулись на свою временную базу в Кунтилле, выше Акабы.

Они починили аэропланы и с наступлением ночи легли спать под их крыльями. С рассветом следующего дня они вторично улетели. На этот раз трое из них направились к Аба-эль-Лиссану. Они подвергли бомбардировке турецкую конницу, разогнав всех лошадей, и рассеяли турок, разрушив их палатки. Как и в предыдущий день, они летели низко, и множество вражеских пуль задело их, но ни одна не оказалась роковой. Задолго до полудня они уже вернулись в Кунтиллу.

Стент проверил оставшиеся бомбы и запасы бензина и нашел, что их хватит еще на один налет. Он дал указания всем летчикам нащупать батарею, обстреливавшую их утром.

Они вылетели при полуденном зное. Тяжелый груз не позволял им подняться высоко. Турки, всегда в полдень предававшиеся сну, были застигнуты врасплох. Летчики сбросили тридцать бомб: одна из них заставила замолкнуть батарею, другие убили десятки людей и животных. Облегченные машины взвились ввысь и помчались обратно. Арабы торжествовали, турки же серьезно переполошились.

Третьим нашим средством отражения их наступления являлась помеха работе железной дороги. К середине сентября мы, в соответствии с нашим планом, произвели на ней значительные разрушения.

Я решил воскресить старую идею закладки мины под поезд. Британские саперы, а в особенности генерал Райт, главный инженер Египта, поощряли меня к этому. Райт даже прислал необходимые приборы: взрыватель и изоляционный кабель.

Взрыватель был заключен в запертый белый ящик, очень тяжелый и грозный. Мы вскрыли его, и я подробно ознакомился с устройством. Когда я почувствовал, что отлично разбираюсь в нем, мы приступили к разработке деталей.

Наиболее доступной и многообещающей мишенью казалась Мудоввара, железнодорожная

станция с водой в восьмидесяти милях к югу от Маана. Взорванный там поезд привел бы врага в замешательство.

Пока мы работали над подготовкой набега, наши аппетиты возрастали. Мудоввара показалась уязвимой. Триста людей могли внезапным натиском занять ее. Это явилось бы крупной победой, ибо глубокие колодцы этой станции были единственными в безводной области ниже Маана.

Итак, 7 сентября 1917 года мы двинулись вверх по вади Итм, чтобы в Гувейре забрать у Ауды наших людей ховеитат. Сентябрь являлся скверным месяцем. Несколько дней тому назад в тени пальмовых садов побережья Акабы термометр показывал сто двадцать градусов по Фаренгейту **Error! Hyperlink reference not valid.** К полудню мы сделали привал под утесом, а вечером проехали лишь десять миль перед тем, как стать лагерем на ночь.

На следующий день с утренним зноем мы уже приближались к Гувейре. Отряд безмятежно пересекал песчаную розоватую равнину, заросшую серо-зеленым кустарником, когда в воздухе внезапно раздалось гудение. Мы быстро свернули наших верблюдов с открытой дороги в кустарник, где они оставались бы незаметными для неприятельских летчиков. Груз из гремучего студня, моего любимого и самого мощного взрывчатого вещества, и множества начиненных аммоналом снарядов был бы малоприятным соседом при бомбардировке нас с аэропланов.

Мы хладнокровно прождали в седле, пока аэропланы дважды совершали круги над утесами Гувейры против нас и сбросили три разорвавшиеся с шумом бомбы.

Аэроплан в Гувейре являлся странным регулятором общественной жизни. Арабы, встававшие, как всегда, до рассвета, беспрестанно ждали его: шейх Мастур сажал раба на вершину утеса, чтобы тот подавал сигнал об опасности. Когда приближался неизменный час, арабы устремлялись к скалам, болтая с показной беспечностью. Забравшись под скалы, каждый искал себе выступ по собственному вкусу. За шейхом Мастуром карабкалась толпа его рабов, неся его кофе на подносе и ковер. Усевшись в тенистом уголке, он заводил с Аудой разговор, пока по кишащим людьми утесам не пробегала легкая дрожь возбуждения при первых звуках песни мотора над ущельем Штар.

Все прижимались к горным склонам и молчаливо ждали, между тем как враг тщетно кружил над малиновыми утесами, испещренными тысячами ярко одетых арабов, гнездящихся, как ибисы, в каждой щели.

Аэроплан сбрасывал от трех до пяти бомб, в зависимости от дня. Густой дым от их взрывов оседал на зеленой равнине плотными клубами черной пены, корчась в безветренном воздухе, прежде чем рассеяться. Когда резкие удары падающих бомб доносились до нас, заглушая шум машин, мы затаивали дыхание, хотя и знали, что они нам ничем не грозят.

Мы с радостью покинули шумную Гувейру. Как только мы отвязались от эскорта мух, сделали привал, так как спешить нам было некуда. Душный воздух облегал наши лица, словно железные маски.

Поздно днем мы отправились дальше. На ночь остановились под густой завесой тамарисковых деревьев. Наш лагерь казался прекрасным на фоне вздымающегося позади нас утеса высотой в четыреста футов, багряно-красного в солнечном закате. Под нашими ногами расстилалась светло-желтая глина, твердая, как мостовая, ровная, как поверхность озера. С одной стороны на низком гребне росла роща тамарисков с бурыми стволами, увенчанными редкой и пыльной бахромой зелени, увядшей от засухи и солнечного жара.

Мы направлялись в Рамлу, являвшуюся самым северным источником, которым пользовалось племя бени-атийе. Даже несентиментальные люди ховеитат, подстрекая мое воображение, говорили, что там прекрасная местность.

Очень рано, когда звезды еще сияли в небе, меня разбудил Аид, сопровождавший нас смиренный шериф клана харита. Он подкрался ко мне и прошептал придушенным голосом:

– Господин, я ослеп.

Я заставил его лечь возле себя, чувствуя, что он дрожит, словно в ознобе. Но все, что он мог мне рассказать, сводилось к тому, что ночью, проснувшись, он не мог ничего рассмотреть, испытывая лишь боль в глазах. Солнечные лучи выжгли его глаза.

Еще не рассвело, когда мы пустились в путь между двумя высокими известковыми вершинами к подножию длинного покатого откоса, устремляющегося вверх к горным куполам. Его покрывали тамариски. Он являлся началом долины Рамм. Мы взбирались по откосу, с треском прокладывая себе путь через ломкий кустарник.

Чем дальше мы пробирались вперед, тем непроходимее становились заросли кустарника. Подъем сделался покотее, и мы наконец очутились на замкнутой наклонной равнине. Горные склоны с обеих сторон стали выше и отвеснее. Они сближались друг с другом до того пункта, где их разделяли лишь две мили, и затем, постепенно вздымаясь до тысячи футов, устремлялись по прямой на многие мили вперед.

С течением времени открывавшиеся нам виды становились все величественнее, все великолепнее, как вдруг расщелина в поверхности утесов справа от нас открыла новое чудо. Расщелина, в поперечнике до трехсот ядров, вела к овальному неглубокому амфитеатру. Его стенами служили горные пропасти, подобные скалам Рамма, но они казались отвеснее и подавляли

своей высотой.

Солнце уже опустилось за западным склоном, погрузив долину в тень. Но его угасающее сияние еще затапливало вход в нее тревожным красным блеском. Под нашими ногами расстился сырой песок, заросший темным кустарником.

Мухаммед повернул в последний закоулок амфитеатра слева. У дальнего его конца он изобретательно очистил удобное место под нависшим утесом, где мы разгрузили верблюдов и расположились на привал. Мрак быстро окутал нас в этом замкнутом углу. Мы разожгли костры и сварили рис, мясо и кофе.

Через несколько минут к нам присоединилось несколько новых кланов арабов, видевших, как мы вступили в ущелье.

Мы подкладываем мины под железную дорогу

На рассвете 16 сентября 1917 года мы выступили из Рамма. Аид, ослепший шериф, настаивал на отправлении, несмотря на свое потерянное зрение, заявив, что если он и не может стрелять, то все же может ехать.

Наш отряд рассыпался, как разорвавшееся ожерелье. Никто не ехал рядом и не разговаривал друг с другом. Я метался весь день, как ткацкий челнок, первый заговаривая то с тем, то с другим хмурым шейхом, стараясь объединить их перед предстоящими действиями. Мне казалось, что ни слова новоприбывших к нам арабов, ни их советы и винтовки не были вполне надежны.

Мы остановились на полуночный привал в плодородном месте, у которого имелся источник, сбегавший по песчаному откосу, покрытому густым газоном серебристой травы. Мягкая погода напоминала августовские дни в Англии, и мы, испытывая мирное довольство, медлили с отправлением. Но поздно днем нам пришлось опять пуститься в путь, свернув с горы в узкую долину с отлогими склонами из песчаника. Перед закатом солнца мы выбрались на новую равнину из желтой глины и расположились лагерем у ее края вокруг ярких костров из потрескивающего, сверкающего тамариска.

Поздно ночью, когда все старшины насытились мясом газели и горячим хлебом, они собрались у моего нейтрального костра и мы обстоятельно обсудили наши планы на завтрашний день.

Выяснилось, что к заходу солнца мы должны достичь колодцев Мудоввары, лежавших в защищенной долине на расстоянии двух или трех миль от станции. Затем ночью мы могли бы выступить вперед, чтобы обследовать станцию и решить, можем ли мы с нашими слабыми силами попытаться напасть на нее. Я настаивал на этом, так как именно здесь находилось самое уязвимое место железной дороги. В конце концов мы достигли полного согласия и разбрелись, чтобы лечь спать.

Утром перед выступлением мы задержались, чтобы закусить. Нам предстоял всего лишь шестичасовой переход. Мы пересекли равнину из крепкого известняка, устланного коричневыми коврами из мелких стертых голышей. Ее сменили низкие холмы с отвесными склонами, возле которых вихри нанесли мягкие песчаные дюны.

Уже поздно днем мы подошли к колодцам. Стоячая вода имела малозаманчивый вид. Ее поверхность покрывал густой покров зеленой тинистой слизи.

Арабы объяснили, что турки бросили в колодец издохших верблюдов, чтобы сделать воду зловонной и непригодной к питью, но с тех пор прошло много времени, и трупный запах рассеялся.

У нас не было выбора, пока Мудоввара пребывала в руках противника. Мы расположились вокруг и наполнили наши мехи для воды. Один из помогавших людей ховеятат поскользнулся и упал в воду. Ее зеленый маслянистый ковер сомкнулся над его головой, на мгновение скрыв неосторожного. Затем он вынырнул, широко раскрывая рот, чтобы отдышаться, и выкарабкался под наш смех, оставив черную скважину в пенном покрове воды, откуда столбом поднялось зловоние от разложившегося мяса, до того густое, что, казалось, его можно было видеть, и повисло проклятием над всеми нами и долиной.

В сумерки мы с Заалом, двумя артиллерийскими сержантами, Вельсом и Бруком (прозванными по имени их любимого оружия Стоксом и Льюисом), которые сопровождали нас от Акабы для совершения предстоящих минных работ, а также с несколькими арабами бесшумно пробирались вперед.

За полчаса мы доползли до вырытых турками окопов и наблюдательного пункта с зубчатыми каменными стенами, пустовавшего в эту темную новолунную ночь нашего набега. Глубоко внизу перед нами лежала станция. Ее двери и окна ярко выделялись во мраке желтыми огнями. Нам казалось, что она очень близка к нам, но мортира Стокса **Error! Hyperlink reference not valid.** имела дальностью лишь триста ярдов. Мы подползли ближе. До нас доносился шум неприятельского лагеря. Мы боялись, что их собаки обнаружили нас. Сержант Стоке оглядывался направо и налево в поисках удобной позиции для пушки.

Тем временем мы с Заалом переползли последнюю прогалину. Мы могли уже сосчитать неосвещенные палатки, и до нас доносились людские голоса. Один из турок сделал несколько шагов

в нашем направлении и нерешительно остановился. Он чиркнул спичкой, чтобы закурить, и резвый огонек осветил его лицо. Мы ясно разглядели молодого, болезненного вида турецкого офицера со впалыми щеками. Он присел на корточки по минутному делу и вернулся к своим людям, замолкнувшим, когда он проходил мимо.

Мы двинулись обратно к нашему холму и шепотом посоветовались. Станция состояла из длинных каменных строений, настолько прочных, что они могли бы устоять против наших архаических снарядов. Гарнизон, по-видимому, насчитывал двести солдат. Нас же было сто человек с шестнадцатью винтовками, притом не вполне организованных.

Единственное, что дало бы нам верный успех, заключалось во внезапности нападения. В конце концов я предложил сейчас отказаться от предприятия, отложив его на более удобное время, которое могло скоро представиться. В действительности одна случайность за другой спасала Мудоввару, и лишь в августе 1918 года регулярный верблюжий корпус полковника Бэкстона наконец решил ее судьбу.

Мы бесшумно вернулись к верблюдам и легли спать. На следующее утро мы продолжали путь и, повернув на юг, пересекли песчаную равнину. Нам попадались следы газелей, горных козлов и страусов, а в одном месте даже старые отпечатки лап леопарда.

Мы направлялись к низовому горному кряжу с намерением взорвать поезд. Заал рассказал, что там, где кряж подходит к железнодорожному пути, находится поворот, необходимый нам для подведения мин, а горные вершины, господствующие над ним, являются удобным местом для засады и обстрела из пулеметов.

В полумиле от железнодорожного пути мы остановились. Несколько человек спустилось вниз к полотну. В этом месте железнодорожный путь проходил по мосту с двумя пролетами, который был перекинут через ложину, промытую дождевой водой.

Выбранное нами место казалось идеальным для подготовки взрыва. Мы в первый раз применяли электрическое минирование и не имели никакого представления о его силе. Однако было вполне очевидно, что взрыв даст большой результат, если под взрывчатым веществом будет находиться арка. В этом случае, что бы ни случилось с паровозом, мост несомненно рухнет и следующие за ним вагоны неизбежно сойдут с рельсов.

Мы привели верблюдов и разгрузили их. Арабы снесли вниз к намеченному месту мортиру Стокса со снарядами, пулеметы Льюиса, гремучий студень с изоляционным кабелем, магнето и инструменты. Сержанты расставили свои игрушки на площадке, а мы спустились к мостику, выкопали яму между двумя стальными шпалами и поместили в нее пятьдесят фунтов гремучего студня.

Зарыть его оказалось нелегким делом. У меня ушло почти два часа, пока я закопал и прикрыл заряд. Затем наступил черед тяжелой работе по прокладке кабеля от детонатора в горы, откуда мы должны были зажечь запал мины. Верхний слой песка затвердел, как кора, и нам пришлось пробивать его, чтобы зарыть кабель. Упрямый кабель оставлял на поверхности песка, изборожденной ветром, длинные зигзаги, словно тут проползали неестественно узкие, тяжелые змеи.

Чтобы сгладить их, пришлось пустить в ход мешок с песком, а затем мой плащ, взмахи которого, подобно ветру, сравнивали зыбкую поверхность. Вся работа отняла пять часов, но зато она была проделана на славу. Никто из нас не мог различить, где лежал заряд, или проследить под землей двухсотъярдовый путь двойного кабеля к нашей засаде, где он выходил на поверхность.

Мы соединили его концы с электрическим детонатором. Место засады казалось идеально выбранным, исключая то, что человек, находившийся у детонатора, не мог видеть с него моста. Однако это означало лишь, что ему придется нажать на рукоятку при сигнале с наблюдательного пункта в пятидесяти ярдах впереди, откуда одинаково хорошо были видны и мостик, и детонатор. Салем, преданнейший из рабов Фейсала, попросил поручить ему эту почетную обязанность, и ее предоставили ему единогласно.

Остаток дня мы провели, показывая Салему (на выключенном детонаторе), что ему придется сделать. Наконец он усвоил в совершенстве свои обязанности: опускал рукоятку, лишь только я подымал руку, давая знак, что воображаемый поезд въехал на мост.

Мы вернулись в лагерь, оставив одного человека на часах у железнодорожного полотна. К общему удивлению, наш багаж оказался покинутым. Мы в замешательстве бросились искать оставленных тут арабов и внезапно увидели их сидящими на высокой гряде в золотом сиянии солнечного заката. Мы кричали им, чтобы они сошли или легли, но они безмятежно продолжали сидеть там на виду, как стая воронов на заборе.

Наконец мы вбежали наверх и сбросили их оттуда. Но было уже слишком поздно. Турки из маленького поста в горах у Галлат-Аммара, в четырех милях к югу от нас, заметили их и открыли тревожный огонь по длинным теням, постепенно приближавшимся благодаря заходящему солнцу по склонам к турецкому посту. Бедуины являлись истинными мастерами в искусстве маскировки, но в своем неизменном презрении к тупости турок они совершенно не думали о том, что с последними придется бороться.

Гряда, на которой они сидели, была видима одновременно и из Мудоввары, и из Галлат-Аммара, и своим зловещим появлением они всполошили турок в обоих пунктах.

Нас окутал мрак, и мы поняли, что должны терпеливо проспать ночь в надежде на завтрашний день. Может быть, турки подумают, что мы ушли, если утром они увидят гряду пустой. Мы уютно устроились в глубокой ложбине, разожгли костры и испекли хлеб. Общие задачи объединили нас.

Бедуины прониклись стыдом по поводу своего безрассудного поведения на вершинах горы, и было единогласно решено, что нами будет руководить Заал.

Победа и грабеж

День наступил мирно. В течение многих часов мы наблюдали пустынное железнодорожное полотно. Заал и его хромой родич Ховеимиль неустанно следили за тем, чтобы мы оставались за прикрытием. Это стоило им больших трудов ввиду ненасытной неугомонности бедуинов, которые никак не могли высидеть на месте больше десяти минут, а должны были все время суетиться и болтать. Этот недостаток ставил их гораздо ниже хладнокровных англичан в условиях длительного докучливого напряжения, которого требует выжидательная война. Сегодня они приводили нас в бешенство.

В конце концов турки, вероятно, заметили нас. В девять часов около сорока человек выступили из Галлат-Аммара на север и открыто двинулись вперед.

Если мы не тронем их, они в течение одного часа прогонят нас отсюда. Но если мы нападём с нашими преобладающими силами и оттесним их обратно, то нас заметят с железной дороги и движение по ней приостановится.

Мы попытались наконец разрешить это затруднение, послав тридцать человек, чтобы они задерживали врага и, по возможности, отвлекали его в сторону гор. Тем самым наша главная позиция могла бы остаться открытой и турки уверились бы в нашей немногочисленности. Наши надежды оправдались. Через несколько часов стрельба стала отрывочной и отдаленной. С юга показался регулярно проходящий в это время патруль и проследовал, ничего не заметив, мимо нас и Нашей мины по направлению к Мудовваре. Он состоял из восьми солдат и дюжего ефрейтора. Когда патруль отошел от нас на одну или две мили, его одолела жара. Ефрейтор повел свой отряд в тень от длинного водостока, под сводами которого слабо дул прохладный восточный ветерок, и там они удобно разлеглись на мягком песке, напились воды из фляжек, покурили и, наконец, заснули. Мы решили, что это являлось их полуденным отдыхом, который знойным аравийским летом все уравновешенные турки считали вопросом принципа.

То, что они позволили себе передышку, доказывало, по нашему мнению, что они не подозревают о нашем соседстве. Однако мы ошибались.

Полдень принес новые заботы. Мы увидели в бинокль, что от станции Мудоввара отделилась сотня турецких солдат и направилась к нам напрямик через песчаную равнину. Люди подвигались очень медленно и, несомненно, с крайней неохотой, огорченные потерей своего любимого полуденного сна. Но даже в худшем случае, как бы медленно они ни шли, через два часа они все-таки достигнут нас.

Мы начали укладываться, готовясь уехать и решив оставить мину с ее проводами на месте на тот случай, если турки не заметят ее и мы сможем вернуться и воспользоваться плодами тяжелой работы. Мы послали гонца к отряду, прикрывавшему нас с юга, чтобы договориться с ним о месте встречи у перерезанных стремнинами скал, служивших прикрытием для наших пасущихся верблюдов.

Как только он умчался, часовой закричал, что со стороны Галлат-Аммара видны клубы дыма. Мы с Заалом бросились к вершине горы и по характеру дыма поняли, что действительно у станции стоит поезд.

Пока мы пытались разглядеть его, он внезапно двинулся по направлению к нам. Мы крикнули арабам, чтобы они как можно быстрее заняли позиции. У скалы началась дикая суматоха. Сержанты Стоке и Льюис, будучи в сапогах, не могли опередить остальных, но и они быстро взобрались наверх, забыв о своих муках и дизентерии.

Люди, вооруженные винтовками, расположились длинной цепью позади горного отрога, спускавшегося от пушек и мимо детонатора ко входу в долину. Отсюда они могли бы открыть стрельбу непосредственно по сошедшим с рельсов вагонам с расстояния меньше чем полтора фута, меж тем как дальнобойность наших орудий достигала около трехсот ярдов.

Один из арабов взобрался на возвышение возле орудий и кричал нам о движении поезда — необходимая предосторожность, так как, если он вез войска и они высадились бы у нашего кряжа, нам пришлось бы повернуться с быстротой молнии и отступить в долину, защищая свою жизнь. К счастью, поезд мчался вперед с огромной скоростью, которую ему придавали два паровоза.

Когда он приблизился к месту, где, по сведениям турок, мы скрывались, с поезда открыли бесцельную стрельбу по пустыне.

Я мог слышать его приближающийся грохот, сидя на холмике у моста, чтобы подать сигнал Салему, который танцевал вокруг детонатора, крича от возбуждения и настоятельно призывая Бога на помощь.

Стрельба турок звучала внушительно, и я размышлял, со сколькими врагами нам придется иметь дело и сравняет ли мина своим действием их число с нашими восьмьюдесятью людьми. Было бы лучше, если бы наш первый опыт с электричеством происходил в менее сложной обстановке. Но в этот момент оба паровоза, казавшиеся огромными, с пронзительными свистками вынырнули из-за поворота.

За ними тянулись вагоны, из окон и дверей которых торчали ружейные дула. На крышах, позади ненадежных прикритий из мешков с песком, притаились солдаты, обстреливая нас.

Я не предполагал, что будут два паровоза, и в то же мгновение решил взорвать мину под вторым, чтобы, в случае незначительного действия взрыва, неповрежденный паровоз не мог отцепиться и утащить вагоны назад.

Итак, когда второй паровоз въехал на мост, я поднял руку, подавая знак Салему. Раздался ужасный грохот, и железнодорожное полотно скрылось за столбом черного дыма и пыли высотой и шириной около ста футов. Из мрака доносился треск разбивающихся вагонов и продолжительный звучный металлический скрежет раздираемой стали. Крутящееся колесо паровоза внезапно вылетело из черной тучи, затмившей небо, с музыкальным свистом пронеслось над нашими головами и медленно и тяжело упало в пустыне где-то позади.

После этого полета наступила мертвая тишина. Ни один крик, ни один ружейный выстрел не раздался, пока ставший серым туман от взрыва медленно двигался в нашу сторону от железнодорожного полотна и, миновав, растаял в горах.

Я в восторге бросился к сержантам. Салем схватил свою винтовку и разрядил ее во тьму. Не успел я вскарабкаться к орудиям, как ложбина оживилась выстрелами и темными фигурами бедуинов, устремившихся вперед, чтобы схватиться с врагом.

Я осмотрелся, желая понять, что происходит. Неподвижный поезд стоял на пути, оторвавшиеся и рассеявшиеся вагоны вздрагивали от града пуль, изрешетивших их насквозь, а турки выскакивали из них, ища прикрития за железнодорожной насыпью.

Пока я созерцал представшую передо мной картину, над моей головой затараторили наши пулеметы. Длинные ряды турок на вагонных крышах покатались и были сметены, словно тюки с хлопком, яростным потоком пуль, бушевавшим и брызгавшим тучей желтых щепок от деревянной обшивки вагонов. Господствующее над местностью расположение наших орудий явилось для нас большим преимуществом.

Когда я добрался до Стокса и Льюиса, сражение уже приняло иной оборот. Уцелевшие турки скрылись за насыпью, имевшей здесь одиннадцать футов высоты, и за вагонными колесами. Пользуясь укрытием, они в упор открыли огонь по бедуинам. За изгибами железнодорожного полотна пулеметы врагу страшны не были, но Стоке выпустил из своей мортиры первый снаряд, и через несколько секунд раздался грохот от взрыва позади поезда.

Стоке дотронулся до прицельного винта, и второй снаряд попал как раз в глубокую выемку под мостом, где турки нашли себе убежище. Он произвел там убийственное опустошение. Оставшиеся в живых в панике ринулись в пустыню, бросая на бегу винтовки и снаряжение.

Настал черед пулеметов Льюиса. Тот свирепо опустошал одну ленту за другой, пока весь песок не был услан мертвыми телами.

Арабы, увидев, что битва окончена, побросали оружие и начали, словно дикие звери, вскрывать вагоны и грабить их.

Я сбегал вниз к развалинам, чтобы посмотреть на результат действия мины. Мост рухнул, и в его провал свалился передний вагон, переполненный больными. Все они, исключая трех или четырех, погибли при падении расколовшегося вдребезги вагона и образовали груды тел, истекающих кровью. Один из них еще был жив и бредил в тифозной лихорадке.

Следующие вагоны сошли с рельсов и разбились. Некоторые рамы совершенно испортились. Второй паровоз представлял собою дымящуюся кучу железа. Его задние колеса отлетели вместе с частью огневой коробки. Паровозная рубка и тендер, превратившиеся в скрученные лоскуты железа, валялись меж громоздящимися камнями мостовых устоев. Передний паровоз отделился легче. Хотя и он сошел с рельсов и полуопрокинулся, а его рубка взорвалась, он все еще находился под парами, а движущий механизм остался невредимым.

Долина представляла собою дикое зрелище. Полуголые арабы метались вокруг поезда в бешеном исступлении, визжали, стреляли в воздух, дрались друг с другом, вскрывая сундуки и слоняясь с огромными тюками. Они распарывали их и разбрасывали содержимое, уничтожая все, что им не было нужно.

Всюду валялись десятки ковров, кучи матрацев и цветных одеял, груды мужской и женской одежды, часов, кухонных горшков, пищи, украшений и оружия. Возле стояли тридцать или сорок женщин без покрывал и истерически рвали на себе одежду и волосы, оглушая своими воплями самих себя. Арабы, не обращая на них внимания, всю продолжали крушить домашнюю утварь и грабить. Верблюды стали общим достоянием. Каждый с яростью нагружал их сверх всякой меры.

Увидев, что я не принимаю в этом участия, женщины кинулись ко мне, хватаясь за мою одежду, взывая о пощаде. Я уверял их, что все кончится хорошо, но они не отставали, пока меня от них не

избавили несколько человек из их мужей. Они отпихнули своих жен, хватая меня за ноги в припадке отчаяния и ужаса перед близкой смертью. Они представляли собой гнусное зрелище. Я оттолкнул их ногой и наконец освободился.

Льюис и Стоке спустились, чтобы оказать мне помощь. Я немного беспокоился за них, так как арабы, обезумев, могли напасть как на врагов, так и на друзей. Уже трижды мне пришлось защищаться, когда они хватались за мои вещи, притворяясь, что не узнают меня.

Однако военный цвет хаки сержантов не привлекал внимания. Льюис отправился вдоль железнодорожного полотна и подсчитал, что он убил тридцать человек. Между делом он пошарил в их ранцах, чтобы найти золото и трофеи. Стоке перебрался через разрушенный мост и, увидав двадцать турок, разорванных в куски его вторым снарядом, поспешно вернулся.

Я немедленно отослал Ахмеда за моим верблюдом и несколькими вьючными животными, чтобы увезти орудия, ибо неприятельская стрельба была уже отчетливо слышна. Арабы, насытившись грабежом, убегали один за другим в горы, уводя с собой в безопасное место шатающихся от тяжести награбленного верблюдов. Оставлять орудия до последней минуты являлось скверной тактикой, но замешательство, вызванное первым, подавляюще удачным опытом, притупило нашу рассудительность.

Ахмед так и не вернулся с верблюдом. Мои люди, охваченные алчностью, рассеялись вместе с бедуинами по округе. Мы с сержантами остались одни у места крушения, сейчас странно безмолвного.

Мы начали опасаться, что нам придется покинуть орудия, но вдруг увидели двух верблюдов, мчавшихся обратно. Заал и Ховеймиль спохватились, что меня нет среди арабов, и вернулись на розыски.

Мы свернули изоляционный кабель. Заал соскочил со своего верблюда, настаивая, чтобы я сел верхом и уехал. Но вместо этого мы нагрузили верблюда кабелем и детонаторами. У Заала нашлось время посмеяться над нашей странной добычей, в то время как поезд был набит золотом и серебром. Ховеймиль отчаянно хромал от старой раны в ноге и не мог ходить, но мы заставили его опустить верблюда на колени, связали пулеметы Льюиса прикладом к прикладу, словно ножницы, и поместили их за его седлом.

Оставались окопные мортиры. Но тут появился Стоке, неловко ведя верблюда, которого он нашел заблудившимся. Мы поспешно сложили мортиры, посадили Стокса (еще не оправившегося от дизентерии) на седло Заала рядом с пулеметами Льюиса и отправили всех трех верблюдов под попечением Ховеймиля.

Тем временем Льюис и Заал в укрытой и невидимой впадине позади нашей старой позиции для орудий развели костер из патронных ящиков, облив их остатками бензина. Они обложили его пулеметными лентами и запасными патронами, а на вершине осторожно водрузили несколько снарядов от мортиры Стокса. Затем мы отбежали.

Когда пламя достигло кордита и аммонала, раздался ужасный раскатистый грохот. Взорвались тысячи патронов, словно одновременно стреляло множество пулеметов. Взрыв поднял густые столбы пыли и дыма.

Турки, обходившие нас с фланга, решили, что мы располагаем большими силами. Они замедлили свое продвижение, стали под прикрытием и начали осторожно оцеплять наши позиции, производя рекогносцировки, в то время как мы стремительно удалялись в убежище, скрытое между кряжами гор.

Казалось, дело окончилось счастливо. Мы радовались, что ускользнули, не понеся больших потерь, чем мой верблюд и багаж. Но провианта в Рамме было достаточно, а Заал полагал, что, может быть, наше имущество находится у арабов, ожидающих нас впереди. Действительно, мы нашли его. Мои люди, нагруженные добычей, увели с собой всех наших верблюдов. Мы сняли с их седел награбленное добро, готовясь сесть в седла.

Я спросил, ранен ли кто-нибудь. Чей-то голос сказал, что сын Шимта, очень смелый мальчик, был убит при первой атаке на поезд. Произведенная без всяких инструкций, первая атака являлась ошибкой, так как наши орудия наверняка могли бы все закончить сами. Поэтому я не чувствовал себя виноватым в его смерти.

Три человека получили легкие раны. Один из рабов Фейсала пожаловался, что Салем пропал. Мы созвали всех вместе и опросили их. Наконец один из арабов сказал, что видел, как тот, раненный, лежал возле паровоза.

Я вызвал добровольцев вернуться, чтобы отыскать Салема. После минутного колебания согласился Заал, а за ним двенадцать человек из клана новосера.

Мы пустились быстрой рысью через равнину к железнодорожному пути. Когда мы взобрались на предпоследний кряж, то увидели, что место крушения поезда кишело турками. Их было не менее полтора человека. Наша попытка напасть на них была бы безнадежной. Салем, вероятно, был уже убит, ибо турки не брали арабов в плен. Они убивали их самым ужасным образом, и мы из сострадания приканчивали наших тяжелораненых, которых нам приходилось покидать беспомощными.

Отказавшись от мысли найти Салема, мы уныло приготовились двинуться в обратный путь. Было уже поздно. Мы устали, а девяносто пленных успели выпить всю нашу воду. Нам следовало пополнить ее запас из старого колодца в Мудовваре этой же ночью, чтобы перенести долгий путь до Рамма.

Так как колодец находился возле самой станции, было весьма желательно, чтобы мы подобрались к нему незаметно для турок. Иначе те разгадали бы присутствие неприятеля и захватили бы нас беззащитными. Мы разбились на маленькие отряды и, преодолевая усталость, двинулись на север.

Победа всегда расстраивала ряды арабов. Мы сейчас являлись не отрядом, способным на быстрый набег, а медленно бредущим караваном, перегруженным до отказа различным домашним скarbом, достаточным, чтобы обогатить любое арабское племя на многие годы.

Вдруг я заметил одного из вольноотпущенников Фейсала – Фергана, подвезжавшего к нам. К моему удивлению, позади него на крупе, привязанный ремнями, висел в бессознательном состоянии и залитый кровью пропавший Салем. Я рысью подъехал к Фергану и спросил, где он нашел Салема. Он рассказал, что, когда мортира Стокса выпустила первый снаряд, Салем пробежал мимо паровоза и один из турок выстрелил ему в спину. Пуля прошла возле позвоночника. Рана не была смертельной. После того как поезд был захвачен, люди ховеитат ограбили Салема, захватив плащ, кинжал, винтовку и головную повязку. Другой из вольноотпущенников – Миджбил – нашел его, взвалил на верблюда и, не сказав нам, повез домой. Ферган, перехватив его, отнял Салема.

Когда Салем оправился, он навсегда затаил против меня вражду за то, что я покинул его раненого.

Через три часа мы добрались до колодца и без всяких злоключений запаслись водой. Затем, боясь погони, мы отошли на десять миль, там расположились и уснули. Утром мы со Стоксом и Льюисом уехали вперед. Мы пересекали одну за другой огромные глинистые равнины, пока как раз перед заходом солнца не добрались до начала вадии Рамм.

Эта новая дорога являлась важной для наших бронированных автомобилей, ибо, будучи твердой на всем своем протяжении, она дала бы им возможность легко добраться до Мудоввары. В таком случае мы могли бы останавливать движение поездов, когда нам заблагорассудится.

Размышляя таким образом, мы свернули в долину Рамм, великолепную в красках солнечного заката. Утесы казались красными, как облака, освещенные заходящим солнцем. Мы вновь почувствовали, что от невозмутимой красоты Рамма наши страсти утихают.

Двумя днями позднее мы прибыли в Акабу. Мы гордо вступили в город, нагруженные драгоценностями, похваляясь, что поезда турок находятся в нашей власти **Error! Hyperlink reference not valid..**

Мы принимаем решение

Октябрь 1917 года являлся для нас месяцем надежд, ибо мы узнали, что Алленби с генералами Балсом и Доуни замышляют нападение на линию Газа – Биршеба. Газа была укреплена на европейский образец. Одна линия обороны следовала за другой. Она настолько очевидно являлась сильнейшим пунктом неприятеля, что британское высшее командование уже дважды избирало ее для лобовой атаки **Error! Hyperlink reference not valid..**

Алленби, лишь недавно покинувший Францию, где война велась невообразимыми массами людей и техники, настаивал, что всякий дальнейший штурм Газы должен производиться подавляющими силами. Поддерживать атаку должно будет огромное количество транспорта всех видов.

Генерал Доуни стремился уничтожить мощь противника с наименьшими хлопотами. Он советовал напасть на дальний конец турецкого фронта, вблизи Биршебы. Чтобы победа досталась дешево, он хотел иметь главные силы врага позади Газы, а это могло быть достигнуто, если англичане скроют концентрацию своих войск от турок и если те посчитают фланговую атаку демонстрацией.

Мы, находясь на арабском фронте, отлично знали врага. Наши арабские офицеры прежде служили в турецкой армии и лично знали всех вождей противной стороны. Связь между нами и ними являлась повсеместной, так как гражданское население вражеской территории было всецело на нашей стороне без всякой платы или уговоров. Следовательно, наша разведывательная служба являлась самой обширной и осведомленной, какую только можно себе вообразить.

Мы знали лучше, чем Алленби, лукавство врага и величину британских ресурсов. Мы очень низко оценивали разрушительное действие огромной артиллерии англичан и сложную громоздкость их пехоты и кавалерии, передвигавшихся медленно, словно ревматический больной. Мы лишь надеялись, что на долю Алленби выпадет месяц хорошей погоды, и считали, что в таком случае он возьмет не только Иерусалим, но также и Хайфу, разметав и уничтожив турок в горах.

Тут пришел бы наш черед, и нам следовало быть готовыми к этой минуте в таком пункте, где нашего натиска ждали меньше всего, благодаря чему мы могли нанести врагу наибольший ущерб.

По моему мнению, центром притяжения являлась Дераа – узел, где сходятся железные дороги Иерусалим – Хайфа и Дамаск – Медина, центр турецких армий в Сирии, общий пункт всех их фронтов и одновременно район, в котором сосредоточены огромные, еще нетронутые резервы арабских бойцов из Акабы, обученных и вооруженных Фейсалом.

Я размышлял в течение некоторого времени, не следует ли бросить клич всем нашим приверженцам и совместно захватить пути сообщения турок. Мы могли быть уверены в двенадцати тысячах человек – достаточное количество, чтобы кинуться на Дераа, уничтожить все железнодорожные пути и даже, застигнув врага врасплох, взять Дамаск. Любое из этих обстоятельств сделало бы положение армий в Биршебе критическим. Мое искушение поставить все на карту ради немедленного исхода войны было очень велико.

Местное население умоляло нас прийти. Шейх Талал эль-Гарейдин, вождь низменной местности, лежащей возле Дераа, отправлял к Фейсалу посланцев. Такой подвиг решил бы задачу Алленби, но совесть не разрешала Фейсалу решиться на него без твердой надежды, что он затем сможет там укрепиться. Внезапный захват Дераа, за которым последовало бы отступление, вызвал бы резню и истребление всего отважного земледельческого населения области.

Они могли восстать лишь один раз, и этот раз должен быть решающим. Призвать же их сейчас – значило рисковать всеми резервными силами Фейсала ради сомнительного успеха, со спорным расчетом, что первая же атака Алленби сметет врага и что ноябрь пройдет без дождей и будет благоприятен для быстрого продвижения вперед.

Я взвесил значение английской армии, но не мог честно уверовать в нее. Солдаты часто являлись отважными бойцами, но так же часто глупость генералов лишала их плодов побед. Алленби был еще совершенно неискушен, а его войска терпели поражения и разложились за время командования Мюррея.

Разумеется, мы сражаемся за общую победу союзников и, поскольку англичане являются главными участниками союза, ради них можно было бы пожертвовать арабами как последним средством. Но действительно ли они являются последним средством? Война в общем идет ни хорошо, ни слишком плохо, и казалось, в будущем году также найдется время для подобной попытки. Итак, я решил отложить рискованную затею.

Однако движение арабов могло развиваться лишь при благоволении к нему Алленби. Поэтому было необходимо предпринять какую-либо операцию, менее ответственную, чем всеобщее восстание в тылу врага, операцию, которая могла бы быть проведена лишь одним отрядом, без вовлечения в нее оседлого населения, и в то же время доставила бы удовольствие Алленби, являясь ощутимой помощью англичанам при преследовании врага. После размышлений я пришел к выводу, что этим условиям и требованиям соответствует уже испытанный нами взрыв какого-нибудь из больших мостов долины Ярмука (левого притока Иордана).

Именно возле узкого бездонного ущелья реки Ярмук, железнодорожный путь из Палестины в Дамаск подымался на Хауран **Error! Hyperlink reference not valid.** Отвесные склоны долины реки Иордан и неровность поверхности восточного плоскогорья послужили причиной того, что проложить этот отрезок железнодорожного пути оказалось труднее всего. Инженерам пришлось проводить его в извилистой долине, по которой протекала река, и железнодорожная линия многократно пересекала водный поток целым рядом мостов, из которых труднее всего восстановить было бы самый западный и самый восточный. Уничтожение одного из этих мостов отрезало бы на две недели турецкую армию в Палестине от базы в Дамаске и лишило бы возможности спастись от наступления Алленби. Чтобы достигнуть Ярмука, нам нужно было пройти от Акабы через Азрак (оазис у северной оконечности Сирхана) около четырехсот двадцати миль. Турки считали, что мы не угрожаем мостам, и очень слабо охраняли их.

Мы изложили наш план Алленби. Он попросил, чтобы мы его осуществили 5 ноября или в один из трех следующих дней.

Насир, наш обычный сапер, отсутствовал, но с племенем бени-сахр был Али Ибн эль-Гуссейн, молодой и привлекательный шериф клана харита, который уже давно отличился под Мединой, когда Фейсал находился в отчаянном положении. Али, будучи некоторое время гостем Джемала в Дамаске, уже знал кое-что о Сирии. Я попросил Фейсала отпустить его со мной.

Мой план заключался в стремительном переходе в два приема от Азрака до Ум-Кейса с горстью людей числом не более пятидесяти. Ум-Кейс стоял как раз над самым западным из мостов Ярмука. На нем находилось лишь с полдюжину сторожевых постов. Смена часовых производилась из состава соседнего гарнизона в Хемме.

Я надеялся убедить нескольких людей из племени абу-тайи отправиться со мной. Эти люди-волки обеспечили бы успешный штурм моста. Чтобы не дать подойти подкреплениям к неприятелю, мы смели бы подступы огнем пулеметов, управляемых индусами-волонтерами из индийской кавалерийской дивизии во Франции под начальством Джемалом Гассан-Шаха.

Разрушение больших мостовых устоев ограниченными количествами взрывчатого вещества являлось операцией, требующей точности, затруднительной под огнем противника. Я пригласил капитана Вуда, инженера базы в Акабе, сопровождать меня. Он немедленно согласился, хотя и был

признан врачами негодным к действительной службе из-за пули, пробившей ему голову во Франции.

Джордж Ллойд, проводивший в Акабе несколько последних дней перед отъездом в Версаль на печальное заседание межсоюзного комитета **Error! Hyperlink reference not valid.**, заявил, что он поедет с нами до Джефера.

Мы заканчивали наши последние приготовления, когда к нам прибыл неожиданный союзник в лице Абд эль-Кадера эль-Джезаира **Error! Hyperlink reference not valid.**, внука воинственного защитника Алжира против турок. Он предложил Фейсалу распорядиться душой и телом его соплеменников, смелых, непреклонных в бою алжирских изгнанников, живущих сплоченно вдоль северного берега Ярмука.

Мы ухватились за его предложение, которое давало нам возможность в течение короткого времени овладеть средним участком проходящей по долине железной дороги, включая два или три главных моста, не переполошив всех окрестностей, ибо алжирцы были ненавистными чужаками для арабов и арабы-крестьяне не примкнули бы к ним. В соответствии с этим мы отложили встречу в Азраке с шейхом Рафой, а Заалу не сказали ни слова. Взамен мы сосредоточили все наши помыслы на вади Халид и его мостах.

Пока мы занимались этими хитростями, пришла телеграмма от полковника Бремонта, содержащая предупреждение, что Абд эль-Кадер был шпионом на жалованье у турок. Это расстраивало все наши планы.

Фейсал сказал мне:

– Я знаю, что он сумасброд. Думаю, что он честен. Берегите головы и используйте его.

Так мы и сделали, оказывая ему полное доверие из тех соображений, что если он обманщик, то не поверит нашей чистосердечности, а если честный человек, то подозрительность к нему лишь сделала бы его обманщиком.

Безусловно, он был энтузиастом ислама, полусумасшедшим на почве религиозного фанатизма и самой неистовой веры в самого себя. Его мусульманскую щепетильность оскорбляло то, что я явно был христианином. Его гордость страдала от нашего общества, ибо племена относились к Али Ибн эль-Гуссейну как к высшему авторитету, а ко мне еще лучше, чем к последнему. Его тупость и глупость два или три раза заставляли Али терять самообладание, что приводило к тяжелым сценам. В конце концов Абд эль-Кадер покинул нас, беспомощных, в отчаянную минуту, а до того, насколько лишь хватало его сил, препятствовал походу и разрушал наши планы.

Опять через железную дорогу

Напоследок мы роскошно попиروвали и выступили в путь вечером 24 октября 1917 года. В течение четырех часов мы подвигались медленно: первый переход всегда был трудным.

В добавление к моим собственным верблюдам и вьючным животным конвоя я снабдил верблюдами индийских добровольцев и одолжил одного Буду, а другого Торну, гвардейцу Ллойда, сидевшему в седле, как араб, в полосатом плаще поверх хаки. Сам Ллойд ехал на чистокровном верблюде, которого ему одолжил Фейсал, – прекрасное быстроходное животное, но худое и остриженное после чесотки.

Наш отряд рассеялся. Вуд отстал от других. Мои люди, имея много хлопот с индийскими волонтерами, потеряли его из виду. Таким образом он очутился наедине с Торном. Во мраке, всегда заполнявшем по ночам глубины ущелья Итм, они потеряли направление на восток, по которому мы шли. В течение нескольких часов они скакали по главной дороге, ведущей к Гувейре, но наконец решили дожидаться дня в какой-то боковой долине. Оба не были знакомы с местностью и не были уверены в арабах. Поэтому они по очереди стояли на часах.

Мы догадались о случившемся, когда недосчитались их во время нашего полуночного привала. Перед рассветом несколько арабов поехали обратно с приказом обыскать три или четыре дороги, по которым могли отклониться пропавшие, и привести их в Рамм.

Мы же двинулись дальше к Рамму через волнистые склоны из розового песчаника и заросшие зеленым тамариском долины. Наконец, когда на огромных утесах зажегся малиновый закат, мы вступили в долину Рамм.

Вуд и Торн уже находились там. Вуд был болен и лежал. Он сердился на меня, но за ужином наши дружеские отношения восстановились.

На следующий день мы вошли в зигзагообразное неровное ущелье, ведущее к высотам Батры. К полудню без всяких приключений достигли вершины. Мы с удовольствием расположились в зеленой долине, укрытой от ветров, греясь под слабыми лучами солнца, смягчавшими на этом высоком плоскогорье осеннюю прохладу.

Я уехал на север в разведку с Авадом, мальчиком при верблюдах из племени шерари, нанятым в Рамме, не спрашивая, кто он такой. Мы кружили вокруг Аба-эль-Лиссана, чтобы увериться, что турки пребывают в безопасности, так как им была свойственна привычка высылать верховые патрули через Батру, лишь только они что-нибудь замечали, а у меня не было никакого желания вовлекать наш отряд в стычки. Авад был оборванный смуглый юноша лет восемнадцати, прекрасного сложения, с

мышцами атлета, подвижный, словно кошка. Он прекрасно держался в седле.

Мы с ним взобрались на вершину холма, с которого открывался вид на всю Батру и долины, отлого спускающиеся к Аба-эль-Лиссану, и лениво пролежали там, пока не увидели, что кавалькада Али вступила в ущелье. Мы сбегали по склонам, чтобы встретить их, и услышали, что дорогой они потеряли четырех верблюдов. Али вновь поссорился с Абд-эль-Кадером и молил Бога избавить его от несговорчивого, высокомерного и грубого спутника.

Мы покинули их с тем, чтобы они с наступлением темноты двинулись за нами. Так как у них не было проводника, я оставил им Авада. Мы должны были встретиться у лагеря Ауды. Затем мы двинулись вперед через неглубокие долины и через пересекающие друг друга горные кряжи, пока солнце не опустилось за дальний высокий отрог, с вершины которого на расстоянии многих миль мы увидели четырехугольное здание станции Гадир-эль-Хадж.

Я и Ллойд наметили место для перехода через железнодорожное полотно ниже станции Шедия. Когда взошли звезды, мы решили, что должны идти, руководясь созвездием Ориона. Час за часом отряд шел на Орион, но он от этого не казался ближе.

Наконец мы выбрались из горных ущелий на простор бесконечной равнины.

Я поехал с Ллойдом вперед, чтобы внимательно осмотреть железнодорожную линию и избавить тем самым наш главный отряд от случайной стычки с турецким блокгаузом или ночным патрулем.

Наши великолепные верблюды делали слишком большие шаги, и мы, не сознавая того, все больше и больше опережали тяжело нагруженных индусов. Джемаддар Гассан-Шах выслал одного человека, чтобы тот не терял нас из виду, затем другого, а за вторым и третьего, пока его отряд не вытянулся в длинную вереницу торопящихся людей. Тут он шепотом отдал по цепи настоятельное распоряжение идти медленно, но, дойдя до нас, это распоряжение стало совершенно невразумительным.

Мы остановились. Ночные звуки нарушали тишину. Порывы слабого ветерка приносили запах увядающих трав.

Затем мы опять двинулись в путь, но медленнее. Казалось, часы проходили за часами, а равнине все не было конца. Мы почувствовали, что звезды ведут нас по неправильному пути.

У Ллойда где-то был компас. Мы остановились и пытались ощупью найти его в глубоких седельных мешках. Разыскал компас лишь подъехавший Торн. Мы стали вокруг, делая вычисления по блестящей стрелке, и изменили Орион на более попутную Северную звезду.

И опять мы бесконечно шли вперед, пока Ллойд, когда мы карабкались на высокий вал, не натянул, зевая, поводьев и не протянул вперед руку. Далеко на нашем пути на горизонте вырисовывались, чернея на фоне темного неба, два куба, а возле них – остроконечная крыша. Мы находились на прямом пути к станции Шедия. Пришлось свернуть направо и поспешно труситься через открытую местность, немного беспокоясь, что растянувшийся за нами караван мог не заметить внезапного изменения направления движения. Но все закончилось благополучно, и несколько минут спустя мы обменивались в соседней ложбине радостными замечаниями на различных языках: английском и турецком, арабском и урду. От лагеря турок слабо доносился волнующий лай собак. Сейчас мы знали, где находимся, и взяли новое направление, чтобы обойти первый блокгауз ниже Шедии.

Мы уверенно выбирали дорогу, надеясь вскоре пересечь железнодорожное полотно. Но время медленно тянулось, а мы все не видели его. Была полночь, мы шли уже шесть часов, и Ллойд с горечью сказал, что к утру мы можем дойти до Багдада, – тут не могло быть никакой железной дороги. Торн увидел ряд деревьев, и ему показалось, что они движутся. Затворы наших винтовок щелкнули, но деревья оказались лишь деревьями.

Мы оставили надежду и безучастно поехали дальше, качаясь в седлах. Уставшие веки смыкались. Индусы опять далеко отстали. Но через час перед нами неясно вырисовался вал, не похожий на предыдущие. У него были прямые очертания, и вдоль – на всем его протяжении – темнели пятна, которые могли быть тенью от водосточных отверстий. Когда мы приблизились, вдоль его края возникла изгородь из острых жердей. То были телеграфные столбы.

Мы остановили наш отряд и поехали в сторону, а затем прямо, чтобы разузнать, что скрывалось под покровом тишины.

Мы ожидали, что внезапно свет поглотит темноту, а тишину сменят залпы выстрелов. Но все было спокойно. Мы достигли вала и нашли его покинутым. Арабы спешили и обегали вдоль и поперек каждую тропинку на расстоянии двухсот ярдов – полное безлюдье. Здесь можно было пройти в полной безопасности.

Я велел немедленно переходить железную дорогу и двинуться на восток в безлюдную дружественную пустыню. Сам же сел на рельсы под поющими проводами, пока мимо меня не прошли, пересекая полотно, все верблюды, ступая со свойственной им по ночам напряженной беззвучностью. Через час мы устроили отдых, продолжавшийся до рассвета.

На следующий день мы нашли Ауду, расположившегося лагерем на неровном, заросшем кустарником пространстве к юго-западу от колодцев. Он встретил нас с напряженным видом. Ауда

отослал свои большие палатки и женщин, чтобы они были вне досягаемости турецких аэропланов. В лагере находилось лишь немного людей его клана абу-тайи, и те яростно спорили о распределении причитающегося им вознаграждения. Старику было грустно, что мы нашли его со столь слабыми силами.

Я старался изо всех сил уладить раздоры, пытаюсь придать мыслям арабов новое направление, и достиг полной удачи. Арабы начали улыбаться, что уже являлось победой.

Когда мы, закусив, бродили по серым сухим канавам, я открыл Заалу мои планы экспедиции к мостам Ярмука. Они ему очень не понравились. Заал в октябре не был таким, как в августе. Успех превратил неумолимого в езде храбреца в благоразумного, осторожного человека, для которого жизнь стала драгоценной благодаря свалившемуся богатству. Раньше он повел бы меня, куда бы я ни захотел, но последний набег подверг испытанию его характер, и сейчас он заявил, что сядет в седло лишь в том случае, если я лично потребую его участия.

Я спросил, какую группу мы могли бы набрать. Он назвал трех человек из лагеря как подходящих участников для такого отчаянного дела. Брать троих из племени абу-тайи было бы хуже, чем не брать никого, так как их самодовольство заразило бы остальных людей, между тем одними ими обойтись было нельзя. Поэтому я заявил, что попытаюсь найти людей где-либо в другом месте. Заал, казалось, почувствовал облегчение.

Ллойду нужно было уезжать в Версаль. Я очень сожалел о нем, как о единственном человеке, понявшем наши задачи. Когда он покинул нас, мы вновь очутились во власти бесконечной войны, арабов и верблюдов.

Наступила ночь. Драгоценное время тратилось бесполезно. В течение многих часов я в одиночку убеждал арабов. Постепенно я добился кое-чего, но спор еще продолжался, когда около полуночи Ауда поднял свою палку и попросил, чтобы мы замолчали. Мы подчинились, желая узнать, какая опасность нам угрожает. Немного погодя до нас донесся почти неуловимый гул, похожий на рокот далекой грозы. Ауда поднял угрюмые глаза на запад и сказал:

– Английские пушки!

Алленби начал артиллерийскую подготовку наступления **Error! Hyperlink reference not valid.;** грохот его орудий обнадежил меня и положил конец сомнениям.

Мы идем к мосту

На следующее утро настроение в лагере было спокойное и сердечное. Старый Ауда, уладив распри, горячо обнял меня, призывая на нас мир. Наконец, когда я положил руку на седло верблюда, он выбежал вперед, опять заключил меня в объятия и прижал к себе. Его жесткая борода царапала мне ухо, когда он быстро прошептал мне:

– Берегись Абд эль-Кадера.

Вокруг толпилось слишком много народа, чтобы он мог что-нибудь добавить.

Около полудня мы расположились лагерем. Внезапно поднялась тревога. С запада и востока появились всадники на лошадях и верблюдах. Они быстро приближались к нам. Мы схватились за винтовки и через полминуты пришли в полную боевую готовность.

Шериф Али просил нас, чтобы мы открыли огонь, лишь когда действительно начнется нападение, как вдруг Авад с веселым смехом выбежал вперед по направлению к неприятелю, размахивая над головой рукавом в знак дружеских намерений. Те открыли по нему огонь, но безрезультатно. Авад бросился на землю и выстрелил в ответ. Его пуля пролетела как раз над головой переднего всадника. Она, а также наша безмолвная готовность привели врагов в замешательство. Они нерешительно сгрудились и после минутного спора взмахнули своими плащами, неохотно отвечая на наш сигнал.

Один из них выехал вперед, направляясь к нам мерной поступью. Авад под защитой наших винтовок вышел на двести ярдов, чтобы встретиться с ним, и увидел, что тот принадлежал к племени сухур. Услышав наши имена, он притворился пораженным. Это был летучий отряд из клана зебн-сухур, расположенного лагерем, как мы и рассчитывали, против Баира.

Али, взбешенный их вероломным нападением на нас, угрожал людям сухур всяческими карами. Они угрюмо выслушали его тираду и заявили, что у их племени существует обычай стрелять по чужеземцам. Али согласился, что у них, возможно, есть такой обычай, обычай неплохой в пустыне, но доказывал, что нападение на нас с трех сторон без всякого предупреждения являлось предумышленной засадой.

Наши недавние недруги отправились в Баир, чтобы сообщить о нашем прибытии.

Наступила спокойная ночь. И вновь до нас донесся уверенный, спокойный гул тяжелых орудий Алленби, готовивших штурм Палестины. Под этот артиллерийский аккомпанемент мы рассказали в Баире старшине клана шейху Мифлеху, что прибыли сюда, дабы совершить набег на округ Дераа, и были бы рады, если бы он с пятнадцатью соплеменниками на верблюдах присоединился к нам.

После нашей неудачи у племени ховеитат мы решили не разглашать полностью плана, чтобы его опасность не отпугнула наших партизан. Однако Мифлех согласился сразу, с явной

поспешностью и охотой, обещая взять с собой пятнадцать лучших людей из племени.

Уже давно наступила ночь, когда наш караван, запасшись водой, покинул Баир. Мифлех считал нужным посетить могилу Эссада, предполагаемого предка клана, находившуюся недалеко от могилы Аннада. Шейх решил воспользоваться удобным случаем и добавить к потерянной коллекции, находящейся на могиле Эссада, еще одну головную тесьму. Верный себе, он попросил нас добавить что-нибудь к его дарам. Я вручил ему мои дорогие мекканские украшения из красного шелка, расшитые серебром. Расчетливый Мифлех заставил меня принять полпенни, чтобы иметь право говорить о купле. А когда через несколько недель я убедился, что украшение исчезло, он громко в моем присутствии стал распространяться о святотатстве безбожных шерари, обворовавших его предка, но Турки (сын Мифлеха) мог бы рассказать мне иное. Нас вывела из вади Баир крутая старая тропа. На вершине одного из кряжей мы расположились лагерем на ночь. Мы легли тесно друг возле друга и затихли, напрягая слух, чтобы уловить биение пульса орудий Алленби. Их говор казался красноречивым.

На следующий день мы свернули налево от горных кряжей Тлайтухвата и весь день двигались, видя их ясные белые вершины. Во время очередного ночного привала грохот орудий слышался отчетливо и громко. Арабы шептались:

– Они приближаются. Англичане наступают. Да пощадит Бог людей под этим дождем.

Они с состраданием думали о турках, так долго бывших их притеснителями, слабости которых теперь сочувствовали больше, чем силе иностранцев с их непонятной, действующей без разбора справедливостью.

Мы поднялись рано, рассчитывая к заходу солнца проделать долгий путь до Аммари. Около полудня на горном хребте появился отряд бегущих рысью верблюдов.

– Га! – крикнул мне Мифлех, когда те еще находились на расстоянии мили. – Это Фахад впереди. Они – наши родичи.

Так оно и оказалось. Шейх Фахад и Адуб, главные военные вожди зебн, стояли лагерем на западе от железной дороги возле Зизы, когда к ним пришло известие о нашем походе. Они немедленно сели на верблюдов и после стремительной езды нагнали нас. Оба были знаменитыми бойцами.

Мы переночевали в Аммари под сильным холодным ветром. К рассвету он ослабел, и мы выступили к Азраку. Однако едва мы отошли от колодцев, как поднялась тревога: в кустарнике увидели нескольких верховых. Мы сгрудились в удобном месте и остановились.

Внезапно началась перестрелка, но столь же внезапно и закончилась. Враги выступили из-за прикрытия и помчались рядами на нас, размахивая плащами в воздухе и распевая приветственный военный марш. Это оказались воины из племени сирхан, направлявшиеся к Шейсалу, чтобы присягнуть ему на верность. Услышав наши вести, они повернули обратно, радуясь, что избавились от дальнейшего пути, ибо их племя не было ни воинственным, ни кочевым. Они обставили известной пышностью наше совместное вступление в их лагерь у Аин-эль-Бейды в нескольких милях на восток от Азрака, где собралось все племя.

Мы собрали всех старшин и рассказали им про нужды Фейсала, а также план, как ему помочь. Они выслушали нас сдержанно. Западный мост, сказали они, совершенно недоступен. Турки лишь недавно наводнили его окрестности сотнями военных фуражиров. Никакой вражеский отряд не смог бы проскользнуть мимо них незамеченным. Они открыто высказали большое подозрение по поводу мавританских деревень и Абд эль-Кадера **Error! Hyperlink reference not valid.** Что же касается ближайшего моста у Тель-эль-Шехаба, то они опасались, что крестьяне, их закоренелые враги, нападут с тыла. Равным образом в случае дождя верблюды не смогли бы пуститься рысью обратно через глинистые равнины у Ремта, и весь отряд был бы перерезан и перебит.

Мы встревожились. Племя сирхан являлось нашим последним ресурсом, откуда мы могли получить подмогу, и, если бы они отказались отправиться с нами, мы были бы не в состоянии выполнить в назначенное время проект Алленби. Поэтому Али собрал вокруг нашего небольшого костра лучших людей племени и привел Фахада, Мифлеха и Адуба, усилив ими ту часть, которая поддерживала нас. Мы начали поносить при них людей сирхан за осторожность, казавшуюся нам все более постыдной после нашего долгого пребывания в пустыне.

Мы очень долго бились над ними, упоминая о всемогущем Боге и бесконечности, о великих целях восстания и о чести сражаться за него.

То была полусвязная, прерывистая беседа, вызванная нашим крайним отчаянием. Едва ли я могу воспроизвести ее смысл. Моя память сохранила лишь постепенное смирение людей сирхан, ночное безмолвие, в котором увядала их многоречивость, и, наконец, их ревностную готовность сопровождать нас, какова бы ни была наша цель.

Перед рассветом мы призвали старого Абд эль-Кадера и сообщили ему, что люди сирхан отправляются после восхода солнца с нами под его надзором в вади Халид. Он пробурчал, что это очень хорошо.

Истощенные, мы прилегли на минуту, но очень рано уже были на ногах, чтобы произвести смотр новым союзникам. У них был свирепый, ободранный вид. В три часа пополудни выступили в

Азрак. Али никогда не видал Азрака, и мы торопливо поднялись на каменную грядку, возбужденно беседуя о войнах, песнях и страстях прежних пастушеских королей со звучными именами и о римских легионерах, гарнизоны которых некогда изнемогали в здешних местах.

Нам преградила путь голубая крепость на скале над шелестящими пальмами, окруженная свежими лугами и сверкающими источниками. Али дернул поводья, и его верблюд, осторожно выбирая дорогу, двинулся вниз по потоку лавы к пышному дерну возле источника.

Внезапно мы заметили, что с нами нет Абд эль-Кадера. Мы искали его повсюду и разослали наших людей на поиски. Они вернулись с арабами, и те рассказали нам, что, сразу после того как мы отправились в путь, Абд эль-Кадер поскакал на север через слоистые кочки в направлении гор Джебел-Друз. Арабы не знали наших планов, а Абд эль-Кадера ненавидели и, видя его отъезд, только радовались. Но для нас это исчезновение было дурной вестью.

Из намеченных нами ранее трех мостов Ум-Кейс уже отпал. Без Абд эль-Кадера становился недоступным и вади Халид. Это означало, что мы обязательно должны попытаться взорвать мост у Тель-эль-Шехаба.

Чтобы добраться до него, мы должны были пересечь открытую местность между Ремтом и Дераа. Абд эль-Кадер убежал к врагу с донесением о наших планах и силах. Если турки примут даже самые незначительные предосторожности, они поймают нас у моста в западню.

Мы устроили совет с Фахадом и все же решили двинуться вперед, уповая на обычную неумелость врага. На следующее утро мы продвинулись вперед на многие мили, пока не нашли у Абу-Саваны кремнистую ложбину, изобиловавшую восхитительно прозрачной дождевой водой, наполнявшей до краев узкий канал в два фута глубиной и около десяти шириной, но длиной в полмили. Ей предстояло служить нам отправной точкой при набеге на мост.

Чтобы увериться в ее безопасности, мы проехали на несколько ярдов дальше к вершине невысокого холма и внезапно увидели оттуда удаляющийся отряд черкесских всадников **Error! Hyperlink reference not valid.**, посланных турками осмотреть, не занята ли ложбина с запасом воды. К нашей взаимной удаче, они разминулись с нами на пять минут.

С рассветом мы не спеша двинулись вперед. Пустыня скоро кончилась, понижаясь и перейдя в гладкую равнину, простирающуюся до рельсов железной дороги, видневшихся в нескольких милях вдаль. Мы сделали привал до сумерек, чтобы пересечь ее в темноте. В наш план входило тайком проскользнуть здесь и укрыться у дальнего подножия гор ниже Дераа.

День казался бесконечным. Наконец солнце зашло. Мы сели на верблюдов. Два часа спустя после быстрого перехода по гравию мы подошли к железной дороге. Без особого труда мы отыскали каменистое место, где наш караван мог пройти, не оставив следов. Очевидно, турецкая железнодорожная охрана безмятежно отдыхала, что доказывало, что Абд эль-Кадер еще не поднял паники своими вестями.

Мы проехали с полчаса по другой стороне железнодорожного полотна и спустились в неглубокую скалистую впадину, заросшую сочной травой. Это был Гадир-эль-Абиад, где Мифлекс советовал нам устроить засаду. Он дал нам слово, что мы находимся под прикрытием, и мы разлеглись между нашими нагруженными животными, чтобы немного поспать. Рассвет покажет нам, насколько наше местоположение безопасно и незаметно для врага.

Когда наступил день, Фахад повел меня к краю нашей ложбины, возвышавшейся на пятнадцать футов, и оттуда мы за отлого спускающимся лугом увидели железную дорогу, казалось, почти на расстоянии выстрела. Эта близость являлась крайне неудобной, но люди племени сахр не знали здесь лучшего места.

Нам пришлось провести тут весь день. Каждую минуту передавали какие-нибудь донесения, наши люди бежали смотреть, в чем дело, и низкий вал все время был унизан сомкнутым рядом человеческих голов. Всякий раз, когда мимо проходил патруль, нам приходилось наблюдать за верблюдами, так как, если бы хоть один из них заревел, он выдал бы нас неприятелю.

Вчерашний день казался долгим, но сегодняшний протекал еще медленнее. Мы с Али разрабатывали до последних мелочей порядок нашего набеге. Мы просидим в засаде до захода солнца. До рассвета мы должны успеть добраться до Тель-эль-Шехаба, взорвать мост и вернуться сюда от железной дороги. Это означало, что в течение тринадцати часов темноты нам придется сделать по крайней мере восемьдесят миль, кроме кропотливой работы по взрыву. Такой подвиг был выше сил большинства индийских волонтеров, не являвшихся хорошими ездоками и уже загнавших своих верблюдов во время похода от Акабы.

Итак, мы отобрали из их числа шестерых лучших ездоков и посадили на шесть лучших верблюдов. Эту группу вел Гассан-Шах, их офицер и великодушнейший человек. Он решил, что для его небольшого отряда наиболее соответствующим орудием окажется пушка Виккерса. Наша наступательная мощь тем самым весьма значительно понижалась. Чем больше я оценивал наши силы, тем менее удачным казалось мне развитие нашего плана похода на Ярмук.

Люди бени-сахр были отважными бойцами, но мы не доверяли людям сирхан. Поэтому мы с Али решили образовать из бени-сахр штурмовой отряд под начальством Фахада. Некоторые из людей сирхан должны были остаться для охраны верблюдов, а остальные нести гремучий студень

при нашей пешей атаке на мост.

Али Ибн эль-Гуссейн взял шестерых из своих слуг. Отряд был укомплектован двадцатью людьми бени-сахр и сорока людьми сирхан.

Мы оставили хромых и слабых верблюдов у Абиада на попечении оставшихся людей с приказанием вернуться перед зарей к Абу-Саване и ожидать там известий от нас.

Сразу после захода солнца мы попрощались с ними и выехали из нашей долины. Наступила темнота, когда мы проехали через первую гряду и повернули на запад к покинутой дороге Пилигримов **Error! Hyperlink reference not valid.**, колеи которой были бы нашим лучшим проводником.

Спотыкаясь, мы брели по неровным горным склонам, когда люди впереди нас внезапно бросились вперед. Мы последовали за ними и нашли их окружившими какого-то напуганного бродячего торговца с двумя женами и двумя ослами, нагруженными изюмом, мукой и плащами. Они шли в Мафрак, станцию, находящуюся как раз позади нас. Это было неудобно, и мы велели им сделать на этом месте привал, оставив одного из людей сирхан для надзора за ними. Он должен был отпустить их на рассвете, а сам умчаться к Абу-Саване.

Мы побрели дальше в сгустившемся мраке, пока не увидели мерцания белых борозд дороги Пилигримов. Это была та самая дорога, по которой я скакал из Рабега с арабами в первую ночь моего пребывания в Аравии. С тех пор мы за двенадцать месяцев с боем прошли тысячу двести километров, миновав Медину и Хедию, Дизад, Мудоввару и Маан – и я снова встретил ее.

Какой-то пастух отвлек меня от вычислений, выстрелив из своей винтовки по нашему каравану, который беззвучно приближался к нему. Он промахнулся и убежал, крича от ужаса.

Следующую тревогу подняла залаявшая где-то слева собака, а затем нам неожиданно попался на пути какой-то верблюд. Однако он оказался без всадника и был, очевидно, заблудившимся животным. Мы опять двинулись вперед и поднялись на холм. На вершине его мы остановились.

Далеко на севере под нами сверкали вереницы огней. Это светился вокзал Дераа, освещающая путь движения армии **Error! Hyperlink reference not valid.** То была его последняя иллюминация, так как на следующий день Дераа погрузилась во мрак на целый год, пока не пала перед союзниками.

Тесной группой мы двинулись вдоль хребта и через длинную долину выехали на равнину Ремт. Дорога стала ровной, но почва была вспахана и разрыхлена кроличьими норами, в которые наши верблюды погружались по колени, с трудом выбираясь из них. Но нам приходилось спешить, так как мы уже опаздывали. Мифлех, который вел нас, перевел своего сопротивляющегося верблюда на рысь.

Я поехал назад вдоль рядов и велел ускорить езду. Но почва была такой неровной, что все наши усилия кончились ничем, и постепенно люди начали отставать один за другим.

В десятом часу мы миновали пашню. Дорога должна была улучшиться, но начал накрапывать дождь, и поверхность плодородной земли сделалась скользкой. Один из верблюдов упал. Всадник вмиг поднял его и рысью двинулся вперед. Затем упал один из людей бени-сахр. Он также остался невредимым и поспешно взобрался опять в седло. Потом остановился верблюд под одним из служителей Али. Али засвистел, чтобы тот двинулся с места, и, когда парень забормотал извинения, он свирепо огрел его палкой по голове. Испуганный верблюд кинулся вперед, а Али преследовал раба градом ударов. Мой слуга Мустафа, неопытный ездок, падал дважды. Авад каждый раз хватал его недоуздок и помогал сесть в седло.

Дождь прекратился, и мы поехали быстрее. Теперь приходилось двигаться по склону. Внезапно Мифлех поднялся в седле и хлыстом стегнул в воздухе над головой. Раздавшийся резкий металлический звон показал, что мы находимся под телеграфной линией в Мезериб. Серый горизонт перед нами стал более далеким. До нашего слуха донеслись слабые вздохи, словно ветер гулял между далекими деревьями, но они все продолжались и постепенно становились все горячее. То, должно быть, раздавался гул большого водопада возле Тель-эль-Шехаба. Мы уверенно двинулись вперед.

Несколько минут спустя Мифлех натянул поводья, и верблюд беззвучно опустился на колени. Мифлех соскочил с него. Мы остановились рядом с ним. Перед нами во мраке с грохотом несся речной поток. То был край ущелья Ярмука, а мост лежал как раз под нами справа.

Мы помогли спешиться индусам с их тяжело нагруженных верблюдов, чтобы ни один звук не выдал нас. Затем мы сделали перекличку.

Луна еще не взошла над горою Гермон **Error! Hyperlink reference not valid.**, но уже начинало светать: приближалась заря. По багровому небу неслись грязные клочья изодранных облаков.

Я распределил взрывчатое вещество между пятнадцатью людьми, и мы двинулись вперед. Люди бени-сахр под начальством Адуба исчезли во мраке, спускаясь по склонам перед нами и разведывая дорогу. Ливень сделал предательскими отвесные склоны горы, и, лишь цепляясь за почву босыми ногами, мы смогли нащупать место, куда их ставить. Двое или трое людей грузно упали.

Чуть дальше в черной бездне под нашими ногами мы увидели нечто еще более черное, а на другом конце его точку мерцающего света. То был мост со сторожевой палаткой на противоположном

берегу.

Все вокруг казалось мирным, исключая реку. Все казалось недвижимым, исключая пляшущий огонь у Палатки. На ощупь мы нашли старую дорогу, проложенную к ближайшему быку моста, и гуськом поползли по ней. Наши темные плащи и запачканная одежда совершенно сливались с известняками.

Мы добрались до рельсов как раз там, где они сворачивали на мост. Тут все остановилось, а я с Фахадом отправился дальше.

Достигнув незащищенной части моста, мы двинулись вперед, прячась в тени насыпи, пока не смогли прикоснуться к серому скелету подвешенных брусьев. Мы заметили единственного часового, прислонившегося к соседнему быку в шестидесяти ярдах от нас, если смотреть через пучину. Через некоторое время часовой начал медленно расхаживать взад и вперед возле своего костра.

Я прокрался обратно, чтобы привести людей с гремучим студнем. Но не успел я добраться до них, как раздался громкий стук от упавшей винтовки, которая с шумом скатилась вниз. Часовой всполошился и усталился в ту сторону, откуда раздался шум. Он увидел высоко наверху, в полосе света от медленно всходящей над ущельем луны, пулеметчиков, карабкавшихся вниз на новую позицию. Он громко окликнул их, затем вскинул винтовку и выстрелил.

Мгновенно все пришло в движение. Невидимые люди бени-сахр, притаившиеся вдоль узкой тропы, начали не целясь стрелять в ответ. Турецкие часовые бросились в окопы и открыли быстрый огонь по вспышкам наших выстрелов. Индусы, захваченные огнем при передвижении, не могли привести свои «виккерсы» в действие и изрешетить палатку, прежде чем она опустеет.

Перестрелка сделалась всеобщей. Залпы турецких винтовок, отдаваясь эхом в узком ущелье, удваивались от стука пуль, расплющивавшихся о скалы позади нас. Люди сирхан, несшие гремучий студень, знали, что, если в него попадет пуля, раздается взрыв. Поэтому, когда пули застучали вокруг них, они бросили мешки, катившиеся вниз, и убежали. Мы стояли, незамеченные, на затемненном быке, но с пустыми руками. Али спрыгнул ко мне и Фахаду и сказал, что взрывчатое вещество сейчас валяется где-нибудь в глубине оврага.

Мысль извлечь его оттуда казалась безнадежной, и мы со всех ног взбежали вверх по горной тропе, благополучно пробравшись через огонь турок. Не переводя дыхания, мы добрались до вершины. Там мы нашли расстроенного Вуда и индусов и сказали им, что все кончено. Отряд поспешил обратно к оставленным верблюдам. Люди сирхан уже карабкались на них. Мы последовали их примеру и с возможной быстротой пустились прочь. Турки все еще не прекращали трескотни в долине. Все деревни проснулись, и по равнине начали блистать огни.

Мы обогнали толпу крестьян, возвращавшихся из Дераа, причем люди сирхан ограбили их догола. Жертвы бросились бежать при лунном свете, испуская пронзительные вопли. Их услышали вначале в Ремте, а затем отчаянные крики всполошили все окрестности. На многие мили вокруг обитатели поселений с оружием взобрались на крыши и стреляли залпами в нас.

Мы покинули преступных людей сирхан, которым мешала их добыча, и помчались дальше в угрюмом молчании, держась вместе и стараясь сохранить порядок. Мои обученные люди показывали чудеса, помогая упавшим или пересаживая к себе тех, чьи верблюды уже не могли скакать галопом. Почва все еще была глинистая, а комя пашен преодолевались даже с большим трудом, чем прежде. Но позади нас бушевала тревога, пришпорившая нас и наших верблюдов, гнавшая искать приюта в горах.

Наконец мы въехали в горы. Дорога улучшилась, однако мы все еще погоняли наших обессиленных животных, ибо рассвет был слишком близок. Постепенно шум за нами затих и последние из отставших присоединились к отряду.

Когда мы спускались к железной дороге, наступил день. Вуд, Али и старшины развлекались, срезая во многих местах телеграфные провода.

Прошлой ночью мы пересекали железнодорожное полотно, чтобы взорвать мост у Тель-эль-Шехаба и тем самым отрезать Палестину от Дамаска, в действительности же после всех наших мук и риска мы лишь перерезали телеграфные провода на Медину. Орудия Алленби, все еще потрясавшие воздух, были свидетелями нашей горькой неудачи.

Серый рассвет предвещал нудный моросящий дождь. Он начал накрапывать-с безнадежностью, казалось насмехаясь над тем, как мы, спотыкаясь, брели к Абу-Саване. К заходу солнца отряд добрался до воды. Оставшиеся здесь люди с любопытством расспрашивали о подробностях наших злоключений.

Мы были дураками, все в равной степени дураками, и наша ярость осталась бесцельной. Ахмед и Авад опять подрались, юный Мустафа отказался варить рис, Фаррадж и Дауд отколотили его, Али избил двоих из своих слуг, – никто из нас ни о чем не заботился.

Наш разум омрачала неудача, а тела изнемогали от напряженного перехода почти в сто миль по скверной дороге при скверных условиях, от восхода до захода солнца, без отдыха и пищи.

Погоня за поездом

Но мы не могли вернуться с пустыми руками. У нас был еще запасной мешок с тридцатью

фунтами гремучего студня, и Али Ибн эль-Гуссейн, который слышал о наших деяниях под Мааном и был таким же арабом, как всякий араб, сказал:

– Взорвем поезд!

Его слова встретили всеобщее сочувствие. Все взглянули на меня – но я не мог разделять их надежд.

Взрыв поездов является точной наукой, когда он совершается обдуманно, достаточными силами, с применением пулеметов. Если же производить его наспех, он может оказаться опасным. На сей раз помеха заключалась в том, что из артиллеристов в нашем распоряжении были только индусы, которых почти обессилили холод и голод.

Если мы морили голодом арабов, в этом не было никакой жестокости. Они не умирали от недельного поста и сражались, как всегда, даже на пустой желудок. Если же дела принимали совсем дурной оборот, оставались верблюды, которых можно было убить и съесть. Но индусы, хотя и мусульмане, из принципа отвергали верблюжье мясо. Я объяснил соратникам все эти диетические тонкости. Али немедленно заявил, что нам следует взорвать поезд, предоставив ему и арабам сделать все нужное, чтобы расправиться с турками без поддержки пулемета. Так как тут, где нас менее всего ждали, нам легко мог попасться продовольственный состав, охраняемый лишь железнодорожной гражданской охраной либо небольшим конвоем из резервистов, я согласился рискнуть.

На заре мы, оставшиеся, числом около шестидесяти, повернули обратно к железной дороге. Я повел их к Минифиру, извилистая вершина которого являлась превосходным наблюдательным пунктом, отличным пастбищем для верблюдов и в то же время прекрасным путем для отступления.

С наступлением сумерек мы спустились вниз, чтобы подложить мину. Подземный сток для воды на сто семьдесят втором километре казался наиболее пригодным для нее местом. Пока мы стояли там, раздался гул, и в спустившемся мраке и тумане внезапно из-за северного поворота показался поезд – в каких-нибудь двухстах ярдах от нас. Мы бросились под длинную арку; поезд прогрохотал над самыми головами. Когда путь вновь очистился, мы приступили к установке снаряда. Дул пронзительный холодный ветер, относивший потоки дождя в долину.

Мы заложили взрывчатое вещество у вершины арки, глубже, чем обыкновенно, чтобы патрули, проходя над ним, не почувствовали под ногами его студенистую мягкость. Из-за глины работа отняла времени больше, чем обычно, и, прежде чем мы кончили, почти рассвело.

Угрюмый и промокший, я поджидал под сквозной аркой наступления дня. Я обошел всю изрытую площадь и потратил полчаса, чтобы сгладить следы, забросав их листьями и сухой травой.

Опять послышался гул. Какой-то поезд шел с севера. Взрыватель находился у долговязого раба Фейсала – Гамуда, но, прежде чем тот добрался до меня, поезд с небольшим составом закрытых товарных вагонов промчался мимо. Ливень и туманное утро скрыли его от глаз нашего часового. Когда он заметил состав, было уже слишком поздно.

Новая неудача усугубила нашу печаль. Али заявил, что из этой поездки не выйдет никакого толка. Дабы рассеять впечатление от его слов, я объявил, что необходимо выслать караульные посты – один к развалинам на север, второй к каменной веже на южной вершине.

Остальные, не имея завтрака, должны были притвориться, что не голодны. Все охотно проделали это, и в течение некоторого времени мы весело сидели под дождем, позади бруствера из наших верблюдов, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Когда дождь переставал, что случалось часто, нас пронизывал холодный стонущий ветер. Вскоре наши промокшие рубашки сделались липкими. Нам нечего было есть, нечего делать и негде присесть, кроме мокрых утесов, мокрой травы и глины.

Однако эта скверная погода беспрестанно напоминала мне, что она задерживает наступление Алленби на Иерусалим и лишает его возможной победы.

Ожидание тягостно даже в самых лучших обстоятельствах. В тот день оно было нестерпимо. Наконец около полудня, когда на минуту совершенно прояснилось, караульные с южной вершины начали дико размахивать своими плащами в знак того, что идет поезд. В одно мгновение мы заняли наши позиции.

Я не слышал шума приближающегося поезда. Мне донесли, что он идет очень медленно и имеет состав огромной длины. Чем длиннее он был, тем богаче была бы наша добыча. Наши аппетиты разгорелись. Затем пошел слух, что поезд остановился и опять двинулся вперед.

Наконец примерно через час я услышал тяжелое дыхание поезда. Паровоз, очевидно, был с каким-то дефектом (все паровозы с дровяным отоплением никуда не годились). Я притаился за своим кустом, пока поезд медленно тащился мимо южного поворота железной дороги и вдоль насыпи над моей головой, к водостоку. Первые десять вагонов были площадками, переполненными солдатами.

Однако колебаться было поздно. Поэтому, когда паровоз очутился прямо надо мной, я нажал ручку взрывателя. Взрыва не последовало. Я четыре раза повернул ее. Опять не последовало никакого взрыва. Мне стало ясно, что взрыватель испортился. Я стоял на коленях на неприкрытой насыпи, а в пятидесяти ярдах мимо медленно тащился турецкий поезд, полный солдат. Куст, ранее казавшийся мне высотой в фут, съезжился, став меньше фигового листка, и мне начало казаться, что

я являюсь самым заметным предметом на фоне ландшафта.

За мной на двести ярдов простиралась долина по направлению к прикрытию, где ждали мои арабы, удивляясь, что я не даю о себе знать. Но я не мог броситься к ним, так как турки, заметив меня, соскочили бы с поезда и прикончили нас.

Итак, я неподвижно сидел, пока мимо не протащились восемнадцать открытых товарных вагонов, три закрытых и три классных офицерских. Паровоз пыхтел все медленнее и медленнее, и каждую минуту я думал, что он остановится. Наконец площадка тормозного вагона неторопливо скрылась из виду. Когда поезд прошел, я вскочил на ноги, схватил злополучный взрыватель и, как кролик, умчался на гору в безопасное место.

Мифлех чуть не плакал, думая, что я намеренно пропустил поезд невредимым. Когда люди сирхан узнали истинную причину, они сказали в один голос:

– Нам во всем сопутствует неудача.

С определенной точки зрения их слова были справедливы, но, так как они говорили пророческим тоном, я саркастически припомнил их отвагу на мосту неделю тому назад.

Немедленно поднялся оглушительный гам. Люди племени сирхан яростно нападали на меня, а бени-сахр защищали.

Когда мы помирились, прежнее уныние было наполовину позабыто. Подоспевший Али благородно поддерживал меня, хотя несчастный парень посинел от холода и дрожал в приступе лихорадки. Он возвестил, что их предок, великий пророк, наделил шерифов способностью ясновидения и благодаря ей он знает, что счастье улыбнется нам. Этим он утешил арабов.

Мы вернулись к бодрствованию возле взрывателя, но больше ничего не случилось. Вечер начался под общий ропот. Поезда все не было.

Было слишком сыро, чтобы разжечь костер и сварить что-нибудь. Единственно возможной пищей являлись верблюды. Но, поскольку сырое мясо не соблазняло никого, наши животные пережили этот день.

Али лег на живот. Такое положение уменьшало боль от голода, и он пытался одолеть сном свою лихорадку. Хазен, слуга Али, прикрыл его своим плащом. Я спустился с горы, чтобы привести взрыватель в порядок, а затем наедине провести ночь возле поющих телеграфных проводов.

От мучительного холода я не мог заснуть. В течение всей ночи мимо не проехал ни единый поезд. Сырой рассвет казался даже безобразнее, чем обычно.

Когда железную дорогу осматривал утренний патруль, я вскарабкался наверх к главному отряду. Утро понемногу прояснялось. Али проснулся значительно освеженный, и его новое настроение ободрило нас. Один из рабов – Гамуд – принес несколько ветвей, которые он всю ночь держал под одеждой у своего тела. Они были почти сухие. Мы отрезали немного гремучего студня и при помощи его жаркого пламени развели костер. Люди сахр поспешно убили чесоточного верблюда, сохранившегося лучше других из наших верховых животных, и изрубили его на куски лопатами для рытья окопов.

Как раз в эту минуту караульный с севера крикнул о появлении поезда. Мы бросили костер и, не переводя дыхания, взапуски пробежали шестьсот ярдов по склону горы к нашей старой позиции.

Из-за поворота с пронзительным свистом показался поезд с великолепным составом из двух паровозов и двенадцати пассажирских вагонов, несущийся с огромной скоростью.

Я привел в действие взрыватель под первым паровозом. Взрыв получился ужасный. Почва черным дождем обдала мне лицо, и я беспомощно завертелся волчком. Придя в себя, я заковылял к верхней долине, откуда арабы уже стреляли по переполненным вагонам.

Враг открыл ответную стрельбу, и я очутился меж двух огней. Али заметил, как я упал, и, решив, что я тяжело ранен, выбежал приблизительно с двадцатью людьми из его слуг и бени-сахр для оказания мне помощи.

Весь состав поезда сошел с рельсов. Наклонившиеся вагоны взгромоздились друг на друга, образуя вдоль пути зигзаги. Один из них был салон-вагон, разукрашенный флагами. В нем находился Мехмед Джемаль-паша, командующий Восьмым корпусом турецкой армии, спешивший в Иерусалим, чтобы защитить его от Алленби.

Мы видели, что у нас были незначительные шансы использовать крушение, так как в поезде находилось около четырехсот человек. Уцелевшие быстро оправались от потрясения и засели под прикрытием, осыпая нас градом пуль.

Мифлех и Адуб присоединились к нам на горе и осведомились о Фахаде. Один араб из племени сирхан рассказал, как тот, пока я лежал, оглушенный, возле взрывателя, руководил первым натиском и был убит. Они показали его пояс и винтовку как доказательство, что он умер и что они пытались спасти его.

Адуб, не произнося ни слова, выпрыгнул из оврага и ринулся вниз. Мы затаили дыхание, следя за ним, – пока чуть не задохнулись от волнения. Но турки, казалось, не заметили его. Спустя минуту он уже тащил тело Фахада по левой насыпи.

Мифлех побежал за своей кобылой, сел на нее верхом и, пришпорив, пустил ее вниз. Вместе с Адубом они подняли тело на седло и вернулись обратно Пуля пронзила лицо Фахада, выбив четыре

зуба и поранив язык. Он упал без сознания, но пришел в себя как раз перед тем, как Адуб подъехал к нему, и, ослепленный кровью, пытался уползти. Уцепившись за седло, он смог сохранять на нем равновесие. Его пересадили на первого попавшегося верблюда и не медленно увезли прочь.

Турки, видя нас такими смиренными, перешли в наступление вверх по склону горы. Мы подпустили их до половины дороги и осыпали градом залпов, около двадцати человек убив и прогнав остальных. Земля вокруг поезда была усеяна трупами.

Но турки сражались на глазах своего корпусного командира и начали неустрашимо окружать горные вершины, чтобы напасть на нас с фланга.

Нас осталось уже около сорока человек. Очевидно, что при таком соотношении сил устоять против натиска врага было невозможно. Тогда, отдельными группами, мы взбежали на вершину горы. Там все вскочили на первых попавшихся верблюдах и в течение часа мчались изо всех сил на восток, в пустыню.

Выбравшись на безопасное место, мы рассортировали наших животных. Один из арабов, несмотря на общее смятение, привез с собой, привязав к седельной подпруге, огромную заднюю ногу верблюда, убитого как раз перед прибытием поезда. Ради нее мы сделали привал в пяти милях дальше в вади Дулейл, возле бесплодного фигового дерева.

Я купил еще одного чесоточного верблюда на мясо, раздал награды, вознаграждал родственников убитых и распределил денежные призы. На следующий день мы вступили в Азрак, встреченные горячими приветствиями и похвалаясь – да простит нам Бог! – что оказались победителями.

Эмир друзей из Салхада прибыл туда как раз перед нами и рассказал нам, чем закончилась история с алжирским вождем Абд эль-Кадером.

Улизнув от нас, последний поехал прямо к деревне друзей Салхад и, выкинув арабский флаг, вступил в нее с триумфом, окруженный своими семью верховыми слугами, ехавшими легким галопом и стрелявшими в воздух. Все в деревне изумились, а турецкий губернатор во всеуслышание объявил, что подобная суматоха наносит ему оскорбление. Его ввели к Абд эль-Кадеру, который, важно сидя на диване, произнес напыщенную речь, объявив, что шериф при его посредстве принимает правление над Джебель-Друзом и что все существующие должностные лица утверждаются в назначениях.

На следующее утро он двинулся на вторичный объезд области. Обиженный губернатор опять выразил недовольство. Эмир Абд эль-Кадер вытащил свой оправленный в золото мекканский меч и поклялся, что отсечет им голову Джемаль-паше. Друзы запротестовали, заявляя с клятвами, что в их доме не должны произноситься подобные вещи, тем более перед его превосходительством губернатором.

Абд эль-Кадер назвал их сыновьями распутниц, сукиными сынами, рогоносцами и своднями, швыряя им в лицо оскорбления перед всеми. Друзы рассвирепели. Абд эль-Кадер яростно выбежал из дома и вскочил в седло, крикнув, что стоит ему топнуть ногой, и все племена Джебель-Друза встанут на его сторону.

Со своими семью слугами он бросился по дороге к станции Дераа и вступил в нее так же, как и в Салхад. Турки, знавшие его старческое безумие, не тронули его. Они не поверили даже его рассказу о том, что Али и я этой ночью пытаемся взорвать Ярмукский мост. Однако, когда мы это сделали, турки отнеслись к Абд эль-Кадеру серьезнее и отослали его под охраной в Дамаск, где Джемаль сделал того мишенью для своих острот.

Я возвращаюсь в свет

Погода стала ужасной: беспрерывно шел снег и бушевали бури. Было ясно, что в Азраке в течение ближайших месяцев нам нечем заниматься, кроме проповедей и пропаганды. Когда это вызывалось необходимостью, я принимал посильное участие в вербовке прозелитов, но все время при этом отдавал себе отчет в том, что мое положение чужестранца не вяжется с проповедью национальной свободы.

Мне приходилось, кроме того, убеждать самого себя, что британское правительство полностью выполнит свои обещания. В особенности мне приходилось трудно, когда я уставал или заболел.

Я уже успел привыкнуть к тупым бедуинам, которые навязчиво приветствовали меня, называя Иа Оренсом, и без всяких церемоний выкладывали свои нужды. И сейчас меня бесили льстивые горожане Азрака, пресмыкающиеся и умоляющие, чтобы я их принял, величающие меня князем, беом, владыкой и освободителем.

Итак, я с яростью покинул их, решив поехать на юг и поглядеть, нельзя ли что-нибудь предпринять во время холодов возле Мертвого моря, которое неприятель охранял как барьер, отделяющий нас от Палестины.

Оставшиеся у меня деньги я отдал шерифу Али и поручил его заботам индусов. Мы дружески распростались друг с другом. Али отдал мне половину своего гардероба: рубашки, головные повязки, туники, пояса. Взамен я дал ему половину моего, и мы поцеловались, как библейские Давид с

Ионафаном **Error! Hyperlink reference not valid.** Затем с одним только Рахейлом я устремился на юг на двух лучших верблюдах.

Мы покинули Азрак вечером. У вади Батама нас окутала густая ночь. Дорога ухудшилась. Вся равнина была сырая, и наши бедные верблюды скользили, по очереди падая, и каждый раз мы падали с ними. К полуночи мы пересекли Гадаф. Трясина казалась слишком ужасной для дальнейшей езды.

Мы заснули там, где остановились, прямо в грязи. На рассвете мы встали, перепачканные ею, и весело улыбнулись друг другу. Дул пронзительный ветер, и почва начала подсыхать. Мы быстро приближались к белым вершинам гор Тлайтухват.

Поздно ночью, когда догорали последние костры у палаток, мы миновали Баир. Проехав дальше, мы увидели, что звезды отражаются, как в зеркале, в глубине долины, и смогли напоить наших верблюдов из лужи, оставшейся от вечернего дождя. Мы дали им передохнуть с полчаса. Ночные переходы были тягостны как для людей, так и для животных. Днем верблюды видели неровности пути и обходили их, всадник же мог раскачивать свое тело в такт с их шагом. Но ночью все окутывал мрак, и передвижение сопровождалось мучительными толчками.

У меня был тяжелый приступ лихорадки, вызвавший во мне злость. Я не обращал внимания на просьбы Рахейла об отдыхе. В течение долгих месяцев юноша приводил всех нас в бешенство, хвастаясь своей неистощимой силой и насмехаясь над нашей слабостью. На этот раз я решил без всякого снисхождения вымотать из него все силы. К рассвету он плакал от жалости к самому себе, горько, но беззвучно, чтобы я не услышал.

Рассвет в Джефере наступал незаметно, проникая через туман. Перед полуднем мы достигли лагеря Ауды и остановились, чтобы обменяться приветствиями и съесть несколько фиников из Джофы. Ауда не мог снабдить нас свежими верблюдами.

Мы опять сели в седло, чтобы рано ночью пересечь железную дорогу. Рахейл уже не протестовал.

Миновала ночь. Когда начало рассветать, я уловил впереди вход в ущелье Рамм. Обессилев, я забыл обо всем и заснул в седле. Вскоре Рахейл разбудил меня толчком, крикнув, что мы потеряли направление и движемся к турецким линиям у Аба-эль-Лиссана. Он был прав, и нам пришлось проделать длинный обратный путь, чтобы невредимо добраться до Батры.

Этот случай разрядил напряженность между нами, и мы, болтая, двинулись дальше. Там под тамариском мы проспали самый жаркий час дня. Акабы мы достигли в полночь и проспали вне лагеря до завтрака, после которого я отправился к Джойсу.

Вскоре пришел настоятельный приказ, чтобы я немедленно вылетел в Палестину. Капитан Кройль полетел со мной в Суэц. Оттуда я отправился в главную квартиру Алленби за Газой. Его победы были так велики **Error! Hyperlink reference not valid.**, что я мог ограничиться кратким сообщением о постигшем нас неуспехе при попытке взорвать Ярмукский мост, скрыв злосчастные подробности неудачи.

Когда я еще находился у него, пришло сообщение от генерала Четвуда о падении Иерусалима. Алленби готовился вступить в него с официальным церемониалом, который изобрело католическое воображение сэра Марка Сайкса.

Алленби был достаточно снисходителен, и, хотя я и не сделал ничего, что способствовало победе, он разрешил генералу Клейтону взять меня с собой на день в качестве штабного офицера. Офицеры его личного штаба переодели меня в свое запасное платье, и я стал похож на майора британской армии. В мундире я и участвовал в церемонии возле ворот Яффы, которая явилась для меня самым торжественным моментом войны.

Стыдясь триумфа – который являлся не столько триумфом, сколько данью со стороны Алленби господствующему в этой стране духу, – мы вернулись в главную квартиру.

Настал подходящий момент спросить у командующего, что он собирается делать. Алленби заявил, что войска устали и он останется в бездействии до середины февраля, когда двинется к Иерихону. Между тем множество шаланд перевозили по Мертвому морю провиант для неприятеля, и генерал попросил меня наметить ближайшей задачей борьбу с этими перевозками. Легче всего этого удалось бы достичь в случае занятия Тафиле, пункта, прикрывающего с юга все еще занятый турками район Мертвого моря.

Я, надеясь улучшить его план, возразил, что, если бы турок беспрестанно тревожили, мы могли бы присоединиться к нему у северного края Мертвого моря. Если Алленби обеспечит Фейсалу в Иерихоне ежедневное получение пятидесяти тонн припасов – провианта и боевого снаряжения, – то мы покинем Акабу и перенесем нашу главную квартиру в Иорданскую долину.

Алленби и генералу Доуни эта мысль понравилась, и мы пришли к соглашению. Арабы должны были как можно быстрее добраться до Мертвого моря, к середине февраля перерезать подвоз провианта к Иерихону и прибыть к Иордану до истечения марта.

По возвращении в Акабу мои личные дела поглотили остающиеся свободные дни. Так как шедшие обо мне слухи постепенно все увеличивали мое значение, то я был вынужден позаботиться о формировании отряда телохранителей. При нашей первой поездке по стране из Рабега и Янбу турки

только интересовались мной, но затем они серьезно встревожились, считая англичан направляющей и движущей силой арабского восстания, почти так же, как и мы утешали себя, приписывая силу турок германскому влиянию.

Однако турки повторяли это свое утверждение достаточно часто, чтобы уверовать в него, и начали предлагать награду в сто фунтов за каждого британского офицера, живого или мертвого. С течением времени они не только увеличили общую цифру, но и, в моем случае, сделали специальную прибавку. После захвата Акабы моя цена стала изрядной. Когда же мы взорвали поезд Джемалья-паши, турки поместили меня и Али во главе списка, оценив каждого из нас: живого – в двадцать тысяч фунтов, а мертвого – в десять тысяч.

Разумеется, предложение являлось пустой декларацией, и было сомнительно, чтобы они заплатили деньги, но некоторые предосторожности были необходимы. С этой целью я увеличил свой отряд, включив в него таких людей, свирепость и незаконность которых мешали им устроиться где-либо в ином месте.

Как-то днем, когда я спокойно читал в палатке Маршалла в Акабе (когда я прибывал в лагерь, я всегда останавливался у майора Маршалла), туда вошел, беззвучно ступая по песку, какой-то аджейль, небольшого роста, худой и мрачный, но на редкость пышно одетый. На его плече висела богатейшая седельная сумка, какой я никогда не видывал.

Почтительно поздоровавшись со мной, юноша бросил седельную сумку на мой ковер, сказав: «Твоя», – и так же внезапно исчез, как и появился. На следующий день он вернулся с таким же великолепным седлом для верблюда.

На третий день он пришел с пустыми руками в бедной рубашке и бросился ниц передо мной, говоря, что хотел бы вступить в мой отряд. Без его шелковых одежд у него был странный вид. Его безволосое лицо, изрытое оспой, могло принадлежать человеку любого возраста. Меж тем у него было гибкое тело юноши и в облике его читалась какая-то юношеская беспечность.

Его длинные черные волосы были тщательно заплетены в три блестящие пряди вдоль каждой щеки. Усталые глаза были полузакрыты. Чувственный влажный рот был открыт и придавал лицу игривое, почти циничное выражение. Я спросил его имя, он назвал себя Абдуллой по прозвищу эль-Нахаби, или Вор, – прозвище, которое, по его словам, он унаследовал от своего почтенного отца. Его приключения не приносили ему большой выгоды. Он родился в Борейде и в молодости за безбожие много претерпел от властей. Когда он был уже подростком, неудача в доме одной замужней женщины заставила его бежать из своего родного города и поступить на службу к Ибн Сауду, эмиру Неджда.**Error! Hyperlink reference not valid..**

И на этой службе богохульство привело его к плетям и тюрьме. Вследствие этого он бежал в Кувейт, где опять влюбился. По освобождении Абдулла перебрался в Хейль и поступил в свиту эмира Ибн Рашида.**Error! Hyperlink reference not valid..** К несчастью, здесь он до такой степени возненавидел своего начальника, что публично избил его хлыстом. Тот ответил ему тем же, и после краткого пребывания в тюрьме Абдулла опять оказался один на свете.

В это время строилась железная дорога в Хиджазе; в поисках счастья он пришел сюда на работу, но подрядчик однажды уменьшил ему жалованье за то, что он спал днем. Он ответил тем, что уменьшил подрядчика на голову. В это дело вмешалось турецкое правительство, и тюрьма в Медине показалась ему очень суровой. Через окно он бежал в Мекку и, благодаря своей испытанной честности и умению объезжать верблюдов, был назначен доставлять почту из Мекки в Джидду. На этой профессии он остепенился, отказавшись от своих юношеских проделок, перевел в Мекку мать и отца и открыл лавку, где они работали с капиталом, полученным им в виде комиссионных от торговцев и воров.

Это был идеальный слуга, и я немедленно нанял его. У меня на службе он только один раз попробовал одиночное заключение. Это произошло в Главном штабе Алленби, когда заведующий политической частью армии сообщил по телефону, что какой-то вооруженный, дикого вида человек, которого нашли сидящим у двери главнокомандующего, был без сопротивления привезен на гауптвахту. Там он заявил, что является одним из моих слуг.

Он подвергал испытанию желающих поступить ко мне на службу, и, благодаря ему и другому моему командиру, Зааги, вокруг меня образовалась кучка мастеров своего дела. Британцы в Акабе называли их головорезами, но они резали головы только по моему приказу.

Я платил моим людям по шесть фунтов в месяц. Столько же обычно платили в армии человеку с верблюдом, но я сам снабжал их животными. Таким образом, получаемые от меня деньги являлись чистым доходом, что делало их службу завидной.

Люди гордились тем, что состоят в моей охране. За полчаса они могли приготовиться к шестинедельному походу. Выполняя мою прихоть, они безостановочно шли ночью и днем. Не жаловаться на усталость стало вопросом их чести. Сражались же они как дьяволы.

Борьба за Тафиле

Мы ожидали в Гувейре известия об открытии наших действий против Тафиле, группы деревень,

господствующих над южным побережьем Мертвого моря. Мы замыслили напасть на них одновременно с запада, юга и востока, начав с востока атакой на Джурф, ближайшую станцию Хиджазской железной дороги. Руководство этой атакой было поручено шерифу Насиру-счастливчику. Он захватил с собой Нури Сайда, начальника штаба Джафара, во главе отряда вооруженных людей, одно орудие и несколько пулеметов. Они выступили из Джефера и через три дня добрались до цели.

Джурф являлся сильной станцией из трех каменных строений, окруженных окопами. Позади вокзала находился низкий вал, на котором турки разместили два пулемета и одно горное орудие. За валом лежал высокий, острый горный кряж – последние отроги гор, отделяющих Джефер от Баира.

Этот кряж являлся слабым местом обороны, ибо турки были слишком немногочисленны, чтобы одновременно защищать и его, и холм, и станцию.

Однажды ночью Насир занял всю вершину горы, не вызвав среди турок тревоги, и перерезал железнодорожное полотно ниже и выше станции. Спустя несколько минут, когда совсем рассвело, Нури Сайд подтащил орудие к ребру горного кряжа и тремя удачными выстрелами заставил замолчать турецкую пушку.

Насир пришел в большое возбуждение. Люди бени-сахр взобрались на своих верблюдов с клятвами, что немедленно бросятся в атаку. Нури считал ее безумием, пока в турецких окопах все еще действовали пулеметы. Но его слова не возымели на бедуинов никакого действия. В отчаянии он открыл трескучий огонь из орудия и всех пулеметов, а люди бени-сахр с быстротой молнии обогнули подножие главного кряжа и стремительно взобрались на холм. Когда турки увидели несущуюся на них орду верблюдов, они побросали винтовки и спаслись бегством в вокзал. Лишь два араба были ранены.

Нури побежал вниз с холма. Турецкое орудие не было повреждено. Он повернул его кругом и разрядил, прицелившись в билетную кассу. Толпа людей бенисахр завывала от восторга при виде разлетевшихся камней и балок. Они опять вскочили на верблюдов и ворвались на станцию, как раз когда враг сдался. Нам досталось в плен почти двести турок, включая семь офицеров.

После грабежа механики взорвали два паровоза, водонапорную башню, насос и разъезды. Они сожгли захваченные товарные вагоны и слегка повредили мост, ибо, как обычно после победы, все были нагружены добычей и слишком разгорячены, чтобы заниматься бескорыстной работой.

Погода внезапно вновь ухудшилась. Три дня подряд падал густой снег. Отряд Насира с трудом вернулся к своим палаткам в Джефере. Эта плоская возвышенность возле Маана лежала на высоте от трех до пяти тысяч футов над уровнем моря, доступная всем ветрам с севера и востока. Они дули из Центральной Азии или с Кавказа над огромной пустыней, яростно разбиваясь о низкие горы Эдома. Внизу, в Иудее и Синае, наступила суровая зима.

Вне Биршебы и Иерусалима англичане, мягко говоря, зябли. К несчастью, британское интендантство слишком поздно поняло, что мы воюем в местности, подобной Альпам. Оно не дало палаток даже для четверти наших войск, не дало ни теплой одежды, ни сапог, ни в достаточном количестве одеял. Наши солдаты, если они только не дезертировали и не умирали, существовали в ужасающих условиях.

В соответствии с нашим планом после получения благоприятных вестей из Джурфа арабы из Петры **Error! Hyperlink reference not valid.** под начальством шерифа Абд эль-Майина должны были немедленно выступить из гор в леса по направлению к Шобеку. Это был чудовищный поход сквозь густой туман. Лед и мороз валили с ног верблюдов и многих из людей, и все же эти выносливые горные жители, привыкшие к своим холодным зимам, настойчиво продвигались вперед.

Турки слышали о них, когда те, медленно пробиваясь, подошли уже совсем близко. Они обратились в бегство по боковой железнодорожной ветке, бросая в панике свои пожитки и снаряжение.

Однако особенно отличился Насир, прискакавший в один день из Джефера и после ночного смерча появившийся на рассвете на скалистом краю лощины, в которой скрывался Тафиле. Он обратился к неприятелю с призывом сдаться под страхом бомбардировки, что было пустой угрозой, так как Нури Сайд с орудиями уже вернулся в Гувейру.

В деревне находилось лишь сто восемьдесят турок, но их поддерживал земледельческий клан мухайсин, не столько из любви к туркам, сколько из-за того, что шейх Диаб, глава враждебного клана, объявил, что он выступает на стороне Фейсала. Они беспорядочно выпустили по Насиру тучу пуль.

Люди ховеитат рассеялись вдоль утесов, чтобы открыть ответный огонь. Старого льва Ауду взбесило, что продажные селяне осмелились сопротивляться своим владыкам абу-тайи. Он дернул поводья, пустив галопом свою кобылу вниз по тропе, и поскакал к восточным домам деревни. Там он остановился и, погрозив им рукой, проревел своим поразительным голосом:

– Собаки, разве вы не узнаете Ауду?

Когда те поняли, что перед ними неукротимый сын войны, у них не хватило духу сопротивляться, и час спустя шериф Насир прихлебывал чай со своим гостем, турецким управителем, пытаясь утешить его во внезапной перемене фортуны.

Фейсал передал командование походом на Мертвое море своему молодому сводному брату Зейду. Это было первым назначением Зейда в северном походе, и он пустился в путь, окрыленный

надеждой. В качестве советника его сопровождал наш полководец Джафар-паша. Из-за недостатка провианта пехота, артиллеристы и пулеметчики застряли в Петре, но сам Зейд и Джафар поскакали в Тафиле.

Зейд поблагодарил Ауду, расплатился с ним и отослал его обратно в пустыню.

Старшинам клана мухайсин пришлось стать невольными гостями в палатках Фейсала. Шейх Диаб, их враг, был нашим другом. Благодаря золоту, имевшемуся у Зейда в избытке, материальное положение улучшилось. Мы назначили правителя и готовили пять наших деревень для дальнейшей атаки.

Однако эти планы вскоре рухнули. Прежде чем они были согласованы, нас удивила внезапная попытка турок выбить отсюда арабов. Мы не ждали ничего подобного, так как казалось совершенно невозможным, что они надеялись захватить Тафиле. Алленби как раз находился в Иерусалиме, и для турок исход войны мог зависеть от успешной обороны Иордана, если только Иерихон не пал, или по крайней мере до тех пор, пока он не падет. Тафиле же являлся никому не известной деревней, не представлявшей никакого интереса, – причем мы не ценили обладание им. Для людей, ко всему относящихся столь критически, как турки, расточать силы на его обратный захват казалось чистейшим безумием.

Однако Гамид Фахри-паша, командующий 48-й турецкой дивизией и сектором Аммана, думал иначе или имел иные предписания. Он собрал около девятисот человек пехоты, разбив ее на три батальона (в январе 1918 года турецкий батальон являлся ничтожной силой), с сотней кавалерии, двумя горными гаубицами и двадцатью семью пулеметами, и послал этот отряд в Керак, местечко к западу от южной оконечности Мертвого моря. Оттуда он выступил в поход на юг, чтобы застигнуть нас врасплох.

Он действительно застиг нас врасплох. Мы впервые заметили его, когда конные турецкие разведчики напали на наши пикеты в вади Хеса, неприступном ущелье огромной ширины и глубины, отрезающем Керак от Тафиле, Моаб от Эдома **Error! Hyperlink reference not valid.** С наступлением сумерек враг оттеснил пикеты и двинулся против нас.

Джафар-паша еще раньше наметил оборонительную позицию на южном краю большой ложбины Тафиле, предполагая, если турки атакуют его, отдать им деревню и защищать высоты, которые нависали над нею. Это казалось мне вдвойне ошибочным. Склоны высот были голы, и оборона представляла здесь не меньшие трудности, чем нападение.

Однако этот план восторжествовал, и около полуночи Джафар отдал приказ готовиться к выступлению. Люди, способные носить оружие, отошли к южным склонам горы, в то время как обоз был послан в безопасное место по более удобной дороге. Передвижения подняли в городе панику. Крестьяне решили, что мы убегаем (я полагаю, что так оно и было), и ринулись спасать свое добро и жизнь.

Стоял свирепый мороз, и земля покрылась ледяной коркой. В бушующем мраке суматоха и крики, несшиеся вдоль узких улиц, казались ужасными. Население пребывало в страхе и трепете перед возвращением турок и готово было сделать все, что в его силах, для поддержки нашего сопротивления. Это вполне совпадало с моим страстным желанием задержаться там, где мы находились, и упорно сражаться.

Наконец я встретил шейха Хамд эль-Арау. Я попросил его поехать к северу от лоцины, где, судя по шуму, крестьяне сражались с турками, и сказать им, что мы идем на подмогу. Хамд, меланхолический, вежливый и отважный, немедленно ускакал галопом со своими двадцатью родичами – все, что он мог собрать в минуту тревоги.

Их стремительный проезд через улицу усугубил всеобщее смятение. Женщины бросали как попало утварь из дверей и окон, хотя ее никто и не подхватывал. Арабы, пронсясь галопом по улицам, пускали в воздух залп за залпом, чтобы воодушевить себя. Как бы в ответ вспышки неприятельских винтовок сделались видимыми, очерчивая края северных утесов на фоне предрассветного черного неба. Я поднялся на противоположные высоты, чтобы посоветоваться с шерифом Зейдом.

Зейд степенно сидел на скале, обшаривая местность биноклем в поисках неприятеля. По мере того как опасность усиливалась, Зейд становился более равнодушным и невозмутимым. Меня охватила неистовая злоба. Я был в безумной ярости. Никогда, по законам военной тактики, турки не осмелились бы вернуться в Тафиле. Это была просто жадность, поведение, недостойное серьезного противника, безнадежное предприятие, на которое были способны только турки. Как могли они рассчитывать на честную войну, если не давали нам возможности уважать их? Они постоянно оскорбляли наше нравственное чувство своими дикими выходками, и никогда наш солдат не мог уважать их смелость, а наши офицеры их ум. Притом утро было ледяное, я не спал всю ночь, и во мне было достаточно тевтонской крови **Error! Hyperlink reference not valid.**, чтобы решить, что турки заплатят мне за то, что заставили изменить свои планы.

Прежде всего я предложил, чтобы Абдулла эль-Далейми отправился вперед с двумя орудиями Гочкиса для разведки сил и расположения врага. Мы увидели, как Абдулла взбирается на вторую насыпь. Перестрелка на время сделалась сильнее, а затем затихла в отдалении. Его прибытие

воодушевило крестьян и арабов, напавших на турецкую кавалерию и прогнавших ее за первый кряж через равнину шириной в две мили и за следующий кряж, лежавший позади нее.

За последним находились главные силы турок. Они вступили в бой и сразу же остановили Абдулла. Мы слышали отдаленные раскаты пулеметного огня, перемежающиеся редким артиллерийским обстрелом. Наш слух рисовал картину случившегося, как если бы мы ее видели, а пришедшие вести были великолепны.

Я хотел, чтобы Зейд немедленно двинулся вперед, но он настаивал, что прежде мы должны дождаться точных сообщений от поехавшего в авангард Абдуллы. Чтобы подтолкнуть его к действиям, я сам отправился на разведку. Очень скоро я достиг вершины горного кряжа, с которого открывался вид на плоскогорье.

Этот последний прямой хребет, казалось, очень подходил для резервной или крайней линии обороны Тафиле. В ту же минуту я заметил людей из охраны Зейда, осторожно прятавшихся в какой-то впадине. Их было около двадцати человек. Чтобы заставить их выбраться оттуда, потребовались очень сильные выражения, но наконец я разместил их вдоль хребта в качестве резерва, приказав группировать там всех вновь приходящих, а в особенности моих людей с оружием.

Двинувшись на север к месту сражения, я столкнулся с Абдуллой, спешившим с вестями к Зейду. Он истощил свои боевые припасы, потерял пятерых человек от орудийного огня неприятеля и одну автоматическую пушку. Он полагал, что Зейд со всеми своими людьми должен вступить в битву. Мне нечего было добавить к его сообщению.

Абдулла дал мне время изучить поле предстоящей битвы. Крошечная равнина имела в поперечнике около двух миль. Ее ограничивали низкие зеленые кряжи в виде грубого треугольника. Здесь проходил путь к Кераку, спускающийся в долину Хеса.

Снаряды падали на равнину, когда я пересекал ее. Один из них упал возле меня, и я узнал его калибр по раскаленному колпачку. Сначала снаряды давали перелет и разрывались далеко позади нас, но постепенно враг менял прицел, и, когда я подходил к кряжу, его обильно осыпала шрапнель. Очевидно, турки каким-то образом вели наблюдение, и, оглянувшись, я увидел, что они карабкаются вдоль восточной стороны за расщелиной дороги на Керак. Они скоро окружили бы нас с фланга на западном кряже.

«Мы» – это было около шестидесяти человек, сгрудившихся за кряжем двумя группами – одна у основания, другая у вершины. Нижнюю составляли пешие крестьяне, истерзанные, несчастные. Они заявили мне, что их боевые припасы истощились и что все кончено. Я уверил их, что все лишь начинается, и, указав на мой многочисленный резерв, велел им спешно вернуться и наполнить патронные сумки. Мы прикрыли бы их отступление, продержавшись тут еще несколько минут.

Они убежали обрадованные, а я направился к верхней группе. Ею командовал юный шейх Метааб, который, для того чтобы было легче сражаться, снял с себя все и остался в одной набедренной повязке. Мое присутствие здесь в то время, как турки пробирались вперед, было крайне рискованным, и Метааб рассердился, когда я заявил, что хотел лишь изучить местность. Он считал мой поступок очень легкомысленным и провизжал что-то о христианах, слоняющихся невооруженными по полю битвы. Я колко возразил ему ссылкой на Клаузевица о том, что арьергард выполняет свое предназначение лишь своим присутствием, а не действиями, но он только рассмеялся, и, может быть, справедливо, так как низкий кремнистый вал, за которым мы укрывались, трещал под выстрелами. Турки, зная, что мы тут, обратили против него двадцать пулеметов. Вал был высотой в четыре фута, а длиной в пятьдесят, с обнаженными кремнистыми краями, от которых с оглушительным стуком отскакивали пули. В воздухе жужжали и свистели отлетающие рикошетом обломки. Выглянуть из-за вала казалось делом равносильным смерти. Очевидно, мы должны были поскорее убраться отсюда. Так как я не имел лошади, то отправился первым, получив обещание от Метааба, что он продержится еще десять минут.

От бега я согрелся и считал свои шаги, чтобы помочь взять верный прицел против турок, когда они вышибут нас отсюда. Для них это была единственная позиция, которая имела укрытие, но с юга она была слабо защищена. Теряя этот кряж, мы, возможно, выигрывали битву. Всадники продержались почти десять минут, а затем без всяких потерь ускакали галопом. Метааб подсадил меня на свое стремя, и мы не переводя дыхания добрались до людей аджейль. Как раз наступил полдень, и наш отряд получил передышку, чтобы спокойно обдумать положение.

Новый кряж имел около сорока футов в высоту и удобные для обороны очертания. Нас было восемьдесят человек, и все время подходили новые люди. Мои бойцы со своим оружием находились на месте. Затем прибыли еще два орудия, а за ними вторая сотня людей аджейль. Сражение превратилось в настоящий пикник, и нам удалось успокоить сомневавшихся в его исходе. Мы расставили автоматические орудия у ребра холма, приказав изредка, но не слишком часто, стрелять из них, чтоб понемногу тревожить турок.

Наступило затишье. Я прилег в защищенном от ветра месте, куда слегка проникало солнце, и блаженно поспал часок, в то время как турки заняли наш прежний кряж, рассеявшись по нему, как стая гусей, и с гусиной же мудростью. Наши люди оставили их в покое.

В середине дня прибыли Зейд с Мастуром, Расимом и Абдуллой. Они привели наш главный

отряд, состоявший из двадцати пехотинцев, посаженных на мулов, тридцати всадников, двухсот крестьян, пяти автоматических ружей, четырех пулеметов и горного орудия из египетской армии, уже участвовавшего в сражениях под Мединой, Петрой и Джурфом. Это было великолепно. Я проснулся, чтобы приветствовать их.

Турки заметили, что мы собрались толпой, и открыли пулеметный и шрапнельный огонь. Но они не смогли взять верного прицела и лишь нащупывали нас. Мы напомнили друг другу, что передвижение является законом стратегии, и начали перемещаться. Расим со всеми нашими восьмьюдесятью всадниками на различных животных выступил, чтобы обойти восточный кряж и окружить левое крыло неприятеля. Он взял с собой пять пулеметов.

Мы устроили парад, дабы враг не заметил их выступления. Неприятель вытащил наверх бесконечный ряд пулеметов и расставил их с равными промежутками вдоль кряжа, словно напоказ в музее. Их тактика казалась безумной. Каменистые высоты были лишены всякого прикрытия, достаточного даже для ящерицы. К тому же мы знали точное расстояние для прицела и заботливо наставили на турок наши виккерсовские орудия, благословляя их длинные мушки старого образца. Горное орудие мы приготовили к внезапному шрапнельному огню по неприятелю, который намеревались открыть, когда Расим приступит к действиям.

Пока мы ждали, возвестили о новом подкреплении в сто человек из Аймы. Накануне они повздорили с Зейдом из-за платы за участие в войне, но перед лицом опасности великодушно решили предать забвению старые счеты. Их прибытие привело нас к решению броситься в атаку на врага одновременно с трех сторон. Итак, мы послали новоприбывших из Аймы людей с тремя пулеметами, чтобы они обошли правый фланг неприятеля. Затем мы открыли огонь по туркам с нашей центральной позиции.

Те почувствовали, что их положение перестает быть благоприятным. Старый генерал Гамид Фахри-паша собрал свой штаб и велел всем взять по винтовке:

– Я уже сорок лет солдат, но никогда не видел, чтобы мятежники так сражались. Примкните к рядам...

Но было уже слишком поздно.

Расим ускорил нападение со своими пятью пулеметами. Невидимые туркам, они смяли их левый фланг. Люди из Аймы, которые знали каждую травинку на местности, являвшейся их собственными пастбищами, подкрались невредимо на расстояние триста ярдов от турецких пулеметов. Неприятель, сдерживаемый угрозой лобовой атаки, впервые заметил людей из Аймы, когда они внезапным залпом смели пулеметные команды и привели в смятение правый фланг.

Увидев это, мы двинули вперед людей на верблюдах. Ими предводительствовал Мухаммед эль-Газиб, управляющий хозяйством Зейда, в своих сверкающих, развеваемых ветром одеждах, держа над головой малиновое знамя племени аджейль. Наши слуги, артиллеристы и пулеметчики, широкой лавиной ринулись за ними.

Зейд хлопал подле меня в ладоши от радости при виде стройного порядка, с каким разворачивалось наступление в красных лучах заходившего солнца. С одной стороны кавалерия Расима сметала разбитый левый фланг в овраг позади кряжа. С другой – люди из Аймы безжалостно добивали беглецов. Центр неприятеля в беспорядке катился назад через расщелину, преследуемый нашими людьми – пешими, конными и на верблюдах.

Я вспомнил о глубинах ущелья Хеса, отрезающего путь на Керак, о его неровных тропах, стремнинах и бездонных оврагах, перерезающих дорогу. Предстояла кровопролитная резня, и я должен был почувствовать жалость к врагу. Но после всех тревожных битвы мой мозг слишком устал, чтобы я еще спустился вниз в это ужасное место и потерял ночь, спасая неприятеля.

Своим решением вступить в сражение я погубил двадцать или тридцать из наших шестисот людей, а раненых, возможно, было втрое больше. Это составляло одну шестую отряда повстанцев, погибшую ради сомнительного триумфа, ибо уничтожение тысячи жалких турок не влияло на исход войны.

В итоге мы захватили у неприятеля две горные гаубицы (системы «шкода», которые нам очень пригодились), двадцать семь пулеметов, двести лошадей и мулов, двести пятьдесят пленных. Говорили, что лишь пятьдесят истощенных беглецов вернулись к железной дороге, большая же их часть погибла во время отступления. Арабы, жившие на пути турок, восставали и убивали их исподтишка, когда те убегали. Наши же люди быстро отказались от преследования, так как были утомлены, измучены и голодны. **Error! Hyperlink reference not valid..**

Когда мы вернулись обратно, начал падать снег, и лишь очень поздно нам удалось, ценой последних усилий, собрать наших раненых. Турецкие же раненые остались на поле сражения и на следующий день все были мертвы.

Зима запирает нас

День за днем снег падал все гуще. Погода задерживала нас, и мы утратили всякую надежду, пока проходили однообразные дни. Мы должны были бы ринуться мимо Керака на Амман, гоня перед

собой напуганных слухами турок. Сейчас же все наши потери и усилия оказались напрасными.

Дважды я пытался исследовать заваленное снегом плоскогорье, на котором оказались заметены даже следы от трупов турок, но долго оставаться там было невозможно. Днем немного оттаивало, а ночью все вновь замерзло.

Моему отряду повезло больше, чем остальным, так как один из людей подыскал нам пустой недостроенный домик из двух хороших комнат, с двором при нем. Мои деньги доставили нам топливо и даже зерно для верблюдов, которых мы держали под прикрытием в одном из углов двора. Здесь Абдулла, любитель животных, мог чистить их скребницей, учить их отзываться на имя и брать из его рта куски хлеба. Однако это были тяжелые дни, так как при разжигании огня нас душили клубы зеленого дыма, окна же приходилось закрывать подобием ставен нашего собственного производства.

Сквозь глиняную крышу весь день протекала вода, а по ночам по каменному полу прыгали блохи. Нас было двадцать восемь человек в двух крошечных комнатухах, наполненных едким запахом человеческих испарений.

В моем походном мешке нашелся томик «Смерти Артура». Он умерял мое отвращение. У этих людей были только физические потребности, и их нравы грубели среди нищеты. Их дикость, в обычное время скрытая расстоянием, теперь колола мне глаза, а незаживающее раненое место в левом бедре зябло и вызывало мучительный озноб.

День ото дня, по мере того как наше состояние становилось более грубым и животным, росла и пропасть между нами.

Так тянулся январь 1918 года, пока не наступил не менее томительный февраль. Отношения между нами стали столь невыносимы, что я решил разделить отряд, а сам уехать на поиски денег, которые нам понадобились бы с наступлением ясной погоды. Зейд уже истратил первую часть суммы, назначенной для Тафиле и Мертвого моря, частью на жалованье, а частью на снабжение и награды победителям при Хесе. Где бы мы ни расположились фронтом, нам нужны были деньги для вербовки и оплаты новых сил. Лишь туземцы могли инстинктивно чувствовать ценность своей земли и отважно сражаться, защищая от врага очаги и поля **Error! Hyperlink reference not valid.**

Возможно, что Джойс уже выслал мне деньги, что было нелегко в данное время года. Необходимо было спуститься с гор мне самому, что казалось более приятным делом, чем дышать зловонием из-за общей скученности в Тафиле. Итак, пятеро из нас отправились в путь, воспользовавшись одним из дней, обещавших быть немного яснее, чем обычно.

После полудня погода опять омрачилась и с севера и востока начал ожесточенно дуть ветер, вызывая в нас сожаление, что мы находимся на голой равнине.

Когда мы вброд проходили быструю реку Шобек, пошел дождь с дикими порывами ветра. Мы безостановочно шли вперед и еще долго после захода солнца заставляли тащиться по долинам дрожащих, скользких и падающих верблюдов. Несмотря на все трудности, мы делали почти две мили в час.

У меня было намерение ехать всю ночь, но вблизи Одроха нас окутал туман. Перспективы местности, казалось, изменились: далекие холмы выглядели небольшими, а близкие бугры огромными. Мы слишком уклонились вправо.

Опять начался мороз, и липкие камни в долине обледенели. Двигаться дальше по неправильному пути в такую ночь являлось безумием. Мы отыскали большую скалу, под ее прикрытием поставили наших верблюдов плотной группой, хвостами к ветру. Если бы мы поставили их иначе, в ту ночь они могли бы пасть от холода. Мы приютились возле них, надеясь согреться и заснуть.

Я, по крайней мере, так и не согрелся и почти не спал. Лишь один раз мне удалось задремать, но, вздрогнув, я проснулся с ощущением, что чьи-то пальцы медленно гладят меня по лицу. Я уставился в ночную тьму. Снег падал большими мягкими хлопьями. Так продолжалось минуту или две, затем последовал дождь, а после него еще сильнее ударил мороз.

Когда наступил день, мы увидели, что нужная нам дорога лежала на четверть мили левее. Мы побрели по ней пешком. Верблюды слишком обессилели, и теперь настал наш черед скользить и падать на глинистой почве. Плащи раздувались от ветра, как паруса, и тянули нас назад. Наконец мы их скинули с себя – идти стало легче.

Поздним днем, покрыв десять миль, добрались мы до Аба-эль-Лиссана. Здесь мы опять сели на наших верблюдов и безостановочно ехали вперед, пока перед нами не предстало чудесное видение равнины Гувейра – теплой и уютной. Повеселевшие верблюды быстро доставили нас домой, в Гувейру.

Из Акабы для меня пришло тридцать тысяч фунтов золотом. Так как все мои люди находились в Тафиле или в Азраке, я попросил Фейсала дать временных провожатых. Он прислал мне двух своих всадников из племени атейба: Серджа и Рамейда. Чтобы помочь везти золото, он прибавил к отряду людей шейха Мотлога, проявившего свою доблесть, когда наши бронированные автомобили атаковали равнины ниже Мудоввары **Error! Hyperlink reference not valid.**

Золото было рассыпано по мешкам, в каждом – одна тысяча фунтов. Я дал по два мешка четырнадцати из двадцати человек Мотлога, а два остальных взял себе. Мешок весил двадцать два

фунта, и в ужасных дорожных условиях два мешка являлись достаточным грузом для верблюда. Мы выступили в путь в полдень, надеясь на легкий первый переход, прежде чем вступим на мучительные горные дороги. Но, к несчастью, через полчаса пошел дождь, промочивший нас насквозь.

Мотлог заметил чью-то палатку в закоулке у известняковой горной вершины. Несмотря на мое настойчивое требование поспешить, он заявил, что проведет в ней ночь, а завтра посмотрим, на что будут похожи горы. Я понимал, что нерешительность приведет к роковой потере времени, поэтому простился с ним и поехал дальше со своими двумя людьми и шестью из племени ховеитат, направляющимися в Шобек и примкнувшими к нашему каравану.

Спор задержал нас, и из-за него к наступлению темноты мы добрались лишь до начала ущелья. Печальный мелкий дождь заставил нас пожалеть о безрассудной доблести и вселил зависть к Мотлогу, пользующемуся сейчас чьим-то гостеприимством. Внезапно нас привлекла красная вспышка слева, и мы, двинувшись по направлению к ней, нашли шейха Салеха Ибн Шефия, расположившегося там лагерем в палатке и в трех пещерах с сотней своих вольноотпущенников из Янбу.

Он пригласил меня, несмотря на то что я промок до нитки, к своему ковру в палатку и дал новую одежду. Насытившись, мы улеглись и безмятежно проспали всю ночь, слыша, как дождь барабанит по двойному холсту. Мы встали с рассветом и поднялись на высокую гряду. На всех вершинах были белые купола снега.

Когда мы вышли из-за последнего кряжа, прямо в лицо нам подул северо-восточный ветер, такой холодный и пронизывающий, что у нас перехватило дыхание и мы поспешно вернулись под прикрытие. Казалось, что ветер окажется для нас роковым, но мы сбились в кучу и с трудом двигались сквозь него через прикрытые высотами долины.

Сердж и Рамейд были испуганы болью в легких, и им казалось, что они задыхаются. Чтобы избавить их от морального страдания при прохождении через дружественный лагерь, я провел наш маленький отряд за холмом, где расположился Мавлюд.

В этом месте, на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря, находился отряд Мавлюда и стоял уже в течение двух месяцев без помощи. Бойцы были вынуждены жить в неглубоких окопах у холма. У них не было другого топлива, кроме чахлой сухой полыни, на которой они через день пекли хлеб. Они не имели другой одежды, кроме летнего облачения цвета хаки, по образцу британской формы. Они спали в ямах, полных паразитов, на пустых или полупустых мешках от муки, свившись клубком в шесть или восемь человек, чтобы на всех хватило поношенных одеял.

Почти половина из них погибла или заболела от холода и сырости, остальные же остались на посту, ежедневно обмениваясь выстрелами с турецкими форпостами, и только непогода спасала их от сокрушительной контратаки. Мы многим были обязаны им, еще более Мавлюду, который своим мужеством укреплял в них сознание долга.

Весь наш день был полон трудностей. Почва горного кряжа у Аба-эль-Лиссана покрылась коркой от мороза, по ней уже можно было двигаться, зато нам мешал жгучий ветер, слепивший глаза. Но затем опять начались наши мучения. Верблюды вышли к подножию вала из скользкой глины высотой двадцать футов и беспомощно заревели, словно желая сказать, что они не смогут втащить нас вверх. Мы соскочили, чтобы помочь им, но сами почти так же соскальзывали обратно. Наконец мы сбросили наши новые сапоги и босиком втащили верблюдов вверх по склону.

До захода солнца нам пришлось спешиться не менее двадцати раз. Дождя, однако, не было, и мы непоколебимо продолжали двигаться на север. К вечеру перед нами открылась речушка Васта; это означало, что мы делали более мили в час. Из опасений, что завтра и мы, и наши верблюды окажемся слишком измучены, чтобы передвигаться с такой же скоростью, я во мраке двинулся через ручей. Он казался вздувшимся, и животные топтались на месте, опасаясь воды. Нам пришлось спешиться и вброд переходить поток ледяной воды глубиной три фута.

На высоком берегу ветер оглушил нас, словно ударив кулаком. Около девяти часов вечера мои спутники бросились с криками на землю и отказались идти дальше. Мы выстроили девять наших верблюдов тесным рядом и разлеглись между ними с полным комфортом. У каждого из нас было по два армейских одеяла и по пакету с хлебом. Таким образом, мы могли беззаботно спать в грязи и холоде.

На рассвете мы, освеженные, двинулись вперед. Погода смягчилась, но все вокруг стало серым, и в бесцветной мгле неясно маячили покрытые угрюмой полынью горы. В туманных долинах тающий снег образовал ленивые потоки, и наконец опять начали падать густые мокрые хлопья. В полдень, казавшийся сумерками, мы достигли заброшенных развалин Одроха.

Я хотел взять вправо, чтобы избежать до Шобека встречи с бедуинами, но люди ховеитат повели нас прямо к их лагерю. Они были истощены, так как за семь последних часов мы проехали шесть миль. Двое моих людей атейба были не только измучены, но и деморализованы. Взбунтовавшись, они поклялись, что ничто на свете не сможет заставить их отказаться от гостеприимства племени ховеитат.

Лично я чувствовал себя достаточно свежим и бодрым, и ненужная задержка раздражала меня. То, что Зейд сидел совершенно без денег, являлось для меня великолепным предложением, чтобы

поехать вперед одному. Это было вполне безопасно, ибо в такую погоду ни один турок или араб не высовывал носа наружу и дороги были в моем безраздельном распоряжении. Я забрал у Серджа и Рамейда их четыре тысячи фунтов, обозвал их трусами, какими они в действительности не были, отпустил и уехал.

На заходе солнца снег перестал падать. Мы шли вдоль реки и увидели бурую колею, идущую по противоположному холму по направлению к деревне. Я хотел пересечь ее, но меня ввела в заблуждение тонкая корка, которой подернулись лужи, и я провалился под лед (который резал, как нож) и так глубоко завяз, что стал опасаться, что мне придется провести всю ночь, погрузившись до пояса в мерзлую грязь, или, пожалуй, и совсем не вылезти из нее, что означало медленную смерть.

Водейха, эта понятливая верблюдица, отказалась идти в болото и, стоя в недоумении на твердой полосе, спокойно смотрела на мой полет в грязь. Но я при помощи уздечки, которую все еще держал в руках, старался заставить ее подойти поближе. Затем сразу откинулся назад в хрустящую трясину и, отчаянно цепляясь руками, схватил ее за шерсть лодыжек. Она испугалась, отпрянула назад и этим движением вытащила меня. Мы с ней отползли дальше по руслу на безопасное место и перешли там, после того как я с опаской сел в воду и смыл налипшие комья зловонной тины.

Дрожа, я снова стал подыматься. Мы дошли до пригорка и спустились к основанию правильного конуса, вершина которого, словно увеличенная стеной старого замка Монреаль **Error! Hyperlink reference not valid.**, величественно выделялась на ночном небе. Морозило, и почва была твердой; сугробы снега высотой в один фут лежали по обеим сторонам тропинки, идущей зигзагами по холму. Сверкающий лед отчаянно хрустел под моими голыми ногами, когда мы подошли к воротам, и я для достойного вступления взгромоздился на спину терпеливой Водейхи. Мне пришлось немедленно раскаться в этом, так как только благодаря тому, что я пригнулся к ее шее, мне удалось избежать удара о каменный свод замковых ворот, когда верблюдица рванулась, перепуганная этим странным местом.

Я знал, что шериф Абд эль-Майин должен еще находиться в Шобеке, и уверенно проехал вдоль безмолвной улицы, озаренной светом звезд. На перекрестке меня кто-то окликнул хриплым голосом. Я спросил, где находится Абд эль-Майин, и мне ответили, что в доме управителя.

Подъехав туда, я издал громкий крик. Дверь распахнулась, и в клубах повалившегося оттуда дыма появились темные лица, разглядывавшие меня. Я дружески поздоровался с ними, говоря, что приехал, дабы съесть барана с хозяином. Один из рабов осветил мне каменные ступени, ведущие к входным дверям, и повел между множества слуг по извилистому коридору, заливаемому водой через худую крышу, в крошечную комнату. Там на ковре возлежал Абд эль-Майин. У меня дрожали ноги, и я опустился возле него. Пока я стягивал с себя вещи и развешивал их сушиться перед огнем, он отыскал мне плащ. Затем Абд эль-Майин хлопнул в ладоши, чтобы поскорее подали ужин.

Он объяснил мне, что с ним тут двести людей и у него совершенно нет ни провианта, ни денег, а посланные им к Фейсалу гонцы застряли в снегах. На это я, также хлопнув в ладоши, приказал принести мои седельные мешки и поднес ему в подарок пятьсот фунтов до получения им денежной помощи. Спустя час он удалился, я же завернулся в ковры и крепко заснул.

Утром я встал с раскалывающей череп головной болью и заявил, что должен ехать дальше. Двое людей должны были отправиться со мной, хотя все говорили, что нам не удастся добраться до Тафиле в тот же день.

Однако я считал, что погода не может быть хуже, чем вчера; и мы осторожно скатились по тропинке в равнину, через которую тянулась римская дорога с упавшими верстовыми столбами, носившими надписи славных императоров.

Два сопровождавших меня труса убежали к своим товарищам на дворцовый холм. Я продолжал продвигаться, то слезая, то опять садясь на верблюда, так же как и накануне, хотя в этот день дорога была еще более скользкой. Пошел дождь и вымочил меня, а потом подул сильный холодный ветер, обледеняя мою мокрую одежду.

Мне стоило колоссальных усилий сделать три первых поворота. Водейха, которой надоело бродить по костлявым коленам в совершенно бесполезной белой массе, начала заметно ослабевать. Все же она прошла еще несколько шагов, как будто только для того, чтобы поскользнуться на краю тропинки. Мы оба упали с высоты восемнадцати футов и ушли на один ярд в сугроб мерзлого снега. После падения она встала на ноги и стояла тихо, вся дрожа.

Если бы на ее месте был верблюд, он умер бы через очень короткое время, и я боялся, что такого падения не выдержит даже верблюдица. Я завяз в сугробе по шею, тщательно стараясь вытащить Водейху. Затем я потратил немало времени, подталкивая ее сзади. Я поднимался, а она опускалась. Я подпрыгивал, тащил ее и опасался, что снег будет слишком плотен. Так я протоптал ей отличную маленькую дорогу шириной один фут, глубиной три фута и длиной восемнадцать шагов, действуя голыми руками и ногами. Поверхность снега так заледенела, что только вся тяжесть моего тела могла пробить его. Корка была до того остра, что кисти моих рук и щиколотки оказались изрезаны в кровь, которая окрасила снежную дорогу бледно-розовыми кристаллами.

Затем я вернулся к Водейхе, которая терпеливо ждала меня, и стал осторожно продвигаться, ведя животное на поводу, нащупывая палкой тропу или прокладывая новую, когда снежные наносы

были слишком глубоки. В три часа я добрался до вершины, которую ветер очистил с западной стороны от снега. Тут мы с Водейхой покинули дорогу и, шатаясь, побрели вдоль неровного края кряжа. Когда он окончился, опять начались наши мытарства.

Мой выбившийся из сил верблюд вдруг остановился. Дело становилось серьезным, так как уже вечерело. Внезапно меня охватило сознание одиночества и того, что, если ночь захватит нас на вершине горы, где никто не сможет прийти нам на подмогу, верблюд падет. Кроме того, со мной был солидный груз золота, и я не был уверен, безопасно ли даже в пустынной Аравии оставить на дороге шесть тысяч соверенов на целую ночь.

Мне удалось стащить верблюда на другой склон горы, скрытый от ветра и весь день освещаемый лучами солнца. Под тающим снегом лежала мокрая глинистая почва. Почувствовав ее под своими ногами, мое бедное животное, дико бросаясь в стороны и скользя, помчалось со скоростью десять миль в час по грязной дороге по направлению к Решидийе. Я уцепился за седло, в ужасе ожидая падения, при котором я мог легко свернуть себе шею.

Толпа арабов, людей Зейда, задержанных погодой на своем пути к Фейсалу, выбежала вперед, услышав наше шумное приближение, и радостными криками приветствовала такое замечательное вступление в деревню. Я спросил у них о новостях. Они рассказали мне, что все обстоит благополучно. Я опять сел в седло и, покрыв последние восемь миль, добрался до Тафиле, где отдал Зейду письма и деньги и радостно лег в постель... вторую ночь отдыхая от блох.

Осада Маана

Зейда все еще задерживала погода, что очень раздражало меня. Но случайное обстоятельство принудило меня покинуть его и вернуться в Палестину для неотложного совещания с Алленби. Тот рассказал мне, что военный кабинет настоятельно требует, чтобы он вызволил Западный фронт, попавший в положение, напоминающее шахматный пат **Error! Hyperlink reference not valid.** Ему надлежало, по крайней мере, взять как можно быстрее Дамаск и, если возможно, Алеппо. Турцию надо было раз и навсегда исключить из числа воюющих держав. Затруднением для Алленби был его правый, восточный фланг, который на сегодняшний день замер у Иордана. Он пригласил меня, чтобы обсудить, не могут ли арабы освободить его от этого груза.

Я указал, что план иорданской операции является чисто британской точкой зрения. Алленби согласился со мной и спросил, не можем ли мы все-таки его выполнить.

Я сказал:

– Не сейчас. Прежде мы должны покончить с новыми факторами.

Первым из них являлся Маан. Прежде всего мы должны были овладеть им. Если бы усиленные транспортные средства придали большую подвижность частям арабской регулярной армии, они могли бы занять позицию в нескольких милях на север от Маана и надолго перерезать железную дорогу, вынудив тем самым гарнизон последнего выступить и начать с ними сражение, а в поле арабы легко нанесли бы поражение туркам. Нам потребовалось бы семьсот вьючных верблюдов, много пушек и пулеметов и, наконец, уверенность в том, что, пока мы заняты Мааном, мы не подвергнемся фланговой атаке со стороны Аммана.

Основываясь на этом, выработали новый план. Алленби отдал приказ двум частям верблюжьего транспортного корпуса, составленного из египтян под начальством британских офицеров и проявившего большие успехи в биршебской кампании, выступить к Акабе. Это был большой дар, ибо нагрузочная способность их верблюдов обеспечила бы нам возможность продвинуть все четыре тысячи регулярных войск на восемьдесят миль от их базы. Нам также обещали орудия и пулеметы. Что же касается защиты против нападения со стороны Аммана, то Алленби сказал, что ее легко наладить. Он намеревался, для обеспечения собственного фланга, вскоре захватить за Иорданом район Салта и удерживать его силами одной индийской бригады.

Корпусное совещание состоялось на следующий день. На нем было решено, что арабская армия немедленно двинется к Маанскому плоскогорью, а британская пересечет Иордан, овладеет Салтом и уничтожит огромный туннель и железную дорогу на возможно большем протяжении к югу от Аммана. Шли споры о том, какое участие в британских операциях примут амманские арабы. Генерал Боле полагал, что они должны присоединиться при наступлении. Я возражал ему, так как позднейшее отступление к Салту породило бы среди арабов разочарование и было бы удобнее не приступать к действиям, пока наступление англичан не завершится.

Генерал Четвуд, который должен был руководить наступлением, спросил, как смогут его люди при их преубеждении против всех, кто носит арабскую одежду, отличить дружественных арабов от враждебных. Я сидел между ними в таком же одеянии и, естественно, ответил, что те, кто носит арабскую одежду, в свою очередь, неприязненно относятся к людям в мундирах. Мой ответ был встречен смехом, и мы пришли к соглашению, что поддержим англичан в удержании Салта лишь после того, как они там обоснуются. Сейчас же после падения Маана арабские регулярные части двинутся дальше и получают приказы из Иерихона. Их будут сопровождать семьсот верблюдов, благодаря которым они смогут действовать в радиусе восьмидесяти миль, что вполне позволит им

принять участие в главной атаке Алленби по линии выше Аммана от Средиземного моря до Мертвого. Это составит вторую фазу операции, направленную на захват Дамаска.

Я поручился за горячее содействие Фейсала всем деталям этого плана.

Как только совещание закончилось, я спешно вылетел в Акабу, чтобы посвятить во все Фейсала. Я сообщил добрую весть, что Алленби, в благодарность за нашу деятельность у Мертвого моря и Аба-эль-Лиссана, предоставил в мое полное распоряжение триста тысяч фунтов и дал нам обоз из семисот вьючных верблюдов с персоналом и снаряжением.

По всей армии поднялась великая радость, так как обозный парк дал бы нам возможность доказать боевые качества регулярных арабских войск, над обучением и организацией которых долгие месяцы работали Джойс, Джафар и множество арабских и британских офицеров. Мы начерно набросали расписание и план действий, и затем, не теряя времени, я отплыл на судне обратно в Египет.

В Каире, где я провел четыре дня, наши дела сейчас уже не зависели от слепого случая. Сочувствие Алленби создало нам целый штаб. У нас были офицеры, ведавшие снабжением, эксперт по морским перевозкам, артиллерийский эксперт, разведывательный отдел под начальством полковника Алана Доуни (брата создателя биршебского плана, уже уехавшего во Францию).

Доуни являлся самым ценным из даров Алленби – более ценным, чем тысячи обозных верблюдов. Как офицер-профессионал, он обладал цеховым чутьем. Его разум отличался большой сметливостью, инстинктивно чувствуя особые преимущества восстания. Он сочетал в себе идеи регулярной войны и восстания, то есть то, что я некогда в Янбу мечтал найти в каждом офицере. И лишь Доуни преуспел в этом после трехлетнего опыта.

Раньше арабское движение развивалось как восстание дикарей, обладающее столь же незначительными средствами, как незначительны были его цели и перспективы. Отныне Алленби считал его значительной частью своего плана.

Мы с Джойсом начертили план поддержки первого удара Алленби. В нашем центре арабские регулярные войска под начальством Джафара атакуют Маан. Джойс с бронированными автомобилями проскользнет к Мудовваре и разрушит железную дорогу – на этот раз окончательно, ибо сейчас мы были готовы отрезать Медину. Мирзук же поедет со мной на север, чтобы осуществить соединение с британскими силами.

3 апреля 1918 года, после отъезда Джойса и Доуни, я выступил с Мирзуком из Аба-эль-Лиссана. С нами отправились две тысячи сирханских верблюдов с грузом боеприпасов и провианта. Из-за обоза мы продвигались медленно и достигли железной дороги при наступлении темноты. Несколько человек ускакало вперед, чтобы обследовать линию при дневном свете и увериться в том, что ничто не нарушит спокойствия во время многочасового перехода через нее растянувшихся колонн верблюдов.

Перед заходом солнца мы увидели железнодорожное полотно, бегущее широким изгибом по открытой местности между низкими зарослями кустарника и травы.

Когда я въезжал на насыпь, из-за длинной тени водостока налево от меня показался турецкий солдат, без сомнения проспавший там целый день. Он дико взглянул на меня и на револьвер в моей руке, а затем печально посмотрел на свою винтовку, валявшуюся вдали. Это был молодой крепкий человек угрюмого вида. Я пристально поглядел на него и мягко сказал:

– Бог милостив!

Он понял смысл арабской фразы и вскинул на меня сверкнувшие глаза. Хмурое выражение его заспанного лица начало медленно расплываться от недоверчивой радости.

Однако он не произнес ни слова. Я стиснул ногами волосатые бока моего верблюда, он мерным шагом пересек рельсы и спустился по склону, но юный турок и не подумал стрелять мне в спину, когда я отъезжал от него. На безопасном расстоянии я оглянулся. Он приложил большой палец к носу и помахал мне рукой.

Мы разожгли костер как сигнальный огонь для остальных и ждали, пока мимо проходили темные ряды верблюдов.

На следующий день мы выступили к вади Эль-Джинз, где заночевали. Заал подстрелил дрофу, и мы устроили пир. Верблюды тоже пировали, бродя по колено в сочной траве, возвращенной щедротами весны.

Четвертый, столь же легкий переход привел нас к нашей цели – к Атаре, где стояли лагерем союзники – шейхи Мифлех, Фахад и Адуб. Фахад еще не оправился от раны, но Мифлех вышел приветствовать нас медоточивыми словами. Его лицо выражало алчность, и он тяжело дышал, снедаемый ею.

Наш план, благодаря львиной доле участия в нем Алленби, обещал легко осуществиться. Мы, закончив приготовления, пересекли железнодорожное полотно по пути к Темеду, главному месту водоснабжения племени бени-сахр. Оттуда под прикрытием их кавалерии мы должны были двинуться на Мадебу и основать в ней нашу штаб-квартиру, в то время как Алленби приводил в порядок дорогу Иерихон – Салт, – нам следовало соединиться с британскими силами, не производя ни единого выстрела.

Наконец пришло известие, что англичане взяли Амман. Через полчаса мы выступили в Темед через покинутую линию.

Следующее сообщение гласило, что англичане отступают, и, хотя мы и раньше предупреждали арабов о возможности этого, они пришли в уныние.

Третий гонец донес, что англичане только что бежали из-под Салта. Это полностью противоречило намерениям Алленби, и я поклялся, что это неправда.

В эту минуту галопом подскочил какой-то всадник и рассказал, что англичане лишь взорвали небольшой участок железной дороги к югу от Аммана после двухдневного тщетного штурма. Эти слухи меня серьезно встревожили, и я послал Адуба в Салт с письмом к генералу Четвуду, прося у него сведений о действительном положении.

Очень поздно ночью в долине раздался стук копыт скачущего коня Адуба, и через несколько минут последний рассказал нам, что Джемаль-паша победоносно вступил в Салт, перевешав всех местных арабов, которые приветствовали англичан. Турки еще гонят Алленби вдоль Иорданской долины, теша себя надеждой вернуть Иерусалим. Дела обстояли очень плохо **Error! Hyperlink reference not valid.**

Эта превратность судьбы, неожиданно случившись, глубоко огорчила меня. План Алленби казался скромным, и тем более прискорбным являлось то, что мы так уронили себя в глазах арабов. Ведь они никогда не верили, что мы осуществим все то великое, что я обещал.

Я решил отдать приказ индусам вернуться из Азрака к Фейсалу **Error! Hyperlink reference not valid.** Мы выступили в путь на рассвете и утром же вблизи вади Эль-Джинз встретили индусов, сделавших привал у одиноко растущего дерева. Лишь в сумерках мы пересекли железную дорогу.

Я покинул индусов, так как быстрое движение могло успокоить меня и рассеять охватившую тревогу. Мы неслись вперед в холодном мраке, направляясь к Одроху. Достигнув его вершины, мы заметили слева от себя огни. Яркие вспышки следовали одна за другой где-то в окрестностях Джердуна. Мы натянули поводья и услышали глухой гул взрывов. Появилось огромное зарево и, все разгораясь, разделилось надвое. Может быть, это горел вокзал. Мы поскакали, чтобы узнать у шерифа Мастура причину происходящего.

Однако его стоянка оказалась покинутой, и по ней лишь бродил одинокий шакал. Я решил поспешить к Фейсалу. Мы стремглав пустились рысью.

Приблизившись, мы услышали стрельбу впереди себя на Семне, постепенно поднимающемся валу, прикрывающем Маан. Отряды наших войск осторожно взбирались по его склону и останавливались у вершины. Очевидно, они уже взяли Семну. Мы продвинулись вперед, на новую позицию. На ее ровном склоне нам встретился верблюд с притороченными к нему носилками. Ведущий животное человек сказал:

– Мавлюд-паша, – и указал на свою ношу.

Я подбежал с криком:

– Неужели Мавлюд ранен?

Мавлюд-паша эль-Мухлюс являлся одним из лучших офицеров армии, а также преданнейшим нам человеком.

Он ответил слабым голосом из носилок:

– Да, Лоуренс-бей, действительно, я ранен, но, благодарение Богу, несерьезно. Мы взяли Семну.

Я сказал, что направляюсь туда. Мавлюд, почти лишившийся способности видеть и говорить (снаряд перебил ему берцовую кость выше колена), в лихорадке нагнулся над краем носилок, указывая на ряд пунктов для организации обороны горы.

Когда мы прибыли туда, турки начали засыпать местность снарядами. Вместо Мавлюда командовал Нури Сайд, спокойно стоявший на вершине горы.

Я спросил, где находится Джафар. Нури ответил, что в полночь он должен был атаковать Джердун. Я рассказал ему о ночных вспышках, которые, должно быть, обозначали успех Джафара. Пока мы радовались, прибыли гонцы с донесением о захвате пленных и пулеметов, а также об уничтожении вокзала и трех тысяч рельсов. Такая блестящая удача на многие недели укрепила Северный фронт.

Затем Нури рассказал мне, что накануне на рассвете он кинулся на станцию Гадир-эль-Хадж и разрушил ее, а также пять мостов и тысячу рельсов. Таким образом, и Южный фронт был укреплен.

Поздно днем наступило мертвое затишье. Обе стороны прекратили свою бесцельную бомбардировку. Говорили, что Фейсал двинулся на Ухейду.

Мы пересекли маленькую разлившуюся речку возле временного госпиталя, где лежал Мавлюд. Махмуд, рыжебородый смелый врач, считал, что обойдется без ампутации. Фейсал находился на вершине горы, на самом краю ее, чернея в лучах солнца. Я опустил перед ним своего верблюда на колени.

Фейсал протянул ко мне руки и воскликнул:

– Во имя Бога, хороши ли вести?

Я ответил:

– Хвала Богу, дающему нам победу.

Он затащил меня в свою палатку, чтобы мы могли обменяться информацией. Фейсал слышал от полковника Алана Доуни о британской неудаче под Амманом больше, чем я. Он рассказал мне о вызванном скверной погодой замешательстве и о том, как Алленби телефонировал генералу Ши, сопровождавшему Четвуда, и принял одно из своих молниеносных решений, чтобы положить конец потерям. Мудрое решение, хотя оно глубоко нас уязвило. Полковник Джойс находился в госпитале, но быстро поправлялся, а Доуни стоял в Гувейре, готовый выступить на Мудоввару со всеми бронированными автомобилями.

Фейсал спросил меня о Семне и Джафаре, и я рассказал ему все, что знал, сообщив мнение Нури о дальнейших перспективах. Нури жаловался мне, что люди абу-тайи в течение всего дня ничего для него не сделали. Ауда отрицал это, и я напомнил ему историю нашего первого захвата плоскогорья, а также то, как я едко высмеивал их за нападение на Аба-эль-Лиссан. Мой рассказ оказался для Фейсала новостью. То, что я помянул старое, глубоко оскорбило старого Ауду. Он запальчиво поклялся, что сегодня старался изо всех сил, но условия не благоприятствовали его племени. Видя, что я не верю его словам, он резко вышел из палатки.

Я провел следующие дни в наблюдении за операциями. Люди абу-тайи захватили два аванпоста к востоку от станции, а шейх Салех Ибн Шефия взял бруствер с одним пулеметом и двадцатью пленными. Эти выигранные схватки позволили нам беспрепятственно окружить Маан, и на третий день Джафар собрал всю артиллерию на южном крыже, а Нури Сайд повел отряд на штурм железнодорожной станции. Но когда он добрался до нее, его прикрытие из французских орудий прекратило стрельбу. Мы блуждали на фордовском автомобиле, стараясь не отставать от движущегося вперед отряда, как вдруг нас встретил Нури, в полном облачении и перчатках, покуривавший свою трубку. Он послал нас обратно к начальнику артиллерии капитану Пизани **Error! Hyperlink reference not valid.** с настоятельной просьбой о помощи.

Мы нашли Пизани в отчаянии, так как все снаряды уже вышли. Он сказал, что умолял Нури не предпринимать атаки в такой момент, когда у него истощились запасы.

Нам ничего не оставалось, как слушать залпы, которыми осыпали наших людей из железнодорожной станции. Дорогу устилали скорчившиеся фигуры в хаки, и глаза раненых, блестящие от страданий, пристально следили за нами, словно обвиняя нас во всем. Их изувеченные тела содрогались.

Мы все видели и понимали, но все казалось нам беззвучным: сознание нашей неудачи отняло у нас слух.

Впоследствии мы признавались, что никогда не ожидали такой отваги от нашей пехоты, бодро сражавшейся под пулеметным огнем и умело использовавшей каждое укрытие. Они так мало нуждались в руководстве, что погибли лишь три офицера. Маан доказал мне, что арабы достаточно решительны и без понуканий англичан. Таким образом, наше поражение оказалось ненапряжным, облегчив нам составление дальнейших планов.

Наутро 18 апреля Джафар благоразумно решил, что он не может допустить дальнейших потерь, и отступил к позициям у Семны. Будучи старым школьным товарищем турецкого командира, он послал ему с парламентаром письмо, предлагая сдаться. Ответ гласил, что тот согласился бы, если бы не имел приказа сопротивляться до последнего патрона. Джафар предложил временную приостановку военных действий. Но турки не давали ответа, пока Джемаль-паша не подтянул войска от Аммана, отбил Джердун и переправил обоз с провиантом и боевыми припасами в осажденный город.

Однако железная дорога бездействовала еще в течение долгих недель.

Доуни атакует Тель-Шахм

Я немедленно сел в автомобиль, чтобы присоединиться к Доуни. Я беспокоился, как он проведет первую битву в условиях партизанской войны с таким чрезвычайно сложным видом оружия, каким является бронированная машина. Доуни не знал арабского языка, так же как капитан Пик и доктор Маршалл. Его войска состояли вперемешку из англичан, египтян и бедуинов. Итак, после полуночи я въехал в его лагерь над Тель-Шахмом и деликатно предложил ему свои услуги в качестве переводчика.

К счастью, он приветливо меня встретил и повел вдоль линии фронта. Мне открылось удивительное зрелище.

Автомобили были расставлены и огорожены в одном месте, броневики – в другом. Снаружи стояли часовые и пикеты с пулеметами наготове. Даже арабы занимали тактическую позицию позади горы, находясь в резерве, но оставаясь невидимыми и неслышимыми. Каким-то колдовством шериф Газаа и сам Доуни удерживали их там. У меня чесался язык сказать, что единственное, чего недостает, – это врага.

Когда в беседе Доуни развернул свой план, мое восхищение усилилось. Он уже приготовил оперативные приказы, точно установив начальные моменты бомбардировок и последовательность

передвижений.

Каждая часть армии получила определенное назначение. Мы атакуем «открытый пост» на заре (броневики), используя выгодное местоположение холма. Автомобили с закрытыми глушителями захватят вокзал до наступления дня и займут окопы. Затем тендеры 1 и 3 взорвут мосты, обозначенные на оперативном плане А и В при начальном моменте действия в 1 ч. 30 м., в то время как автомобили двинутся на «пост у скал» и при поддержке шерифа Газаа и арабов внезапным штурмом возьмут его (начальный момент действий 2 ч. 15 м.).

Капитан Горнби двинется за ними со взрывчатыми веществами в «талъботах» № 40 531 и 41 226 и взорвет мосты D, E и F, пока отряд будет завтракать. После завтрака, при начальном моменте действий, точно в 8 ч., соединенные силы атакуют южный пост: египтяне с востока, арабы с севера под прикрытием дальнобойного пулеметного огня с автомобилями и десятифунтовых пушек, расположенных на наблюдательном холме. Пост падет, и отряд перенесет свои силы к станции Тель-Шахм, которую будут бомбардировать с северо-запада пушки, а сверху – аэропланы. Последние вылетят с равнин Рамма (при начальном моменте действий в 10 ч.). С запада же перейдут в наступление броневики. За автомобилями последуют арабы, в то время как Пик со своим корпусом из верблюдов спустится с южного поста. «Станция будет взята в 11 ч. 30 м.» – гласил план, под конец становившийся смешным (именно тут он не удался, так как турки, очевидно не зная о нем, поспешили и сдались десятью минутами раньше).

На заре мы увидели, как автомобили безмолвно вкатываются в сонные песчаные траншеи и оттуда выбегают пораженные турки с поднятыми вверх руками. Горнби ринулся на своих двух «роллс-ройсах», подложил под мост А сто фунтов пироксилина и уверенно взорвал его. Грохот чуть не выбросил Доуни и меня из нашего третьего тендера, в котором мы сидели, величественно любуясь всем происходящим.

Следующие мосты рухнули, потребовав каждый по десяти шашек.

Пока мы находились на мосту В, автомобили сосредоточили огонь своих пулеметов на брустверах «поста у скал», представлявшего собой кольцо толстых каменных стен на холме со склонами, слишком отвесными для колес. Газаа возбужденно ждал своей очереди. Турки были так напуганы разбрызгивающимся градом пуль из четырех пулеметов, что арабы захватили их, почти не прерывая шага.

После предусмотренного завтрака и падения южного поста, которое произошло минута в минуту согласно плану, наступил центральный акт дневной программы – штурм станции.

Пик стаянул к ней с севера своих людей. Аэропланы закружились над станцией, сбрасывая свистящие бомбы в ее траншеи. Броневики устремились вперед, фыркая и пыхтя дымом, и в дымном тумане шеренга турок растерянно поднялась из главной траншеи, размахивая белыми тряпками.

Арабы вскочили на своих верблюдов, осмелевшие люди Пика пустились бегом, и весь отряд дико ринулся на станцию, легко осилив пришедшего в замешательство врага.

Спустя минуту бедуины с воем приступили к самому безудержному грабежу. На станции хранилось двести ружей, восемьдесят тысяч патронов, множество бомб, провианта и одежды. Все крушили стены и выносили что попадет. Какой-то злосчастный верблюд увеличил смятение, наступив на валявшийся снаряд. Последовал взрыв, вызвавший ужасную панику. Думали, что опять начался обстрел.

В это время египетский офицер нашел нетронутый склад и поставил возле него караул из солдат, так как у египтян не хватало провианта. Еще не насытившиеся волки Газаа не признавали права египтян на равную долю. Опять началась стрельба. Но по обсуждению мы добились того, что египтяне первыми отобрали себе довольствие, в котором нуждались. Затем последовала общая свалка, во время которой разнесли стены склада. Запасы Шахма были настолько велики, что из каждых десяти арабов восемь набрали себе всего вдосталь.

Наутро лишь Газаа и горсточка людей остались с нами для дальнейших операций. Программа Доуни предусматривала станцию Рамла, но его приказы не носили окончательного характера, так как позиция не была исследована. Поэтому мы послали вперед броневик под командованием лейтенанта Уэйда, дав ему на подмогу второй. Он осторожно ехал шаг за шагом в мертвом молчании. Наконец без единого выстрела он въехал на станционный двор, очень медленно, опасаясь мин, провода от которых усеивали почву.

Вокзал был закрыт. Уэйд постучал в двери и ставни, но не получил ответа. Выскочив из автомобиля, он обыскал все здание. В нем никого не было, но было достаточно всякого добра, чтобы вознаградить с лихвой доблесть Газаа и оставшихся с ним верных людей. Мы провели весь день, разрушая на многие мили железнодорожное полотно, пока не решили, что произвели такой ущерб, что понадобилась бы двухнедельная работа даже самого большого ремонтного отряда, чтоб восстановить все разрушенное.

На третий день нам предстояла Мудоввара, но мы не слишком надеялись на оставшиеся у нас силы. Арабы уехали, люди же Пика не отличались особой воинственностью. Однако и Мудоввара могла поддаться панике, как Рамла, и мы проспали всю ночь на месте нашего последнего захвата. Лишь неутомимый Доуни выставил часовых.

Утром мы пустились в путь, чтобы посмотреть на Мудовару. Мы ехали с королевским великолепием в рычащих автомобилях по гладким песчаным и кремнистым равнинам, а позади нас на востоке бледно светило низкое солнце.

Приблизившись, мы увидели, что возле станции стоял длинный поезд. Что он означал: подкрепление или эвакуацию?.. Минуту спустя турки открыли по нам огонь из четырех орудий. Мы с постыдной поспешностью удалились в отдаленные ложбины, откуда сделали широкий круг к месту, где когда-то с Заалом впервые подложили мину под поезд. Там мы взорвали длинный мост, под которым, пользуясь жарким полднем, спал турецкий патруль.

Затем мы вернулись в Рамлу и с большой настойчивостью принялись за уничтожение рельсов и мостов, чтобы сделать разрушения непоправимыми.

Фейсал послал шейха Мухаммеда эль-Дейлана атаковать еще не тронутые станции между местом нашего прорыва и Мааном. Таким образом, путь на протяжении восьмидесяти миль с семью станциями на нем целиком перешел в наши руки. С этой операцией фактически закончилась защита турками столь далекой отсюда Медины.

Транспорт и снабжение

Для подкрепления нашего штаба из Месопотамии прибыл новый офицер по имени Юнг. Он был кадровым офицером, человеком исключительных качеств, с большим военным опытом и знал арабский язык в совершенстве. Намеченная для него роль заключалась в том, чтобы выполнять аналогичные со мной функции в отношениях с племенами, благодаря чему наша деятельность против врага могла стать шире и быть лучше управляемой.

Чтобы дать ему возможность освоиться с новыми условиями, я поручил ему разрушить на протяжении восьми миль железную дорогу к северу от Маана, а сам уехал в Акабу, а оттуда поплыл в Суэц, чтобы обсудить с Алленби будущее.

Меня встретил Доуни, и мы имели короткий разговор, прежде чем отправиться в лагерь Алленби. Генерал Боле приветствовал нас веселой улыбкой и сказал:

– Ну а мы уже в Салте.

Когда мы изумленно на него уставились, он объяснил, что старшины племени бени-сахр в один прекрасный день прибыли в Иерихон и предложили немедленное сотрудничество своих двадцати тысяч соплеменников в Темеде, и на следующий день, принимая ванну, Боле придумал новый план и полностью его выполнил.

Я спросил, кто был во главе людей бени-сахр. Не скрывая своего торжества, Боле ответил, что Фахад.

Все, что я слышал, все меньше начинало мне нравиться. Я знал, что Фахад не мог бы выставить и четырехсот людей и что в эту минуту возле Темеда нельзя было бы обнаружить ни одной его палатки, так как все люди двинулись на юг к Юнгу.

Мы поспешили в управление, чтобы узнать правду, и, к несчастью, убедились, что все обстояло так, как рассказал нам Боле. Британская кавалерия экспромтом поднялась в горы Моаба, основываясь на каких-то воздушных обещаниях шейхов зебн, жадных людей, приехавших в Иерусалим, чтобы вкусить от щедрот Алленби, но там их поймали на слове.

Разумеется, этот набег потерпел неудачу, пока я еще находился в Иерусалиме, ибо люди бени-сахр либо беспечно валялись в своих палатках, либо находились далеко от Салта, действуя вместе с Юнгом. В итоге получилось, что мы были отрезаны от западного берега Иордана и избежали огромного несчастья лишь благодаря инстинкту Алленби, как раз вовремя подсказавшему ему всю опасность положения **Error! Hyperlink reference not valid..** И все же мы тяжело пострадали.

Наше движение, развивавшееся гладко, пока против нас был лишь один бесхитростный враг, увязло в трясине непредвиденных случайностей. Мы всецело зависели от Алленби, а его преследовали неудачи. Германское наступление во Франции лишило его войск **Error! Hyperlink reference not valid..** С ними он воссоздал бы свою армию по индийскому образцу. Может быть, по окончании лета он окажется способен восстановить боеспособность, но сейчас мы должны были оставаться на месте.

За чаем Алленби упомянул об имперской верблюжьей бригаде, сожалея, что благодаря стесненному положению, в которое он попал, он должен упразднить ее, а людей использовать как кавалерийские подкрепления.

Я спросил:

– Что вы собираетесь сделать с их верблюдами?

Рассмеявшись, он ответил:

– Спросите **KError! Hyperlink reference not valid..**

Я послушно пересек пыльный сад, ворвался к генерал-квартирмейстеру сэру Вальтеру Кэмпбеллу – истому шотландцу – и повторил свой вопрос. Он твердо ответил, что верблюды уже заклеены тавром дивизионного транспорта для второй из новоприбывших индийских дивизий. Я объяснил, что хочу получить две тысячи животных. Его первый ответ звучал неопределенно. Вторым

же он дал понять, что я могу хотеть этого сколько мне угодно. Я приводил ему различные доводы, но Кэмпбелл казался неспособным усвоить мою точку зрения. Разумеется, природе генерал-квартирмейстеров свойственна скаредность.

Я вернулся к Алленби и громко сказал перед всеми присутствующими, что имеются две тысячи двести свободных верховых верблюдов и тысяча триста обозных. Все они временно приспособлены для транспортных нужд, но ведь верховые верблюды, разумеется, остаются верховыми верблюдами.

В штабе зашумели, словно и они сомневались, смогут ли верховые верблюды перевозить поклажу. Каждый британский офицер считает вопросом чести уметь разбираться в животных. Поэтому я не удивился, когда вечером главнокомандующий пригласил сэра Вальтера Кэмпбелла к обеду. За супом Алленби завел разговор о верблюдах. Сэр Вальтер заявил, что они необходимы для индийской бригады. После ожесточенного спора Алленби с улыбкой сказал сэру Вальтеру Кэмпбеллу:

– К, вы проиграли.

Мы получили верблюдов. Это был огромный, королевский дар, дар, предоставлявший арабам способность неограниченного передвижения. С ним арабы могли выиграть войну, когда и где им захочется.

На следующее утро я уехал, чтобы присоединиться к Фейсалу в его холодном гнезде у Аба-эль-Лиссана. Я рассказал ему, что Алленби дал нам две тысячи верблюдов. Фейсал разинул рот и, схватив меня за колено, воскликнул:

– Что такое?

Я рассказал ему всю историю. Он вскочил и поцеловал меня. Затем он громко хлопнул в ладоши. У входа в палатку появилось черное лицо раба.

– Скорее, – крикнул Фейсал, – созови всех! Раб убежал.

– Все почти закончено, – сказал я. – Скоро ты сможешь меня отпустить.

Он принялся возражать, говоря, что я должен оставаться с ними всегда, а не только до взятия Дамаска, как я обещал некогда в Ум-Ледже. У входа раздался топот ног, и один за другим на коврах расселись старшины, с удивлением глядя на радостное лицо Фейсала.

Фейсал сказал им, что Бог послал повстанцам средства к победе – две тысячи верховых верблюдов. Наша война не встретит больше помех, придет к победному концу и принесет арабам свободу.

Старшины удивленно забормотали, стараясь изо всех сил сохранить спокойствие, как подобает мудрым людям, и устремили на меня взоры, чтобы узнать, каково мое участие в этом событии.

– Великодушие Алленби, – сказал я.

Шейх Заал живо ответил за всех:

– Да сохранит Бог его жизнь и вашу!

– Отныне мы будем одерживать победы! – сказал я и выскользнул из палатки, чтобы рассказать все Джойсу.

Старшины увлеклись за моей спиной безудержными ребяческими речами о своих грядущих подвигах. Джойс также обрадовался и успокоился при известии о двух тысячах верблюдов.

Между тем нам нужно было все лето продержаться наши силы на плоскогорье, осаждая Маан и мешая восстановлению железных дорог. Задача была трудная, но восстание безостановочно разрасталось. Фейсал, скрывшись в своей палатке, непрерывно агитировал за арабское движение. Акаба бурлила. Арабские регулярные войска в третий раз одержали победу над Джердуном, разрушенный вокзал которого сделалось у них почти привычкой брать и затем отдавать обратно. Наши броневики случайно захватили турецкий отряд, совершавший вылазку из Маана, и уничтожили его, так что подобный удачный случай больше уж не повторился. Зейд, командуя половиной армии, расположенной к северу от Ухейды, проявлял огромную энергию. Его веселость нравилась кадровым офицерам больше, чем поэтичность и сухая серьезность Фейсала. Таким образом, счастливое сочетание характеров обоих братьев заставляло людей самого различного толка симпатизировать тому или иному из вождей восстания.

В течение шести недель мы, готовые к военным действиям, оставались на месте. Зейд и Джафар со своими регулярными войсками продолжали успешный разгром сектора Маана. Шериф Насир в сопровождении Пика и Горнби двинулся к Хесе, в сорока милях к северу, и одним удачным ударом овладел восемью милями железной дороги. Благодаря их полному уничтожению задуманное турками наступление против Фейсала в Аба-эль-Лиссане было сведено к нулю.

Мы с Доуни воспользовались затишьем, чтобы вновь отправиться к Алленби. В ставке главнокомандующего чувствовалась резкая перемена в настроении. Хотя, как и всегда, она клочкотала энергией и надеждой, но сейчас логика и координация действий проявлялись в необычайной степени. Из Месопотамии и Индии прибывали новые силы. В их группировке и обучении были достигнуты чрезвычайные успехи. 15 июня частное совещание высказало мнение, что в сентябре армия будет в состоянии перейти в генеральное наступление.

Действительно, перед нами открывался широкий путь. Мы зашли к Алленби, который прямо заявил, что в конце сентября он перейдет в грандиозное наступление, чтобы осуществить план генерала Смуттса **Error! Hyperlink reference not valid.** даже в отношении Дамаска и Алеппо. Наша

роль сведется к тому же, что и весной: мы должны совершить набег на Дераа на двух тысячах новых верблюдов. Сроки и детали будут установлены в свое время.

11 июля 1918 года мы вновь беседовали с Алленби и Бартоломью, его новым начальником штаба. Уверенность Алленби была несокрушима, как стена. Перед атакой он поехал осмотреть свои войска, сконцентрированные и ждущие сигнала. Он высказал уверенность, что с их помощью он захватит тридцать тысяч пленных. И это в то время, когда исход операции целиком зависел от случая!

Бартоломью же казался озабоченным. Он заявил, что преобразовать армию к сентябрю было безнадежным делом и, если даже она будет приведена в готовность, мы не должны полагать, что наступление последует в намеченный срок. Оно может быть произведено лишь в прибрежном секторе, лежащем против Рамлы, конечного пункта железной дороги **Error! Hyperlink reference not valid.**, и только там могли быть собраны необходимые резервы и запасы.

План Алленби заключался в том, чтобы собрать большую часть пехоты и всю кавалерию под апельсиновыми и оливковыми рощами Рамлы как раз накануне 19 сентября. Он надеялся одновременно провести в Иорданской долине демонстрацию, которая должна была бы убедить турок в том, что там производится концентрация войск. Два набег на Салт заставили турок сосредоточить все внимание исключительно на Заиорданье. Всякое передвижение там англичан или арабов сопровождалось контрдействиями со стороны турок, показывавшими, как они их боялись. В прибрежном же секторе, где врагу действительно грозила опасность, у него были малочисленные силы.

Успех зависел от того, удастся ли удержать неприятеля в этом роковом заблуждении.

Маскировочные действия стали для Алленби главным стратегическим приемом. В соответствии с этим Бартоломью целым рядом хитроумных мероприятий должен был в нужное время создать у турок впечатление, что в Иорданской долине происходит сосредоточение войск.

Бартоломью требовал, чтобы мы со всей энергией и изобретательностью поддержали его. Однако он предупредил нас, что даже при этом успех висел на волоске, так как турки могли спастись и сберечь свою армию простым отступлением на семь или восемь миль от своего прибрежного сектора. Британская армия походила бы в таком случае на рыбу, выброшенную на берег. Все железные дороги, тяжелая артиллерия, лагеря британской армии – все оказалось бы не там, где нужно.

Мы с Доуни вернулись в Каир в приподнятом настроении, размышляя над великолепными перспективами. Сообщения из Акабы опять возбудили вопрос об обороне плоскогорья от турок, которые недавно выгнали Насира из Хесы и замыслили удар против Аба-эль-Лиссана в конце августа, когда наш отряд в Дераа должен был пуститься в путь. Если бы мы не смогли задержать турок еще на две недели, их угроза могла осуществиться и нанести нам тяжкий урон. Неотложно требовалось новое решение.

В этот момент Доуни вспомнил о еще не расформированном батальоне имперского верблюжьего корпуса. Ставка главнокомандующего могла бы прислать его нам, чтобы спутать планы турок.

Мы протелефонировали Бартоломью, который понял нас и поддержал нашу просьбу перед Болсом в Александрии и перед Алленби. После деятельного обмена телеграммами мы добились своего. Полковник Бэкстон с тремястами человек был выслан к нам на месяц на двух условиях: во-первых, мы должны немедленно снабдить их планом операций; во-вторых, они не должны понести никаких потерь. Бартоломью счел необходимым извиниться за последнее великолепное условие, которое он считал недостойным звания солдата.

Мы с Доуни уселись за карты и наметили, что Бэкстон должен отправиться от Суэцкого канала в Акабу, а оттуда через Рамму, чтобы ночной атакой взять Мудоввару. Затем его задачей было пройти к Баиру, чтобы разрушить мост и туннель возле Аммана, и 30 августа вернуться в Палестину. Его деятельность дала бы нам месяц отдыха.

Согласно главному плану, Алленби намеревался перейти в наступление 19 сентября и требовал, чтобы мы выступили не раньше чем за четыре, но не позднее чем за два дня до него.

В соответствии с его указаниями я составил план, по которому в Азрак должны выступить пятьсот человек регулярной пехоты, посаженной верхом, батарея французских скорострельных шестидесятипятимиллиметровых горных орудий, соответственное количество пулеметов, два бронированных автомобиля, саперы, разведчики на верблюдах и два аэроплана. Концентрация их в Азраке закончится 13 сентября, 16-го мы окружаем Дераа и перерезаем возле нее железную дорогу. Два дня спустя мы отступаем на восток от Хиджазской железной дороги, ожидая исхода действий Алленби.

Доуни облегчил организационную сторону, добившись присылки к нам из ставки главнокомандующего полковника Стерлинга, искусного штабного офицера, сметливого и благоразумного. Страсть Стерлинга к лошадям быстро и тесно сблизила его с Фейсалом и старшинами.

Арабским офицерам были розданы английские военные знаки отличия, отмечающие их подвиги

при Маане. Заслуги Джафара-паши были остроумно отмечены присуждением **C.M.G. Error! Hyperlink reference not valid.** Джафар приехал в Палестину, чтобы получить его, и штаб воспользовался случаем, чтобы устроить маленькую церемонию представления к ордену как знак почтения к бывшему пленнику. Эти проявления уважения со стороны Алленби поощряли арабскую армию. Нури-паша Сайд предложил возглавлять экспедицию в Дераа; смелость, авторитет и хладнокровие делали его идеальным руководителем. Он начал подбирать для нее четыреста лучших человек из армии.

Полковник Бэкстон и Имперский Верблюжий Корпус

Июль приходил уже к концу, а в конце августа экспедиция на Дераа должна была находиться в пути. За этот промежуток времени верблюжий корпус Бэкстона должен был осуществить свою программу, нужно было известить Нури Шаалана, который присоединился к ним с отрядом людей руалла, показать броневикам путь в Азрак и найти площадки для спуска аэропланов. Месяц, полный хлопот!

Мы начали с Нури Шаалана, как самого далекого от нас. Его пригласили встретиться с Фейсалом в Джефере к 7 августа.

Отряд Бэкстона оказался вторым. Я по секрету сообщил Фейсалу о его прибытии. Чтобы наверняка не понести никаких потерь, они должны были напасть на Мудоввару совершенно неожиданно. Я предполагал сам повести их в Рамм, в первый рискованный переход через гущу племени ховеитат около Акабы.

Итак, я поехал в Акабу, где полковник Бэкстон позволил мне разъяснить всем отрядам план предстоящего похода. После этой церемонии мы выступили в путь и, миновав ущелье Итм, красные утесы Неджда, изгибы Имрана и скалу Хузайла, достигли долины Рамм. Оставив там Бэкстона с отрядом и сопровождавших его Стерлинга и Маршалла, я вернулся в Акабу через окруженный отвесными стенами Итм.

Со мной ехали шесть молчаливых телохранителей, следовавших за мной как тени. И меня охватила тоска по родине, ярко подчеркнувшая мое одиночество между этими арабами. Ведь я эксплуатировал их самые возвышенные чувства и превратил их любовь к свободе в дополнительный инструмент, способствующий победе англичан.

В Акабе собрались остатки моей охраны, так как приближался день празднования победы и я обещал племенам Хаурана, что они проведут этот большой праздник в своих освобожденных селениях: последнее время мы собирались на открытом ветрам берегу моря, волны которого соперничали в блеске с моими блестящими и пестро одетыми солдатами. Их было шестьдесят. Никогда еще Зааги не имел такого многочисленного отряда, и, когда мы ехали по бурным холмам Гувейры, он старался построить их по системе аджейль, с центральным ядром и флангами, разместив поэтов и певцов по правую и левую руку. Мы ехали под музыку. Зааги огорчало лишь то, что я не хотел иметь знамени, как полагается принцу.

Я ехал на своей Газале, очень старой верблюдице, которая была роскошно убрана. Ее верблюжонок недавно пал, и Абдулла, ехавший рядом со мной, снял шкуру с маленького трупа и, высушив, вез ее позади седла. Мы выступили под пение Зааги, но по прошествии часа Газала начала высоко поднимать голову, тяжело ступая и переставляя ноги, как в танце с мечами.

Я хотел подогнать ее, но Абдулла поравнялся со мной, выпрыгнул из седла, держа шкуру верблюжонка в руке. Он бросил Газале горсть песка, и она остановилась с тихим стоном. Он разостлал перед ней маленькую шкуру и заставил Газалу положить на нее свою голову. Она остановилась с громким ревом, обнюхала несколько раз сухую шкуру и, снова закинув голову, с воем рванулась вперед. Это повторялось несколько раз в день, но потом она, по-видимому, стала забывать своего верблюжонка.

В Гувейре меня ждал аэроплан. Мое присутствие в Джефере было необходимо Нури Шаалану и Фейсалу. Они встретили нас самым дружелюбным образом. Казалось невероятным, что старый Нури Шаалан добровольно присоединился к нам, молодым, а он действительно был стар; его бледное изнуренное лицо с печатью горя и страданий оживлялось только иронической улыбкой. Под его лохматыми бровями веки собирались в глубокие складки, а сквозь них в глазные впадины проникали лучи полуденного солнца и горели в их глубине таким страстным огнем, что, казалось, в них сгорает сам человек. И только лишенные блеска черные волосы и дряблая кожа, покрытая сетью морщин, говорили о его семидесяти годах.

С Нури Шааланом были старшины его племени, знаменитые шейхи, облаченные в шелка. Старшим из них являлся Фарис: подобно Гамлету, он не прощал

Нури убийства своего отца, шейха Соттама. Это был худой человек с отвислыми усами и неестественно бледным лицом. Затем следовали шейхи Трад и Султан, круглоглазые, степенные и прямые. Тут же присутствовали Миджхем, Халид, Дарзи Ибн Дагми, Хаффаджи и Рахейл.

Возле меня сидел Рахейл, чванясь своим ярким нарядом. Пользуясь общей беседой, он шепотом сообщил мне имя каждого шейха. Им не нужно было спрашивать, кто я такой, ибо моя

одежда и внешность выделялись среди людей пустыни. То, что я являлся единственным человеком с выбритым лицом, создало мне всеобщую известность, которую я еще усугубил тем, что всегда носил белоснежную (по крайней мере, снаружи) одежду из шелка сомнительного качества с ало-золотым головным шнурком из Мекки и золотым кинжалом **Error! Hyperlink reference not valid.**

Фейсал неоднократно на таких совещаниях привлекал на свою сторону новые племена и заражал их своим энтузиазмом. Часто делать это приходилось мне. Но никогда еще до сего дня мы не выступали так активно сообща, поддерживая друг друга. Даже руалла растаяли, и мы могли добиться от них всего одним своим словом. Присутствующие сидели затаив дыхание, с блеском веры в пронизательных глазах, в упор смотревших на нас.

Фейсал пробудил в них национальное чувство одной фразой, которая заставила их задуматься над историей и языком арабов; затем он на мгновение погрузился в молчание: эти безграмотные люди страстно любили красоту слова и смаковали каждое слово отдельно. Вторая фраза уяснила им дух Фейсала, их товарища и вождя, все принесшего в жертву национальной свободе. Затем снова наступило молчание, во время которого они представляли себе его, проводящего день и ночь в палатке, поучая, проповедуя, приказывая и завязывая дружбу; и они постепенно проникались страстью, скрывавшейся за внешностью этого человека, который сидел здесь, как икона, освобожденный от желаний, честолюбия, слабости и ошибок; эта сильная и разносторонняя личность была во власти отвлеченной идеи, с одним только чувством и целью – жить и умереть для служения ей.

Разумеется, это был художественный образ человека, не человек во плоти и крови, но тем не менее подлинный, хотя его личность словно отказалась от третьего измерения в пользу идеи. Фейсал, будучи нашим вождем, в действительности был покорным слугой национальной идеи, ее орудием, отнюдь не господином.

Наш разговор был искусно направлен на то, чтобы вскрыть тайные помыслы присутствующих. Вскоре стало заметно, что наши речи задели их за живое. Мы умолкли, наблюдая за их движениями и речью и за тем, как они заражали друг друга своим пылом, пока атмосфера не раскалилась и в невнятных фразах не обнаружился первый толчок к жажде познания, которая светилась в их глазах. Они стали торопить нас, как если бы они сами были зачинщиками, а мы – лишь сторонними наблюдателями. Они стремились передать нам всю силу своей веры.

Мы обсудили все подробности предстоящих действий, и в тот же вечер я вылетел обратно в Гувейру, а к ночи прилетел в Акабу, где встретил только что прибывшего туда Доуни и рассказал ему, что, несмотря на крупные события, все идет как по маслу. На следующее утро аэроплан привез нам известия о положении отряда Бэкстона в Мудовваре.

Бэкстон решил штурмовать ее перед рассветом, подготовив штурм бомбардировкой с аэропланов. Отряд разделился на три части, одна должна была занять станцию, а две другие – главные редуты.

Выступление наместили на четыре часа, но дорога оказалась труднопроходимой, и уже почти наступил день, прежде чем открыли действия против южного редута. Забросав его бомбами, отряд ринулся на укрепление и легко завладел им. В ту же минуту второй отряд захватил станцию. В среднем редуте поднялась тревога, но и он сдался спустя двадцать минут.

Северный редут, где имелась пушка, казался храбрее и засыпал наши войска снарядами. Бэкстон под прикрытием южного редута открыл огонь из орудий, посылая с обычной меткостью снаряд за снарядом. Затем в воздух поднялись аэропланы и вновь начали бомбардировку. В семь часов утра неприятель сдался. Мы потеряли четырех убитыми и десять ранеными. Турки же потеряли двадцать одного убитыми, а полтора человека сдалось в плен с двумя полевыми орудиями и тремя пулеметами.

Люди Бэкстона немедленно взорвали все стены и разнесли вдребезги моторные насосы и железнодорожный путь на две тысячи ярдов.

В сумерках Бэкстон скомандовал отряду: «Шагом марш!» – и четыреста верблюдов, поднявшись, как один, и ревя, словно в день Страшного Суда, выступили на Джефер. Оттуда мы и получили известия о случившемся. Отряд отдохнул день, пополнил запасы провианта и отправился в Баир, где мы с Джойсом еще раньше условились примкнуть к нему.

Вечером 15 августа 1918 года мы с Бэкстоном устроили в Баире военный совет. Майор Юнг прислал в Баир довольствие для людей и животных на четырнадцать дней. Из него оставалось на восемь дней для людей, на десять – для верблюдов.

Нам пришлось приспособить план к новой ситуации. Бэкстон очистил свой отряд от всех непригодных людей, а я из двух бронированных автомобилей оставил лишь один и наметил новую дорогу.

Бэкстон и его люди выступили в середине дня, я же отложил свой отъезд до вечера, наблюдая, как мои люди грузили на тридцать вьючных верблюдов шесть тысяч фунтов пироксилина. Бэкстона мы нагнали к утру.

Ночь мы провели в вади Гадаф. Следующий день не отличался от предыдущего: мы опять с упорством осилили сорок миль. Третий день являлся последним перед взрывом моста. Утром мы

увидали Муаггар, место нашей засады. Мы настойчиво подвигались вперед. С юга показался турецкий аэроплан, пролетел вдоль нашей колонны и исчез впереди, в направлении Аммана.

В полдень мы с трудом добрались до Муаггара. Мы разослали людей в окрестные деревни, чтобы разузнать новости. Они вернулись с вестью, что нам не везет. Три турецких отряда числом в сорок человек каждый провели минувшую ночь в трех деревнях, соседних с большим мостом. Между тем границы этих деревень мы неминуемо должны были пересечь.

Наскоро устроили совет. Аэроплан мог нас заметить и не заметить. В худшем случае это вызвало бы усиление охраны моста, чего я не слишком боялся. Турки сочли бы нас авангардом отряда, совершившего третий набег на Амман, и, вероятно, предпочли бы сконцентрировать свои войска, чем разбрасывать их.

Люди же Бэкстона являлись великолепными бойцами, а он еще раньше разработал замечательные планы. Успех казался предрешенным.

Но возникло сомнение в ценности моста, вернее, в том, во сколько английских жизней он нам обойдется и насколько их число будет соответствовать запрещению Бартоломью нести потери.

Люди Бэкстона не могли бы рассеяться после взрыва, как стая птиц, и найти сами обратную дорогу в Муаггар. В ночном сражении некоторые из них были бы отрезаны и могли погибнуть. Нам пришлось бы дожидаться их, что могло бы нам стоить еще больших потерь. Весь урон мог составить пятьдесят человек, а я исчислял ценность моста менее чем в пять. Бэкстон согласился со мной. Мы решили отказаться от нашего замысла и немедленно двинуться обратно.

Наши люди были разочарованы, услышав об этом решении. Они горячо верили, что план будет выполнен полностью.

Желая выиграть хотя бы то, что мы могли, я послал всех старшин с целью распусть преувеличенные слухи о нашей численности и рассказывать о нашем приходе как о рекогносцировке армии Фейсала, намеревающейся с новолунием штурмом занять Амман. Прослышав о нас, турки пришли в ужас. Их кавалерия ринулась вперед. Пустые жестянки из-под мяса, которыми была усыпана вершина горы, и глубокие следы огромных автомобилей, изрезывавшие склоны долины, подтвердили бессвязные рассказы поселян. Не пролив ни капли крови, мы добились задержки врага на неделю. Разрушением же моста мы выиграли бы недели две, не более.

Мы подождали, пока сгустились сумерки, и выступили в Азрак, лежавший в пятидесяти милях от нас. Наступила светлая лунная ночь. Мы двигались вплоть до наступления бледного утра. Через два дня пути, выбившись из сил, мы добрались до пункта назначения. Там отряд отдыхал в течение двух дней. На третий мы отправились в Баир.

Оттуда я решил поехать с броневиками в Аба-эль-Лиссан, ибо в Баире Бэкстон находился с испытанными друзьями и мог действовать без моей помощи. Джойс, Доуни и Юнг рассказали, что все идет чудесно. Действительно, приготовления закончились, и Джойс уехал в Каир, а Доуни – в ставку главнокомандующего, чтобы рассказать Алленби о наших успехах и о неукоснительном осуществлении его плана.

Наши дразги

Судно, пришедшее из Джидды, привезло почту из Мекки. Фейсал развернул «Эль-Кибла» (газету короля Гуссейна) и увидел на ее страницах королевский указ, гласящий, что дураки называют Джафар-пашу командующим войсками арабской Северной армии, тогда как в арабской армии, в рядах которой шейх Джафар наравне с другими выполняет свой долг, вообще нет чина выше капитана.

Король Гуссейн, узнав, что Алленби представил Джафара к отличию, опубликовал свой указ, не предупредив о нем Фейсала. Он намеревался досадить этим северным городским арабам, сирийским и месопотамским офицерам, которых король презирал за распущенность, в то же время боясь их образованности. Он знал, что они сражаются не ради его господства, а ради освобождения своих областей, чтобы самим управлять ими, и жажда власти непреодолимо охватила старика.

Джафар заявил Фейсалу о своей отставке. Его примеру последовали наши дивизионные офицеры и штабы с полковыми и батальонными командирами. Я упрашивал их не обращать внимания на причуды семидесятилетнего, отрезанного в Мекке от мира старика, величие которого они сами создали. Фейсал же отказался принять их отставку, указав, что приказы о производстве были изданы им и что указ оскорбляет его одного.

Придя к такому выводу, он телеграфировал в Мекку и получил ответную телеграмму, называвшую его изменником и ставившую его вне закона. Тогда Фейсал сложил с себя командование на Акабском фронте. Гуссейн назначил ему в преемники Зейда. Зейд немедленно отказался. Шифрованные послания Гуссейна стали бессмысленными от ярости, и военная жизнь Аба-эль-Лиссана внезапно застопорилась.

Доуни до отхода судна позвонил мне из Акабы и уныло спросил, не потеряна ли всякая надежда. Я ответил, что все зависит от случая, но что, может быть, мы преодолеем трудности.

Перед нами открывались три пути. Первый – найти средство давления на короля Гуссейна,

чтобы он взял назад свое постановление. Второй – продолжать нашу деятельность, не признавая его. Третий – провозгласить формальную независимость Фейсала от отца.

Каждый путь имел своих сторонников как среди англичан, так и среди арабов. Мы послали Алленби телеграмму, прося смягчить инцидент. Гуссейн был упрям и изворотлив, и могли потребоваться недели, чтобы вырвать у него извинение. В обычных условиях мы могли бы допустить потерю этих недель, но сейчас находились в злосчастном положении, ибо через три дня нам следовало выступить в экспедицию на Дераа. Приходилось искать какое-либо средство продолжать войну, пока в Египте не найдут разрешения вопроса.

Моим первым долгом являлось срочное извещение Нури Шаалана о том, что я не смогу встретиться с ним на сборе его племен в Кафе, но что я буду в Азраке к его услугам с первого дня новолуния. Это было печально, потому что Нури мог заподозрить, что я изменил решение, и отменить сбор, а без племен руалла исчезла бы половина нашей силы и значения при походе на Дераа 16 сентября. Однако нам приходилось рисковать этой меньшей потерей, ибо без Фейсала, регулярных войск и орудий экспедиция могла совсем не состояться.

Второй моей обязанностью было отправить в Азрак караваны с грузом, провиантом и боеприпасами. Все эшелоны, под начальством назначенных офицеров, выступили в путь согласно программе, разумеется не вовремя, но лишь с незначительным опозданием.

Следующим нашим долгом являлось своевременное отправление войск в Азрак. Чтобы осуществить это, следовало восстановить их доверие к офицерам. Здесь мы прибегли к такту Стерлинга. Нури Сайд был достаточно честолюбив, как всякий солдат, и использовал как можно лучше подвернувшийся ему благоприятный случай, охотно согласившись выступить на Азрак, не дожидаясь извинений Гуссейна.

Люди поддавались доводам. Мы старались им доказать, что такие важные вопросы, как забота о провианте и платье, целиком зависели от сохранения их организации. Они не устояли, и отдельные колонны посаженной в седло пехоты, пулеметчиков, египетских саперов, артиллеристов двинулись в путь с двухдневным опозданием.

Последней обязанностью было восстановить верховную власть Фейсала. Без него всякие серьезные попытки военных действий между Дераа и Дамаском являлись бы тщетными. Мы могли бы провести нападение на Дераа, чего от нас ожидал Алленби, но захват Дамаска, чего я ждал от арабов, ради чего я сражался рядом с ними на полях битвы, пережил множество мучений и расточал свой разум и силу, зависел от присутствия Фейсала с нами на фронте. В конце концов он решительно распорядился выступить по моему приказу.

Что касается получения извинений из Мекки, то Алленби и полковник Вильсон старались добиться их изо всех сил. Если бы они потерпели неудачу, я намеревался обещать Фейсалу непосредственную поддержку британского правительства и объявить его в Дамаске суверенным эмиром. Это было вполне возможно, но я хотел избежать таких обязательств, оставив их на крайний случай. До сих пор арабы в своем восстании следовали прямыми путями, и мне не хотелось, чтобы они пришли в жалкое состояние раскола перед окончательной победой и миром.

Король Гуссейн вел себя, как мы и ожидали. Он многоречиво протестовал, бесконечно разглагольствуя и совершенно не понимая тяжелых последствий своего вмешательства в дела Северной армии. Чтобы разъяснить их, мы послали ему откровенный отчет о случившемся.

Его телеграммы шли через весь Египет и через наших радистов в Акабе пересылались мне, чтобы я направлял их Фейсалу. Арабский шифр был прост, и я исписывал целые страницы, переставляя его до полной бессмыслицы, прежде чем передать Фейсалу.

Наконец от Гуссейна пришло длинное послание, содержащее в первой половине уклончивые извинения и отмену злосчастливого указа, а во второй – повторение оскорбления в новой форме. Я уничтожил конец письма и захватил с собой начало, помеченное «очень срочно», в палатку Фейсала, где он сидел в кругу своих штатных офицеров.

Глаза всех устремились на него, пока он читал письмо. Фейсал был поражен и с удивлением уставился на меня, ибо краткие слова не соответствовали сварливому, упрямому нраву его отца. Но он овладел собой, прочел извинение вслух и под конец взволнованно сказал:

– Телеграф спас нашу честь.

Это вызвало взрыв восхищения, а он наклонился и прошептал мне на ухо:

– Я говорю о чести почти всех нас.

Это было так хорошо сказано, что я засмеялся и сказал скромно:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Он ответил:

– Я предложил служить в этом последнем походе под вашим начальством, почему этого было недостаточно?

– Потому что это идет вразрез с вашей честью.

– Вы всегда ставите мою честь выше вашей. – И он решительно встал со словами: – Теперь, господа, воздадим хвалу Богу – и за работу **Error! Hyperlink reference not valid.**

В течение трех часов мы разработали программу действий. Затем я распрощался. Джойс

только что вернулся из Египта, и Фейсал обещал самое позднее 12 сентября присоединиться ко мне с Джойсом и Маршаллом. Я в «роллс-ройсе» двинулся на север, надеясь, что, хотя уже было 4-е число, все же успею вовремя собрать племена руалла под начальством Нури Шаалана для нашего нападения на Дераа.

В авангарде

Мы ехали втроем: лорд Уинтертон, шериф Насир и я. Лорд Уинтертон являлся нашим последним рекрутом. Это был опытный офицер из верблюжьего корпуса Бэкстона.

В Баире мы услышали от встревоженных людей бени-сахр, что турки накануне внезапно кинулись из Хесы на запад в Тафиле. Мифлех решил, что я сошел с ума или проявляю крайне неуместную веселость, когда я во все горло расхохотался, услышав эту весть, так как, приди она к нам раньше на четыре дня, это задержало бы экспедицию на Азрак. Но сейчас, когда мы уже выступили, враг мог взять хотя бы и Аба-эль-Лиссан, и Гувейру, и самое Акабу – добро пожаловать! Каждый человек, которого они сейчас посылали на юг, являлся для них только потерей.

В Азраке мы нашли нескольких слуг Нури Шаалана, автомобиль с офицером-летчиком, несколько запасных частей и холщовый ангар для двух аэропланов, защищавших наши силы. Первую ночь мы провели на аэродроме и подверглись нашествию москитов. Вследствие этого на заре нам пришлось перенести лагерь на открытые ветрам высоты Меджаберского кряжа.

После полудня прибыл бронированный автомобиль для усиления нашей обороны, хотя опасность со стороны неприятеля являлась незначительной. Область между нами и железной дорогой прикрывали три племени.

В Дераа находилось лишь сорок всадников, в Аммане – ни одного. И до сих пор турки не имели никаких известий о нас. Один из их аэропланов утром 9-го числа пролетел над нами и исчез, вероятно ничего не заметив.

Между тем наш лагерь на вершине являлся великолепной позицией для наблюдений за дорогами на Дераа и Амман. Днем мы, двенадцать англичан с Насиром и его рабом, лениво бродили, купались при заходе солнца, бездельничали, мечтали, с удобством спали по ночам, или, точнее, я наслаждался благодетельной передышкой между заключением дружбы с Аба-эль-Лиссаном и объявлением войны в следующем месяце.

Источник этого ощущения покоя лежал отчасти во мне самом, так как в этом походе на Дамаск (таковым он был уже в нашем представлении) мне изменила моя обычная уравновешенность. Я чувствовал за собою страстное возбуждение арабов. Сказался результат агитации этих лет, и вся страна объединилась и двигалась к своей исторической столице. В уверенности, что оружие, использованное мной, соответствовало конечной цели, я, казалось, забывал своих сотоварищей-англичан, которые не были посвящены в мою идею и просто воевали. Я сделал ошибку, что не посвятил их в свои планы.

Много позже я узнал, что Уинтертон вставал каждое утро и изучал горизонт, чтобы моя беспечность не дала возможности застать нас врасплох. На самом деле я знал (и, вероятно, говорил), что мы были в безопасности, насколько это возможно на войне.

Мой план заключался в том, чтобы ввести в заблуждение врага ложной подготовкой атаки на Амман. В действительности же мы намеревались отрезать путь на Дераа. Укрепившись в Азраке, мы выполнили первую часть плана. Мы послали тысячу золотых соверенов племени бени-сахр и приобрели весь ячмень, имевшийся на их молотилках. Мы просили не разглашать того, что ячмень нам понадобится через две недели для наших животных и для британских союзников. Шейх Тафиле Диаб немедленно передал об этом в Керак.

В придачу Фейсал предупредил в Баире клан зебн о том, что понадобятся его слуги. Горнби, уже (быть может, немного преждевременно) носивший арабское платье, детально готовился к великому штурму Мадебы **Error! Hyperlink reference not valid.** Он намеревался двинуться около 19-го числа, когда узнает о выступлении Алленби. Однако турки разрушили его план своим наступлением на Тафиле, и Горнби пришлось защищать против них Шобек.

Что касается Дераа, то нам пришлось составить надлежащий план атаки. В качестве предварительной операции мы решили перерезать железнодорожную линию вблизи Аммана, таким образом воспрепятствовать подходу в Дераа подкреплений и укрепить в Аммане убеждение, что наше ложное нападение на него являлось подлинным.

Главной же нашей целью являлось перерезать железные дороги в Хауране и держать их в таком состоянии по крайней мере неделю. Для достижения этого, казалось, существовало три пути.

Первый – двинуться на север от Дераа к Дамасской железной дороге, перерезать ее, а затем переправиться к Ярмукской железной дороге.

Второй – двинуться на юг от Дераа к Ярмуку.

Третий – ринуться напрямик на город Дераа.

Третий план мог быть выполнен лишь при условии, если наши воздушные силы пообещают настолько энергичную бомбардировку вокзала Дераа при дневном свете, что ее эффект будет

равноценен артиллерийскому обстрелу и даст нам возможность отважиться на штурм города с нашим малочисленным отрядом. Вице-маршал воздушных сил Салмонд надеялся добиться этого, но все зависело от того, сколько он получит или успеет своевременно собрать мощных самолетов.

Алан Доуни должен был прилететь к нам 11 сентября с окончательным решением. До тех пор мы не могли отдать предпочтение ни одному из планов.

Из наших резервов первыми прибыли 9 сентября люди моей охраны. Они сообщили, что Нури почти готов и решил присоединиться к нам. 11-го прибыли броневики и полковник Джойс со Стерлингом, но без Фейсала. Майор Маршалл остался, чтобы на следующий день сопровождать его в качестве оруженосца, а там, где принимал участие Маршалл, всегда все шло без сучка без задоринки. Затем прибыл обоз, майор Юнг и капитан Пик. Азрак сделался многолюдным, и у его озер вновь зазвучали громкие голоса.

11-го же числа прилетел аэроплан из Азрака. К несчастью, Доуни опять заболел, и заменивший его штабной офицер, новичок, позабыл передать, что 6 сентября Алленби сказал Бартоломею:

– Зачем нам ломать голову над Мессудие? Пусть кавалерия идет прямо к Афуле и Назарету.

Тем самым целиком менялся весь план и грандиозное, но аморфное наступление получило определенную цель **Error! Hyperlink reference not valid..**

Нам не сообщили о нем ни слова, но от пилота, которого информировал Салмонд, мы точно узнали о количестве самолетов-бомбовозов. Число их было ниже минимума, необходимого для Дераа. Поэтому мы попросили лишь начать бомбометание, которое удержало бы турок в Дераа, пока мы не обойдем это место с севера, чтобы обеспечить разрушение дамасской линии.

На следующий день прибыл Фейсал, а следом за ним войска, Нури Сайд и Джемиль. После полудня появился Нури Шаалан в сопровождении шейхов. Прибыл также Ауда Абу-тайи с Мухаммедом эль-Дейланом. Маджид Ибн Султан из Адвана вблизи Салта прискакал, чтобы узнать правду о нашем нападении на Амман.

Поздно вечером на севере раздалась трескотня ружейной перестрелки, и шейх Талал эль-Гарейдин, мой старый товарищ, подскочил яростным галопом с сорока или пятьюдесятью верховыми крестьянами. Его полнокровное лицо сияло от радости по случаю нашего долгожданного прибытия. Друзья и горожане-сирийцы, люди Исавии и Хаварне умножили собой наше собрание. Все были бодры и чувствовали себя прекрасно.

Все, кроме меня одного. Толпа испортила удовольствие, которое вызывал во мне Азрак. Я спустился в долину к нашему уединенному Аин-эль-Эссаду и пролежал там весь день в своей старой берлоге между тамарисками, в запыленных зеленых ветвях, среди которых носился ветер и шелестела листва, напоминающая деревья в Англии.

Она шептала мне, что я смертельно устал от этих арабов, ничтожных, типичных семитов. В своей безграничной способности проявлять добро и зло они достигали предельных результатов, поднимаясь на высоту и падая вниз в размахе, недостижимом для нас, и все же в течение двух лет я с пользой для себя притворялся их товарищем.

Тем временем Джойс взял на себя всю ответственность. По его приказу Пик с египетским верблюжьим корпусом, отрядом саперов и броневиками для подкрепления выступил в путь, чтобы перерезать железнодорожную линию у Ифдеина.

Согласно плану, капитан Скотт-Хиггинс со своими проворными индусами должен был после наступления темноты внезапным натиском захватить блокгауз. Затем Пик до рассвета разрушает путь. Утром автомобили прикроют их отступление на восток через равнину, по которой мы, главный отряд, направимся из Азрака на север к Умтайе, большой впадине, наполненной дождевой водой, в пятнадцати милях ниже Дераа, служившей нам передовой базой. Мы дали им проводников из племени руалла и проводили их, возлагая много надежд на эту важную предварительную операцию.

Наша колонна выступила в путь на рассвете. Дела с Нури и Фейсалом задержали меня на целый день в Азраке, но Джойс оставил мне автомобиль, на котором я на следующее утро нагнал армию.

У Джойса были дурные новости. Пик уже присоединился к нему, доложив о неудачной попытке добраться до железнодорожной линии из-за недоразумений с арабами, жившими по соседству с участком, намеченным для разрушения. Мы придавали большое значение разрушению Амманской железной дороги, и всякая задержка являлась преступлением. Я оставил автомобиль, захватил груз пироксилина и, сев на своего верблюда, бросился во главе отряда на запад в направлении железной дороги.

Мы достигли Умтайе перед заходом солнца и направились к железной дороге, надеясь стремительным натиском разрушить ее. Сумерки дали нам возможность приблизиться, не вызвав тревоги, и, к нашей радости, мы обнаружили, что проход доступен для броневиков: как раз перед нами находились два хороших моста.

Я решил вернуться утром с автомобилями и большим запасом пироксилина, чтобы уничтожить большой четырехпролетный мост. Восстановление его отняло бы у турок несколько дней, и таким образом была бы возмещена неудача Пика. Это стало счастливым открытием, и мы поскакали обратно, намечая по пути лучшую дорогу для автомобилей.

Утром, пока войска завтракали, мы, устроив совет, объясняли арабским вождям возможность набега автомобилей на железнодорожную линию. Было принято решение, что два броневика должны спуститься к мосту и атаковать его, в то время как главный отряд двинется дальше к горе Тель-Арар на Дамасской железной дороге, в четырех милях к северу от Дераа. Завладев линией, отряд займет там позицию на рассвете следующего дня, 1 сентября, а мы, покончив с мостом, присоединимся к ним с автомобилями.

Около двух часов дня, когда мы направлялись к железной дороге, нашим глазам открылось величественное зрелище реющих бомбометателей, с жужжанием стремившихся к Дераа в свой первый налет. Не привыкший к воздушным атакам, незащищенный, невооруженный турецкий гарнизон понес тяжкие потери.

В двух пассажирских и двух бронированных автомобилях мы зигзагами пересекли поросшие травой лужайки, пробираясь между стенами по усыпанному грубыми камнями равнинам. На подъеме к югу от моста стоял каменный блокгауз. Мы задержались, чтобы оставить здесь пассажирские автомобили. Я пересел в броневик, захватив с собой полтора фунта пироксилина, намереваясь спуститься в долину к мосту. Его своды, которые скроют нас от выстрелов с поста, дадут мне возможность подложить и поджечь заряды. Тем временем второй автомобиль, открыв активные действия, займет блокгауз, чтобы прикрыть мою операцию.

Оба броневика двинулись одновременно. Когда семь или восемь человек турецкого гарнизона заметили нас, их охватило удивление, и они, выскочив из окопов, ринулись на нас в полном порядке с ружьями наперевес. Их толкала либо паника, либо непонимание происходящего, либо нечеловеческая отвага.

Через несколько минут второй автомобиль открыл по ним стрельбу. Тем временем возле моста появилось еще четверо турок, которые начали стрелять в нас. Наши пулеметчики ответили им. Один из турок упал, другой был ранен, остальные бросились бежать, но передумали и вернулись, показывая, что сдаются. Мы отняли у них винтовки и отослали в долину к автомобилям. В ту же минуту блокгауз сдался.

Джойс в своем броневике ринулся вниз с пироксилином. Мы поспешно расположились возле моста, представлявшего собой прелестную игрушку длиной восемь футов, а высотой пятнадцать, украшенную сияющей плитой из белого мрамора с надписью в честь султана Абдул Гамида. Мы заложили в отверстия стоек у мостовых устоев шесть небольших зарядов и, взорвав их, разнесли вдребезги все пролеты моста.

Потом нескольких пленных усадили поверх груза и двинулись. К несчастью, в своем упоении мы ехали слишком беззаботно, и с моим «роллс-ройсом» вскоре случилась серьезная поломка. Мы пришли в отчаяние, так как успели отъехать лишь на триста ярдов от железной дороги и рисковали потерей броневика: враг находился близко. Шофер Ролле, наш искуснейший механик, чуть не плакал из-за происшедшего несчастья. Мы обступили его толпой, офицеры рядом с рядовыми, англичане вперемежку с арабами и турками. Все со страхом смотрели на выражение его лица.

Когда Ролле понял, что он, рядовой солдат, должен командовать в этих критических обстоятельствах, его лицо, казалось, застыло в упорной решимости. Наконец он заявил, что имеется лишь один шанс на исправление и он попытается использовать его. Его искусство было настолько велико, что он успешно выполнил свою задачу. Автомобиль без всяких дополнительных починок служил мне до самого Дамаска. Воистину великими были и Ролле, и «роллс-ройс»! В пустыне они стоили сотен людей.

Починка автомобиля задержала нас на несколько часов, и, покончив с нею, мы провели ночь в Умтайе. Мы были уверены, что, выступив в путь завтра на рассвете, не слишком опоздаем для встречи с Нури Саидом. Ведь мы могли сказать ему, что линия на Амман благодаря разрушению главного моста была закрыта для движения на целую неделю. Она служила скорейшим путем для прибытия подкрепления в Дераа, и ее уничтожение делало наш тыл безопасным.

Мы оказали помощь даже бедняге Зейду, находившемуся позади в Аба-эль-Лиссане, ибо турки, сосредоточившие свои силы в Тафиле, отложили атаку до исправления своих коммуникационных линий. Наша последняя кампания начиналась благоприятно.

Мы перерезаем главные линии

Мы выступили в путь до рассвета и, несмотря на неблагоприятную дорогу, к восьми часам утра нагнали арабскую армию на вершине откоса, ведущего к железной дороге. Ряды людей приводились в боевую готовность для атаки небольшого редута, охранявшего мост и находившегося между нами и валом горы Тель-Арар, с вершины которой открывался вид на весь округ до Дераа. Конные воины племени руалла, которых вел шейх Трад, ринулись по длинному склону к железнодорожному полотну. Майор Юнг бросился за ними на своем «форде».

Наблюдая с края, мы полагали, что линия будет захвачена без единого выстрела, но внезапно турецкий пост, к которому мы отнеслись с излишним пренебрежением, открыл яростную стрельбу. Наши храбрецы, замершие на мгновение в великолепных позах, попрятались.

Нури Сайд двинул вниз пушки и выпустил несколько снарядов. После этого войска и люди племени руалла легко овладели редутом, потеряв лишь одного человека убитым. Таким образом, к девяти часам утра в наши руки перешли южные десять миль Дамасской линии. Это была единственная железная дорога, ведущая в Палестину и Хиджаз, и я почти не верил нашему счастью, почти не верил, что мы выполнили так просто и скоро обещание, которое дали Алленби.

Арабы потоком хлынули вниз с кряжа. Наши солдаты могли невооруженным глазом видеть три узловые станции – Дераа, Мезериб и Газале. Но я видел еще дальше: на севере – Дамаск, турецкую базу, единственное звено их связи с Константинополем и Германией, которая сейчас была перерезана; на юге – отрезанные Амман, Маан и Медину; на западе – изолированного в Назарете генерала Лимана фон Сандерса **Error! Hyperlink reference not valid.**, Наблус и Иорданскую долину.

Сегодня было 17 сентября – назначенный день. Через сорок восемь часов Алленби бросит вперед все свои силы.

Мне хотелось, чтобы вся железнодорожная линия была разрушена в одну минуту, но работа, казалось, замерла. Армия уже выполнила свою задачу; Нури Сайд расставлял пулеметы вдоль вала Арара, чтобы отразить всякие вылазки из Дераа. Но почему не продолжалось уничтожение железнодорожного пути?

Я кинулся вниз и застал египетский отряд капитана Пика за завтраком. Я онемел от изумления при виде этой картины. Однако через час им сделали перекличку и они приступили к подрывной работе. Французские артиллеристы, у которых также был пироксилин, спустились к соседнему мосту. Они были не очень искусны, но при второй попытке частично разрушили его.

Прежде чем начало мелькать знойное марево, мы с вершины Тель-Арара внимательно осмотрели Дераа через мой сильный бинокль, чтобы узнать, что задумывали турки на сегодняшний день. Было сделано тревожное открытие. На турецком аэродроме мы заметили большое оживление. Команды вытаскивали на открытое место одну машину за другой. Я мог сосчитать восемь или девять аэропланов, выстроенных в ряд.

В остальном все происходило, как мы и ожидали. Немногочисленные пехотинцы сдвигали ряды, занимая оборонительные позиции. Турецкие пушки стреляли по нашим позициям, но до них было целых четыре мили. Из паровозных труб шел дым, но поезда не были бронированы.

Позади нас, по направлению к Дамаску, местность казалась неподвижной, как географическая карта. Справа у Мезериба не было заметно никакого движения. Инициатива оставалась в наших руках.

Мы надеялись при помощи шестисот изобретенных мной и Пиком специальных взрывных снарядов, имеющих форму тюльпана, вывести из строя шесть километров рельсового пути. На исправление его у турок ушла бы еще одна неделя.

Я повернулся, чтобы отправиться к войскам, и в эту минуту случилось два происшествия. Взорвался первый снаряд Пика. Поднялся столб черного дыма, похожий на тополь. В то же время первый турецкий аэроплан отделился от земли и полетел к нам.

Мы с Нури Саидом притаились под нависшим утесом, расщелины которого представляли собой глубокие естественные траншеи на южном склоне горы.

Мы хладнокровно ожидали разрыва бомбы, но аэроплан, оказалось, производил лишь разведку и, закончив ее, вернулся в Дераа.

Должно быть, он привез дурные вести, ибо три двухместных аэроплана, четыре самолета-разведчика и один старый желтобрюхий «альбатрос», быстро взвившись в воздух, закружились над нами, сбрасывая бомбы или, снизившись, осыпая нас пулеметным огнем. Нури разместил своих артиллеристов в расщелинах утеса, и скоро их орудия загрохотали в ответ. Неприятельские аэропланы пришли в замешательство и, делая круги, улетели. Вернулись они, взяв гораздо большую высоту. Их цель становилась неясной.

Мы велели нашим войскам рассеяться, а нерегулярные части рассеялись сами. На равнине не имелось ни одного укрытия, под которым мог бы скрыться даже кролик. Единственная надежда на удачу заключалась в том, чтобы представлять собой как можно менее определенную мишень, но опасение закралось в наши сердца, когда мы увидели тысячи наших людей разбегающимися в разные стороны. Казалось странным стоять на горной вершине, глядя на волнистый четырехугольник с поперечником в две мили, усыпанный людьми и животными, застилаемый ленивыми клубами дыма от взрывающихся бомб и вздымающейся пыли, подхлестываемой градом пулеметных пуль.

Дело становилось жарким, но египтяне размеренно продолжали свою работу. Четыре отряда зарывали снаряды, а Пик и один из его офицеров поджигали каждый ряд, как только он был заложен. В каждом снаряде содержалось по две шашки пироксилина. Этого количества было недостаточно, чтобы получались заметные взрывы, и вражеские аэропланы, казалось, не обращали внимания на то, что происходило под ними.

По крайней мере, они не слишком засыпали наших людей бомбами, а те по мере того, как их разрушительная работа подвигалась вперед, выбирались из опасной зоны в спокойную местность на севере. Их продвижение отмечалось сваленными телеграфными столбами.

Мы с Нури Саидом и Джойсом собрались на совет, обсуждая, как добраться до Ярмукского

участка Палестинской линии, чтобы завершить нашу деятельность по разрушению Дамасской и Хиджазской железных дорог. С одной стороны, бомбы могли причинить нам тяжелый урон при переходе через открытую равнину, с другой – взрывной отряд Пика оказался бы во власти Дераа, если бы турки отважились на вылазку; сейчас они были в смятении, но время могло вернуть им храбрость.

Пока мы колебались, все каким-то чудом разрешилось само собой. Лейтенант Джунон, летчик единственного аэроплана, находившегося в Азраке, услышал о вражеских аэропланах возле Дераа и самолично решил выполнить воздушную программу.

В самую тяжелую для нас минуту его машина внезапно появилась над нами. Мы наблюдали за ним со смешанным чувством, ибо его безнадежно устаревший самолет легко мог стать добычей любого вражеского истребителя. Но когда загрохотали два орудия Джунона, неприятель растерялся. Турецкие аэропланы рассеялись, чтобы внимательно осмотреть своего неожиданного противника. Джунон полетел на запад через железную дорогу, а те пустились за ним в погоню, пренебрегая находящейся на земле мишенью.

Нас оставили в полном покое. Нури использовал затишье, чтобы собрать триста пятьдесят человек с двумя орудиями и спешно направил их за Тель-Арар в первый переход к Мезерибу.

Мы послали крестьян вслед за солдатами. Спустя полчаса, когда я созывал свою охрану, чтобы добраться до Мезериба первым, опять раздалось жужжание моторов. К нашему удивлению, Джунон появился вновь, все еще невредимый, хотя и окруженный с трех сторон вражескими аэропланами, осыпавшими его пулями. Отстреливаясь, он делал великолепные повороты и скольжения. Туркам мешала их многочисленность, но, разумеется, исход схватки казался предрешенным.

В нас теплилась слабая надежда, что Джунон сможет спуститься невредимым, и мы ринулись к железной дороге, где простиралась полоса почвы, почти свободная от камней. Пока Джунон снижался, все поспешно помогали ее расчистить. Он бросил нам записку, что его бензин весь вышел. Мы лихорадочно работали в течение пяти минут, а затем подали ему сигнал на посадку. Он начал крутой спуск, но в эту минуту подул сильный порыв ветра под острым углом. Джунон прекрасно провел посадку, но ветер еще раз подул навстречу. Шасси сломалось, и аэроплан перевернулся.

Мы кинулись на подмогу, но Джунон уже вылез из кабины совершенно невредимый, если не считать пореза на подбородке. Он вытащил пулемет Льюиса, орудие Виккерса и барабаны с трассерами **Error! Hyperlink reference not valid.** Мы швырнули все в «форд» Юнга и обратились в бегство. И в ту же минуту один из турецких аэропланов снизился и бросил бомбу на место катастрофы.

Через пять минут Джунон уже просил о новом поручении. Джойс дал ему «форд», и он смело поехал вдоль железнодорожного полотна почти до самой Дераа, взорвав там рельсы, прежде чем турки успели его заметить. Они нашли его усердие чрезмерным и открыли по нему орудийную стрельбу, но Джунон с грохотом умчался в своем «форде», оставшись невредимым в третий раз.

Моя охрана ждала на склоне горы, выстроившись двумя длинными рядами. Ввиду нашего большого опоздания я решил открыто двинуться к Мезерибу самым быстрым шагом. К несчастью, мы привлекли внимание врага. Один из аэропланов медленно пронесся над нами, сбрасывая бомбы: первая, вторая, третья – все легли мимо, но четвертая угодила прямо в середину. Двое из моих людей упали. Их верблюды, обливаясь кровью, бились на земле. Но люди не получили даже царапины и вскочили на крупы верблюдов позади своих друзей.

Мы стремительно поскакали к Мезерибу, где шейх Дарзи Ибн Дагми встретил нас известием, что солдаты Нури Сайда находятся лишь в двух милях позади нас. Из старой крепости мы осмотрели озеро и заметили движение на построенной французами железнодорожной станции.

Крестьянские парни рассказали нам, что турки держат ее в своих руках. Однако подступы к ней казались слишком заманчивыми. Абдулла повел наступление и, захватив станцию, нашел там хлеб, муку и небольшую добычу в виде оружия, лошадей и украшений. Последние раздражили моих людей. Они бросились бежать по траве, торопясь, словно мухи на мед. Шейх Талал прискакал галопом.

Мы вместе поднялись на дальнюю насыпь и увидели в трехстах ярдах впереди турецкую станцию. Ее легко можно было бы занять, прежде чем атаковать большой мост ниже Тель-эль-Шехаба. Талал беззаботно двинулся вперед. Со всех сторон показались турки.

– Все в порядке, – сказал он, – я знаю начальника станции.

Но когда мы находились в двухстах ярдах от нее, нас оглушил залп из двадцати винтовок. Мы остались невредимыми и скрылись в высокой сорной траве, почти сплошь состоявшей из чертополоха. Проклиная Талала, мы осторожно поползли обратно.

Нури Сайд был точен. Он прибыл вместе с Насиром, и мы обсудили наше положение. Нури указал, что промедление у Мезериба может привести к тому, что мы потеряем нечто более, важное – мост. Я согласился, но считал, что лучше получить синицу в руки, чем журавля в небе, так как разрушение Пиком главной линии задерживалось на неделю, а в конце недели положение могло перемениться.

Итак, в ход были пущены пушки, и несколько тяжелых снарядов разнесли станцию. Под

прикрытием их и наших двадцати пулеметов Нури в перчатках и при шпаге вышел вперед, чтобы принять сдавшихся в плен сорок оставшихся в живых турецких солдат.

Сотни крестьян Хаурана, обезумев, ринулись грабить богатейшую станцию. Мужчины, женщины и дети дрались, как собаки, из-за каждой вещи. Они утащили двери и окна, дверные и оконные рамы и даже ступеньки лестниц. Какой-то ловкач взломал несгораемый ящик и нашел внутри почтовые марки. Другие разгромили вереницу вагонов, стоявших на запасном пути, и нашли там самые разнообразные товары. Десятки тонн этих товаров были расхищены, а еще больше уничтожено и разбросано по земле.

Мы с Юнгом перерезали телеграфные провода, являвшиеся действительно главной связью палестинской армии неприятеля с родиной. Безнадежное отсутствие инициативы у турок приводило к тому, что их армия сильно нуждалась в руководстве, и, таким образом, разрушение телеграфа способствовало превращению ее в беспорядочное скопище.

Покончив с телеграфом, мы занялись нашей добычей. В захваченном подвижном составе находилось два товарных вагона, битком набитых всякими деликатесами для какой-то германской походной лавки. Арабы, с недоверчивостью относившиеся к жестянкам и бутылкам, почти все уничтожили, но мы раздобыли немного мяса и консервированного супа, а позднее Нури Сайд дал нам спаржу. Он увидел, как один из арабов вскрывает банку, и с притворным ужасом крикнул тому:

– Свиные кости!

Крестьянин сплюнул и бросил добычу, а Нури Сайд до отказа набил спаржей свои седельные мешки.

Когда грабеж закончился, мы позволили людям поужинать и отдохнуть перед ночным нападением на Шехабский мост, лежавший в трех милях к западу. Мы хотели атаковать его с наступлением темноты, но нас сначала задержал ужин, а затем к нам нагрянули толпы посетителей, так как сигнальные огни наших костров известили о нашем прибытии почти весь Хауран.

Гости могли нам помочь своими новостями, и их приходилось встречать приветливо. Они прибывали с севера неиссякающим потоком верхом на лошадях, на верблюдах, пешком, сотня за сотней, охваченные грозным и величественным энтузиазмом, ибо думали, что мы окончательно заняли страну и что Насир закрепит свою победу, взяв Дераа той же ночью. Прибыли даже члены городского магистрата Дераа, дабы открыть нам ворота своего города. Приняв их предложение, мы должны были бы поддерживать водоснабжение железнодорожной станции, которая сдалась бы неизбежно. Но позднее, если турецкая армия еще продержалась бы, она могла снова выгнать нас оттуда и мы утратили бы поддержку жителей равнины, обитавших между Дераа и Дамаском, от которых зависела наша окончательная победа.

В общем, все говорило против немедленного взятия Дераа. Нам опять пришлось отослать обратно наших друзей, придумав оправдания, которые были доступны их пониманию. Дело двигалось очень медленно, а когда наконец все было готово, появился новый гость, совсем мальчик, старшина Тель-эль-Шехаба. Его деревня являлась ключом к мосту. Он описал позицию, рассказал, что там находится многочисленная стража, и указал ее местоположение.

Задача была труднее, чем мы полагали, если его рассказ соответствовал действительности. Но мы сомневались в этом, так как его недавно умерший отец был враждебно настроен к нам и преданность сына нашему делу казалась слишком внезапной. Однако он закончил свою речь заявлением, что вернется через час со своим другом – офицером, командующим гарнизоном. Мы послали его, чтобы он привел своего турка. Нашим людям мы велели еще раз прилечь на краткий отдых.

Мальчик скоро вернулся с турецким капитаном, армянином, жаждавшим причинить вред своему правительству каким бы то ни было способом. Его младшие офицеры и некоторые унтера, заявил он, верны туркам. Он предложил, чтобы мы подошли вплотную к деревне и тайком залегли там, между тем как трое или четверо самых сильных наших людей спрячутся в его комнате. Он призовет своих подчиненных одного за другим, и наша засада сможет захватить их поодиночке.

Его предложения словно сошли со страниц авантюрного романа, и мы с энтузиазмом согласились на них. Было девять часов вечера. Ровно в одиннадцать мы должны были окружить деревню и подождать шейха, чтобы он провел наших людей в дом коменданта. Оба заговорщика, довольные собой, отправились обратно, а мы разбудили наш отряд, заснувший мертвым сном возле нагруженных верблюдов. Ничего не было видно.

Моя охрана приготовила для моста взрывные снаряды из гремучего студня. Я набил свои карманы детонаторами. Насир разослал людей к каждому отделению верблюжьего корпуса, чтобы известить о предстоящей атаке.

Наш отряд длинным двойным рядом крадучись спустился по извилистой тропе возле оросительного рва. Если бы нас ожидала измена, эта лишенная прикрытия дорога оказалась бы для нас смертельной западней, безвыходной, узкой, извилистой и скользкой от воды, протекавшей по дну. Поэтому Насир и я шли с нашими людьми первыми. Их привычное ухо улавливало каждый звук, а глаза все время были настороже. Перед нами оглушительно грохотал водопад.

Мы крались медленно и осторожно. Шаги наших босых ног были беззвучны. Позади, затаив

дыхание, ползли, как змеи, наши солдаты. Волны сырого воздуха от реки встретили нас своей прохладой.

В эту минуту слева от нас спустился Рахейл и, схватив меня за руку, указал на столб белого дыма, медленно подымающийся из долины. Мы подбежали к краю спуска и уставились во мрак. Глубину застилал поднявшийся от воды серый туман, и мы видели лишь бледную тусклость плывущего спиралями дыма. Где-то внизу проходила железная дорога, и мы остановились, боясь, не ждет ли нас здесь ловушка. Втроем мы спустились шаг за шагом по скользкому склону горы, пока не расслышали голоса и пыхтение паровоза. Внизу, должно быть, стоял поезд. Успокоившись, мы опять двинулись к нашей цели – ниже деревни.

Наши люди растянулись в ряд и прождали пять минут, затем десять. Минуты проходили с томительной медленностью. Наконец мы позволили людям сойти с верблюдов на землю и сели, удивляясь задержке, бдительности турок и желая узнать, что означает этот молчаливый поезд, стоявший под нами в долине. Наши шерстяные плащи набухли и отяжелели от сырости. Мы дрожали от озноба.

Спустя много времени темноту прорезало светлое пятно. То был мальчик-шейх, державший свой коричневый плащ раскрытым, показывая нам, как флаг, свою белую рубашку. Он прошептал, что его план потерпел неудачу. Только что прибыл какой-то поезд (тот самый, который шумел в лощине) и привез германские и турецкие резервы из Афуле, посланные Лиманом фон Сандерсом на выручку охваченной паникой Дераа. Они посадили офицера-армянина под арест за то, что он отлучился со своего поста. С ними была уйма пулеметов, а часовые безостановочно наблюдали за подступами. Действительно, на тропинке неподалеку от нас разместился сильный пикет.

Нури Сайд предложил, чтобы главный отряд занял местность. У нас было достаточно бомб, на нашей стороне был перевес в численности и боевой готовности. Нам представлялся прекрасный случай, но я все подсчитывал, во сколько жизней обойдется это дело, и, как всегда, нашел цену слишком дорогой. Поэтому я заявил Нури, что голосую против. Мы сегодня уже дважды перерезали Дамасско-Палестинскую железную дорогу, а прибытие сюда гарнизона из Афуле являлось нашей третьей услугой Алленби. После минутного размышления Нури согласился со мной. Мы пожелали спокойной ночи юноше, который честно стремился оказать нам такую большую помощь. Мы прошли вдоль рядов, шепотом приказывая каждому бесшумно двинуться обратно. Затем мы сели группой, держа винтовки наперевес и ожидая, пока наши люди выберутся из опасной зоны.

Борьба по всему фронту

Перед рассветом из Тель-Араара прибыли орудия и остальные войска Нури Сайда. Мы написали Джойсу, что завтра вернемся на юг, к Несибу, чтобы замкнуть окружение Дераа. Я предложил ему двинуться обратно к Умтайе и ожидать нас там, ибо Умтайе с его обильными запасами воды, великолепным пастбищем и одинаковой удаленностью от Дераа, Джебель-Друза и пустыни Руалла казалось идеальным местом, где мы могли собраться, ожидая известий об успехах Алленби.

На следующий день отряд, превозмогая расслабленность, собрался для новых трудов и, растянувшись на огромном протяжении, двинулся через станцию Мезериб. Мы с Юнгом не спеша закладывали снаряды, в то время как войска разбрелись по развороченной земле по направлению к Ремту, чтобы их не могли заметить ни из Дераа, ни из Шехаба. Над нами гудели турецкие аэропланы-разведчики. Чтобы ввести их в заблуждение, мы отослали наших крестьян через Мезериб обратно в деревни. Благодаря этому турецкие летчики донесли, что нас очень много – возможно, восемь или девять тысяч человек – и что наши передвижения направлены одновременно во все стороны.

К их вящему изумлению, наши снаряды взорвали водонапорную башню в Мезерибе спустя много часов после того, как мы через него прошли. Немцы в эту минуту выступали из Шехаба, направляясь в Дераа **Error! Hyperlink reference not valid.**, но необъяснимый грохот заставил их вернуться и задержаться там до вечера.

Между тем мы были далеко и настойчиво брели к Несибу, горной вершины которого достигли к четверем часам дня. Мы предоставили нашей посаженной в седло пехоте короткий отдых, а тем временем двинули артиллеристов и пулеметчиков к гребню первого кряжа, откуда шел спуск к железнодорожной станции.

Мы расположили их там под прикрытием орудия и велели открыть огонь на две тысячи ярдов по станционным зданиям. Артиллеристы, соперничая друг с другом, так принялись за дело, что вскоре в крышах и навесах появились неровные дыры. В то же время мы двинули наших пулеметчиков налево, чтобы обстрелять окопы, откуда в ответ открыли жаркую, упорную стрельбу. Однако наши войска имели естественное прикрытие и на их стороне было то преимущество, что послеполуденное солнце сияло за их спинами. Поэтому мы не понесли никаких потерь, так же, впрочем, как и неприятель. Разумеется, все это было лишь игрой, и захват станции не входил в наш план. Нашей действительной целью являлся большой мост, лежавший к северу от деревни. Турки удерживали мост, занимая небольшой редут близ него и поддерживали связь с ним через

пехотинцев, расположенных в деревне под прикрытием ее стен.

Мы обратили два орудия и шесть пулеметов против редута у моста, надеясь вынудить защитников покинуть его. Пять пулеметов направили свой огонь на деревню. Через пятнадцать минут ее старшины, очень встревоженные, прибыли к нам. Нури обещал прекратить стрельбу при условии, что турки будут немедленно выгнаны из домов. Они обещали нам это.

Мы удвоили наш обстрел станции и моста. Огонь с четырех сторон стал жестоким, ибо мы имели двадцать пять своих пулеметов, а также большое количество турецких. Наконец мы направили все четыре орудия против редута и после нескольких залпов увидели его охрану бегущей из своих разрушенных окопов через мост под прикрытием железнодорожной насыпи.

Последняя была высотой в двадцать футов. Если охрана намеревалась защищать мост из-за его сводов, она находилась бы на прекрасной позиции. Однако мы рассчитывали, что станция соблазнит турок оставить мост. Я отделил половину своего отряда, нагруженного взрывчатым веществом, и двинулся с ним вдоль гребня пулеметного бруствера, пока мы не очутились на расстоянии полета камня от редута.

Редут действительно оказался покинутым. Мы спешили и подали Нури сигнал прекратить стрельбу. В молчании мы осторожно прокрались через своды моста и нашли их тоже оставленными.

Третья машина закапризничала. Ее пилот и наблюдатель отчаянно запускали пропеллер, пока мы приближались. Наконец они прыгнули в железнодорожный ров, а мы начали посылать пулю за пулей в остов самолета, пока он не заплескал под их градом. Мы выпустили полторы тысячи пуль по нашей мишени, а затем повернули обратно.

К несчастью, оба спасшихся бегством аэроплана успели слетать в Дераа и, пылая злобой, вернуться. Один из них не проявил особого ума и сбросил на нас четыре бомбы с большой высоты, дав промах. Но второй ринулся вниз и начал сбрасывать бомбы метко и аккуратно. Мы медленно поползли назад, беззащитные между камней, чувствуя себя обреченными, как сардинки в жестяной коробке, когда бомбы начали падать все ближе. Одна из них осыпала градом мелких камней управляющую часть автомобиля, но лишь изранила нам руки. Другая изодрала переднюю шину и чуть не перевернула машину.

Я предпочитаю встречать опасность в одиночестве. К счастью, мы благополучно добрались до Умтайе и донесли Джойсу о нашем успехе. Мы доказали туркам, что аэродром непригоден для пользования и что Дераа в равной степени доступна для автомобильной атаки.

Позднее я прилег в тени одного из автомобилей и заснул. Все арабы пустыни и пролетавшие турецкие аэропланы, которые бомбардировали нас, не могли нарушить моего мирного отдыха. В огне событий люди стали лихорадочно-неутомимыми, но сегодня мы счастливо закончили наш первый набег, и мне было необходимо отдохнуть перед следующими походами. Как и всегда, я заснул как убитый, лишь только лег, и проспал до полудня. события. Шли слухи, что мы лишь совершаем набег, а не оккупируем территорию и что затем удерем отсюда, как удрали англичане от Салта, предоставив нашим местным друзьям расплачиваться за все.

Ночной покой беспрестанно нарушался этими пришельцами, с криком окружавшими наш бивуак и, по крестьянскому обыкновению, слюнявившими нам поцелуями руки с торжественными заявлениями, что мы их всемогущие владыки, а они наши смиреннейшие слуги. Может быть, на этот раз мы не приняли их с нашей обычной любезностью, но в отместку они подвергли нас пытке, заставляя бодрствовать через силу... В течение трех дней и трех ночей мы напряженно работали, обдумывая, приказывая и выполняя приказы; и сейчас потеря для отдыха еще одной ночи вызывала острую горечь.

Их причитания угнетали нас все сильнее и сильнее, пока наконец Насир не отвел меня в сторону и не шепнул, что, очевидно, где-то поблизости существует центр недовольства. Я отпустил своих телохранителей, чтобы они смешались с толпой поселян и выяснили, в чем дело. По их донесениям оказалось, что недовольство идет из ближайшего поселения Тайиба, жители которого вчера были потрясены возвращением бронированных автомобилей Джойса, вызванным случайными обстоятельствами. Этот случай породил опасения, что после нашего отступления Тайиба окажется местом, подвергающимся наибольшей опасности.

Я подозвал Азиза, и мы поскакали прямо к Тайибе по неровным слоям лавы, заваленным каменными глыбами. В хижине старшины восседал конклав, чьи страхи заразили наших посетителей. Они как раз спорили, кого послать к туркам, чтобы умолять их о пощаде, когда мы неожиданно вошли. Наше прибытие без всякой охраны пристыдило их как доказательство полной безопасности. Мы поговорили часок на сторонние темы – о хлебах и ценах на сельскохозяйственные продукты – и выпили кофе. Затем мы поднялись, чтобы уехать. После этого болтовня возобновилась, но настроение изменилось в нашу пользу, и они не дали знать о нас неприятелю. А на следующий день за такое упорное сообщничество с нами турки подвергли их селение бомбардировке и артиллерийскому обстрелу.

Мы вернулись до наступления рассвета и расположились, чтобы заснуть. Но тут со стороны железной дороги раздался оглушительный грохот, и за нашими спящими войсками взорвался снаряд. Турки выслали бронированный поезд с полевым орудием.

Пришлось поспешно двинуться вперед по ужасной дороге. Показался турецкий аэроплан и закружил над нами, чтобы помочь артиллеристам. Снаряды начали падать возле нас. Мы удвоили шаг и растянулись в ломаную линию, лишенную всякого прикрытия. Внезапно аэроплан нерешительно застыл в воздухе, а затем отклонился в сторону по направлению к железной дороге и, казалось, снизился. Турецкое орудие выпустило еще один удачно направленный снаряд, который убил двух верблюдов, но после этого потеряло прицел. Около пятидесяти следующих выстрелов не причинили нам вреда, и мы успели выйти за пределы досягаемости снарядов. Турецкое орудие приступило к наказанию Тайибы.

Джойс проснулся в Умтайе от канонады и вышел, чтобы встретить нас. Позади его высокой фигуры развалины были расцвечены пестрой толпой, составленной из представителей всех деревень и племен Хаурана, прибывших засвидетельствовать уважение и предложить – по крайней мере, на словах – свои услуги. К неудовольствию уставшего Насира, я оставил его с ними, а сам ушел с Джойсом и Уинтертоном, рассказывая им о снизившемся аэроплане и высказывая предположение, что его подбил какой-нибудь бронированный автомобиль с места своей стоянки. В эту минуту появились еще два неприятельских аэроплана и сделали посадку у того же самого места, где снизился первый.

Однако завтрак, первый за долгое время, был уже приготовлен. Мы сели, и Джойс рассказал, как обитатели Тайибы стреляли по нему, когда он проезжал мимо, вероятно, чтобы подчеркнуть свое мнение о чужаках, которые сначала ворошат гнездо турецких шершней, а затем улепетывают.

Завтрак окончился. Мы вызвали из числа автомобилистов добровольца, чтобы обследовать неприятельский аэродром. Все выступили вперед с молчаливой готовностью и охотой, от которых у меня перехватило дух. Наконец Джойс выбрал двух автомобилистов с двумя машинами – одной для Джунора, а другой для меня, и мы проехали пять миль к долине, у входа в которую, казалось, снизились аэропланы.

Мы заглушили шум автомобиля и медленно поползли вперед по дороге. Приблизительно в двух тысячах ярдов от железной дороги она изгибалась вокруг гладкого луга, у дальнего края которого стояло три аэроплана. Это было великолепно! Мы ринулись вперед, но нам преградил путь глубокий ров, окаймленный отвесными насыпями из растрескавшейся земли и совершенно непроходимый.

В ярости мы устремились вдоль него по дороге. Стоило нам остановиться, как два аэроплана начали разбег. Мы открыли по ним огонь, пытаюсь нащупать прицел по пыльным клубам, но самолеты уже отделились от земли и, прошумев над нами, исчезли.

Третья машина заапризничала. Ее пилот и наблюдатель отчаянно запускали пропеллер, пока мы приближались. Наконец они прыгнули в железнодорожный ров, а мы начали посыпать пулю за пулей в остов самолета, пока он не заплывал под их градом. Мы выпустили полторы тысячи пуль по нашей мишени, а затем повернули обратно.

К несчастью, оба спасшихся бегством аэроплана успели слетать в Дераа и, пылая злобой, вернуться. Один из них не проявил особого ума и сбросил на нас четыре бомбы с большой высоты, дав промах. Но второй ринулся вниз и начал сбрасывать бомбы метко и аккуратно. Мы медленно поползли назад, беззащитные между камней, чувствуя себя обреченными, как сардинки в жестяной коробке, когда бомбы начали падать все ближе. Одна из них осыпала градом мелких камней управляющую часть автомобиля, но лишь изранила нам руки. Другая изодрала переднюю шину и чуть не перевернула машину.

Я предпочитаю встречать опасность в одиночестве. К счастью, мы благополучно добрались до Умтайе и донесли Джойсу о нашем успехе. Мы доказали туркам, что аэродром непригоден для пользования и что Дераа в равной степени доступна для автомобильной атаки.

Позднее я прилег в тени одного из автомобилей и заснул. Все арабы пустыни и пролетавшие турецкие аэропланы, которые бомбардировали нас, не могли нарушить моего мирного отдыха. В огне событий люди стали лихорадочно-неутомимыми, но сегодня мы счастливо закончили наш первый набег, и мне было необходимо отдохнуть перед следующими походами. Как и всегда, я заснул как убитый, лишь только лег, и проспал до полудня.

Помощь Королевского Воздушного Флота

Со стратегической точки зрения наша задача заключалась в том, чтобы оставаться в Умтайе, дававшем нам господство над тремя железными дорогами Дераа. Если бы мы продержались тут еще неделю, то задушили бы турецкие армии, как незначительны бы ни были успехи Алленби. Однако с тактической точки зрения Умтайе являлся опасным местом. Слабый отряд, состоявший исключительно из регулярных войск без прикрытия партизан, не мог без потерь удержать его, и все-таки мы должны были пойти на это, даже если бы беспомощность наших воздушных сил продолжала оставаться очевидной.

У турок было по крайней мере девять аэропланов. Мы расположились лагерем в двенадцати милях от их аэродрома, в открытой пустыне, возле единственного источника воды, с большими табунами верблюдов и лошадей, которые по необходимости паслись вокруг нас. Первая же турецкая

бомбардировка казалась достаточной, чтобы переполошить партизан, являвшихся нашими глазами и ушами. Как только они прекратят свою службу и отправятся по домам, наша боеспособность будет подорвана. Тайиба, первая деревня, которая служила нам прикрытием от Дераа, находилась в таком же положении: она лежала беззащитная, содрогаясь под огнем многократных атак.

Если мы собирались оставаться в Умтайе, Тайиба должна была оставаться на нашей стороне.

Прежде всего мы должны были получить воздушное подкрепление от Алленби, намеревавшегося на второй день послать в Азрак самолет с донесениями. Я решил, что мне полезно поехать и переговорить с ним. Я мог вернуться к 22-му числу. Умтайе продержалась бы до тех пор, ибо мы всегда могли обмануть вражеские аэропланы, передвинувшись к Ум-эль-Сурабу, соседней римской деревне **Error! Hyperlink reference not valid.**

Но чтобы находиться в безопасности в том или другом месте, мы должны были удерживать инициативу в своих руках. Фланг со стороны Дераа был временно закрыт из-за недоверчивости крестьян. Оставалась Хиджасская линия. Мост на сто сорок девятом километре оказался почти восстановлен. Мы должны были вновь его разрушить и вместе с тем разрушить еще один мост на юге, чтобы преградить к нему доступ ремонтных поездов. Попытка Уинтертона, произведенная вчера, доказывала, что первая задача требовала участия войск и орудий. Вторая могла быть осуществлена путем набега.

Итак, я заявил Джойсу, что египтяне и гуркхи **Error! Hyperlink reference not valid.** возвращаются в Акабу, и попросил одолжить мне бронированный автомобиль, чтобы отправиться с ними и сделать все, что могло быть сделано. Мы отыскали Насира и Нури Сайда и сообщили им, что я вернусь 22-го числа с боевыми самолетами. Это избавит нас от турецких воздушных истребителей и вражеских бомб.

Приключения и подрывные работы этой ночи прошли в фантастическом беспорядке. При заходе солнца мы двинулись к открытой долине в трех милях удобного пути от железной дороги. Нам могли угрожать неприятности со стороны станции Эль-Мафрак. Мой броневик в сопровождении «форда» лейтенанта Джунора должен был охранять этот фланг против вражеского наступления. Египтянам предстояло двинуться прямо к железнодорожному полотну и взорвать свои снаряды.

Мое руководство потерпело полную неудачу. Мы блуждали в течение трех часов в лабиринте долин и не могли найти ни железной дороги, ни египтян, ни нашего исходного пункта. Наконец мы заметили какой-то огонь и, поехав в его направлении, очутились против Эль-Мафрака. Мы услышали пыхтение паровоза, отходившего от станции на север, и погнались за ним, надеясь захватить его, пока он не доехал до разрушенного моста. Не успели мы нагнать его, как раздались далекие взрывы тридцати снарядов Пика.

Несколько верховых стремглав проскакали мимо нас, направляясь на юг. Мы обстреляли их. Патрулирующий поезд вернулся, отступая с всевозможной скоростью перед опасностью, грозившей ему от снарядов Пика. Мы помчались бок о бок с ним, открыв огонь из нашего орудия Виккерса по товарным вагонам, а Джунок осыпал их во мраке зеленым градом трассирующих пуль из своего пулемета Льюиса. Завывания турок, пришедших в ужас от этой световой атаки, заглушили нашу стрельбу и грохот паровоза. Турки яростно отстреливались, и внезапно наш огромный автомобиль засопел и остановился. Неприятельская пуля пронзила незащищенную часть резервуара с бензином, единственное небронированное место на всем автомобиле. Мы потеряли час, чтобы заткнуть пробойну.

Покончив с ней, мы поехали вдоль безмолвного железнодорожного полотна, но не могли отыскать наших друзей. Поэтому, отъехав на милю, мы остановились, и я наконец мог выспаться в течение трех часов, оставшихся до рассвета.

Я проснулся освеженным и узнал местность. Мы поспешно двинулись вперед, миновав египтян, и рано днем добрались до Азрака. Там находились Фейсал и Нури Шаалан, горя желанием услышать наши новости. Я все подробно рассказал и вслед за тем отправился к Маршаллу во временный госпиталь.

На рассвете прибыл самолет из Палестины, и мы услышали первую изумительную весть о победе Алленби. Он вдребезги разбил турок, прорвался через их фронт и далеко отогнал неприятеля **Error! Hyperlink reference not valid.** Картина нашего военного положения изменилась, мы срочно сообщили Фейсалу о новостях, советуя ему поднять всеобщее восстание, чтобы использовать благоприятную ситуацию.

Час спустя я благополучно прибыл в Палестину. Воздушный отряд дал мне в Рамле автомобиль, чтобы я добрался до ставки главнокомандующего, где великий Алленби пребывал в состоянии полной неподвижности. Лишь в глазах его загорался огонь, когда Боле, суеясь, докладывал каждые пятнадцать минут о все растущем успехе. Алленби был настолько уверен в нем еще до своего выступления в поход, что донесения были ему почти скучны.

Он набросал мне план своих дальнейших действий. Историческая Палестина находилась в его руках, и разбитые турки, засев в горах, ожидали, что его погоня за ними ослабеет. Но Алленби не помышлял ни о чем подобном! Генералы Бартоломью и Эванс приготовились нанести три новых удара: один через Иордан по Амману силами новозеландских войск генерала Чейтора; второй –

через Иордан на Дераа силами генерала Барроу и его индусов; третий – через Иордан по Кунетре австралийскими войсками генерала Чавела. Чейтор остался бы на отдыхе в Аммане, Барроу и Чавел же, осуществив первую часть плана, устремились бы к Дамаску. Мы должны были помогать на всех трех направлениях, и я не мог угрожать Дамаску, пока все мы не соединимся.

Я объяснил, что наши планы рушатся из-за слабости воздушных сил. Алленби нажал звонок, и уже через несколько минут вице-маршал воздушного флота Салмонд и командир воздушного флота Бортон совещались с нами. Их аэропланы являлись необходимой частью в плане Алленби (этот человек в совершенстве умел использовать пехоту и кавалерию, артиллерию и воздушный флот, морской флот и броневики, маскировки и нерегулярные войска и каждую отдельную часть порознь наилучшим образом!) – и они уже выполняли предназначенную им роль. Небо везде ускользнуло из рук турок, исключая наш фланг, что я умышленно подчеркнул. Тем лучше, заявил Салмонд, они пошлют два истребителя «бристоль» для операций в Умтайе, пока они нам будут нужны. Есть ли у нас запасные части к ним? Бензин? Ни капли? Как его можно туда доставить? Только воздушным путем? Воздушно-боевым отрядом? Неслыханное дело!

Однако Салмонд и Бортон были людьми, жадными до новшеств. Они наметили грузы для «DN-9» и «хандли-пейдж» **Error! Hyperlink reference not valid.**, а Алленби сидел рядом и улыбался, уверенный, что все будет сделано. По его плану сотрудничество воздушного флота осуществлялось умело и гибко, служба связи была совершенна и быстра. Именно Королевский воздушный флот превратил отступление турок в бегство, именно он уничтожил их телефонную и телеграфную связь, блокировал обозные колонны, рассеял пехотные части неприятеля. Салмонд и Бортон принимали участие не только в тактической деятельности Алленби, но и в его стратегии. Кульминационным моментом воздушной атаки являлся разгром злополучных турок в долине, по которой Эсдраелон сбегает к Иордану у Бей-Сана. Современное автомобильное шоссе – единственный путь, пользуясь которым турецкие дивизии могли спастись бегством, – шло зигзагами между скалой и пропастью в смертоносном ущелье. В течение четырех часов наши аэропланы, сменяя друг друга над обреченными колоннами турок, подвергли их дождю из девяти тонн бомб и гранат и пятидесяти тысяч патронов мелкокалиберных орудий. Когда дым рассеялся, стало видно, что в рядах неприятеля исчезли всякие следы военной организации. Они превратились в отряд трепещущих беглецов, спасающих свою жизнь, прячась за каждым выступом обширных холмов. Турецким командирам так и не удалось снова собрать их. Когда на следующий день наша кавалерия вступила в безмолвную долину, она насчитала девяносто орудий, пятьдесят грузовиков и около тысячи повозок, брошенных со всеми принадлежностями. Королевский воздушный флот потерял четырех человек убитыми. Турки же – целый корпус.

Начальники воздушного флота обратились ко мне с вопросом, достаточно ли удобны наши посадочные площадки для спуска самолета «хандли-пейдж» с полным грузом. Я лишь один раз видел огромный самолет под его навесом, но решительно ответил: «Да!»

Однако они предпочли на следующий день послать со мной эксперта, чтобы убедиться в этом. Салмонд поднялся и сказал:

– Отлично, сэр, мы сделаем все необходимое.

Я вышел, чтобы позавтракать.

Перед рассветом следующего дня на австралийском аэродроме стояли два истребителя «бристоль» и один «DN-9». В одном сидел капитан воздушных сил сэр Росс Смит, мой старый пилот, которому доверили летать на новом самолете типа «хандли-пейдж», единственной в Египте машине этого класса, являвшейся гордостью Салмонд а.

Мы добрались до Умтайе за один час. Армия уже ушла. Отсюда мы отправились обратно в Ум-эль-Сураб, где и нашли ее. Арабы, услышав шум аэропланов, начали прятаться, но Юнг подал нам сигнал посадки и зажег дымовые снаряды.

Росс Смит озабоченно измерил шагами длину и ширину приготовленной площадки и исследовал ее недостатки. Когда готовили завтрак, он присоединился к нам с просветленным лицом. Почва вполне подходила для самолета «хандли-пейдж». Юнг рассказал нам о многократных бомбардировках, которм они подверглись вчера и позавчера, потеряв убитыми нескольких солдат и артиллеристов. Эти обстрелы так измучили войска, что ночью они двинулись в Ум-эль-Сураб. Однако идиоты турки продолжали бомбардировать Умтайе, хотя наши люди отправлялись туда за водой лишь в полдень и ночью, когда военные действия не производились.

Я также узнал о последнем взрыве полотна железной дороги, произведенном Уинтертоном. При этом произошел забавный случай: он встретил какого-то неизвестного ему солдата и объяснил ему на ломаном арабском языке, как хорошо идут дела. Солдат возблагодарил Бога за его милости и исчез во мраке, а минуто спустя турки со всех сторон открыли пулеметный огонь. Несмотря на это, Уинтертон использовал все свои снаряды и отступил в полном порядке, не понеся никаких потерь.

К нам подошел Насир и начал передавать местные сплетни о том, что такой-то ранен, такой-то убит, что один клан готов был присоединиться к нам и некоторые из его людей уже присоединились, но остальные ушли домой.

Три сверкающих аэроплана очень воодушевили арабов. Они восхваляли англичан и свое

собственное мужество и выносливость, когда я рассказывал им почти невероятную эпопею об успехах Алленби: Наблус взят, Афуле взято, взяты Бей-Сан, Семах и Хайфа. По лагерю пробежала дрожь восторга и самоуверенности. Я решил вызвать Фейсала и Нури Шаалана, чтобы они приняли участие в последнем бою.

Тем временем наступило время для завтрака, и в воздухе запахло колбасой. Мы сели в круг и приготовились было к еде, но караульный на разрушенной башне закричал:

– Аэроплан в воздухе!

Аэроплан приближался со стороны Дераа. Наши австралийцы яростно бросились со всех ног к своим еще не остывшим аэропланам и в одну минуту подготовили их к отлету. Росс Смит со своим наблюдателем вскочил в один из них и, как кошка, вскарабкался наверх. За ним поднялся лейтенант Питере, а третий летчик стоял возле «DN-9» и упорно смотрел на меня.

Я притворился, что не понимаю его. Нет, я вовсе не собирался принимать участие в воздушном бою, и меня не интересовало мнение пилота. Ведь он был тел в Азрак, и я отправился с ним, чтобы повидать Фейсала.

Мы вернулись в Азрак спустя всего лишь тридцать часов с того времени, как его покинули. Я повернул гуркхов и египтян обратно, чтобы они присоединились к армии для новых подрывных работ на севере. Мы забрались с Фейсалом и Нури Шааланом в зеленый «вокхолл» **Error! Hyperlink reference not valid.** и направились в Ум-эль-Сураб, чтобы присутствовать при прибытии «хандли-пеиджа».

Мы быстро передвигались по ровным голышам или глинистым равнинам, и наш мощный автомобиль пыхтел вовсю, но счастье нам не улыбалось. Пришло донесение о несогласиях среди арабов, и мы были вынуждены свернуть в сторону к одному из местных лагерей племени сирхан. Однако мы извлекли пользу из потери времени, приказав их бойцам выступить в Умтайе.

Наш автомобиль опять ринулся на север. Не доезжая двадцати миль до Ум-эль-Сураба, мы заметили одинокого бедуина, бегущего к югу со всех ног. Ветер развеивал его седые волосы и бороду. Он изменил направление, чтобы пробежать мимо нас, и, размахивая костлявыми руками, крикнул:

– Самый большой аэроплан в мире!

Затем он опять повернул на юг, чтобы разгласить между палатками свою великую весть.

В Ум-эль-Сурабе на траве величественно стоял «хандли». Самолеты «бристоль», как птенцы, приютились под его широко распростертыми крыльями. Арабы любовались им, говоря:

– Наконец-то нам в самом деле прислали настоящий аэроплан. Ведь эти штуки были лишь его жеребьями.

Еще не наступила ночь, как слух о нем достиг холмов Джебель-Друза и долин Хаурана.

С аэропланом прибыл сам Бортон, чтобы договориться о помощи. Мы беседовали с ним, в то время как наши люди вытаскивали из корпуса самолета и сеток для бомб целую тонну бензина, нефть и запасные части для истребителей, чай, сахар и довольствие для наших людей, письма, телеграммы агентства Рейтер и всякие медикаменты для нас. Затем в ранних сумерках огромный самолет поднялся в воздух и направился в Рамлу с согласованной программой ночной бомбардировки Дераа и Мафрака, чтобы завершить развал железнодорожного движения, начало которому положил наш пироксилин.

Мы, со своей стороны, не должны были ослаблять своего нажима на неприятеля при помощи пироксилина. Алленби поручил нам тревожить и сдерживать Четвертую турецкую армию, пока Чейтор не вытеснит ее из Аммана, и отрезать ей пути к отступлению **Error! Hyperlink reference not valid.** Это отступление являлось лишь вопросом дней; мы решили, что на следующей неделе поднимаем восстание на равнинах между нами и Дамаском. Поэтому Фейсал решил присоединить к нашей колонне людей племени руалла, которых привел Нури Шаалан из Азрака, с верблюдами. Тем самым наши силы увеличивались до четырех тысяч человек, из которых свыше трех четвертей являлись партизанами. На последних вполне можно было положиться, так как Нури, суровый, молчаливый, не останавливающийся ни перед чем старик, держал свое племя в ежовых рукавицах.

Каждую минуту люди подъезжали и присоединялись к нам. Отважные юноши бежали пешком, чтобы примкнуть к рядам наших людей.

К полудню мы вступили на засаженные арбузами поля. Солдаты разбежались по ним, пока мы осматривали железнодорожное полотно, покинутое и безлюдное, дрожащее в лучах знойного солнца. Когда мы наблюдали за ним, прошел поезд. Лишь прошлой ночью полотно было восстановлено, и это был только третий поезд. Дикой ордой, растянувшейся на две мили, мы двинулись, не встретив сопротивления, к железнодорожной линии и начали поспешно взрывать рельсы. Все, у кого имелось взрывчатое вещество, использовали его каждый по своему усмотрению. Сотни наших новичков были полны рвения, и, хотя работой никто не руководил, разрушения достигли больших размеров.

Очевидно, наше возвращение привело в изумление и сбilo неприятеля с толку. Мы должны были полностью использовать этот случай. Я подошел к Нури Шаалану, Ауде и Талалу и спросил, что предпринимает каждый из них. Энергичный Талал решил атаковать Эзраа, крупное хлебное депо на севере; Ауда – Хирбет-эль-Газале, ближайшую станцию на юге; Нури же хотел устремиться со своими людьми по главной дороге к Дераа.

Все три предложения были хороши. Шейхи разошлись, чтобы заняться их осуществлением. Я же со своей охраной поскакал с такой быстротой, что на заре мы вступили в деревню Шейх-Саад.

Ночные отряды вернулись с богатой добычей. Эзраа находилась в слабых руках алжирского эмира Абд эль-Кадера, в распоряжении которого были лишь его наймиты, несколько добровольцев и немного войск.

Мы медленно продвигались под градом пулеметный пуль, барабанивших по нашей броне, когда из-за железнодорожного полотна кто-то кинул в нас ручную гранату.

Это новое обстоятельство сделало невыполнимым мой план проникновения под мост. Наш автомобиль не мог бы устоять против разрывов гранат. Поэтому мы отступили, решив повторить попытку после наступления темноты.

В Ум-эль-Сурабе мы выяснили, что Насир хочет еще раз расположиться лагерем в Умтайе. Его намерение мне очень понравилось, и мы отправились туда, тем самым создавая себе уважительную причину, чтобы этой ночью не атаковать железную дорогу. Вместо этого мы сидели и делились воспоминаниями, ожидая полуночи, когда самолет «хандли-пейдж» приступит к бомбардировке станции Мафрак. Полночь наступила, и мы услышали взрывы одной стофунтовой бомбы за другой, продолжавшиеся, пока станция не запылала и стрельба турок не смолкла.

Всю ночь и следующий день пожар товарных вагонов разгорался все ярче. Он служил доказательством беспорядка в стране турок, о котором арабы рассказывали со вчерашнего дня. Они говорили, что Четвертая армия турок откатывается от Аммана беспорядочной толпой.

Мы созвали совет. Наша деятельность против Четвертой армии была закончена. Жалкие остатки ее, ускользнувшие от арабов, могли бы добраться до Дераа безоружными беглецами. Сейчас мы должны были приложить старания к тому, чтобы вынудить Дераа как можно скорее эвакуироваться, и тем самым помешать туркам составить арьергард из беглецов. Я предложил выступить в поход на север, миновать

Тель-Арар и, перейдя на рассвете следующего дня железную дорогу, добраться до деревни Шейх-Саад. Она находилась в дружественной нам местности, изобиловала водой, представляла удобнейшую позицию для наблюдений и обеспечивала возможность отступления на запад или север и даже на юго-запад, если бы мы подверглись прямому нападению. В то же время она отрезала Дераа и Мезериб от Дамаска.

Шейх Талал эль-Гарейдин усердно поддерживал меня. Нури Шаалан кивнул в знак согласия, а вслед за ним согласились Насир и Нури Сайд. Правда, броневики с нами отправиться не могли. Было лучше, чтобы они остались в Азраке до падения Дераа, когда нам понадобится помощь при походе на Дамаск. Истребители «бристоль» также уже выполнили свою роль, очистив воздух от турецких аэропланов. Они могли вернуться в Палестину с известием о нашем походе к Шейх-Сааду.

Самолеты один за другим поднялись в воздух. Наблюдая за их полетом, мы заметили, что рядом с дымом, лениво подымающимся от развалин Мафрака, появилось огромное облако пыли. Один из самолетов вернулся и сбросил нацарапанную каракулями записку, что большой отряд вражеской кавалерии движется по направлению к нам от железной дороги.

Это была неприятная новость, так как мы не были в состоянии боевой готовности. Автомобили успели уехать, аэропланы улететь, одна рота посаженной в седло пехоты отсутствовала, мулы Пизани не были разгружены и выстроены в колонну. Я подошел к Нури Саиду, стоявшему с Насиром на вершине холма, и мы решали, обратиться ли нам в бегство или остаться. Наконец мы решили, что благоразумнее бежать, и поспешно двинули прочь регулярные войска.

Однако мы не могли оставить дело в таком положении. Поэтому Нури Шаалан и Талал повели всадников племен руалла и хауран обратно, чтобы задержать преследование. У них неожиданно оказался союзник, так как наши автомобили, направляясь в Азрак, также заметили неприятеля.

Турки оказались не отрядом кавалерии, направлявшейся в атаку против нас, а сбродом беглецов, искавших кратчайший путь домой. Мы захватили несколько сот пленных и много транспорта, вызвав такую панику и ужас среди неприятеля, что войска, находившиеся на много миль от арабов, начали бросать все свое снаряжение, включая даже винтовки, и сломя голову ринулись в Дераа, где надеялись найти безопасное убежище.

Однако эта помеха задержала нас. Мы не могли двигаться ночью с одетыми в хаки солдатами регулярного верблюжьего корпуса без сопровождения туземной кавалерии, необходимой, чтобы служить порукой подозрительным крестьянам в том, что мы не являемся турками. Поэтому поздно днем мы сделали привал, чтобы дать возможность Талалу, Насиру и Нури Шаалану нагнать нас.

Они подошли после наступления темноты. Наши объединенные силы двигались на север, пересекая пашни и миную богатые деревни.

К нам подбежали арабские женщины, ведя на поводу осликов, нагруженных горшками с водой, крича, что недавно поблизости опустился какой-то аэроплан. Они заметили на его фюзеляже знаки шерифа. Пик поскакал к указанному месту и нашел двух австралийцев. Радиатор их самолета «бристоль» был поврежден во время полета над Дераа. Они удивились и обрадовались, встретив друзей. Починив пробоину, они благополучно улетели дальше.

Каждую минуту люди подъезжали и присоединялись к нам. Отважные юноши бежали пешком,

чтобы примкнуть к рядам наших людей.

К полудню мы вступили на засеженные арбузами поля. Солдаты разбежались по ним, пока мы осматривали железнодорожное полотно, покинутое и безлюдное, дрожащее в лучах знойного солнца. Когда мы наблюдали за ним, прошел поезд. Лишь прошлой ночью полотно было восстановлено, и это был только третий поезд. Дикой ордой, растянувшейся на две мили, мы двинулись, не встретив сопротивления, к железнодорожной линии и начали поспешно взрывать рельсы. Все, у кого имелось взрывчатое вещество, использовали его каждый по своему усмотрению. Сотни наших новичков были полны рвения, и, хотя работой никто не руководил, разрушения достигли больших размеров.

Очевидно, наше возвращение привело в изумление и сбilo неприятеля с толку. Мы должны были полностью использовать этот случай. Я подошел к Нури Шаалану, Ауде и Талалу и спросил, что предпринимает каждый из них. Энергичный Талал решил атаковать Эзраа, крупное хлебное депо на севере; Ауда – Хирбет-эль-Газале, ближайшую станцию на юге; Нури же хотел устремиться со своими людьми по главной дороге к Дераа.

Все три предложения были хороши. Шейхи разошлись, чтобы заняться их осуществлением. Я же со своей охраной поскакал с такой быстротой, что на заре мы вступили в деревню Шейх-Саад.

Ночные отряды вернулись с богатой добычей. Эзраа находилась в слабых руках алжирского эмира Абд эль-Кадера, в распоряжении которого были лишь его наймиты, несколько добровольцев и немного войск.

Когда Талал приблизился, добровольцы перешли на его сторону, войска обратились в бегство, а число наймитов являлось настолько незначительным, что Абд эль-Кадеру пришлось уступить местность без боя. Наши люди слишком отяжелели от огромной добычи, чтобы заняться его преследованием.

Прибыл Ауда и начал хвастаться. Он занял Эль-Газале штурмом, захватив оставленный поезд, орудия и двести человек, в том числе немцев.

Нури Шаалан доложил о четырехстах пленных с мулами и пулеметами.

Над нами упорно кружился английский аэроплан, разведывая, являемся ли мы арабским отрядом. Юнг разостлал на земле сигналы, и летчики сбросили ему записку о том, что Болгария капитулировала **Error! Hyperlink reference not valid.**

Мы даже не знали, что на Балканах ведутся наступательные действия, и, таким образом, известие показалось немаловажным. Несомненно, конец не только великой войне, но и нашей, был близок. Последнее напряженное усилие – и наши испытания закончатся и каждый сможет вернуться к своим делам, забыв о безумиях войны.

Прибыла армия Фейсала. Рожи кишели людьми. Каждый отряд выбирал себе свободное место лучше и развьючивал своих верблюдов. Наши люди повели животных к потоку, извивавшемуся между зелеными кустарниками, оливковыми деревьями и пальмами, цветами и возделанными фруктовыми садами, казавшимися нам странными после наших двухлетних скитаний по каменистой пустыне.

Обитатели Шейх-Саада боязливо подходили, чтобы поглядеть на армию, давно снискавшую легендарную славу. В их деревне сейчас находились ее вожди, носившие знаменитые и грозные имена, – Талал, Насир, Нури, Ауда. В свою очередь, мы смотрели на поселян, втайне завидуя их мирной крестьянской жизни.

Впятером или вшестером мы поднялись на развалины, откуда через южную равнину можно было определить, насколько безопасно наше положение. К нашему изумлению, мы заметили сверху малочисленную роту регулярных войск в мундирах – турок, австрийцев и немцев – с восемью пулеметами на вьючных животных. Изнемогая, они шли из Галилеи к Дамаску, потерпев поражение от Алленби.

Мы не подняли тревоги, чтобы избавить наши утомленные войска от новых мук; лишь Дарзи Ибн Дагми с Хаффаджи и другими членами семьи спокойно сели в седло и напали на неприятеля со стороны узкого прохода. Офицеры пробовали защищаться и были немедленно убиты. Солдаты же побросали оружие и сдались.

Вдали на востоке показались толпы народа, движущиеся на север. Мы отправили людей ховеитат, чтобы захватить их, и через час они вернулись. Каждый из них со смехом вел мула или вьючную лошадь, несчастных, бессильных животных, слишком ясно доказывающих своим видом, каким лишениям подвергалась разбитая армия. Их всадниками были невооруженные солдаты, спасавшиеся бегством от англичан. Люди ховеитат гнушались брать подобных пленных.

– Мы отдали их деревенским ребятам в качестве слуг, – усмехнулся Заал, улыбаясь своими тонкими губами.

С запада к нам пришли вести, что немногочисленные роты турок отступают перед атаками генерала

Чавела. Мы послали против них вооруженные отряды из людей наим, крестьянского племени, примкнувшего к нам прошлой ночью в Шейх-Мискине. Так давно подготавливавшееся нами восстание масс сейчас вздымалось бурным потоком, ибо с каждым нашим успехом вооружались все новые мятежники. В двухдневный срок мы могли бы двинуть шестьдесят тысяч вооруженных людей.

Над горой, за которой скрывалась Дераа, мы увидели густой дым. Какой-то всадник легким галопом подскочил к Талалу и сообщил, что немцы подожгли аэропланы и склады и приготовились эвакуировать город. Английский аэроплан сбросил записку, что войска генерала Барроу находятся вблизи Ремта и что две турецкие колонны, одна в составе четырех тысяч человек, а вторая в составе двух тысяч, отступают в нашем направлении из Дераа и Мезериба.

Мне казалось, что эти шесть тысяч человек представляли собой все, что оставалось от турецкой Четвертой армии в Дераа и от Седьмой армии, задерживавшей наступление Барроу. Уничтожив их, мы целиком выполнили бы свою задачу. Однако, пока мы в этом убедимся, следовало удерживать в наших руках Шейх-Саад. Поэтому мы решили пропустить большую турецкую колонну, послав за ней Халида лишь с его людьми руалла и частью северных крестьян, чтобы они тревожили ее с флангов и с тыла.

Ближайшая колонна в две тысячи человек была нам по силам. Их встретит половина наших регулярных войск с двумя орудиями. Талал был встревожен, так как намеченная ими дорога вела через его собственную деревню Тафас. Он склонил нас к решению поспешить туда и овладеть мостом к югу от нее. К несчастью, при измученности наших людей спешка становилась сомнительной. Я поскакал со своим эскадроном в Тафас, надеясь отступить с боем, пока не подоспеют остальные. Но на половине пути нам попались навстречу верховые арабы, которые гнали ватагу ограбленных догола пленных по направлению к Шейх-Сааду.

Арабы рассказали, что турецкая колонна – последний уланский полк Джемаль-паши (командующего Четвертой армией) – уже вступила в Тафас. Когда показалась деревня, мы, обнаружив, что турки заняли ее и что оттуда доносились звуки случайных выстрелов, сделали поблизости привал, наблюдая за поднимающимися между домами тонкими столбами дыма.

Мы залегли для наблюдений и увидели, что неприятельский отряд отходит от своего сборного пункта, находившегося за домами. Они маршировали в полном порядке в направлении Мискина, а уланы были впереди и в тылу колонны. Смешанный строй состоял из пехоты, выстроенной колонной, защищаемой с флангов пулеметами и державшей в центре орудия и транспорт. Мы открыли огонь по фронтальной части их линий, едва она показалась из-за домов. Турки в ответ направили на нас два полевых орудия. Шрапнель, как и обычно, давала перелет и, не причинив вреда, пролетала над нашими головами.

Нури подъехал к нам вместе с капитаном французской артиллерии Пизани. Перед шеренгами войск скакали Ауда Абу-тайи и Талал, взбешенный рассказами людей клана о страданиях, которым подверглась деревня. Сейчас ее покидали последние ряды турок.

Наша пехота заняла позицию и открыла частую стрельбу, приведя в смятение вражеский арьергард.

Деревня лежала безмолвная, застланная клубами дыма. Приблизившись, мы увидели серые груды трупов. Вдруг из-за груды вышла маленькая фигурка. Это был ребенок трех или четырех лет. Его грязная рубашонка на одном плече и боку залита была кровью, которая струилась из широкой рваной раны на шее.

Ребенок пробежал несколько шагов, затем остановился и удивительно звонким голосом (может быть, потому что все остальные молчали) закричал:

– Не бей меня, баба **Error! Hyperlink reference not valid.**

Абд эль-Азиз (это была его деревня, и ребенок мог принадлежать к его родне) соскочил с верблюда и опустился на колени в траву рядом с ребенком. Порывистое движение испугало ребенка, он протянул руки и попытался крикнуть, но вместо этого упал, кровь хлынула и залила его рубашку; мне кажется, что он тут же умер.

Мы миновали трупы, направляясь к деревне. Сейчас нам было понятно, что ее безмолвие означает смерть и ужас. На окраинах шли низкие глиняные стены овчарен, и на одной из крыш я заметил что-то красно-белое. Вглядевшись, я увидел на ней лежавшее лицом вниз тело женщины, пригвожденное между ее голыми ногами зубчатым штыком, рукоятка которого зловеще торчала в воздухе. Возле нее валялось около двадцати трупов, убитых самыми разными способами.

Мы бросились за врагом, пристреливая по дороге отставших, которые молили нас о пощаде. Талал видел то же, что видели и мы. Он застонал, как раненое животное, поднялся на возвышенность и некоторое время пробыл там. Сидя на своей кобыле и дрожа всем телом, он, не отводя глаз, глядел вслед туркам. Я приблизился, чтобы поговорить с ним, но Ауда схватил мои поводья и остановил меня. Медленным движением Талал надвинул покрывало на лицо и затем, казалось, внезапно овладел собой, так как ударил стремянами по бокам своей кобылы и стремглав пустился галопом, низко наклонившись, и раскачиваясь в седле, прямо к главному отряду неприятеля.

Мы окаменели, следя за тем, как он мчался вперед. Стук копыт его лошади, как барабанный бой, неестественно громко отдавался в наших ушах, ибо и мы, и турки прекратили стрельбу. Обе армии ждали, что он сделает, а он несея вперед в вечернем безмолвии, пока до неприятеля не осталось лишь несколько шагов. Тут он выпрямился в седле и дважды издал ужасным голосом свой военный клич:

– Талал, Талал!

И сейчас же затрещали винтовки и пулеметы турок. Талал и его кобыла, изрешеченные пулями, рухнули мертвыми.

У Ауды был серьезный и свирепый вид.

– Да смилуется над нами Бог! Мы отплатим за него, – сказал он.

Он дернул поводья и медленно двинулся вслед за врагом. Мы созвали крестьян, опьяненных страхом и кровью, и приказали им напасть с обеих сторон на отступающую колонну. Старый боевой лев проснулся в Ауде и вновь превратил его в нашего вождя. Искусным маневром он загнал турок на неровную местность и расколол их на три части.

Третья из них, самая малочисленная, состояла главным образом из немецких и австрийских пулеметчиков, столпившихся вокруг трех автомобилей, и из горсточки верховых офицеров и кавалеристов. Они великолепно сражались и, несмотря на нашу отвагу, отражали нас раз за разом. Арабы бились как дьяволы, пот слепил им глаза, пыль иссушила горло. Пламя ожесточения и мести так бушевало в них, что они едва могли управлять руками, чтобы стрелять. По моему приказу мы, в первый раз за время нашей войны, не брали пленных.

Наконец мы расправились с этим взводом и пустились в погоню за остальными двумя, опередившими нас. Они находились в паническом страхе, и к заходу солнца мы перебили почти всех. Когда наступила ночь, плодородная равнина была вся усеяна трупами людей и лошадей. Но в ярости, порожденной ужасами Тафаса, мы не прекратили расправы с врагом, убивая одного за другим, пристреливая даже упавших и животных, словно их смерть и струящаяся кровь могли утолить наши душевные страдания.

Однако, несмотря на раны, боль и усталость, я долго не мог избавиться от дум о Талале, великолепном вожде, отличном наезднике, учтивом и неутомимом спутнике.

Спустя некоторое время, захватив второго верблюда и одного человека из моей охраны, я поскакал в ночную мглу, чтобы присоединиться к нашим людям, которые гнались за второй большой колонной турецких войск из Дераа.

Было очень темно, ветер дул сильными порывами с юга и востока, и, лишь руководясь треском выстрелов, которые ветер доносил к нам, и случайными вспышками орудий, мы наконец добрались до места сражения. По всем полям и долинам турки, спотыкаясь, брели наудачу на север. Наши люди не отставали от них. Ночная темнота сделала их смелее, и сейчас они вплотную приблизились к неприятелю.

При заходе солнца турки пытались стать на привал и разбить лагерь, но Халид заставил их двинуться дальше. Они шли беспорядочной, разбросанной толпой.

Наконец я отыскал Халида и попросил его созвать людей клана руалла и предоставить крестьянам расправиться с турецким сбродом. На юге нам предстояла работа посерьезней. В сумерках распространился слух, что Дераа никем не занята. Брат Халида шейх Трэд с доброй половиной людей анейэе поскакал туда, чтобы проверить это.

Я хотел, чтобы Халид подоспел на подмогу своему брату. Через час или два сотни всадников на конях и верблюдах собрались возле него. По пути в Дераа он атаковал при свете мерцающих звезд несколько отрядов турок и рассеял их. Прибыв в Дераа, он увидел, что Трад беспрепятственно овладел селением.

С помощью туземных крестьян люди руалла разграбили турецкий лагерь, найдя особенно богатую добычу у яростно пылающих складов, горящие крыши которых угрожали жизни людей. Но это не останавливало их. То была одна из тех ночей, когда обезумевшим людям смерть кажется невозможной, несмотря на множество гибнущих вокруг людей.

Шейх-Саад провел вечер, полный тревоги, выстрелов и криков. Крестьяне грозились убить пленных в возмездие за смерть Талала.

Я приехал в деревню после полуночи и нашел гонцов Трада, только что прибывших из Дераа. Насир уехал, чтобы присоединиться к нему. Раньше мне хотелось спать, ибо я проводил в седле уже четвертую ночь, но возбуждение не давало мне чувствовать усталость. Итак, в два часа утра я сел на третьего верблюда и затрусил к Дераа.

Нури Сайд и его штаб скакали по той же дороге впереди посаженной в седло пехоты, и наши отряды двигались вместе почти до рассвета. Но мое нетерпение, усиливаемое ночным холодом, не мирилось дольше – **Страница 319 пропущена** — к Мезерибу (где наш маленький шейх препятствовал туркам взорвать мост у Тель-эль-Шехаба, который стал сейчас собственностью арабов), и попросил, чтобы он приказал часовым не вмешиваться в нашу работу вдоль линий.

Барроу не был осведомлен о взаимоотношениях англичан с арабами. Он считал последних побежденным народом и был поражен моим спокойным заявлением, что он наш гость. Моя голова в эти минуты деятельно работала над тем, как ради общей пользы не дать лишенным воображения англичанам сделать первые роковые шаги, которыми они, несмотря на самые благие намерения, обыкновенно выводили покорных туземцев из повиновения и создавали положение, впоследствии требовавшее годы агитации, реформ и усмирения восстаний.

Барроу подчинился, попросив меня достать ему фураж и продовольствие. Я указал ему на небольшое шелковое знамя Насира, водруженное на балконе обгоревшего здания

правительственных учреждений, под которым стоял зевающий часовой. Барроу вытянулся во весь рост и внезапно отдал знамени честь. По арабским офицерам и рядовым пробежала дрожь удовольствия.

В свою очередь, мы стремились ограничить признание наших прав в пределах политической необходимости. Мы внушили всем арабам, что индийские войска являются нашими гостями и что они могут делать все что пожелают. Эта точка зрения привела к неожиданным последствиям. Из селения исчезли все цыплята, а трое кавалеристов похитили знамя Насира, соблазнившись серебряными кистями и гвоздями на его изящном древке.

Между тем мы повсюду захватывали турок и их орудия. Число пленных исчислялось тысячами. Вести о нашей победе достигли Азрака. Через день прибыл Фейсал, за которым тянулась вереница наших броневиков. Он поместился в вокзале.

Генерал Барроу, получив воду и провиант, должен был оставить нас. Он намеревался встретиться с генералом Чавелом возле Дамаска, чтобы вместе вступить в город. Он попросил нас удерживать правый фланг, что вполне соответствовало моему желанию, ибо там, вдоль Хиджазской линии, находился Насир, мешавший отступлению главных турецких сил и уменьшавший их численность непрерывными атаками. У меня еще оставалось немало дел, и поэтому я остался в Дераа на вторую ночь, наслаждаясь ее тишиной, наступившей после ухода войск.

Обуреваемый мыслями о будущем и воспоминаниями о прошлом, я не мог заснуть всю ночь. Перед рассветом я разбудил полковника Стерлинга и шоферов. Мы вчетвером влезли в «роллс-ройс», названный нами «Голубым туманом», и пустились в путь по направлению к Дамаску вдоль грязной дороги, только что проложенной, но уже запруженной колоннами транспорта и арьергардом дивизии Барроу.

В полдень мы увидели знамя Барроу у потока, где он поил своих лошадей. Я подъехал к нему на своем верблюде. Подобно многим завзятым кавалеристам, он относился к верблюдам с некоторым презрением и намекнул мне в Дераа, что едва ли нам удастся не отстать от его кавалерии, которая достигнет Дамаска тремя форсированными переходами.

Поэтому, увидев меня быстро подъезжающим к нему, он удивился и спросил, когда мы выступили из Дераа.

– Утром, – сказал я.

Его лицо вытянулось.

– Где вы остановитесь на ночь?

– В Дамаске! – весело ответил я и поскакал вперед, нажив себе нового врага.

Я нашел Стерлинга, и мы двинулись дальше. В каждой деревне мы оставляли записки для британских авангардов, сообщавшие им о нашем местонахождении и о местопребывании врага. Меня и Стерлинга раздражала осторожность, с какой Барроу вел наступление: разведчики осматривали пустынные долины, отряды поднимались на каждый безлюдный холм.

Нельзя было ожидать никаких стычек до Киеве, где мы должны были встретить Чавела и где наша дорога подходила к Хиджазской линии. На железной дороге находились Насир, Нури Шаалан и Ауда со своими племенами, все еще тревожа турецкую колонну из четырех тысяч человек (но в действительности она насчитывала около семи тысяч), замеченную три дня назад нашим аэропланом возле деревни Шейх-Саад. Они безостановочно сражались с ней все то время, пока мы отдыхали.

Приблизившись, мы услышали стрельбу и увидели разрывы шрапнели позади кряжа справа от нас, где проходила железная дорога. Скоро показалась голова турецкой колонны, приблизительно две тысячи человек, рассеявшихся беспорядочными группами и останавливавшаяся время от времени, чтобы обстрелять арабов из своих горных орудий. Мы ринулись вперед, чтобы нагнать их преследователей. Несколько верховых арабов галопом подскружили к нам. Впереди был Насир на своем темно-гнедом жеребце, великолепном животном, все еще ретивом после сделанной им сотни миль безостановочного бега. За ним мы увидели старого Нури Шаалана и около тридцати его слуг. Они рассказали, что те немногочисленные турецкие силы, которые находились перед нами, были всем, что осталось от семи тысяч турок. Люди руалла бесстрашно нападали на них с обоих флангов, между тем как Ауда ускакал за Джебель-Манна, чтобы собрать своих друзей и залечь там в засаде, дожидаясь этой неприятельской колонны. Арабы надеялись загнать ее туда через горы. Означало ли наше появление прибытие подмоги?

Я сказал им, что англичане идут по нашим следам. Если только можно задержать врага лишь на один час...

Насир взглянул вперед и увидел обнесенную стенами и окруженную лесом мызу, преграждавшую прямую дорогу. Он подозвал Нури Шаалана, и они поспешили туда, чтобы задержать турок.

Мы вернулись на три мили назад к передовому отряду индусов и рассказали их дряхлому, угрюмому полковнику, какой подарок подготовили ему арабы. Он, казалось, не испытывал особого желания нарушить великолепный порядок, в котором маршировали его люди, но наконец отделил один эскадрон и послал его через равнину против турок, направивших на нас легкие орудия. Один или два снаряда разорвались почти между рядами солдат, и тут, к нашему ужасу (ибо Насир пошел

на большой риск, ожидая мощной подмоги), полковник отдал приказ к отступлению и быстро отошел к дороге. Мы со Стерлингом бешеными прыжками ринулись за ним, умоляя его не бояться горных орудий, огонь которых был не более опасен, чем выстрелы из дамского пистолета, но ни уговоры, ни наш гнев не смогли заставить старика сдвинуться хоть на дюйм. Мы помчались в третий раз обратно вдоль дороги в поисках высшего начальства.

Украшенный красными нашивками адъютант сообщил нам, что с другой стороны идет генерал Грегори.

Мы поехали за генералом, одолжили ему автомобиль, чтобы капитан Генерального штаба, прикомандированный к бригаде, мог доставить срочный приказ кавалерии. Один всадник галопом помчался к конной артиллерии, которая открыла огонь, как раз когда последний луч света скользнул по вершине горы и исчез в облаках. Подоспела миддлсекская вспомогательная кавалерия **Error! Hyperlink reference not valid.**, и ее бросили на подмогу арабам, чтобы атаковать турецкий тыл.

К ночи неприятель пришел в полное смятение и, бросив орудия, транспорт и все снаряжение, устремился через низкий участок горной цепи по направлению к вершинам Манна, полагая, что за ними они найдут спасение в безлюдной стране. Однако в безлюдной стране находился Ауда, и в эту ночь своей последней битвы старик убивал одного врага за другим, грабил их и брал в плен, пока заря не положила конец сражению. Так погибла турецкая Четвертая армия, в течение двух лет являвшаяся для нас камнем преткновения.

Удача и энергия Грегори позволили нам не бояться встречи с Насиром. Мы поехали в Киеве, где условились встретиться с ним около полуночи.

Вступление в Дамаск

Наша война была закончена – даже несмотря на то, что мы провели эту ночь в Киеве, ибо арабы сказали нам, что дороги небезопасны, а у нас не было никакого желания глупо умереть в ночном мраке у самых ворот Дамаска.

Австралийцы, любители спорта, рассматривали кампанию как азартную игру, в которой ставкой был Дамаск. В действительности же все мы зависели от руководства Алленби и победа являлась всецело логическим следствием его гения и трудов Бартоломью.

В соответствии с их тактическим планом австралийцы с севера и запада окружили Дамаск, перерезав железнодорожные пути, прежде чем южная колонна выступила на город.

Алленби надеялся, что мы, арабские вожди, будем присутствовать при вступлении в город, отчасти потому, что Дамаск являлся для арабов чем-то неизмеримо большим, чем просто военным трофеем, а отчасти из побуждений, согласных с законами благоразумия. Движение Фейсала превратило вражескую страну в дружественную союзникам, дав им возможность по мере их продвижения вперед пускать обозы без охраны, управлять городами без военных гарнизонов.

Окружив Дамаск, австралийцы могли оказаться вынужденными, вопреки приказам, вступить в город. Если кто-либо оказал бы им сопротивление, это могло бы испортить положение в будущем. Нам была предоставлена одна ночь, чтобы заставить жителей Дамаска встретить британскую армию как своих союзников.

Это означало настоящую революцию если не в убеждениях, то в поведении. Дамасский комитет сторонников Фейсала уже несколько месяцев готовился захватить бразды правления в городе, как только турки будут разбиты. Мы должны были лишь связаться с ним, чтобы известить о приближении союзников и о том, что от него требуется. Поэтому, когда сумерки сгустились, Насир послал в город всадников руалла, поручив им отыскать Али Резу, председателя нашего комитета, либо Шукри эль-Айуби, его заместителя, и сообщить им, что они могут завтра оказать нам действенную помощь, немедленно создав правительство.

Действительно, это и было сделано к четырем часам дня. Али Реза отсутствовал, так как в последнюю минуту был назначен турками, стремившимися привлечь его на свою сторону, командовать отступлением их армий из Галилеи, но Шукри эль-Айуби получил неожиданную поддержку от алжирцев, братьев эмира Мухаммеда Сайда и эмира Абд эль-Кадера. С помощью их сторонников арабский флаг зареял на городской ратуше еще до захода солнца, когда мимо дефилировали последние эшелоны немцев и турок. Говорят, что ехавший последним генерал иронически отдал флагу честь.

Я отговорил Насира от немедленного вступления в город. Для его достоинства было бы лучше, если бы он спокойно вошел в город на рассвете. К полуночи, когда мы расположились на отдых, четыре тысячи наших вооруженных людей уже находились в Дамаске.

Завтра мне предстояла работа, потому мне следовало бы заснуть, но я не мог. Ведь в течение двух лет Дамаск являлся пределом наших мечтаний!

Оставляя Дамаск, немцы подожгли склады и запасы боевого снаряжения, и каждую минуту нас оглушали взрывы, пламя от которых окрасило небо. При каждом новом грохоте земля, казалось, сотрясалась. Устремив взгляд на север, мы видели, как по бледному небу рассыпались снопы желтых точек, так как снаряды взлетали при взрывах магазинов на ужасную высоту. Я повернулся к

Стерлингу и проговорил:

– Дамаск горит!

Мне причиняла боль мысль о великом городе, ставшем пеплом в плату за свободу.

Когда рассвело, мы поехали к верховью горного кряжа, высившегося над городским оазисом. Мы боялись взглянуть на север, ожидая увидеть развалины. Но вместо развалин простирались безмолвные сады, застланные зеленым туманом от реки, и в оправе тумана маячил город, прекрасный, как и всегда, похожий на жемчужину под лучами утреннего солнца. От ночного смятения остался лишь одинокий высокий столб дыма, который, угрюмо чернея, поднимался от складов Кадема, конечной станции Хиджазской железной дороги.

Мы поехали вдоль прямой, окаймленной насыпью дороги через орошенные поля, на которых крестьяне начинали свой трудовой день. Скакавший галопом всадник замедлил шаг, увидав наши головные покрывала. Он весело приветствовал нас, протягивая гроздь золотистого винограда:

– Добрые вести: Дамаск приветствует вас.

Он прибыл от имени Шукри.

Насир следовал за нами. Мы передали ему, что он может с почетом вступить в город, он заслужил это исключительное право своим участием в пятидесяти битвах. Рядом с Нури Шааланом они в последний раз пустили своих лошадей вскачь и исчезли в клубах пыли вдоль длинной дороги. Мы со Стерлингом отыскивали небольшой прохладный ручеек и остановились у него, чтобы помыться и побриться.

Несколько индусских кавалеристов устали на нас, на наш автомобиль, на американские рейтузы и хитон шофера. Я был в полном арабском облачении. Стерлинг же имел костюм британского штабного офицера, и лишь на голове у него было арабское покрывало. Индусский сержант, бестолковая и злобная личность, решил, что он захватил нас в плен. Освободившись от его ареста, мы последовали за Насиром.

Мы совершенно беспрепятственно проехали вдоль длинной улицы к правительственным зданиям на берегу реки Барады. Путь был запружен народом, теснившимся на тротуарах, на мостовой. У окон, на балконах и на крышах – всюду стояли люди. Многие плакали, кое-кто посмелее выкрикивал наши имена. Но по преимуществу они лишь смотрели во все глаза, с сияющими от радости лицами.

У городской ратуши дело обстояло иначе. Ее ступени и лестницы были заполнены волнующейся чернью – воюющей, обнимающей друг с другом, пляшущей, поющей. Они расчистили нам путь в переднюю, где сидели сияющие Насир и Нури Шаалан. По обеим сторонам от них стояли эмир Абд эль-Кадер, мой давнишний враг, и его брат эмир Мухаммед Сайд. Я онемел от изумления. Мухаммед Сайд выскочил вперед и крикнул, что они, внуки эмира Абд эль-Кадера, с пашой Шукри эль-Айуби из дома Саладина образовали вчера правительство и перед посрамленными турками и немцами провозгласили Гуссейна «королем арабов».

Пока он горланит свой напыщенный вздор, я повернулся к Шукри, который не был политиком, но которого народ любил и считал почти мучеником из-за перенесенных им от Джемал-паши страданий. Он рассказал мне, как алжирцы, единственные во всем Дамаске, помогали туркам до тех пор, пока не увидели, что те бегут. Тогда они ворвались в комитет сторонников Фейсала, тайно заседавший, и нагло захватили власть.

Они были религиозными фанатиками. Я повернулся к Насиру, надеясь с его помощью обуздать их наглость с самого начала, но меня отвлекло новое обстоятельство. Вопящая и напирющая на нас толпа разделилась, словно ее пробивал таран. Люди разбежались в стороны между изломанными стульями и столами. До нас донесся ужасный, торжествующий рев знакомого голоса.

Мы увидели Ауду Абу-тайи и старшину друзей Султана эль-Атраша, сцепившихся друг с другом. Их люди ринулись вперед, в то время как я бросился, чтобы разнять дерущихся, опрокинув Мухаммеда эль Дейлана, спешившего с той же целью. Вдвоем мы оторвали их друг от друга и оттащили Ауду на шаг назад, в то время как Гуссейн эль-Атраш отбросил более легкого Султана в толпу и увел его в боковое помещение.

Я осмотрелся, разыскивая Насира и Абд эль-Кадера, чтобы призвать к порядку их правительство. Их не было. Алжирцы уговорили Насира отправиться к ним подкрепиться. Это было очень удачно, так как имелись более неотложные общественные дела. Мы должны были доказать, что прежние дни миновали и что у власти действительно туземное правительство. Для этого моим лучшим орудием в качестве правящего губернатора был бы Шукри. Мы сели с ним в автомобиль, чтобы объехать город и показать народу, учитывающая, что рост его влияния сам по себе должен был послужить знаменем революции для граждан Дамаска.

Когда мы въезжали в город, толпы народа на улицах приветствовали нас, сейчас вместо сотни человек толпились тысячи. Все жители города, включая женщин и детей, города с населением в четверть миллиона, казалось, высыпали на улицы. Достаточно было нашего появления, чтобы вспыхнуло общее ликование. Дамаск обезумел от радости. Мужчины подбрасывали свои фески с приветственными восклицаниями, женщины срывали с себя покрывала. Хозяева домов кидали цветы, занавесы, ковры на дорогу перед нами, их жены высывались через оконные решетки и

обрызгивали нас из ковшей благовониями.

Нищие дервиши взяли на себя роль скороходов, открывая и замыкая собой наше шествие. Они выли и царапали себя, охваченные безумием. И все крики и женский визг заглушил размеренный рев мужских голосов, воспевающих Фейсала, Насира, Шукри, Оренса.

Мне сказали, что Чавел въехал в пределы города. Наши автомобили встретились на улицах южного предместья. Я описал ему возбуждение, царящее в городе, и попросил его оставить своих людей за городскими стенами, так как сегодня ночью предстоит такой карнавал, какого город не устраивал в течение шести столетий, и гостеприимство Дамаска могло бы подорвать дисциплину среди солдат.

Сколачивание кабинета

Мы медленно двинулись обратно к городской ратуше, чтобы сцепиться с Абд эль-Кадером, но он еще не вернулся. Я послал за ним, за его братом и за Насиром и получил короткий ответ, что они спят. Я сам должен был бы последовать их примеру, но вместо этого мы насыщались в пышной гостиной, сидя на расшатанных позолоченных стульях вокруг позолоченного стола, ножки которого также были расшатаны. Я детально объяснил гонцу, что мне нужно. Он исчез, и через несколько минут появился родич алжирцев, очень взволнованный, и сказал, что они идут сюда. Это была явная ложь, но я ответил, что это хорошо, так как через полчаса я приведу сюда британское войско. Он поспешно убежал, и Нури Шаалан тихо спросил меня, что я намереваюсь делать.

Я заявил, что смещу Абд эль-Кадера и Мухаммеда Сайда и назначу до прихода Фейсала на их место Шукри, а делаю я это таким мягким образом потому, что мне неприятно оскорбить чем-нибудь Насира. Кроме того, у меня не было собственных средств воздействия, если те начнут сопротивляться. Нури спросил:

– Разве англичане не придут?

Я возразил, что они придут наверняка, но плохо то, что потом они могут не уйти.

Он с минуту размышлял и сказал:

– Вы можете взять людей руалла, если хотите быстро сделать все, что нужно.

Тотчас же старик вышел, чтобы собрать для меня свое племя.

Алжирцы прибыли со своей охраной. Их глаза кровавадно горели. По дороге они встретили на площади собравшихся мрачных соплеменников Нури Шаалана и Нури Сайда с его регулярными войсками, а внутри дома – моих телохранителей, слоняющихся по прихожей. Алжирцы ясно поняли, что игра проиграна. Однако наша встреча была бурной.

В качестве представителя Фейсала я объявил, что их гражданское правительство Дамаска упраздняется и что Шукри-паша Айуби назначается полномочным военным губернатором. Нури Сайд должен стать начальником войск, Азми-бей – начальником административного управления, Джемиль-бей – начальником общественной охраны. Мухаммед Сайд едко ответил мне, что я христианин и англичанин, и обратился к Насиру за поддержкой.

Несчастному Насиру оставалось только с жалким видом созерцать ссору своих друзей. Абд эль-Кадер вскочил и, начав осыпать меня язвительными проклятиями, довел себя до белого каления. Но я не обратил на него никакого внимания. Это взбесило его еще больше. Внезапно он прыгнул вперед с обнаженным кинжалом.

С быстротой молнии разъяренный Ауда бросился на него. Испуганный Абд эль-Кадер отступил. Алжирцы поднялись и, взбешенные, выбежали из зала. Меня убеждали, что их нужно схватить и расстрелять, но я не поддавался на уговоры.

Мы приступили к работе. Нашей задачей было образование арабского правительства с достаточно широкими полномочиями и преобладанием туземцев, чтобы использовать энтузиазм и самопожертвование арабского восстания, переключив их в обстановку мира.

Мятежники, в особенности победившие мятежники, являются, естественно, дурными подданными и еще худшими правителями. Печальным долгом Фейсала было избавиться от своих военных друзей, заменив их такими элементами, которые в прошлом добросовестно служили турецкому правительству. Насир в слишком слабой степени был государственным политиком, чтобы сознавать это. Но Нури Сайд и Нури Шаалан понимали, что необходимо сделать.

После некоторых назначений и мер, проведенных с их помощью, машина управления начала функционировать **Error! Hyperlink reference not valid.**

День подходил к концу, все население высыпало на бурлящие улицы. Мы назначили инженера для надзора за электрической станцией, обязав его приложить все силы к тому, чтобы к сегодняшнему же вечеру осветить город. Возобновление уличного освещения было бы самым убедительным доказательством наступившего мира. Ему удалось выполнить это, и порядок, воцарившийся в первый же вечер победы, в значительной мере был обязан мирному сиянию уличных огней, хотя усердствовала и наша новая полиция.

Затем мы занялись санитарными мероприятиями. Улицы оказались усеяны брошенными повозками и автомобилями, различными пожитками, вещами, трупами – остатками разбитой армии.

Среди турак свирепствовали тиф, дизентерия, ломбардская проказа и другие болезни, и больные отползали умирать в каждое тенистое убежище вдоль пути их похода. Нури набрал команды санитаров, чтобы они произвели предварительную очистку зачумленных дорог и площадей, и распределил врачей по больницам, обещав на следующий день прислать медикаменты и провиант – все, что только удастся раздобыть.

Затем возник вопрос о тюрьмах. Во время турецкого отступления их покинули и сторожа, и заключенные. Шукри умело использовал это, объявив гражданскую, политическую и военную амнистию. Нужно было разоружить граждан или, по крайней мере, убедить их не носить винтовок. Выпустив прокламации, мы Достигли в течение трех или четырех дней своей цели, не применяя принудительных мер.

Началась работа по оказанию помощи. Неимущие уже в течение многих дней чуть не умирали от голода. Была налажена раздача порченого провианта из армейских складов. Затем нужно было снабдить пищевыми припасами все население города, которое через два дня начало бы голодать, так как в Дамаске не оставалось никаких запасов. Наладить временное снабжение из окрестных деревень являлось делом нетрудным. Для этого нужно было восстановить уверенность в безопасности дорог и дать вьючных животных взамен уведенных турками. Поскольку англичане едва ли поделились бы с нами, мы отделили часть животных из нашего собственного транспорта.

Но регулярное снабжение продовольствием требовало железной дороги. Надо было немедленно подыскать и вновь поставить на работу стрелочников, машинистов, кочегаров, рабочих – весь персонал, обслуживающий железнодорожное движение. Затем мы вспомнили о телеграфе.

Были необходимы квартиры для наших и для английских войск, безотлагательным делом являлось возобновление торговли и открытие магазинов, упорядочивание рынков и денежного обращения.

Денежное обращение пребывало в ужасном состоянии. Австралийцы награбили миллионы турецких банкнот, единственных денежных знаков, имевших хождение, и совершенно обесценили их, швыряясь лирами во все стороны. Какой-то кавалерист отдал банкноту в пятьсот лир парню, который три минуты подержал его лошадь. Юнг показал себя новичком, пытаясь укрепить курс лиры последними остатками нашего золота, полученного в Акабе. Но нужно было фиксировать новые цены, и это потребовало работы печатного станка.

Едва мы проделали это, как возникла потребность в газете. Кроме того, надо было разрешить вопрос водоснабжения, противопожарных мер и сбора налогов.

Все, вместе взятое, доставило нам уйму хлопот. Наша деятельность ограничивалась внешней стороной, отделкой фасада за счет подлинного строительства.

Однако она шла так успешно, что, когда я 4 октября покидал Дамаск, сирийцы фактически имели собственное правительство, которое просуществовало два года – без иностранной помощи, в оккупированной стране, опустошенной войною, и вопреки желанию некоторых влиятельных элементов среди союзников **Error! Hyperlink reference not valid..**

В тот же день я сидел один в своей комнате, работая и размышляя, когда муэдзины начали призывать к вечерней молитве. Их голоса разносились в сыром вечернем воздухе над праздничным городом, расцвеченным огнями. Один из них, с особенно звонким и сочным голосом, выкрикивал с минарета соседней мечети. Очнувшись, я заметил, что невольно прислушиваюсь к его словам:

– Бог один велик во всем мире. Я утверждаю, что нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед его пророк. Придите к молитве – и обретете покой. Бог один велик. Нет Бога, кроме Бога.

Под конец он понизил голос почти до разговорного тона и тихо добавил:

– И он милосерден сегодня к нам, о люди Дамаска!

Крик муэдзинов замолк, ибо все, казалось, вняли призыву к молитве в эту первую ночь полной свободы.

Глава 121

Меня разбудил какой-то встревоженный горожанин, сказав, что Абдель Кадер затевает бунт. Я послал за Нури Саидом, радуясь тому, что алжирский глупец сам себе рыл яму. Он созвал своих людей, объявил им, что все шерифы являются креатурами британцев, и уговаривал, пока еще есть время, нанести удар во имя веры и халифа.

К его призывам прислушивались друзья, которым я резко отказал в вознаграждении за их запоздалые услуги. Они были раскольниками, сектантами, не придерживавшимися ни ислама, ни халифата турак, ни воззрений Абдель Кадера, но антихристианский бунт означал грабеж и, возможно, резню маронитов. Они взялись за оружие и принялись громить только что открывшиеся магазины.

До наступления дня мы не предпринимали никаких действий, потому что нас было не так много, чтобы рисковать преимуществом в оружии и сражаться в темноте, когда трудно отличить глупца от нормального человека. Но едва забрезжил рассвет, мы направили людей в горное предместье и выманили бунтовщиков в расположенные вдоль реки районы города, где улицы прерывались мостами и где их было легко контролировать.

Там мы поняли, насколько несерьезной была попытка мятежа. Нури Сайд выставил на пути демонстрантов свои пулеметные расчеты, и длинные пулеметные очереди прижали их к белоснежным стенам. Затем наши отряды разогнали зачинщиков. Ужасный шум заставил друзей побросать только что захваченные трофеи и разбежаться по боковым переулкам. Мухаммед Сайд, не такой храбрый, как его братья, был взят в своем доме и посажен в камеру в ратуше. У меня снова чесались руки его расстрелять, но я ждал, пока мы захватим другого брата.

Однако Абдель Кадер снова ушел в горы. В полдень все было кончено. Когда начался этот бунт, я обратился к Чевелу, который немедленно предложил свои войска. Я поблагодарил его и попросил выдвинуть вторую роту конников к турецким баракам (ближайший пост) и приказать ждать моих распоряжений, но операция была слишком незначительной, чтобы прибегнуть к этой помощи.

Самым выдающимся ее результатом оказалась реакция журналистов, находившихся за стенами своего отеля. Им не пришлось обмакнуть свои перья в кровь сражавшихся в этой кампании, которая протекала быстрее, чем были способны двигаться их автомобили, но она, словно ниспосланный богом дождь, заливший окна их спален, позволила им развернуться во всю силу. Они писали и телеграфировали свои сообщения, пока находившийся в Рамлехе Алленби не перепугался не на шутку и не прислал мне пресс-релиз, в котором говорилось о том, что обе Балканские войны и все пять случаев армянской резни не шли ни в какое сравнение с сегодняшней мясорубкой в Дамаске, что улицы были завалены трупами, по сточным канавам текла кровь, а городские фонтаны, питавшиеся водой из вздувшейся Барады, били алыми струями! В своем быстром ответе я привел список потерь: пять убитых и десятков раненых. Из числа убитых трое стали жертвами безжалостного Киркбрайда, любившего поиграть револьвером.

Друзья были изгнаны из города, а их лошади и винтовки были переданы жителям Дамаска, из которых мы сформировали гражданскую гвардию на случай непредвиденных событий. Эти гвардейцы, придававшие городу воинственный вид, патрулировали до вечера, когда все снова успокоилось и на улицы вернулась нормальная жизнь. Разносчики снова бойко торговали конфетами, холодными напитками, цветами и небольшими хиджазскими флажками.

Мы вернулись к работе по организации коммунального хозяйства. Лично для меня забавным событием было официальное представление испанского консула, лощеного, говорившего по-английски типа, самозванно объявившего себя поверенным в делах семнадцати стран (включая все воюющие, кроме Турции) и тщетно добивавшегося официального признания за ним этого статуса городскими властями.

Во время ленчу один австралийский врач умолял меня, взывая к человечности, обратить внимание на турецкую больницу. Я мысленно прошелся по всем трем нашим больницам – военной, гражданской и миссионерской – и сказал ему, что мы заботились обо всех этих учреждениях одинаково, насколько позволяли средства. Но арабы не могли изобретать лекарств, как не мог обеспечить нас ими и Чевел. Он же продолжал рассказывать об огромном количестве грязных зданий без единого медицинского работника или санитаря, забитых мертвыми и умиравшими людьми, о множестве случаев дизентерии (по меньшей мере, у некоторых из этих больных был брюшной тиф), так, что оставалось лишь надеяться на то, чтобы не началась эпидемия сыпного тифа или холеры.

По его рассказам я понял, что речь шла о турецких бараках, занимаемых двумя австралийскими ротами городского резерва. Выставлены ли там часовые у ворот? «Да», – ответил доктор и добавил, что там полно больных турок. Я отправился туда и переговорил с охраной, которую удивило то, что я пришел один и пешком. Охране было приказано не пускать никого из горожан, чтобы они не устроили резню больным, – это не исключалось, поскольку арабы превратно понимали способы ведения войны. Наконец мой английский язык послужил мне пропуском к небольшому дому, сад вокруг которого был полон жалкими пленными: две сотни людей были в отчаянии, а многие – при последнем издыхании.

Открыв большую дверь барака, я крикнул, чтобы обратить на себя внимание персонала; пыльные коридоры ответили мне эхом, но другого ответа не последовало. Огромный, пустынный, словно всасывавший в себя солнце двор был завален мусором. Охранник сказал мне, что тысячи пленников накануне угнаны отсюда в загородный лагерь. Теперь сюда никто не приходил и не выходил отсюда. Я вышел к дальнему проходу, слева от которого находилось запертое помещение, почерневшее от солнечных лучей, отражавшихся от оштукатуренных стен.

Я вошел внутрь и сразу почувствовал тошнотворный запах. Каменный пол был сплошь покрыт уложенными в ряды мертвыми телами, одни в полном военном обмундировании, другие в нижнем белье, третьи вовсе обнаженные. Их там было, наверное, до тридцати, и их объедали крысы, оставляя на телах влажные красные борозды. Несколько трупов были, по всей видимости, недавними, может быть, с момента смерти прошел всего день или два, другие, очевидно, находились здесь уже долго. На гниющей плоти некоторых проступили желтые, синие и черные разводы. Многие раздулись до размеров вдвое или втрое больше обычных, и их сальные головы смеялись черными ртами, окруженными грубой небритой щетиной. У других мягкие части тела провалились. Несколько трупов разорвало давлением гнилостных газов, и процесс разложения зашел так далеко, что ткани уже стали переходить в жидкое состояние.

Дальше открывалась перспектива большой палаты, откуда, как мне показалось, доносился какой-то стон. Я зашагал на этот звук по мягкому слою из тел, предметы одежды которых, пожелтевшие от экскрементов, сухо потрескивали под ногами. В палате неподвижно стоял сырой воздух и темнел четко выстроенный батальон кроватей, занятых людьми – такими тихими, что я подумал, что все они тоже мертвы, так как каждый неподвижно лежал на вонючем соломенном матрасе, из которого капала фекальная жижа, засыхавшая на цементном полу. Я прошел немного вперед между рядами кроватей, завернувшись в свои белые юбки так, чтобы уберечь босые ноги от этих мутных зловонных потоков. Вдруг до моих ушей донесся чей-то глубокий вздох. Я резко обернулся и встретился с маленькими, как бусинки, открытыми глазами распростертого человека, из судорожно искривленных губ которого вырывался едва слышный шелест: «Атап, атап» (умоляю, умоляю, простите). Сверху на нем лежал какой-то коричневый платок, который несколько раз попытались поднять его высохшие, немощные руки. Человек издавал еле слышный тонкий свист, как если бы увядшие листья бессильно падали на кровати этих полутрупов. Ни один из них не имел сил, чтобы что-то сказать.

Я выбежал через арку в сад, за которым выстроились в одну линию пикеты австралийцев, и попросил их прислать рабочую команду. Мне в этом отказали. А инструменты? Их не было. Врачи? Заняты. Пришел Кирк-брайд. Мы слышали, что на втором этаже были турецкие врачи. Открыв дверь, мы увидели семерых мужчин в ночных рубашках, сидевших в большой палате на незастеленных кроватях и варивших тоффи. Мы убедили их в необходимости отделить живых от мертвых и представить мне через полчаса реестр их номеров. Крепкая фигура Киркбрайда и его внушительные ботинки сделали его незаменимым надзирателем за проведением этой работы, я же, увидев Али Реза-пашу, попросил его выделить нам одного из четырех армейских врачей-арабов.

Когда он пришел, мы собрали в сторожке пятьдесят самых крепких из пленных и сделали их рабочей командой. Мы накормили их галетами, затем вооружили турецким шанцевым инструментом и отправили на задний двор копать общую могилу. Австралийские офицеры запротестовали, так как, по их мнению, это было негодное место: они опасались, что трупный запах может прогнать их из сада. Я резко ответил, что так угодно Богу.

Было, конечно, жестоко заставлять выполнять тяжелую работу таких усталых и больных людей, как наши жалкие турки-военнопленные, но неотложность задачи не оставляла нам выбора. С помощью ударов ногами и пинков своих же сержантов было достигнуто повиновение. Мы начали операцию с имевшейся в одном углу сада шестифутовой ямы, которую попытались углубить, но наткнулись на бетонный пол. Тогда я велел расширить ее по краям. Рядом оказалось много негашеной извести, пригодившейся для надежной засыпки трупов.

Врачи доложили нам о пятидесяти шести мертвых, двухстах умирающих и о семи сотнях неопасно больных. Мы сформировали команду носильщиков для переноски трупов: одни поднимать было легко, а другие приходилось отдирать по кускам лопатами. У носильщиков явно не хватало сил для этой работы: действительно, уже перед ее завершением нам пришлось добавить тела двоих из них к мертвецам, уже лежавшим в яме.

В выкопанной траншее места на всех не хватало, но масса тел была такой жидкой, что каждое следующее после утрамбовки опускалось чуть ниже краев ямы под воздействием собственной тяжести. Когда наступила полночь, работа еще не была закончена, но я позволил себе отправиться спать, так как был совершенно измотан после трех бессонных ночей с момента возвращения из Дераа четыре дня назад. Киркбрайд (малый в годах, работавший в эти дни за двоих) остался, чтобы завершить похороны и накрыть могилу слоями извести и земли.

В отеле меня ждала куча неотложных дел: рассмотрение нескольких смертных приговоров, решение вопроса о падеже животных из-за отсутствия ячменя, если завтра же не пойдут поезда; просился на прием новый судейский чиновник. К тому же на столе у меня лежала жалоба Чевела на то, что некоторые арабские части не приветствуют австралийских офицеров!

Глава 122

Утром, когда все волнения улеглись, наш корабль плыл под чистым небом. Прибыли броневые автомобили, и меня сердечно радовала возможность видеть степенные лица наших солдат. Приехал Пизани и рассмешил меня, настолько этот хороший солдат был сбит с толку политической неразберихой. Он ухватился за свой воинский долг как за руль, который должен был помочь ему избрать правильный путь. Дамаск жил нормальной жизнью, открылись магазины, торговали уличные торговцы, восстанавливался электрический трамвай, в город исправно поступали зерно, овощи и фрукты.

Улицы поливали водой, чтобы осадить ужасающую пыль, скопившуюся за три военных года эксплуатации грузовиков. Толпы горожан были несуетливы и счастливы, по городу прогуливалось много британских солдат без оружия. Была восстановлена телеграфная связь с Палестиной, с Бейрутом, который арабы заняли этой ночью. Давно, еще в Ведже, я предупреждал их, что после взятия Дамаска они будут должны оставить Ливан в качестве подачки Франции, а вместо него

захватить Триполи, поскольку как порт он был более ценен, чем Бейрут, и поскольку Англия должна будет играть роль честного посредника на его стороне в процессе мирного урегулирования. Поэтому меня огорчила их ошибка, и все же я был рад тому, что они почувствовали себя настолько выросшими, что смогли отклонить мой совет.

Даже в госпитале дела пошли лучше. Я настаивал на том, чтобы Чевел взял его под свою ответственность, но он на это не пошел. Одно время мне казалось, что он собирался заставить нас выполнять непосильную работу, чтобы оправдать предложенное им выведение нашего правительства из города. Однако потом я понял, что недоразумения между нами были результатом взвинченности нервов, доведившей меня в те дни до раздражения. Разумеется, Чевел выиграл последний раунд и заставил меня почувствовать, что я остался в дураках, потому что, услышав, что я уезжаю, он приехал вместе с Годвином и открыто поблагодарил меня за помощь в разрешении его трудностей. И все же положение в госпитале улучшалось само собой. Пятьдесят военнопленных очистили внутренний двор и сожгли завшивленное обмундирование. Вторая бригада выкопала в саду еще одну большую могильную яму, а когда возникла необходимость, проявив большое усердие, заполнила и ее. Другие отправились по палатам, вымыли каждого больного, одели всех в чистые рубахи и перевернули матрацы более чистой стороной вверх. Мы разыскали продовольствие, пригодное для всех, кроме некоторых особых случаев, и в каждой палате появился говоривший по-турецки санитар, находившийся всегда в пределах слышимости вызова пациента. Одну палату мы освободили, тщательно вычистили и дезинфицировали, намереваясь перевести в нее более легких больных, после чего их палату также тщательно обработать.

За три дня было сделано очень много. У меня имелись все основания гордиться и другими достижениями, когда ко мне подошел какой-то майор медицинской службы и кратко спросил меня, говорю ли я по-английски. Насупив брови от отвращения, которое у него вызывали мой подол и сандалии, он спросил: «Вы дневальный?» Глупо улыбнувшись, я скромно ответил, что в некотором роде да, и тогда он разразился тирадой: «Скандал, позор, это возмутительно, за такое расстреливать мало...» В ответ на эту стремительную атаку я что-то пропищал, как цыпленок, даваясь от дикого смеха. Мне показалось страшно забавным быть так обруганным как раз тогда, когда я больше всего гордился тем, что наладил почти безнадежное дело.

Этот майор не побывал накануне в доме-кладбище, не понюхал, чем там пахло, не видел, как мы, даваясь от отвращения, закапывали разложившиеся тела, воспоминание о которых заставило меня всего несколько часов назад вскочить ночью с кровати, обливаясь потом и дрожа всем телом. Он глянул на меня, злобно сверкнув глазами: «Скот паршивый!» Я опять проглотил смешок, и тогда он ударил меня по лицу и зашагал прочь, оставив меня с ощущением скорее стыда, чем злости, потому что сердцем-то я чувствовал, что он был прав и что любому, кто приложил бы столько усилий, чтобы привести это плохо организованное восстание к успеху вопреки воле его хозяев, пришлось бы уйти из него с такой запачканной репутацией, что впоследствии никакая сила на свете не позволила бы ему почувствовать себя чистым. Однако восстание было почти окончено.

Когда я вернулся в отель, его осаждали толпы людей, а у подъезда стоял серый «роллс-ройс», в котором я узнал машину Алленби. Я вбежал внутрь и нашел Алленби вместе с Клейтоном, Корнуоллисом и с другими знатными людьми. Он десятью словами выразил свое одобрение моему дерзкому навязыванию арабского правления здесь и в Дераа, посреди хаоса победы. Он утвердил назначение Али Реза Рикаби своим военным губернатором под юрисдикцией Фейсала, командующего его армией, и урегулировал вопрос о компетенции арабов и Чевела.

Он согласился взять на себя мой госпиталь, а также восстановление движения по железной дороге. За десять минут были устранены все сводившие нас с ума трудности. Я смутно понимал, что суровые дни моей одинокой борьбы миновали. Игра в одиночку против странностей жизни была выиграна, и я мог дать расслабиться своим членам в этой призрачной уверенности, твердости и доброте, воплощением которых был Алленби.

Потом нам сказали, что из Дераа только что прибыл специальный поезд Фейсала. С устным приветственным посланием к нему был срочно направлен Янг, и мы ожидали его появления, прислушиваясь к бившим в наши окна приливным волнам бурной радости горожан. Было давно определено, что оба лидера впервые встретятся в средоточии их победы, как всегда в моем присутствии в качестве переводчика.

Алленби вручил мне телеграмму из Форин офис, подтверждавшую признание за арабами статуса воюющей стороны, и попросил перевести ее на арабский язык для эмира, но ни один из нас не знал, что это значило даже на английском, не говоря уже об арабском языке. А Фейсал, улыбаясь сквозь слезы, которых не смог сдержать, растроганный встречей со своим народом, просто отложил телеграмму в сторону, чтобы поблагодарить главнокомандующего за доверие, оказанное ему и его движению. Они являли собой странный контраст – большеглазый, бледный, усталый Фейсал, похожий на изящный кинжал, и громадный, рыжий, оживленный Алленби, представитель могущественной державы.

Когда Фейсал уехал, я обратился к Алленби с последней (впрочем, как я полагаю, и первой) личной просьбой – позволить мне уехать. Поначалу он не хотел и слушать об этом, но л напомнил

ему о данном год назад обещании и подчеркнул, насколько легче будет принят новый порядок, если над арабами не будет тяготеть мое присутствие. В конце концов он согласился, и именно в этот момент мне стало понятно, насколько я несчастен.

Эпилог

Дамаск не казался ножами для моего меча, когда я высадился с корабля в Аравии, но его захват обнаружил полное истощение главных движущих сил моей деятельности. Сильнейшим мотивом на всем протяжении этого времени был личный мотив, не упоминавшийся в этой книге, но присутствовавший в моем сознании каждый час этих двух лет. Настоящие страдания и радости могли приходиться и тут же покидать меня, но этот побудительный мотив, возвращавшийся, как воздух под действием циркуляции, преобразовывался в постоянный элемент жизни, пока не приблизился к концу. Он умер еще до того, как мы вошли в Дамаск.

Следующим по силе было упрямое желание выиграть войну, вполне вписывавшееся в убежденность в том, что без арабской помощи Англия не сможет оплатить цену выигрыша на своем турецком театре. С падением Дамаска Восточная война – да, вероятно, и вся война вообще – подошла к концу.

Кроме того, мною двигало любопытство. Трактат «8ирег /1итгпа ВаЪу1опг8» («О реках Вавилонских»), прочитанный мною, когда я был еще мальчиком, поселил во мне страстное желание ощутить и испытать на себе исток национального движения. Мы взяли Дамаск, и я устранился. Трех с небольшим дней собственной автократии оказалось достаточно для того, чтобы вызвать у меня интерес к власти.

Осталась историческая амбиция, иллюзорная, как и сам мотив. Я мечтал в оксфордской городской школе о том, чтобы успеть при жизни придать нужную форму новой Азии, которую время неумолимо и все теснее связывало с нами. Мекка должна была привести в Дамаск, Дамаск в Анатолию и затем в Багдад, а там был рядом и Йемен. Казалось бы фантазии, но шире они подвинули меня на вполне реальную, прочувствованную и телом, и духом борьбу.